М. Е.
САЛТЫКОВ-
ЩЕДРИН

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

18 (I)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В двадцати томах

Издание осуществляется
совместно с Институтом русской литературы
(Пушкинский дом) Академии наук СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1976

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том восемнадцатый

КНИГА ВТОРАЯ

*

ПИСЬМА

1868—1876

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МОСКВА 1976

Р1
С16

Подготовка текста и примечания

В. Э. Бограда

при участии *С. А. Макашина* (письма к А. М. Жемчужникову, А. Ф. Каблукову и Е. И. Якушкину).

Оформление художника

И. ЖИХАРЕВА

С $\frac{70301\text{-}334}{028(01)\text{-}76}$ подписное

ПИСЬМА

1868—1876

1868

244. А. И. УРУСОВУ

7 июля 1868. Витенево

Милейший князь.

Я буду в субботу 13 числа, около 10 часов ночи в Москве. Вы очень бы одолжили, если бы вздумали повидаться со мною в сей поздний, но интересный час. В воскресенье я буду в Петербурге с почтовым поездом.

Ваш
М. Салтыков.

Воскресенье.
Витенево. 7 июля.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 311.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, с. 57.

Оставив в июне 1868 г. государственную службу, Салтыков приехал из Рязани в Витенево, а затем в июле отправился в Петербург. Содержание встречи с Урусовым в Москве по дороге в столицу неизвестно.

245. А. Ф. КАБЛУКОВУ

9 сентября 1868. Петербург

Петербург. 9 сентября.

Многоуважаемый Алексей Федорович. Прилагая при сем письмо к витеневскому старосте и паспорт витеневского крестьянина Ивана Лобачева [1], прошу Вас передать их по принадлежности и выхлопотать Ивану двухгодовой паспорт (оброк он заплатил по 2-ю половину нынешнего года). Может быть, староста будет встречать какие-нибудь затруднения в выдаче 2-годового паспорта, то, пожалуйста, убедите его; но если и

за сим он не согласится, то пусть вышлет годовой паспорт. Оброку с Ивана и всех вообще сборов берется по 20 р. в год; если выдадут паспорт, то, пожалуйста, уплатите как за бумагу, так и оброк за все то время, за которое будет выдан паспорт. Я полагаю, что у Вас теперь есть деньги. Паспорт пришлите ко мне по следующему адресу: Петербург, Фурштатская, близ Таврического сада, дом № 33. По имению ничего не имею Вам сказать, только попросил бы сделать в саду и в парке подсадку липок и березок; я боюсь, что мы скоро совсем без парка останемся. Хорошо бы и в Похоронной роще [2] штук двести березок посадить.

Прошу Вас передать мое почтение милостивой государыне Марье Ивановне [3] и Вашему семейству.

Жена Вам и всем кланяется.

Прощайте, будьте здоровы, не забывайте преданного Вам

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, л. 13.

Публикуется впервые.

Годовая дата письма устанавливается по упоминанию первого постоянного адреса Салтыкова в Петербурге после окончательной отставки со службы, 14 июня 1868 г., и приезда из Рязани в столицу. Лето Салтыков прожил в квартире А. М. Унковского. В письме же к А. Ф. Каблукову, помеченном «С.-Петербург, 20 августа <1868>, вторник», Е. А. Салтыкова писала: «Спешу Вам послать наш адрес в Петербурге, многоуважаемый Алексей Федорович: на Фурштатской, дом Страхова № 33, квартира № 4». Ныне это д. № 41 по ул. Петра Лаврова в Ленинграде.

---

[1] Витеневский крестьянин Иван Дмитриев Лобачев (ум. в апреле 1874 г.) находился в услужении у Салтыковых в Петербурге.

[2] Так называлась березовая роща в витеневской усадьбе.

[3] М. И. Крымова, владелица соседнего с Витеневым имения в селе Пруссы. У нее служил и там же жил А. Ф. Каблуков.

246. А. Ф. КАБЛУКОВУ

1 октября 1868. Петербург

Петербург. 1 октября.

Будьте так добры, многоуважаемый Алексей Федорович, поспешите высылкою паспорта Ивану Дмитриеву, о чем я Вас просил с месяц тому назад, ибо человеку этому весьма затруд-

нительно без паспорта в Петербурге. Вышлите также расписку старосты витеневского в получении им с Ивана вперед за два года оброка.

Очень Вам благодарен за делаемые подсадки деревьев.

Прошу Вас засвидетельствовать от меня и от жены почтение многоуважаемой Марье Ивановне и всем Вашим.

Преданный Вам
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 14.

Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по связи с письмом 245. При нем посылался для обмена паспорт витеневского крестьянина Ивана Дмитриева Лобачева. Ср. также просьбу о посадках деревьев в письме 245 и благодарность за делаемые посадки — в настоящем письме.

247. Н. А. НЕКРАСОВУ

Между 1 и 9 октября 1868. Петербург

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, две формы «Современных заметок». Я думаю, что букет их не совсем понравится. Поправлять и исключать тут нечего, потому что все одинаково. По мнению моему, фельетонная форма вообще мало пригодна для «Внутреннего обозрения», ибо она неминуемо влечет к подбору фактов в известном смысле. Но все-таки должно сказать, что статья Розанова очень хороша, только она *неминуемо* навлечет целую историю [1].

Посылаю Вам еще некролог Ковалевского. Я извлек, что мог, из «Вестника Европы», но так как я знал покойного очень мало, то статья моя вышла весьма слаба. Вы, конечно, дадите себе труд исправить ее и дополнить.

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 33, л. 5.

Впервые опубликовано: «Печать и революция», 1927, № 4, с. 54—55, с отнесением к сентябрю — ноябрю 1868 г. В *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 211, дата уточнена по следующим соображениям: «Письмо написано в промежуток времени со дня смерти Е. П. Ковалевского, 21.IX.1868, до объявления о выходе книжки «Отечественных записок» с его некрологом,— в «Голосе» от 9.X.1868». Но из письма Салтыкова явствует, что некролог

Ковалевского написан им не сразу после его смерти. Он «извлек, что мог» из некролога Ковалевского, опубликованного в № 10 «Вестника Европы» (вышел в свет 1 октября). Следовательно, письмо Салтыкова, как и некролог Ковалевского (см. в наст. изд. т. 9, с. 455—456, 609—610), написано между 1 и 9 октября 1868 г.

---

[1] Предположение Салтыкова не оправдалось. Опубликованная анонимно, статья Л. И. Розанова «Современные заметки» (*ОЗ*, 1868, № 10) не привлекла внимания цензуры.

248. Д. Е. САЛТЫКОВУ

18 октября 1868. Петербург

Любезный друг и брат. Завтра 19-е октября, т. е. Лицейский праздник[1], и по этому случаю я дома вечером не буду. Не найдешь ли ты возможным, вместо завтрашнего дня, быть вечером в понедельник. Это будет накануне Казанской, а следовательно, и Васе[2] можно будет приехать к нам.

Целую тебя заочно и всех детей.

Лиза тоже.

Твой
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 45, л. 103.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, с. 211, с отнесением к «1868—1870 гг.». Точная дата определяется по содержанию письма: понедельник «накануне Казанской», то есть накануне праздника в честь иконы Казанской божьей матери, отмечавшегося 22 октября. Этот день приходится на понедельник в 1868, 1874 и 1885 гг. В 1885 г. Д. Е. Салтыков умер, а в 1874 г. отношения между братьями были резко враждебными, тогда как тон обращения в комментируемом письме — дружеский. Следовательно, письмо написано в 1868 г.

---

[1] 19 октября — день основания Царскосельского (впоследствии Александровского) лицея. Эта годовщина ежегодно отмечалась лицеистами.

[2] Младшему сыну Д. Е. Салтыкова.

249. А. Ф. КАБЛУКОВУ

5 ноября 1868(?). Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Живность и масло получили сохранно. Прошу Вас при будущих присылках рассчитывать, чтоб осталось достаточное ко-

личество птицы на племя. Впрочем, я, кажется, уже писал Вам об этом. Следующую присылку устройте к Рождеству. Я с величайшим огорчением вижу из Вашего письма, что крестьяне с крайнею медленностью уплачивают арендные деньги[1]. Я прошу Вас, ввиду моих собственных нужд по имению, принять решительные меры, чтобы аренда уплачивалась в те именно сроки, которые назначены по условию. Вместе с тем объявите старосте, что я, буде это не будет исполнено, независимо от принятия мер ко взысканию денег, не только на будущий год не отдам им ни клока земли, но еще перерою площадь канавой и такую же канаву вырою сзади церковных домов, так что прекращу им совершенно доступ на церковную землю. Я достаточно уже поблажал — пора что-нибудь и делать, ввиду тех безобразий, которые допускают крестьяне относительно меня.

Прошу Вас передать мое почтение Вашему семейству и поздравить Екатерину Степановну[2] от меня и от жены с предстоящими именинами. Вас же поздравляем с дорогой имянинницей.

Весь Ваш

М. Салтыков.

5 ноября.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445. оп. 1, № 125, лл. 96—97. Публикуется впервые.

---

[1] Начиная с середины 1860-х годов Салтыков отказался от попыток ведения в Витеневе сельского хозяйства. Почти все земли в имении, включая лесные угодья и торфяные болота, стали сдаваться в аренду крестьянским обществам села Витенева и деревень Юрьево и Сафоново. На свою «подмосковную» он стал смотреть преимущественно как на место летнего отдыха.

[2] Жена А. Ф. Каблукова, рожд. Сторожева.

250. Н. А. НЕКРАСОВУ

Октябрь—ноябрь 1868. Петербург

Не найдете ли Вы полезным прочитать передовую статью в прилагаемом № «Московских ведомостей», который я прошу Вас сохранить. Мне ужасно жаль, что ни Вы меня не застали, ни я Вас. Я оставил давеча у Вас корректуру моих рассказов.

Крайне меня интересует, что Вы скажете. Боюсь, не сухо ли. Я три дня был болен, т. е. немедленно после свидания у Унковского; да и теперь не совсем здоров.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, л. 44.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 61, с отнесением к концу 1860-х — началу 1870-х годов «по почерку и бумаге». Однако из всех писем Салтыкова к Некрасову по указанному признаку настоящее письмо совпадает только с одним — письмом 247, написанным между 1 и 9 октября 1868 г. Значит, его вероятнее всего следует датировать осенью 1868 г., а в пределах этого срока временем, непосредственно предшествовавшим выходу в свет № 11 *Отеч. записок* (11 ноября). «Рассказами», в отличие от «статей» и «фельетонов», Салтыков называл свои произведения, предназначавшиеся для «Отдела I» журнала. Упоминаемые в письме корректуры «рассказов» относятся, очевидно, к появившейся в *ОЗ,* 1868, № 11 «Старой помпадурше». Рассказ состоит из четырех глав. Отсюда употребленное Салтыковым множественное число: «рассказы».

1869

251. Д. Е. САЛТЫКОВУ

14 января 1869. Петербург

Любезный друг и брат. Я надеюсь, что ты не откажешься завтра отобедать у нас по-семейному. К 4 часам я буду ожидать тебя и тех из детей, которым обстоятельства позволят быть у нас. Наденьку [1] целую.

Весь твой
М. Салтыков.

14 января.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 11, № 319, л. 3.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, с. 57.

[1] Вторая из дочерей Д. Е. Салтыкова.

252. А. Ф. КАБЛУКОВУ

17 января 1869. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Индейки, присланные Вами, оказались довольно тощи; поэтому, так как было условлено прислать нам еще несколько индеек (кажется, 6 штук), то прикажите их недельки две хорошенько покормить, а потом прислать к нам.

Что же делается в Витеневе на мельнице?

Есть ли надежда на Лангенбана? Хоть бы повидались Вы с ним, если это возможно, чтоб разъяснить этот вопрос. Ежели

на это надеяться нельзя, то напишите Максиму Андрееву [1] насчет мельника. В конце марта плотину надо будет исправить. Всем Вашим и Марье Ивановне свидетельствуем почтение.

17 января.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 75.

Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по связи с письмом Е. А. Салтыковой к А. Ф. Каблукову от 3 февраля 1869 г. В нем содержится отклик на известие о неудаче переговоров с К. А. Лангенбаном, немцем-арендатором, по поводу сдачи ему внаймы витеневской мельницы (*ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 83).

---

[1] Максиму Андреевичу Баталову, угличскому мещанину, управляющему ярославским имением М. Е. и С. Е. Салтыковых.

253. А. Ф. КАБЛУКОВУ

26 марта 1869. Петербург

26 марта. Петербург.

Давненько-то мы не получаем от Вас писем, многоуважаемый Алексей Федорович, но так как, вероятно, Вам писать не о чем, то это нас и не тревожит. Будущим летом мы надеемся быть в Витеневе не ранее июня; жена приедет в начале, а я в конце месяца. Не будете ли Вы так добры, в случае свидания с Иваном Карловичем Рохау [1], попросить его от моего имени осмотреть дом, не нужно ли в нем сделать каких-нибудь поправок, не терпящих отлагательства, в особенности по фундаменту около крыльца заднего, по перестилке полов в задней комнате (от входа налево), по исправлению крыши и окон в башне. Сверх того, мне хотелось бы перекрасить дом, а для этого, повидимому, понадобится хотя частью обновить обшивку. Что будет все это стоить? Сообразите, пожалуйста, и напишите, дабы я мог обсудить, буду ли я в состоянии исполнить эти работы.

Срок контракта Молчанова на Кривцово болото исполнился в настоящем месяце; о возобновлении его он не предъявлял мне; не предъявлял ли Вам? ежели не предъявлял, то, по моему мнению, следует считать это дело конченым.

Будьте так добры, купите другую лошадь. Да продали ли Вы сено и есть ли у Вас деньги? Не думаете ли заранее заклю-

чить с крестьянами условие насчет земли? Что Корочкин и как дело с мельницей?

Прошу Вас передать от меня и от жены почтение милостивой государыне Марье Ивановне и Вашему семейству.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 17.

Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по связи с письмом 259. В нем содержится то же, что и в комментируемом письме, упоминание об окончании срока контракта с арендатором Молчановым на Кривцово болото (торфяное).

---

[1] Иван Карлович Рохау — сосед по имению, причастный к архитектурно-строительной практике.

254. Н. А. НЕКРАСОВУ

5 апреля 1869. Петербург

Петерб. 5 апреля.

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, сейчас полученные мной, адресованные на Ваше имя письмо и поэму Жемчужникова [1]. Я телеграфировал ему (на его счет) ваш парижский адрес [2]. Поэму я читал; некоторые места, которые кажутся мне неудобными в цензурном смысле, отметил. Мне несколько странною кажется идея поэмы: полемизировать с Катковым и «Вестью» [3]. Есть место, где «Весть» может привлечь автора к суду. Прочтите и, буде случай найдется, объяснитесь с автором, к<отор>ый тоже едет в Италию.

«Отечественные записки» будут, как я полагаю, отосланы в цензуру во вторник, т. е. 8-го числа, а 10-го, вероятно, выйдут [4]. Елисеев несколько задерживает с своей статьей, которая уже в типографии, но я еще не видал ее [5]. Впрочем, все благополучно. В понедельник мы собирались в Вашей квартире, и Василий предложил нам разнообразнейшую закуску. Более писать покуда нечего. Кланяйтесь Ал<ександру> Ник<олаевичу> [6], Петру Ив<ановичу> [7], Анне Алексеевне [8]. В «Вестнике Европы» мою книгу учтиво обругали на тему — не видно, дескать, какие у него политические и общественные убеждения, а остроумие, мол, есть [9]. Писал эту труху развязный малый Суворин; но тут же в «Воспоминаниях о Белинском»

И. С. Тургенев весьма трогательно говорит: как бы рад был Белинский, если б увидел такие таланты, как Салтыков, Толстой и Решетников![10] Все это передал мне П. В. Анненков, а я «Вестника Европы» еще не видел.

Сейчас иду в типографию.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 33, лл. 7—8.

Впервые опубликовано: «Печать и революция», 1927, № 4, с. 56—57.

---

[1] В письме к Некрасову от 24 марта / 5 апреля 1869 г. (*ЛН*, т. 51—52, с. 280) Жемчужников предлагал сатирическую поэму «Перед возвращением на родину», которая была отклонена редакцией *Отеч. записок.* В ответном письме Жемчужникову (22 апреля / 4 мая 1869 г.), повторяя отчасти суждения Салтыкова, Некрасов писал: «Поэму Вашу прочел несколько раз. В ней есть очень хорошие места, особенно вся вторая половина; в негодовании много искренности и есть сила. Но полемический характер поэмы — едва ли не послужит препятствием к напечатанию ее в каком-либо журнале. Вообще я думаю, что Вам надо было бы приехать в Россию, пообжиться в родном воздухе — и тогда Вы, полагаю, увидели бы, что подобную вещь следует пускать в печать не иначе как особой брошюрой или в собрании стихотворений Ваших <...>. Скажу еще: Вы не согласны исключить ничего, кроме 4-х стихов, но при печатании теперь поэмы в журнале пришлось бы исключить гораздо более» (*Некрасов*, т. 11, с. 129). См. также письма Некрасова к Салтыкову и Жемчужникову (там же, с. 135, 137—138) и письмо Салтыкова к Жемчужникову от 30 апреля 1869 г. (261).

[2] 6/18 апреля 1869 г. Жемчужников сообщил Некрасову: «Вчера вечером я получил от М. Е. Салтыкова телеграмму, извещающую меня, что Вы в Париже и что моя поэма Вам туда отослана» (*ЛН*, т. 51—52, с. 281). Текст телеграммы неизвестен.

[3] В тексте поэмы, опубликованной в Собрании сочинений Жемчужникова (СПб., 1892) под заглавием «Пророк и Я», о реакционной газете «Весть» и ее редакторе В. Д. Скарятине не упоминается.

[4] Четвертый номер вышел в свет 11 апреля.

[5] Г. З. Елисеев. Ответ на критику (*ОЗ*, 1869, № 4).

[6] Близкий друг Некрасова и Салтыкова А. Н. Ераков.

[7] Сопровождавший в поездке за границу Некрасова врач П. И. Сизеневский.

[8] А. А. Буткевич, сестра Некрасова, состояла в гражданском браке с А. Н. Ераковым.

[9] В опубликованной в «Вестнике Европы» (1869, № 4, с. 979—989) под

псевдонимом «А. С.— н» рецензии «Признаки времени» и «Письма из провинции» М. Салтыкова (Щедрина). СПб., 1869». Суворин охарактеризовал Салтыкова как писателя «богатого юмором и довольно бедного сколько-нибудь определенными идеалами».

[10] В «Воспоминаниях о Белинском», говоря, что Белинский не увидел «много хорошего, что свершилось после него в нашей литературе», Тургенев писал: «Как бы порадовался он поэтическому дару Л. Н. Толстого, силе Островского, юмору Писемского, сатире Салтыкова, трезвой правде Решетникова» (*Тургенев. Соч.*, т. 14, с. 57.)

255. НЕИЗВЕСТНОМУ

9 апреля 1869. Петербург

Многоуважаемый Павел Иванович.

Я третьего дня виделся с Филипповым и очень Вам обязан за доставление его ответа. Завтра я увижусь с одним начальником отделения Главного интендантства, а во вторник и сам съезжу в интендантство, чтобы узнать, когда дело будет послано к Лохвицкому. Я хотел это сделать на этой неделе, но именно ожидал ответа от Филиппова. По получении сведений условлюсь с Вами лично насчет поездки к Лохвицкому. Посылаю при сем копию с аттестата. К сожалению, как Вы увидите из него (в самом конце), заслуга Болтина не превышает 90 т. рублей. Я думал, что Вы в Москве, и только вчера узнал от Унковского, что вы воротились.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

9 апреля.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 140, л. 1.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 25, с редакторской датой «1869—82 гг.». Датируется в настоящем издании «1869» по следующим соображениям: в 1865 г. провиантский департамент Военного министерства, в котором служил тесть Салтыкова А. П. Болтин, слился с Комиссариатским департаментом, и образовалось упоминаемое в письме Главное интендантство (Главное интендантское управление). Служба здесь А. П. Болтина продолжалась до 1867 г. В 1871 г. он умер. В письме речь идет, по-видимому, о хлопотах, связанных с награждением Болтина «арендой». Следовательно, оно не могло быть написано ранее 1865 г. и позднее 1871 г. Но в 1865—1868 гг. 9 апреля Салтыкова не было в Петербурге, отсюда отнесение письма к 1869 г.

256. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

Середина апреля 1869. Петербург

Милостивый государь Василий Матвеевич.

Вчера я заходил к Вам, но узнал, что Вы уехали на охоту; между тем у меня есть до Вас покорнейшая просьба, заключающаяся в следующем.

Племянник мой, воспитанник Морского училища Зилов[1], недавно выдержал экзамен на гардемарина 17-м учеником. По принятому обыкновению, гардемаринов этих в первый же год рассылают в командировки, кого в кругосветное путешествие, кого в Средиземное море и т. д. В кругосветное путешествие в нынешнем году корпусом назначено 8 гардемаринов, но, по отзыву моего племянника, вакансий гардемаринских на судах, отправляющихся кругом света, имеется до 20 и назначение остальных гардемаринов уже зависит от морского министра.

Зная, что Вы знакомы с ген<ерал>-ад<ъютантом> Краббе[2], я позволяю себе утруждать Вас покорнейшею просьбой, не будете ли Вы так добры вручить его п<ревосходитель-ст>ву прилагаемую при сем записку о Зилове и замолвить Ваше доброе слово о командировании этого молодого человека на одно из судов, отправляющихся в кругосветное путешествие[3].

Вместе с тем препровождаю к Вам корректуру статьи г. Максимова, о которой Вы говорили мне[4]. Извините, что последние листы измараны: других не мог достать.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Вашего превосходительства,
милостивый государь,
покорнейший слуга

М. Салтыков.

Доставил ли Вам Елисеев книгу?

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 277, оп. 1, № 155, лл. 2—3.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 214. Датируется приблизительно серединой апреля по связи с письмом 258.

---

[1] Александр Николаевич («Саша») — племянник Салтыкова, сын Любови Евграфовны, в замужестве Зиловой.

[2] С 1867 г. Н. К. Краббе управлял Морским министерством.

[3] См. письмо 258, прим. 1.

[4] Статья С. В. Максимова «Народные преступления и несчастья» (*Отеч. записки,* 1869, №№ 1—5, 8—10). Историю публикации этой статьи и об отношении к ней цензуры см.: *Боград. Указатель* с. 378—380.

257. Н. А. НЕКРАСОВУ

18 апреля 1869. Петербург

Нельзя не позавидовать Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, что Вы, по крайней мере, находитесь хоть временно вне литературных наших помой. Не хотелось бы даже писать Вам об них, чтобы не испортить Ваше расположение духа; но пишу единственно потому, что нужно же Вам знать, что тут делается.

На этот раз Вы уже в стороне; на сцену выступаю я. На днях я получил, в форме письма, *ультиматум* от г. Антоновича, в котором он требует ответа, мне ли принадлежит рецензия, напечатанная в № 4 «Отеч<ественных> записок» [1]. Мерзостей, угроз и припоминаний, которыми наполнено это гнусное письмо, я не берусь передавать Вам; письмо это сохранится мною как монумент [2] и доказательство, до каких пределов может доходить литературное бешенство; я Вам покажу этот любопытный документ при свидании. Ультиматум дает мне сроку неделю, чтобы ретрактироваться, а затем — дескать, пойдут обличения. Обличения эти обещаются поставить на точку измены и т. д. Я, разумеется, ничего не отвечал и отвечать не буду (т. е. на письмо), а буду ждать обличений, которые, вероятно, появятся в приложении к «Космосу» [3]. Посмотрим, что будет; а между тем, сознаюсь откровенно, я очень сильно чувствую Ваше отсутствие из Петербурга, хотя и прошу Вас не принимать это с моей стороны за просьбу или настояние возвратиться сюда. Я опасаюсь, чтобы обличения не произвели какого-нибудь недоумения в редакции «Отечественных записок». Я показывал, впрочем, письмо Елисееву и Унков<скому>, и они сказали, что это гнусные пустяки, о которых не стоит говорить. Я объяснялся с Елис<еевым> довольно подробно, и он не изменил своего мнения. Для меня ясно, что все, что ни напишет этот негодяй, будет клевета и притом сознательная, но, во всяком случае, это так отвратительно, что просто бежал бы из этого нужника, называемого (ошибочно) русской литературой. Напишите, во всяком случае, что Вы думаете.

Напишите также, когда выйдет в Париже 2-й том романа Виктора Гюго, чтобы нам как-нибудь не нажить процесса [4]. Майская книжка у нас, вероятно, будет к 10 мая готова [5]. Набрано уже листов до 14 или более, но белых листов доставлено мне только три.

Кланяйтесь А<лександру> Н<иколаевичу> [6] и всем Вашим.

18 апреля. *М. Салтыков.*
П. бург.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 33, лл. 9—10.
Впервые опубликовано: «Печать и революция», 1927, № 4, с. 57—58.

---

[1] Упоминаемое письмо Антоновича неизвестно. Автором интересовавшей его рецензии на вышедший в марте 1869 г. памфлет «Материалы для характеристики современной русской литературы. I. Литературное объяснение с Н. А. Некрасовым М. А. Антоновича. II. Post-scriptum. Содержание и программа «Отечественных записок» за прошлый год. Ю. Г. Жуковского. СПб., 1869» был Салтыков. О причинах и сущности конфликта редакции *Отеч. записок* с бывшими сотрудниками «Современника» Антоновичем и Жуковским см. в т. 9 наст. изд., с. 563—565, а также: Б. Папковский и С. Макашин. Некрасов и литературная политика самодержавия.— *ЛН*, т. 49—50, с. 429—453; М. Теплинский. «Отечественные записки». 1868—1884. История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск, 1966, с. 52—63; Г. В. Краснов. Статья А. Н. Пыпина о расколе редакции «Современника».— «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», 1973, т. XXXII, вып. 2, с. 154—162.

[2] Возможно, описка Салтыкова, вместо «документ».

[3] Предположение Салтыкова частично оправдалось (см. письмо 264, прим. 2).

[4] В приложении к *Отеч. запискам* (1869, №№ 4, 5, 6, 7) печатался без указания фамилии переводчика (Л. В. Ждановой, под редакцией М. А. Маркович) роман В. Гюго «Человек, который смеется»; в том же году он вышел отдельным изданием с указанием на титульном листе: «Перевод с французского под редакцией Марко Вовчка».

[5] Пятый номер журнала вышел в свет 10 мая 1869 г.

[6] А. Н. Еракову.

258. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

22 апреля 1869. Петербург

Крайне обязан Вам, многоуважаемый Василий Матвеевич, за оказанное Вами доброе дело, которое для племянника моего равняется благодеянию. Письмо Краббе при сем возвращаю [1].

Я поручил Василию [2] зайти к Елисееву и взять у него книгу.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

22 апреля.

Помета В. М. Лазаревского: 1869. Салтыков-Щедрин. Письмо Краббе от 21 апреля 1869 года.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 277, оп 1, № 155, л. 1.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 214.

---

[1] В письме к В. М. Лазаревскому от 21 апреля 1869 г. Н. К. Краббе сообщал: «Спешу уведомить Вас, многоуважаемый Василий Матвеевич, что гардемарин Зилов будет назначен в плавание в Тихий океан согласно желанию его дяди» (*ЦГАЛИ,* ф. 277, оп. 1, № 103, л. 1).

[2] В. М. Матвееву, камердинеру Некрасова.

259. А. Ф. КАБЛУКОВУ

27 апреля 1869. Петербург

Пожалуйста, уведомьте, многоуважаемый Алексей Федорович, не подыскали ли Вы охотника на мельницу? И действительно ли Корочкин от нас уже уехал. Срок на Кривцово кончился 1-го апреля и так как Молчанов ни ко мне, ни к Вам не обращался о возобновлении контракта, то можно Кривцово сдавать в числе прочей земли. Впрочем, когда будете сдавать землю, то условьтесь двояко: с Кривцовым и без Кривцова. До свидания.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Приписка к письму Е. А. Салтыковой с датой С.-Петерб. 27 апреля 1869 г.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 18—19.

Публикуется впервые.

260. В. П. ГАЕВСКОМУ

30 апреля 1869. Петербург

Ты был так добр, многоуважаемый Виктор Павлович, что изъявил согласие передать члену Консультации Орлову записку по делу жены моего брата с Шубинским и попросить его о скорейшем рассмотрении этого дела в Консультации. Поэтому, прилагая при сем упомянутую записку, прошу быть до конца добродетельным и исполнить мою покорнейшую просьбу [1].

Весь твой

М. Салтыков.

30 апреля.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 1.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 25—26. Год устанавливается по связи с письмом 270.

---

[1] Имеется в виду апелляционное «Дело о взыскании вдовою поручика Ломакиною с коллежского секретаря Шубинского 8750 рублей серебром. Начато 8 февраля 1869 г. Закончено 31 декабря 1869 г.». Оно было решено в пользу Л. М. Ломакиной (Салтыковой) Тверской гражданской палатой, признано правильным 2-м департаментом Сената; затем по предложению обер-прокурора рассматривалось в Консультации министерства юстиции, решившей его также в пользу Ломакиной, и, наконец, 31 декабря 1869 г. утверждено министром юстиции К. И. Паленом. В «деле» сохранилась упомянутая в письме «Записка» — отпечатанная типографским способом (*ЦГИА,* ф. 1405, оп. 66, 1869, № 3413).

261. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

30 апреля 1869. Петербург

П. бург. 30 апреля.

Я совершенно недоумеваю, многоуважаемый Алексей Михайлович, почему Некрасов не отвечает Вам. После того письма, при котором я послал к нему Ваше стихотворение, я еще раз писал к нему и на последнее письмо получил уже ответ [1]. Но о стихах Ваших ни слова. Я толкую это, во-первых, свойственною Некрасову нерадивостью, а во-вторых, тем, что он, вероятно, надеется видеться с Вами лично [2].

Теперь, согласно желанию Вашему, считаю долгом высказать мое личное мнение о стихах Ваших. Мне кажется, что Вы, находясь долгое время за границей [3], несколько утратили чувство современной русской действительности. Катков и Скарятин, против которых направлена Ваша поэма, в сущности,

не могут представлять достаточного предмета для негодования. Катков был когда-то чем-то; теперь — это простой маниак, который всякий вопрос сводит на дела северо-западного края. Что касается до Скарятина, то это такая гнида, о которой не только говорить, но и мыслить неудобно. Наша современная действительность такова, что даже Скарятин, обобщенный и возведенный в перл создания, представителем ее служить не может. Затишье полное; не о чем говорить, не к чему прикасаться, не против чего возражать. И в то же время чувствуется какая-то тупая <тоска?> На Вас, вероятно, находили минуты бездействия, когда никакой вопрос не приходит на ум, кроме: куда бы пойти или куда бы деваться? Нечто подобное делается ныне в нашей общественной жизни, в нашей публицистике и литературе. Вкус к жизни исчез; смотришь на себя как на постояльца, и не вследствие какой-нибудь борьбы или тревог, а вследствие всеобщей безалаберщины и неустойчивости.

В поэтическом образе подобное положение все же могло бы дать материал для картины, не лишенной интереса.

Мнение мое, в этом смысле, о стихах Ваших я высказал и Некрасову, в чаянии, что он передаст его Вам. Мне кажется, что вам было бы лучше не печатать этих стихов[4].

Извините меня, что я, быть может, излишне откровенен с Вами. Во-первых, Вы сами вызываете меня на откровенность; во-вторых, я думаю, что, относительно Вас, это просто обязанность, не выполнить которую я считаю себя не вправе.

До свидания; жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 639, оп. 2, № 82, лл. 3—4.

Впервые опубликовано: «Русская мысль», 1913, № 4, отд. II, с. 116—117. Повторная публикация: *ЛН,* т. 13—14, с. 290—292.

Знакомство Салтыкова с А. М. Жемчужниковым состоялось в 1862 г. в редакции «Современника» и продолжалось до конца дней сатирика. На смерть его Жемчужников написал стихотворение «Забытые слова» («Вестник Европы», 1889, № 6, с. 849).

---

[1] Из этих трех писем известно лишь первое письмо — Салтыкова от 5 апр. 1869 г. (письмо 254).

[2] Некрасов писал Жемчужникову о его поэме в письмах из Парижа от 22 апреля/4 мая и 2/14 мая 1869 г. (*Некрасов,* т. 11, письма 613 и 618).

[3] А. М. Жемчужников в течение ряда лет жил в Германии и Швейцарии.

[4] Сатирическая поэма «Пророк и Я» была впервые послана в *Отеч. записки* еще в 1868 г. Ни тогда, ни в 1869 г. она не была опубликована в журнале; появилась в печати лишь в Собр. соч. Жемчужникова (СПб., 1892).

262. П. В. АННЕНКОВУ

16 мая 1869. Петербург

Многоуважаемый Павел Васильевич.

Множество дела, которое предвидится для меня завтра и в воскресенье по части корректурной, заставляет меня отказаться от удовольствия ехать с Вами в воскресенье на биржу[1]. Извините, пожалуйста, но вы, конечно, поймете, что я тут невольник. Надеюсь, что до Вашего отъезда еще увижусь с Вами.

Весь Ваш
М. Салтыков.

На конверте: Его высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову. На углу Итальянской и Надеждинской, дом Овсянникова.

Почтовый штемпель: С.-П. Гор. 3 почта. 1-ый отдел. 16 мая 1869.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 56.

---

[1] В районе биржи (на Биржевой линии) помещался известный в Петербурге ресторан Елисеева, специализацией которого были остендские устрицы. Впечатления Салтыкова от посещений этого ресторана вошли в сатирическую классику «Дневника провинциала в Петербурге».

263. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

19 мая 1869. Петербург

Многоуважаемый Василий Матвеевич.

К сожалению, не могу исполнить Вашей просьбы. «Белые голуби» исчезли из редакции точно так же, как и прочие №№ «Русс<кого> вест<ника>», о которых Вы пишете[1]. Ник<олай> Алек<сеевич> писал ко мне недавно, но ничего особенного; не видно даже, что он предполагает делать[2].

19 мая.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 277, оп. 1, № 155, л. 4.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 216, с отнесением к 1869 г. Такая датировка, казалось, противоречит имеющимся на письме

пометам: «19 мая 1869» и «Нет», «1870». Из последней фразы письма видно, что Некрасов в это время находился в отъезде, то есть за границей. Следовательно, письмо написано в 1869 г.

---

1 Очерк П. И. Мельникова «Белые голуби» («Русский вестник», 1869, №№ 3, 5).

2 Начиная со второй половины апреля до 15 мая 1869 г. Некрасов находился в Париже, откуда уехал в Интерлакен (Швейцария). Из Парижа он написал Салтыкову письмо о своем конфликте с Белинским 1847 г., которое дошло до нас в четырех черновых набросках и относительно которого неизвестно, было ли оно послано адресату (*Некрасов,* т. 11, с. 130—137). Слова комментируемого письма «Ник<олай> Алек<сеевич> писал ко мне недавно» по времени могут относиться к письму о Белинском, датируемому концом апреля — началом мая 1869 г. Но оценка этого письма «ничего особенного» вступает в явное противоречие с его содержанием (если она не камуфляж от Лазаревского).

264. Н. А. НЕКРАСОВУ

22 мая 1869. Петербург

Я к Вам недавно писал в Париж по прежнему адресу, многоуважаемый Николай Алексеевич, и в письме этом подробно излагал наши петербургские обстоятельства. Вероятно, Вы письмо это уже получили[1]. А<нтонович> и к<омпания> покуда не показывают особенных признаков жизни, только в вышедшем на днях приложении к «Космосу» поместили статейку по поводу воспоминаний Тургенева, ругнули Вас, да, кстати, и меня назвали «шелухою», летающею по воле ветров[2]. Как я подвернулся тут — нельзя понять, но, видно, теперь всякий повод хорош, чтоб задеть меня. Но, вообще говоря, статейка дрянная и не стоит внимания, тем более что приложения к «Космосу» расходятся, говорят, не более как в 200 экземплярах. О книге Рож<д>ественского я Вам уже писал; по-моему, она ни то ни се, но я слышал, что Жуковский ее хвалит; следовательно, она достигла отчасти своей цели[3]. Жуковский, впрочем, присылал меня спросить, не хочу ли я прочитать его ответ на мою статью в «Отеч<ественных> записках», с тем чтобы я исправил его, если он покажется мне резким; я отвечал, что предпочитаю читать мерзости печатные и исправлять статьи, против меня писанные, не намерен[4]. Где он намеревается печатать этот ответ и когда — неизвестно; но с тех пор ни гугу, а Европеус, который, конечно, все это знает, перестал ко мне ходить. Я, впрочем, встретил на днях Жуковского

у Лермонтова [5], и он подошел ко мне первый; но разговора у нас никакого не состоялось. Я хочу написать детский рассказ под названием: «Повесть о том, как один пономарь хотел архиерейскую службу сослужить», и посвятить ее Ант<онови-чу> [6]. Но все это оставляю до Вашего приезда.

До сих пор, т. е. до сего числа, у «Отеч<ественных> записок» 5615 подписчиков, а с даровыми 5675. По-моему, недурно; остается свободных 325 экземпляров, которые к концу года, вероятно, подберутся. Надо сказать правду, что летние месяцы журнала очень бесцветны. Но это, право, не моя вина. Я ничего своего не помещаю, потому что берегу силы для осени. Из прочих сотрудников тоже кто мало делает. Июньская книжка выйдет около 6-го числа [7]. Я написал туда статью по поводу «Обрыва», т. е. не касаясь собственно романа, а философии Гончарова [8]. Прежде нежели печатать, я был настолько осторожен, что дал статью на просмотр Елисееву, который сегодня прислал мне письмо, что статья очень хороша [9].

У нас материала много, но все материал средний, т. е. самый скучный. Не знаем, как его сбыть. Лавров пудами присылает; каждую книжку по 3½ листа печатаем и не видим конца [10]. Еще угрожает М. А. Маркович: к августовской книжке — «Записками причетника», а с сентября — романом в 4-х частях [11]. Теперь она уехала и не оставила даже материала переводного; обещала, но бог весть, исполнит ли [12].

Я через месяц уеду в деревню на месяц, т. е. возвращусь в начале августа. Обе книжки (июльскую и августовскую) перед отъездом организую, причем в августовскую помещу несколько своих рассказов (маленьких) [13] и фельетон [14].

Зайцеву писал в одно и то же время, как и Вам в Париж [15], но ни от него, ни от Якоби не получаем статей, так что июньская книжка выйдет без них [16].

Прощайте, будьте здоровы, напишите поопределеннее, когда Вы будете.

Ваш

22 мая. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 33, лл. 11—12.
Впервые опубликовано: «Печать и революция», 1927, № 4, с. 58—59.

---

[1] См. письмо 257.

[2] В напечатанной анонимно в «Приложении № 1» к «Космосу» за май 1869 г. (с. 84—102) критической статье Антоновича «Новые материалы для биографии и характеристики Белинского (Воспоминания о Белинском Тургенева». «Вестник Европы», 1869, кн. 4)» сказано: «И после этого некоторые злонамеренные люди осмеливаются утверждать, будто бы сатирик Салтыков

есть литературная «шелуха», которая всегда по своей легковесности летит туда, куда дует ветер!» (М. А. Антонович. Литературно-критические статьи. М.—Л., 1961, с. 330).

[3] Сотрудник «Искры» и ряда других периодических изданий, журналист, поэт и переводчик И. А. Рождественский опубликовал полемическую брошюру «Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского. (Дополнение к «Материалам для характеристики современной русской литературы)» (СПб., 1869). Горячо выступая в защиту Некрасова, он резко осуждал выступление Антоновича и Жуковского. Брошюра Рождественского была изуродована цензурой. Посылая Некрасову листы, вырезанные цензурой, Лазаревский писал: «...Вам не неприятно будет услышать чистое, молодое слово. Говорят, что эту брошюру печатали на студенческие гроши. Вырезана вся суть брошюры» (*ЛН*, т. 51—52, с. 357).

[4] Статья Жуковского в печати не появилась.

[5] Г. В. Лермонтов, мировой судья, член СПб. Городской думы, близкий знакомый Салтыкова. В агентурной записи III Отделения (1864) характеризовался как один из приверженцев Чернышевского.

[6] Этого рассказа Салтыков не написал.

[7] Шестой номер журнала вышел 5 июня.

[8] «Уличная философия». (По поводу 6-й главы 5-й части романа «Обрыв».)

[9] Упоминаемое письмо Елисеева неизвестно.

[10] В это время в *Отеч. записках* печаталась большая, растянувшаяся на четыре номера журнала (1869, №№ 5, 6, 8, 9) статья П. Л. Лаврова «Цивилизация и дикие племена».

[11] «Записки причетника» начали печататься с № 9 за 1869 г. и продолжались в 1870 г. Что же касается «романа в 4-х частях», то единственное произведение в 4-х частях, печатавшееся в *Отеч. записках,*— это «В глуши» (1875, №№ 7, 8, 9, 10, 12).

[12] В это время в приложении к *Отеч. запискам* (1869, №№ 2—9) в переводе М. А. Маркович печатался роман А. Мейснера «Черно-желтое знамя». См. также письмо 257, прим. 4.

[13] Свое намерение продолжить публикацию нескольких рассказов из сатирического цикла «Для детей» Салтыков осуществил лишь частично. В № 9, а не 8-м он напечатал только один рассказ — «Испорченные дети».

[14] «Письма из провинции. Письмо осьмое» (*ОЗ,* 1869, № 8).

[15] Как явствует из письма Зайцева к жене от 3 мая 1869 г. («Минувшие годы», 1908, № 11, с. 85), во время встречи с Некрасовым в Париже он завел с ним речь о своем сотрудничестве в *Отеч. записках.* Некрасов предложил ему написать статью о происходивших в это время выборах во французскую палату депутатов. Однако статья эта («Новое правительство») была отклонена Г. З. Елисеевым, как заведующим публицистическим отделом журнала, не только по цензурным соображениям, но и по несогласию с политической позицией автора (см. письмо Елисеева к Некрасову.— *ЛН,* т. 51—52, с. 249—252).

[16] В августе 1869 г. редакция *Отеч. записок* получила статью «О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения», написанную Зайцевым вместе со своим зятем, известным психиатром П. И. Якоби. Статья эта, вероятно, по цензурным соображениям была отклонена редакцией и по желанию Зайцева переслана в «Архив судебной медицины». Появление в этом журнале (1870, № 3) первой части статьи, подписанной инициалами одного из авторов («П. Я.»), явилось причиной снятия редактора — С. П. Ловцова.

265. Н. А. НЕКРАСОВУ

9 июня 1869. Петербург

П. бург. 9 июня.

Я все ждал письма от Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич, с указанием Вашего нового адреса, но дождаться не мог и потому пишу опять на Париж. Книжку эту мы уже выдали четыре дня тому назад, так что если Елисеев и комп. не задержат, то и июльская выйдет рано, тем более что уже почти половина книги набрана и завтра начнется печатание[1]. Все эти книги довольно вышли плохи, но с августа начнется получше. Для 8-го № у меня в виду по части беллетристики: повесть Левитова[2] (поклялся, что доставит, и Слепцов удостоверил, что пишет)[3], записки дьячка Маркович[4], которая предоставила мне исправлять их, как я пожелаю, да я кой-что приготовил «Для детей»[5]. Намерен еще написать фельетон[6], да по соглашению с Елисеевым взялся написать более или менее обширные статьи о Грановском (по поводу книги Станкевича)[7] и о Феофане Прокоповиче[8]. Все это я напишу в деревне, т. е. критические статьи и еще кой-что подготовлю для сентябрьской книжки повествовательное. Во всяком случае, вы видите, что я лично не бездействую. Из прочих сотрудников знаю только, что Елисеев нечто готовит о законах печати[9], Слепцов уверяет, что пишет свой роман, но кончит ли к осени — поручиться нельзя. Впрочем, хоть бы к январю кончил, а осенью Маркович представит большой роман, которым Вы уже распорядитесь сами[10].

Я поеду в деревню 20-го числа и пробуду до 1-х чисел августа, то есть до 5-го или 6-го не позже. Очень и очень было бы хорошо, кабы Вы хоть к 15-му вернулись. Без Вас у нас дело не пойдет, не потому чтобы были несогласия, а кумовство очень одолевает. Библиография совсем плоха[11], надо бы что-нибудь сделать, а без Вас я и приступить к этому вопросу не решаюсь. Да сверх того, и Краевский обижает; стал у Ели-

с<еева>, Куроч<кина> и Скабич<евского> вычитать долги, а тем это не нравится.

Не будучи от Вас предупрежден о письмах г. Шассена, я, вскрывши одно из заграничных писем (только одно, впрочем, и было) на Ваше имя, нашел там статью этого господина, писанную по-французски о прошедших выборах. Окончание обещает прислать дня через два. Я отдал переводить статью Курочкину[12], сказав, что гонорарий за перевод 15 рублей. Пусть хоть это сделает. Шассен ничего не пишет насчет гонорария, и я не знаю, как Вы с ним условились. Но вот еще обстоятельство. Вы писали мне, что о выборах же должен прислать статью Якоби;[13] как же поступить, если он пришлет: ведь это будет две статьи и об одном и том же предмете. Зайцев никаких статей еще не прислал, но Слепцов сказывал, что он кому-то сообщал сюда, что пишет. Как ни говори, а Зайцев все-таки, вероятно, напишет более талантливую вещь, нежели наши многострадальные. Розанова статьи постоянно бракуются, да и действительно они очень ничтожны. Я советовал бы лучше эту хронику совсем передать Демерту, который хоть писать связно умеет[14].

Вот покамест все наши новости. Если вздумаете, черкните что-нибудь мне в Москву, на магазин Соловьева. Я буду туда еженедельно посылать.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32. лл. 38—39. Впервые опубликовано: *Письма,* с. 56—59.

---

[1] Седьмой номер журнала вышел в свет 10 июля. Ни одной работы за подписью Елисеева в нем нет.

[2] Ближайшее произведение А. И. Левитова в *Отеч. записках* (1869, № 12 — «Хорошие воспоминания (Очерк из московских нравов)».

[3] Слепцов обещал роман «Хороший человек». Работа над ним началась в 1867 г. и продолжалась несколько лет. При жизни автора в печати появились лишь первые пять глав первой части романа (*ОЗ,* 1871, № 2). См. также: Л. А. Евстигнеева. Хороший человек. Публикация.— *ЛН,* т. 71, с. 17—56.

[4] О «Записках причетника» см. письмо 264, прим. 11.

[5] О работе Салтыкова над циклом «Для детей» см. письмо 264, прим. 13.

[6] «Письма из провинции. Письмо осьмое» (*ОЗ,* 1869, № 8).

[7] Салтыков предполагал посвятить Грановскому несколько статей, но напечатал (*ОЗ,* 1870, № 1) только первую — «Один из деятелей русской

мысли (Тимофей Николаевич Грановский. Биографический очерк А. Станкевича. М., 1869)». Обещанное продолжение не появилось.

[8] Задуманная о Феофане Прокоповиче статья не была написана.

[9] В опубликованной анонимно большой статье Елисеева «О направлении в литературе» (*ОЗ*, 1869, №№ 8—10) дан обзор законов о печати Англии, Бельгии, Германии, Голландии, Италии, Франции, Швеции и России.

[10] Вероятно, речь идет об оригинальном романе М. А. Маркович (см. письмо 264, прим. 11). Если же о переводном, то имеется в виду роман А. Мегью «Мощено золотом», печатавшийся в переводе Н. А. Белозерской и М. А. Маркович в приложении к ряду номеров *Отеч. записок* (1870, №№ 1, 5—12; 1871, №№ 1, 3, 4).

[11] Салтыков был недоволен Н. С. Курочкиным как заведующим библиографическим отделом («Новые книги») журнала (1868—1871). С 1872 по 1877 г. отдел библиографии исчезает со страниц *Отеч. записок*. См. письмо Елисеева к Некрасову (декабрь 1871 г.) и комментарий к нему С. А. Макашина.— *ЛН*, т. 51—52, с. 252—254.

[12] Статья Шассена «Парижские письма. Выборы 14 июня 1869 года» напечатана в *Отеч. записках* (1869, № 7) под псевдонимом «Клод Франк», без указания имени переводчика.

[13] Статью о выборах во французскую палату депутатов должен был прислать Зайцев, а не Якоби (см. письмо 264, прим. 15 и 16).

[14] Предложение Салтыкова было принято. Хроника «Современные заметки», которую в 1869 г. регулярно вел Л. И. Розанов (с № 3 по № 11 включительно), была передана в ведение Н. А. Демерта. Под названием «Наши общественные дела» хроника Демерта печаталась на протяжении нескольких лет (с № 12 1869 г. по № 1 1875 г.).

266. Н. А. НЕКРАСОВУ

19 июня 1869. Петербург

19 июня. П. бург.

Очень благодарен Вам за письмо, многоуважаемый Николай Алексеевич[1]. Я знаю, по крайней мере, куда писать Вам. Разумеется, поезжайте купаться; лучше уж заодно покончить с лечением; но все-таки хорошо, кабы Вы к 15-му августа приехали. По моему расчету, это дело возможное. Я третьего дня встретил Еракова; он говорит, что тоже собирается к Вам; я спросил, не для того ли, чтоб прервать Ваше лечение, но он отвечал, что, напротив, едет именно, чтоб наблюсти, чтоб Вы лечились не уклоняясь. Ну, и прекрасно. О наших делах сказать много нечего. Я завтра уезжаю, сдав предварительно весь материал на август<овскую> книжку (июльская почти готова), следовательно, от моей поездки вреда не будет. Я, веро-

ятно, напишу в деревне больше, нежели здесь. У меня и теперь кой-что есть, но я просто не желаю без Вас печатать;[2] поэтому и хорошо, кабы Вы приехали; можно будет сентябрьскую книжку получше сделать. Нет ли у Вас стихов для августовской книжки; у нас совсем нет. Курочкин своим топором тяпает, да уж совсем плохо[3]. Буренина не пропускает цензура; одно стихотворение должны были вырезать[4].

На квартире у Вас все благополучно. Прощайте, более не могу писать; живот до смерти замучил.

Ваш
М. Салтыков.

От Зайцева — ни гугу. В июльской книжке пойдет Шассен[5].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 32, л. 40.
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 59—60.

---

[1] Упоминаемое письмо Некрасова к Салтыкову неизвестно. Некрасов находился в это время в Содене, откуда уехал сначала в Киссинген, а затем, через Париж, на лечебные купанья в Диепп. В Россию он вернулся в начале сентября.

[2] Рассказ «Испорченные дети» из сатирического цикла «Для детей».

[3] Салтыков, по-видимому, был недоволен переводом Н. С. Курочкина «Пролога к ямбам» О. Барбье (1869, № 8).

[4] Какое стихотворение Буренина было изъято, установить не удалось.

[5] О статье Шассена см. письмо 265, прим. 12.

267. А. Ф. КАБЛУКОВУ

19 августа 1869. Петербург

Петербург, 19 августа.

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Спешу ответить на письмо Ваше, что я положительно не могу судить, насколько дорога цена, объявленная Вам московским плотником, но думаю, что, во всяком случае, лучше заплатить несколько больше, лишь бы дело было сделано хорошо и скоро. Поэтому, я просил бы Вас, если в минуту получения этого письма Вы не имеете в виду других плотников, покончить с московским и приступить к покрывке мельницы. Крайне будет жаль, ежели к сентябрю она будет не готова, ибо мы пропустим время для помола, что при настоящем не-

урожае весьма важно. Так как теперь уже 20 число, то надо полагать, что Вы для уплаты плотникам, сверх тех денег, которые даны Вам мною, будете иметь арендную плату с крестьян за сентябрь. Если эта уплата заставит себя ждать, то не будет ли Марья Ивановна так добра ссудить меня нужным количеством впредь до взноса крестьян. Ежели же и это окажется невозможным, то, пожалуйста, пишите мне прямо, сколько и когда Вам нужно.

Пожалуйста, напомните старосте его обещание быть 29 числа к 9 часам утра (а лучше ежели за полчаса до 9) на нижегородской дороге, с лошадью и телегой для встречи Елизаветы Аполлоновны.

Будьте так добры, поспешите с мельницей, а также прикажите кстати разобрать купальню и убрать ее, вместе с лодкой и плотиком.

Ежели у Марьи есть сливочное масло, то попросите старосту отвезти его в какой-нибудь посуде и передать Елизавете Аполлоновне.

Марье Ивановне и всем Вашим прошу засвидетельствовать мое почтение.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 45.

Публикуется впервые.

Годовая дата определяется по связи с письмом Е. А. Салтыковой к А. Ф. Каблукову, помеченным: «Яново, 17 августа». В нем сообщается о предположенном приезде Е. А. из Нижегородского (Сергачского уезда) имения ее родителей — Болтиных — в Москву «в середу 27 августа». А этот день недели приходился в августе на указанное число в 1869 г. Из приписки к письму видно, что Е. А. отложила свой отъезд на два дня, что совпадает с просьбой Салтыкова о встрече Е. А. в Москве «на нижегородской дороге» 29 августа.

268. С. В. МАКСИМОВУ

Август — начало сентября 1869. Петербург

Милостивый государь Сергей Васильевич.

Вчера я был у Вас именно с желанием переговорить о статье «Госуд<арственные> преступники». Оказывается, что из нее выйдет листов 7, и было бы желательно разделить ее на две книжки. Вы говорили мне, что Вам необходимо печатать статью скорее, потому что Вы предполагаете выпустить Ваше

сочинение отдельною книгой. Но я полагаю, что если вторая статья «Гос<ударственных> прест<упников>» появится в октябрьской книжке, то это не лишит Вас возможности издать Вашу книгу в конце октября[1]. Будьте так добры, уведомьте, согласны ли Вы на это и где признаете возможным кончить 1-ю половину статьи.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 461, оп. 1, № 11.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 27, с датировкой «август — начало сентября 1869 г.», мотивируемой тем, что № 10 *Отеч. записок,* в котором помещена первая часть статьи Максимова, вышел в свет 13 сентября.

---

[1] Работа С. В. Максимова «Политические и государственные преступники» вышла отдельным изданием лишь в 1871 г. как третья часть его книги «Сибирь и каторга».

269. А. Ф. КАБЛУКОВУ

23 сентября 1869. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович. На днях я получил от витеневского дьячка письмо, в котором он просит о вспомоществовании по случаю пожара. Если у Вас в настоящее время собрались деньги, то будьте так добры передайте ему от нас от 40—50 р., как заблагорассудится. Да не признаете ли Вы возможным предложить ему, покуда не будет выстроен дом, помещение в бывшем кабаке: вероятно, Корочкин уже очистил его и он стоит пустой. Напишите, пожалуйста, платит ли Корочкин. Жена кланяется Вам и благодарит за кукурузу.

Марии Ивановне и всем Вашим крошкам передать наше почтение.

Весь Ваш
М. Салтыков.

23 сентября
П. бург.

Посылаю при сем паспорт Ивана Дмитриева. Пожалуйста, выправьте ему другой и уплатите оброк за год вперед с 1-го января 1870 по 1-е января 1871 года и что нужно за бумагу. Новый паспорт, расписку старосты и счет деньгам пришлите.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 20.

Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по словам приписки: «Уплатите оброк за год вперед, с 1-го января 1870 по 1-е января 1871 года», а также по связи с письмом 271. В нем повторяются те же просьбы, что и в комментируемом письме,— о выдаче вспомоществования, по случаю пожара, витеневскому дьячку. См. также запрос в письме Е. А. Салтыковой к А. Ф. Каблукову от «10 октября 1869 года»: «Как Вы распорядились насчет дьячка?» (Приложения, VI).

270. В. П. ГАЕВСКОМУ

26 сентября 1869. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович. Есть у меня до тебя большая просьба. В Консультации мин<истерства> юстиции производится дело по иску г-жи Ломакиной с Шубинского; Ломакина — ныне жена моего брата, и потому я интересуюсь этим делом. Во всех инстанциях оно решено громадным большинством в пользу Ломакиной и, наконец, в общем собрании Сената 9-ю голосами против 3-х. В Консультации это дело доложено в июне и, как мне известно, на стороне Ломакиной было 7, а на противной стороне только 2 голоса. Теперь все зависит от того, какое решение примет министр, т. е. как доложено будет ему дело докладчиком Орловым. Независимо от того, что уже самый факт, ставящий решения нескольких большинств в зависимость от доброй воли одного лица, возмутителен, еще возмутительнее то, что дело, бывшее в рассмотрении в июне, лежит три месяца без движения и заставляет моего брата здесь жить и тратиться. Так как мне известно, что ты знаком с Орловым, то не будешь ли так добр, во-первых, узнать, отчего это дело не докладывается до сих пор министру (мне кажется, что тут не без злого умысла), и во-вторых, попросить его ускорить этот доклад. По просьбе моей, Унковский уже обращался с этим к Орлову, но, кажется, по обыкновению своему, напутал, и ничего не вышло [1]. Исполнением этой просьбы ты бесконечно обяжешь уважающего тебя

26 сентября 69. *М. Салтыкова.*

Я сам бы приехал к тебе, но все болен.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 2.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 27—28.

---

[1] См. письмо 260 и прим. к нему.

271. А. Ф. КАБЛУКОВУ

16 октября 1869. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович.

В сентябре я послал к Вам для перемены паспорт Ивана Дмитриева; сверх того, я писал к Вам о просьбе витеневского дьячка и просил передать ему деньги [1]. На письма эти я не получаю от Вас никакого ответа, а между прочим, Иван Дмитриев остается без паспорта. Будьте так добры уведомьте, равно и о том, как получаются оброчные суммы с Корочкина и с крестьян. Вероятно, Вы помните, что срок застраховки уже наступил.

Прошу Вас передать от меня и от жены почтение милостивой государыне Марии Ивановне и всем Вашим.

Уважающий вас

М. Салтыков.

16 октября.
1869 года. Адрес: Фурштатская, дом № 33.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 20. Публикуется впервые.

---

[1] См. письмо 269.

272. А. Ф. КАБЛУКОВУ

27 октября 1869. Петербург

С. П. бург. 27 октября.

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Я не знаю, что Вам сказать по поводу предложения Евдокима. Конечно, лучше, чтоб мельница была пущена в ход и что-нибудь за нее получить, но меня останавливает следующее обстоятельство. Ежели случится, что воды будет мало, а Евдоким потребует, чтоб его колесо шло, тогда не вышла бы остановка на мельнице. Сверх того, если отдавать Евдокиму, то необходимо, чтоб он исправил маслобойню как следует; там, кажется, и водяное колесо худо. Надо также принять во внимание, что Евдоким человек буйный, а также и то, что на маслобойне будет работа день и ночь — кто же будет смотреть за тем, чтобы с мельницы не было что-нибудь похищено. Да и деньги, пожалуй, не отдаст. Дрова тоже чьи, наши или его?

Все эти соображения, а равно и то, что Евдоким просит сдать ему маслобойню до 29 июня, когда мы уже будем в Витеневе и можем иметь неприятности — все это склоняет меня к тому, что лучше Евдокима не допускать. Не лучше ли самим не торопясь устроить маслобойню к будущему году?

Очень жаль погоревших крестьян витеневских. Отчего случился пожар и сгорел ли дом Кузнеца? Действовала ли наша машина на пожаре. Я боюсь, чтобы пожар не подействовал на платеж за землю. Я желал бы помочь пономарю в том же размере, в каком помог и дьячку. Будьте так добры, дайте ему столько же при первом получении денег с крестьян.

Будьте так любезны, пожалуйтесь на Корочкина мировому. Надо же чем-нибудь кончить с этим негодяем, который ни копейки не платит.

Мельница продолжает приносить нищенский доход. Хорошо ли мелет Григорий? Признаюсь, меня берет сомнение, не притесняет ли он? Как не послышишь, везде дурно мелют, а везде есть мелево, а у нас хорошо мелют, а мелева нет. Что-то странно это. Неужто в Осташкове до сих пор мелют. Вы хорошо сделали, что наняли работника вместо Федула; авось либо дело лучше пойдет. Не сбавить ли нам цену на мельнице и не оповестить ли об этом? Может быть, другие, вместо Курова и Орешкова, к нам поедут. Впрочем, я предоставляю все это на Ваше усмотрение.

Очень рад, что Вы овес убрали. Вспахали ли Вы опять это самое место под овес и унавозили ли? А также и то место на заовражье, где был прежде овес. Надобно там весной попытать посеять рожь ярицу. Вообще, я просил бы Вас выполнить все то, что я, отъезжая, написал на особом листке. Пожалуйста, не откажите мне в этом. Перепилите, пожалуйста, сушь, то есть перестойное в корне; там восемь дерев, да в рощице, где баня была, 3 осины да в Похоронных березках есть и на плотине много. Тут дров выйдет порядочно, а старые можно продать, да и старые кстати перепилить и продать. На Зарине можно отдать подчистку Семену и на Гусарихе старосте и на Калугах между полями. Некоторые стекла в доме выбиты, особливо вверху на антресолях — пожалуйста, поправьте.

Очень рад, что Милку оставили дома. Анна может ей давать молока, которое, конечно, остается из-под сливок, употребляемых для масла.

У нас там осталось много индеек. Для приплода нужно оставить только 4-х индеек и 2-х индюков. Остальных надо покормить недели 4 творогом и овсом пареным, и, когда установятся морозы, т. е. в декабре, пришлите нам. Но не разом, а половину в декабре, а другую в январе.

Получили ли Вы что-нибудь с крестьян? напишите пожалуйста. А также, дерут ли гречу на мельнице?

Прошу Вас засвидетельствовать от меня и от жены почтение Марье Ивановне и всем Вашим.

Искренно преданный Вам
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 67—68. Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по связи с упоминаниями о пожаре в Витеневе и просьбах о воспомоществовании витеневскому дьячку — в письмах 269 и 271.

273. А. Ф. КАБЛУКОВУ

8 ноября 1869. Петербург

8 ноября.

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Благодарю Вас за память и за приятное письмо. Будьте так добры, поместите Палебловского в мельничную избу. Я очень буду рад этому. Как Вы распорядились насчет заготовки дров; спилены ли на плотине и в парке сухие деревья, а также отдали ли Вы подчистку кустов исполу? Будьте так добры, покормите недели 2 четыре индюшки и пришлите нам. Потом, к Рождеству еще покормите 4 штуки и тоже пришлите. Вообще, оставьте на племя только 4 индюшки и 2-х индюков, а прочие пришлите, сколько будет, постепенно до Масленой. Тут же пришлите и чухонского масла, сколько будет.

Всем Вашим и Марье Ивановне я и жена свидетельствуем почтение.

Ваш
М. Салтыков.

Когда крестьяне отдадут еще денег, то, пожалуйста, дайте пономарю 40 р.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 69. Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по связи слов в приписке: «дайте пономарю 40 р.» со словами в письме 272: «Я желал бы помочь пономарю в том же размере, в каком помог и дьячку».

274. А. Ф. КАБЛУКОВУ

13 декабря 1869. Петербург

13 декабря.

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Будьте так добры о высылке Ивану Дмитриеву нового паспорта, который и пришлите мне вместе с распискою старосты в получении с Ивана оброка. Деньги на уплату оброка и на расходы по паспорту употребите из денег имения и пришлите мне счет для получения их с Ивана. Прошу Вас также выдать пономарю 40 р. Буде у Вас нет денег, то обратитесь в Москве к моему брату Илье Евграф<овичу>. Я прошу его выдать Вам, буде это нужно, до 100 р. Живет он на Маросейке, в Козьмодемьяновском переулке, собственный дом.

Поздравляю Вас и всех Ваших с праздником.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Вероятно, я зимой побываю в Витеневе.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 70.

Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по связи с письмом 273, в котором содержится просьба о выдаче погоревшему пономарю 40 рублей.

КОНЕЦ 1860-х — НАЧАЛО 1870-х гг.

275. Н. А. НЕКРАСОВУ

Конец 1860-х — начало 1870-х гг. Петербург

Посылаю статью Елисеева[1]. Думаю, что Вы найдете конец ее неудобным. Нельзя ли как-нибудь иначе кончить?

По содержанию своему она подлежит во 2-й отдел.

Я сначала отмечал, но конец мне кажется весь нецензурным, и, сверх того, он наводит на ту же мысль, что фактом можно быть довольным, если устроить кой-какие облегчения.

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 32, л. 42.

Впервые опубликовано: *Письма*, с. 60, с отнесением к «концу 1860-х — началу 1870-х гг.».

---

[1] Какая статья Елисеева имеется в виду, установить не удалось.

276. А. И. УРУСОВУ

Конец 1860-х — начало 1870-х гг. Петербург

К Некрасову следует ехать не сегодня, а завтра. Приезжайте завтра за мной в 3 часа.

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 11, карт. 16, № 42.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, с. 57.

1870

277. А. Ф. КАБЛУКОВУ

14 января 1870 (?). Петербург

Письмо Ваше от 7 января, многоуважаемый Алексей Федорович, я получил и, к сожалению, ничего не могу сказать Вам, кроме того, что с Корочкина взятки гладки. Я думаю даже, что он и за прошлый год деньги не отдаст, да и на будущее время будет плохим плательщиком. Я попросил бы Вас немедля потребовать от него уплаты денег за прошлый год, а также за нынешнюю треть (по мельнице), а в противном случае заявить об этом мировому судье. Не найдется ли другого съемщика на мельницу и флигель; а то, пожалуй, этот негодяй не предупредит да в полую воду и мельницу бросит. Сделайте одолжение, постарайтесь подыскать, потому что на Корочкина надежда плохая; он только старается, как бы побольше дел захватить, а о том не думает, что и сам разоряется и других в разорение вводит. Только и делает, что обманывает. Я сам теперь крайне нуждаюсь в деньгах, а вот теперь, того и гляди, по милости этого негодяя, придется посылать Вам в Витенево. Сделайте одолжение, продайте, буде возможно, сено да востребуйте что следует с Корочкина. Ведь за ним прошлогодних больше 200 рублей. Я думаю, что он перепакостил флигель; у него стояла кой-какая моя мебель; примите, пожалуйста, все по порядку.

Право, иногда досадно делается на свою доброту и доверчивость. Этот каналья Корочкин только разоряет меня, несмотря на то что я его на ноги поставил. Будьте добры, поищите другого арендатора; может быть, Куровский арендатор кого-нибудь знает. Я убежден, что, покуда Корочкин в Витеневе, ни в чем складу не будет; он и арендаторов будет отгонять, в знак благодарности.

Поздравляю Вас и все Ваше семейство с наступившим

Новым годом; душевно желаю всевозможных благ. Только блага-то к нам с Вами как-то плохо идут.

Не думайте, однако ж, чтобы я имел хоть тень претензии на Вас. Напротив того, я очень хорошо понимаю, что с такою мошенническою гадиной, как Корочкин, никакого дела сделать нельзя.

У многоуважаемой Марьи Ивановны целую ручки и поздравляю с Новым годом. Жена пишет ей письмо, которое пришлется особо.

Прощайте; дружески жму Вам руку и прошу не забывать преданного Вам

М. Салтыкова.

14 января.
Петербург.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 15—16.
Публикуется впервые.

Годовая дата определяется предположительно, по связи комментируемого письма с письмом 272. В обоих письмах — просьбы обратиться к мировому судье по поводу неуплаты денег арендатором Корочкиным.

278. Ф. Д. НЕФЕДОВУ

2 февраля 1870. Петербург

Милостивый государь Филипп Диомидович.

Имею честь уведомить Вас, что статья Ваша «Святки» в редакции «Отеч<ественных> записок» не получена. Как скоро она будет прислана, я не замедлю дать Вам ответ.

Искренно Вам преданный
М. Салтыков.

Что не получена — это верно; я сегодня лично справлялся в конторе.

2 февраля.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 342, оп. 2, № 321, л. 4.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 223.

Рассказ «Святки в селе Данилове. Очерки русской фабричной жизни», вероятно, был отклонен Салтыковым. 19 июня 1870 г. Нефедов отправил его в «Вестник Европы». После длительной переписки автора со Стасюле-

вичем и доработки им рукописи по требованию редакции рассказ появился в № 3 этого журнала за 1871 г. См. письма Нефедова к Стасюлевичу в кн.: «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. V. СПб., 1913, с. 257—271.

279. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

9 февраля 1870. Петербург

П. бург. 9 февраля.

На письмо Ваше, многоуважаемый Алексей Михайлович, поспешаю ответить, что стихи Ваши и письмо Некрасовым получены, но Некрасов не отвечал Вам по болезни. По объяснению Некрасова, стихи Ваши имеют быть напечатаны в мартовской книжке[1]. Что Вы так надолго запали за границу? Кажется, надо бы и про нас вспомнить, про нас, которые здесь живут и пишут. Право, литератору не лишнее жить среди тех интересов, о которых очень часто болит сердце его, как члена известной национальности. Плоха нынче литература стала; она носит на себе печать того же брожения, которое примечается и в обществе. Ничего цельного и законченного; все какие-то отрывки и мелочи. Старое отживает, новое нарождается туго. Как хотите, а и наши с Вами дни сочтены. Один граф Ал. Толстой не унывает и продолжает византийские предания. На днях он давал представление в Москве, т. е. читал в Обществе любителей р<оссийской> слов<есности> «Царя Бориса»[2].

Распоряжение о высылке Вам «Отеч<ественных> записок» сделано.

Крепко жму Вашу руку

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 639, оп. 2, № 82, л. 9.

Впервые опубликовано: «Русская мысль», 1913, № 4, отд. II, с. 119. с отнесением к 1872 г. Передатировано на 1870 г. в *ЛН,* т. 13—14, с. 292.

---

[1] В *Отеч. записках,* 1870, № 3, были напечатаны «Современные песни» А. М. Жемчужникова: 1) «О, скоро ль минет это время», 2) «Эпохи знамение», 3) «Кентавр», 4) «Современному гражданину» и 5) «Старик».

[2] «Византийским преданием» назвал Салтыков «Князя Серебряного» А. К. Толстого в своей сатирической рецензии-пародии на роман (*Совр.,* 1863, кн. 4; т. 5 наст. изд., с. 352—362). В ней осмеивались аристократическая тенденция и романтизация боярской старины в произведении, сформулированные в словах: «Не расти двум колосьям в уровень, не сравнять крутых

гор с пригорками, не бывать на земле безбоярщины!» Чтение А. К. Толстым своей трагедии «Царь Борис» в «Обществе любителей российской словесности» состоялось 8 февраля 1870 г. («Московские ведомости», 1870, 6 февраля).

280. Н. А. НЕКРАСОВУ

23 марта 1870. Петербург

Нельзя ли на короткое время прочитать проект административно-полицейской реформы; если можно, то и с объяснительною запискою [1].

<М. Салтыков>

Будьте друг, Василий Матвеевич, достаньте нам эту штуку, если можно.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

23 марта. 1870 г.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 338, оп. 1, № 69, л. 1. Первая фраза этой записки написана Салтыковым и обращена к Некрасову. Вторая — принадлежит Некрасову и адресована Лазаревскому.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 223—224; повторная публикация: *ЛН,* т. 51, с. 46—47.

---

[1] В это время обсуждался реакционный проект административной реформы, сводящейся к усилению власти губернаторов. В фонде Лазаревского (*ЦГАЛИ,* ф. 277, оп. 1, № 263) хранится «Записка по проекту административно-полицейской реформы» (об учреждении губернаторских советов) с его пометой: «Напечатано 1 марта 1870 года».

281. Ф. Д. НЕФЕДОВУ

25 марта 1870. Петербург

Милостивый государь Филипп Диомидович.

Несмотря на все поиски, статьи Вашей «Святки» в редакции «От<ечественных> зап<исок>» не оказалось. Очень вероятно, что виновата тут контора, но поправить это дело от меня не зависит.

Прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков.

25 марта.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 342, оп. 2, № 321, л. 5.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 224. Год устанавливается по связи с письмом 278.

282. П. В. АННЕНКОВУ

10 апреля 1870. Петербург

Милостивый государь Павел Васильевич.

Литератор Потанин, автор печатавшегося в «Современнике» романа «Старое старится, молодое растет», обратился ко мне с письмом, в котором, объясняя, что он, внезапно лишившись службы, находится в крайне затруднительном положении относительно средств существования, до тех пор покуда не приищет каких-либо новых занятий.

Сообщая об этом Вам, покорнейше прошу Вас заявить Литературному фонду, не найдется ли возможным подать г. Потанину помощь.

Проситель живет в Витебске и имеет семейство, что еще более усугубляет тяжесть его положения.

Я вместе с сим пишу г. Потанину, чтоб он прислал в общество прошение по сему предмету, но желательно было бы, чтобы просьба о вспомоществовании удовлетворена была без замедления.

Весь Ваш

М. Салтыков.

10 апреля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 155, *Приложения к журналам Литфонда за 1870 г.,* л. 381.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 28—29.

---

13 апреля Комитет поручил Г. К. Репинскому «собрать сведения о положении» Потанина (*ИРЛИ, ф. 155. Журналы Литфонда за 1870 г.,* л. 97 об.). На состоявшемся 27 апреля заседании Комитета было зачитано письмо к Салтыкову его школьного товарища, управляющего Витебскою контрольною палатою И. В. Павлова, в котором он, в частности, сообщал: «Насилу уговорил Потанина взять деньги: такой гордый! О записке и слышать не хотел; но я одержал верх: он напишет записку, которую я перешлю. О Потанина деле стоит сказать несколько слов. Когда он был оставлен без следствия и суда, по одному доносу директора, я кинулся к жандармскому полковнику и просил его защиты. Он произвел дознание по горячим следам и, удостоверившись в неосновательности доноса, подал просьбу министру народного просвещения. Недели через три из департамента уведомили приватно, что если губернатор напишет за Потанина официальную бумагу графу Дмитрию

Андреевичу <Толстому>, то уволят по прошению и даже с половиною пенсии. Это человек редкой доброты и скромности. Он в тот же день исполнил мою просьбу и написал<...> в самых теплых и энергических выражениях. Но с тех пор прошло больше месяца, а об изменении участи Потанина ни слуху, ни духу». Заслушав это письмо и заявление Гаевского, что «по удостоверению М. Е. Салтыкова проситель находится в крайнем положении», Комитет постановил выслать Потанину 100 рублей (там же, лл. 123—124). 11 мая на заседании Комитета Г. К. Репинский сообщил о полученном им подробном письме от управляющего государственными имуществами Витебской губернии В. О. Дуве. «Основываясь на этом отзыве и принимая во внимание крайне бедственное положение Потанина, Комитет определил: в дополнение к высланным Потанину 100 рублям выслать ему еще 150 рублей» (там же, лл. 130—131). О Г. Н. Потанине см.: А. Ф. Макеев. Г. Н. Потанин-писатель и Г. Н. Потанин-путешественник.— «Русская литература», 1968, № 3, с. 197.

283. Н. А. НЕКРАСОВУ

14 апреля 1870. Петербург

Прочитайте, пожалуйста, рацею, которую я получил от Анненкова по делу Потанина [1]. Вот до какого свинства дошел этот подлый Комитет, что адресоваться туда за пособием значит просто компрометировать себя. Я не знаю, что делать, тем более что мне неизвестно даже, не вдовец ли Потанин. Вы намеревались заехать ко мне завтра утром; нельзя ли не позднее $12^1/_2$ часов, ибо нужно, посоветовавшись с Вами, съездить к Анненкову. Пожалуйста, привезите обратно записку Анненкова, она нужна, как документ.

Ваш

М. Салтыков.

14 апреля.

Печатается по тексту первой публикации: «Печать и революция», 1927, № 4, с. 60.

Подлинник неизвестен.

---

[1] Записка Анненкова о деле Потанина (см. письмо 282 и прим. к нему) неизвестна. Анненков был в это время секретарем Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда).

284. В. П. ГАЕВСКОМУ

17 мая 1870. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович. Спешу послать к тебе записку Потанина, которую вчера только получил. Расписки в 150 р. еще не получил, когда же получу, то доставлю немедленно.

Твой

17 мая. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 3.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 29. Год устанавливается по связи с письмом 282.

Речь идет о прошении Потанина в Литературный фонд от 11 мая, в котором он писал: «По не зависящим от меня причинам полгода тому назад я должен был оставить службу в Министерстве народного просвещения и хотя просил господина министра о вознаграждении меня пенсионом за прослуженные мною по министерству двадцать лет, но ответа до сих пор не получал. А между тем, имея большое семейство, вследствие таких обстоятельств я впал в крайность и нахожусь вынужденным покорнейше просить общество о пособии мне небольшою суммою в двести или триста рублей, предполагая, что за сим последует какое-нибудь решение г. министра и я буду иметь средства к жизни» (*ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1870 г.,* л. 580). См. также письмо 282.

285. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

10 июня 1870. Петербург

На два полученных мною Ваших письма, многоуважаемый Алексей Михайлович, спешу (хотя, признаюсь, не вполне поспешно) уведомить, что стихи Ваши получены и будут напечатаны в августовской книжке (в июльской уже места нет) [1]. Все требуемые Вами исправления будут выполнены в точности. Некрасова нет: уехал в деревню и возвратится в половине июля, в начале августа поедет в Диепп [2]. Я пробуду в П<етер>б<урге> до 25 июня, а потом до августа скроюсь в деревню. Пишу это Вам для соображений, если встретится какая-нибудь надобность.

Весь Ваш

М. Салтыков.

10 июня, П. бург.
Фурштатская, № 33.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 639, оп. 2, № 82, л. 1.

Впервые опубликовано: «Русская мысль», 1913, № 4, отд. II, с. 115. с отнесением к 1868 г. Передатировано «1870 г.» в *ЛН,* т. 13—14, с. 292—294.

---

[1] В *Отеч. записках,* 1870, № 8, напечатано стихотворение Жемчужникова «Неосновательная прогулка». Отсюда — в сопоставлении с предполагаемой поездкой Некрасова в Диепп — датировка письма.

[2] Намерение Некрасова поехать в Диепп для морских купаний в 1870 г. не осуществилось. См. *Некрасов,* т. 11, письма 663 и 666.

286. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

22 июня 1870. Петербург

Если желаете писать к Плещееву, многоуважаемый Алексей Михайлович, то адрес его следующий: Москва, в Почтамт, контрольному чиновнику и поэту А. Н. Плещееву. Мы все так ему пишем, и письма доходят верно. Настоящего же адреса не знаю, потому что Плещеев беспрерывно меняет квартиры, и при том он грустен. Братца Вашего, Александра, перевели в Псков на такую же должность[1]. Братец Ваш, Владимир, слился с гр<афом> Бобринским[2] и, кажется, в совокупности с ним и гр<афом> Ал. Толстым, намеревает издать трактат о пользе классического образования, как умеряющего вред, производимый знанием вообще, и взамен оного доставляющего *яко бы* знание[3]. О прочих братцах ничего не знаю. Двоюродный же Ваш братец, А. К. Толстой, в бытность свою в Петербурге устроил следующее. Здесь хлопочут некоторые об устройстве реаль<ной> женской гимназии и, разумеется, собирают деньги, устраивают концерты, чтения и проч. На одно из чтений пригласили Толстого в надежде, что он прочтет отрывок из Бориса Годунова и тем привлечет к себе публику, чтущую память Кукольника[4]. Что же он сделал? — в чтении в пользу женских гимназий прочел стихотворение «Против течения»[5]. Думал, что его ошикают, а случилось напротив: много раз вызывали и заставили повторить.

Здесь был Тургенев[6].

Сей старец дорог нам; он жив среди народа
Священной памятью...
Шестьдесят второго года[7].

Стиха не выходит, но верно.

Весь Ваш

22 июня.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 639, оп. 2, № 82, лл. 12—13.

Впервые опубликовано: «Русская мысль», 1913, № 4, отд. II, с. 120—121. Вторичная публикация: *ЛН,* т. 13—14, с. 294.

---

[1] А. М. Жемчужников занял должность вице-губернатора в Пскове в 1870 г. См. «Памятная книжка Псковской губ. за 1870 г.», вып. I. Псков, 1870, с. 2.

[2] В. М. Жемчужников в 1868—1871 гг. состоял чиновником особых поручений при министре путей сообщения гр. В. А. Бобринском (2-м). В апреле 1870 г. В. М. Жемчужников стал одним из директоров Киевско-Брестской жел. дор. и вскоре переехал на жительство в дом Бобринских.

[3] По-видимому, описка Салтыкова. Ироническое предположение об издании «трактата о пользе классического образования» ассоциируется не с А. К. Толстым, а с министром народного просвещения (в 1866—80 гг.) Д. А. Толстым, инициатором создания классических гимназий.

[4] Салтыков сближает А. К. Толстого и Н. В. Кукольника как авторов пьес на темы русской истории. Трагедия «Царь Борис» появилась в «Вестнике Европы», 1870, № 3. Кукольник умер в 1868 г.

[5] Стихотворение А. К. Толстого «Против течения» — «Русский вестник», 1867, № 6 — одно из программных произведений того времени, противостоявших политике и эстетике демократического лагеря.

[6] В 1870 г. Тургенев приехал в Петербург 21 мая и пробыл в столице неделю (Н. М. Гутьяр. Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева. СПб., 1910, с. 76).

[7] Ироническая перифраза стихов Пушкина из «Второго послания цензору»: «Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа // Он славен славою двенадцатого года...» Смысл эпиграммы Салтыкова уясняется в свете его первоначального отношения к «Отцам и детям» Тургенева, появившимся в 1862 г. Вместе со всей группой «Современника» Салтыков отрицательно отнесся *тогда* к роману и его герою, Базарову. Он обвинил Тургенева в том, что он своим произведением «о нигилисте» невольно нанес удар (оказал «страшную услугу») демократическому лагерю и освободительному движению. Подробнее об отношении Салтыкова к Базарову см. в его статье «Петербургские театры» (т. 5 наст. изд., с. 168 и прим. к ней) и в январско-февральской и майской хрониках «Нашей общественной жизни» (т. 6 наст. изд., с. 15—16 и 107—109). Впоследствии Салтыков изменил свой взгляд на Базарова и писал о нем как об одном из «действительных носителей» «добрых чувств» (т. 9 наст. изд., с. 458).

287. Н. А. НЕКРАСОВУ

22 июня 1870. Петербург

22 июня.

Я завтра уезжаю, многоуважаемый Николай Алексеевич, следовательно, если что нужно, то пишите в Москву, на имя Соловьева. Надеюсь видеть Вас у себя и желал бы, чтоб Вы предуведомили заранише, чтоб я мог выслать лошадей.

На всякий случай мой адрес: Ст. Пушкино, а оттуда в село Витенево.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Лазаревский меня вздул самым неприличным образом[1].

Я получил от Михайловского письмо, где он обещает выслать в скором времени статью и просит о высылке ему денег немедленно по присылке, т. е. прежде напечатания ее[2]. Я попрошу Водовозова наблюсти за этим, но было бы нелишнее, если б Вы написали Краевскому, чтоб он не препятствовал[3]. Типография настолько знакома с рукописями Михайловского<...>

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 195, п. 5765, № 61/11. Продолжение письма не сохранилось.

Впервые опубликовано: *Архив Карабихи*, с. 173, без указания года. В *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, с. 259, датировано 1872 г. Однако содержание письма противоречит отнесению его к 1872 г. Оно отправлено из Петербурга 22 июня 1870 г., так как именно в этом году Салтыков выехал из Петербурга в Витенево 23 июня (другой день «завтра», как сказано в письме). С этой датой согласуется и связанное с просьбой Салтыкова обращение Некрасова к Краевскому по поводу Михайловского (см. прим. 3).

---

[1] Очевидно, во время игры в карты.

[2] Находившийся в это время в Киссингене Михайловский, по-видимому, обещал прислать критическую статью «Вольтер-человек и Вольтер-мыслитель» (*ОЗ*, 1870, №№ 9—10).

[3] 25 июня 1870 г. Некрасов обратился к Краевскому: «Салтыков мне писал, что Михайловский выслал статью и просит за нее деньги немедля. Пожалуйста, велите рассчитать приблизительно и послать ему — по 60 р. с листа (в Киссинген — Мих. Ив. <Горский> знает). Это дело, вероятно, 100 или 150 рублей» (*Некрасов*, т. 11, с. 174).

288. Н. А. НЕКРАСОВУ

10 июля 1870. Витенево

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

До сих пор я не получил от типографии корректур романа Решетникова и никакого известия о причинах этого замедления, хотя и засылал к Базунову узнать, нет ли писем [1]. Вместе с сим опять посылаю в Москву: может быть, что-нибудь и есть.

Памятуя Ваше обещание, я жду Вас в Витенево. Но так как Вы предполагали выехать около 20-го, я же в субботу 18-го посылаю в Москву Григория [2], то не найдете ли Вы возможным в четверг 16-го послать ко мне (на имя И. Г. Соловьева) письмецо с уведомлением, когда Вас ждать. Я прошу об этом не для того, чтобы надоесть Вам, а для того, чтобы своевременно выслать за Вами экипаж на Пушкинскую станцию (когда приходит оттуда из Ярославля поезд, я узна́ю), потому что в карете Вам все-таки лучше будет, нежели в телеге. Вы бы хорошо сделали, если б вместе с тем черкнули словечко Плещееву (Московск. почтамт), когда у меня будете. Он тоже хотел к тому времени приехать в Пушкино и с Вами доехать до меня. Я все-таки надеюсь, что Вы хоть сутки да пробудете у нас, хотя у нас, предупреждаю Вас, и не очень казисто.

Я кончил «Историю города» и кончаю на днях «Письмо из провинции» [3]. Все это будут концы, и я более не стану уже возвращаться к этим предметам. Несмотря на скверную погоду, работается плохо. Причина та, что у меня все бунтуются людишки, т. е. Григорий и горничная моей жены. Грубят и пакостят на каждом шагу и так расстраивают нервы, что просто ничего делать нельзя.

Прощайте, будьте здоровы; крепко жму Вашу руку и жду Вас.

М. Салтыков.

10 июля.
Витенево.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 195, п. 5765, № 61/3.
Впервые опубликовано: *Архив Карабихи*, с. 177—178.

---

[1] В это время в *Отеч. записках* (1870, №№ 3—8) печатался роман Решетникова «Свой хлеб», отредактированный Салтыковым. Решетников согласился с правкой Салтыкова и исключенные части текста, иногда значительные по объему (см., например, письмо 290), в отдельном издании романа не восстановил.

[2] Камердинер Салтыкова.

[3] Заключительные главы «Истории одного города» и «Письма из провинции» (двенадцатое письмо) напечатаны в № 9 *Отеч. записок* за 1870 г.

289. Н. А. НЕКРАСОВУ

14 июля 1870. Витенево

Витенево. 14 июля.

Пишу к Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, чтобы предупредить Вас, чтоб Вы не заезжали ко мне в Витенево, если у Вас есть такое намерение. Во-первых, я 28 числа уезжаю в Нижегородскую губернию, во-вторых, у меня большой беспорядок. Половину людей я должен был отослать за пьянство, а в том числе и повара. Так что три дня уже я буквально почти ничего не ем, то есть питаюсь пищей, которую готовит простая баба. Да при поваре с неделю ничего не мог взять в рот. А повара достать негде, ехать же в Москву за этим не стоит, потому что на 14 дней никто не пойдет. Я возвращусь в Петерб<ург> непременно к 15 августа. На днях пошлю туда фельетон для августовской книжки, т. е., лучше сказать, отдам его в Москве на почту 28 июля [1]. Скажите, когда вы думаете ехать в Питер. Мой адрес: Москва, 3-я Мещанская, дом Аббакумовой, г-же Кардановской для передачи и т. д.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 195, п. 5765, № 61/4.

Впервые опубликовано: *Архив Карабихи*, с. 178—179, без указания года. В *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, с. 227 датировано 1870 г. (очевидно, по несомненной связи с письмом 288).

---

[1] Под «фельетоном» Салтыков подразумевает двенадцатое письмо «Писем из провинции» (*ОЗ*, 1870, № 9).

290. Н. А. НЕКРАСОВУ

17 июля 1870. Витенево

Сейчас получил с нарочным Ваше письмо [1] и роман Решетникова, который тотчас же и отправляю назад [2]. Он послан посылкой: вероятно, с легкою почтой послать показалось дорого. Я собственно продержал его только одну ночь.

Ожидаю Вас и в среду 22-го пошлю опять справиться к Базунову; но теперь покос и крестьяне ездят в Москву редко. Я написал две статьи [3]. В конце романа Решетникова — 6 листов, да я около листа вымарал. Это говнище необыкновенное. Уведомьте же, когда будете. Надо лошадей выслать в Пушкино.

Прощайте, до скорого свидания. Я 10-го августа или 15-го предполагаю выехать в Питер. Статьи мои отдам Вам. Стихи Ваши прелестны [4].

Ваш

М. Салтыков.

17 июля.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 195, п. 5765, № 61/5.
Впервые опубликовано: *Архив Карабихи*, с. 171—172.

---

[1] Упоминаемое письмо Некрасова неизвестно.

[2] О романе Решетникова см. письмо 288, прим. 1.

[3] Об этих работах Салтыкова см. письмо 288, прим. 3.

[4] Речь идет, по-видимому, о тех же стихотворениях, посвященных русским детям,— «Соловьи», «Дедушка Мазай и зайцы», о которых Салтыков писал позже А. М. Жемчужникову (см. письмо 296). У Салтыкова был замысел, который не осуществился,— «издать книжку для детского чтения», составленную из его рассказов и стихотворений Некрасова (см. в наст. изд. т. 7, с. 637).

291. Н. А. НЕКРАСОВУ

13 августа 1870. Петербург

Сегодня я приехал в Петерб<ург>, многоуважаемый Николай Алексеевич, и спешу писать к Вам. Был у Вас на квартире, там натирают полы. Там же видел Лазаревского, у которого больна собака и который взял Вашу собаку (курчавую) и сегодня же едет на охоту. По «Отечественным запискам» вот новость: августовская книжка вышла, но Андрей, вероятно, по настояниям свыше, вырезал статью: Елизавета, ее брак и дети, Карновича [1]. Номера я еще не видал, но Чижов говорил, что пагинация прервана с лишком на 50 страниц. Я не хочу сказать что-нибудь для Вас неприятное (в отношении к Вашему отъезду из деревни, чтобы Вы не приняли за настойчивость), но думаю, судя по этому примеру, что Ваше присутствие здесь было бы очень приятно (в квартире Вашей я за-

стал натирание полов; Николай[2] очень болен, совсем бледный, и на вопрос, чем он болен, отвечает: Христос знает!).

Я «Елизавету» не читал, но приказал завтра ко мне прислать, равно как и все корректуры. Боборыкин прислал роман[3]. Чижов сказал, что выйдет $2^{3}/_{4}$ л. из присланного. Я приказал сейчас, как будет набрано, прислать ко мне. Еще набирается перевод Гуцкова[4]. Я тоже приказал немедленно прислать. Это было сегодня в 12 ч. утра. Вероятно, вечером пришлют. Все просмотрю. Но что-то дико, что Бобор<ыкин> прислал только $2^{3}/_{4}$. В понедельник узнаю, при письме ли он прислал. Мих<аил> Ив<анович> не знает[5]. «Историю одного города» исправил по Вашим замечаниям и отдал сегодня набирать[6]. Но положительно, ежели Вы не приедете, боюсь, что будет какая-нибудь пакость. Пожалуйста, приезжайте. Елисеева нет; о Михайловском ничего не знаю, но Чижов говорит, что нет, равно и Маркович. Унковского нет. Тоска будет отменная.

Один Петр Иванович[7] здоров как бык и, стыдясь, отвечает, что он должен быть *на даче*.

Где, на даче?

Да, на даче...

Пожалуйста, приезжайте.

Ал<ександру> Ник<олаевичу>[8] и всем Вашим мое почтение.

Ваш

М. Салтыков.

13 августа.
П. бург.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 195, п. 5765, № 61/6.

Впервые опубликовано: *Архив Карабихи,* с. 173—175, с пропуском отдельных слов; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 228—229.

---

[1] Статья Е. П. Карновича «Исследование о браке и детях императрицы Елизаветы Петровны» была напечатана в *Отеч. записках* (1870, № 8), но вырезана по требованию цензуры (см. письмо В. И. Водовозова к Некрасову от 13 августа 1870 г.— *Архив Карабихи,* с. 86). Как явствует из цензурных материалов, попытка редакции журнала напечатать статью Карновича «за некоторыми исключениями» окончилась неудачно (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 2, 1865 г., № 60, лл. 103—108; ф. 776, оп. 3, 1865 г., № 139, лл. 50—56; ф. 777, оп. 27, № 56, лл. 299—301; ф. 776, оп. 2, № 7, лл. 342—347).

[2] Слуга Некрасова.

[3] П. Д. Боборыкин. Солидные добродетели (*ОЗ,* 1870, №№ 9—12).

[4] К. Гуцков. Сквозь мрак к свету. Повесть (*ОЗ,* 1870, №№ 9—11).

[5] Конторщик *Отеч. записок* М. И. Горский.

[6] Речь идет об отдельном издании «Истории одного города», вышедшем в типографии А. А. Краевского между 8 и 14 ноября 1870 г.

[7] Врач П. И. Сизеневский.

[8] А. Н. Ераков.

292. А. Ф. КАБЛУКОВУ

17 сентября. 1870. Петербург

17 сентября.

Извините, многоуважаемый Алексей Федорович, что до сих пор не писал Вам. Лиза передала мне условия, предлагаемые Корочкиным. Я согласен на них, то есть: а) отдать мельницу на 10 лет; б) плату за мельницу за 1870 год не взыскивать; в) плату за 1871 год разложить на два года, то есть половину уплатить по третьям в 1871 году, а другую по третьям же в 1872 году; г) годовая плата 350 р.; д) анбар мельничный выстроить новый в 1871 году, с тем чтобы в нем были по-прежнему три снасти; лес для постройки должен быть тех же размеров толщиной, как и ныне, или толще; е) избу перенести на другую сторону и сделать ворота; ж) луг мельничный до завода отдать при мельнице в ту же цену. Во всяком случае, надо выговорить себе право отказа от аренды. Если мы откажемся через год, то обязываемся уплатить 500 р., если далее, то за каждый год по 100 р. меньше, если через 5 лет, то 150 р. В контракте надо сказать, чтоб не дозволять купаться по сю сторону плотины и шума и безобразий на мельнице не производить. На этом основании можете заключить контракт в Москве у нотариуса. Не забудьте сказать, что жернова должны быть новые, и определите размер их, чтобы в этом же размере были и сданы по истечении срока. Надо еще оговорить, что когда будет выстроен анбар, то он со всем внутренним устройством должен быть сдан владелице по описи и потом вновь от нее принят, так чтоб по истечении срока все было сдано в должном виде. То же и о помольной избе, и о всех постройках, которые арендатор возводит. Хорошо было бы, если б всю плотину и также берег реки против церкви засадить ветлами.

Уплачивают ли Вам крестьяне оброк, а также заплатил ли что-нибудь Корочкин за окончание 1869 года? Мне хотелось бы, чтоб Вы на эти деньги приступили к вывеске дома и исправлению фундамента нынешнею же осенью. Вероятно, надо будет поправить полы и двери в тех комнатах, где они пере-

косились вследствие неисправности фундамента. Нужно также на балконе перестелить пол: он совсем сгнил. Напишите, пожалуйста, что может стоить окраска полов в чистых комнатах дома масляною краскою.

Прошу Вас засвидетельствовать наше почтение Марье Ивановне и всем Вашим.

Преданный Вам
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп.1, № 125, лл. 23—24.

Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по сохранившемуся в бумагах А. Ф. Каблукова, при публикуемом письме, проекту условий с московским мещанином Михаилом Ивановым Корочкиным о новом сроке на аренду витеневской мельницы. Из документа видно, что возникновение его относится к осени 1870 г. («В вознаграждение за принимаемые мною, Корочкиным, на себя постройки, недоимка, накопившаяся на мне по содержанию мельницы в 1870 году, в количестве 350 рублей слагается, арендная же плата за 1871 год разлагается на семь лет...»).

293. А. Ф. КАБЛУКОВУ

9 октября 1870 (?). Петербург

Будьте так добры, многоуважаемый Алексей Федорович, перемените Ивану Дмитриеву паспорт и заплатите за него вперед оброк за год и новый паспорт пришлите ко мне вместе со счетом, что все будет стоить.

Мы от Вас совсем вестей не получаем. Как Корочкин и не продали ли сено. Сделаны ли поправки в стене дома, которая садилась.

Милостивой государыне Марии Ивановне и всем Вашим наше почтение.

Преданный Вам
М. Салтыков.

9 октября.
П. бург. Фурштатская, № 33.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 25.

Публикуется впервые.

Годовая дата определяется предположительно, по связи с письмами 292 и 304 (упоминания о ремонте дома в витеневской усадьбе).

294. А. Ф. КАБЛУКОВУ

21 октября 1870. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович. Очень жаль, что с Корочкиным дело не сладилось, но условия, которые он предлагает, так нелепы, что нельзя даже думать о согласии на них, если б у меня были даже деньги на перестройку мельницы, а у меня и нет таковых. Поэтому я могу согласиться только на те условия, которые были говорены прежде, а ежели нет, то лучше уже закрыть мельницу. Не возьмется ли за это дело Кузнец? Для него было бы выгодно, так как и кабак близко, и сам он мог бы, начав засыпку, присматривать за ним. Во всяком случае, похлопочите, чтобы сдать мельницу хотя под какое-нибудь заведение, но с тем, чтобы мне расходов не было. Только как же Мих. Ив. деньги заплатит? Еще за прошлый год не заплатил, а за нынешний как? Не лучше ли ему теперь же отказать как неисправному содержателю? Ежели не сыщете арендатора, не нанять ли Кучука? все что-нибудь заработает, хоть и украдет. Все это, впрочем, я оставляю на Ваше усмотрение. Боюсь только, чтобы плотину не унесло.

Жаль мне, что дом не вывесили. В апреле надобно будет это сделать, а ежели и тогда у Вас недостанет денег, то, пожалуйста, напишите прямо, что нужно. Я вам пришлю записку на имя книгопродавца Соловьева, у которого, думаю, будут к тому времени мои деньги.

Как с сеном? Ужели и в нынешнем году оно останется непроданным?

Благодарю, что купили лошадь; но с одной нам быть нельзя. Пожалуйста, приищите к ней пару. Деньги у Вас будут, потому что крестьяне заплатят, да и Корочкин что-нибудь должен же отдать.

Милостивой государыне Марье Ивановне и всем Вашим потрудитесь передать мое почтение.

21 октября.

Преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 26.

Публикуется впервые.

Годовая дата определяется по связи с письмом 292, в котором содержится просьба о «вывеске дома» в Витеневе.

295. И. С. ТУРГЕНЕВУ

20 ноября 1870. Петербург

Милостивый государь Иван Сергеевич.

Исполняя Ваше лестное для меня желание иметь отдельное издание «История одного города», я вместе с сим передал один экземпляр этой книги П. В. Анненкову, который сообщил мне, что отправляет к Вам еще кой-какие другие книги. Позвольте думать, что в посылке моей книги Вы увидите не выражение суетного самолюбия с моей стороны, но желание выразить Вам то глубокое уважение, которым я проникнут к Вам [1].

20 ноября. Искренно Вам преданный
П. бург. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 61, л. 7.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 62.

---

[1] В ответном письме от 30 ноября/12 декабря 1870 г. Тургенев писал: «Душевно благодарю Вас за память обо мне и за великое удовольствие, которое доставила мне Ваша книга: прочел я ее немедленно. Не говоря уже о прочих ее достоинствах, эта книга в своем роде драгоценный исторический материал, который ни одним нашим будущим бытописателем обойденным быть не должен. Под своей резко сатирической, иногда фантастической формой, своим злобным юмором напоминающей лучшие страницы Свифта, «История одного города» представляет самое правдивое воспроизведение одной из коренных сторон российской физиономии: «имеющий уши да слышит, имеющий глаза да видит»,— сказал бы я вместе с законодателем Беневоленским...» (*Тургенев. Письма,* т. 8, с. 315). 17 февраля (1 марта) 1871 г. в № 19 английского журнала «The Academy» Тургенев поместил статью об «Истории одного города» (см. *Тургенев. Соч.,* т. 14, с. 250—254). Оттиск этой статьи автор подарил Салтыкову (*Пантелеев,* с. 451—452).

296. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

25 ноября 1870. Петербург

П. бург. 25 ноября.

Все просьбы Ваши, многоуважаемый Алексей Михайлович, мною выполнены, то есть деньги, по расчету Вашему, переданы В. А. Арцимовичу [1], а 11 № «Отеч<ественных> зап<исок>» послал к Вам уже по новому адресу.

Благодарю Вас за слишком снисходительный отзыв об «Истории одного города». Теперь я издал ее вполне, но без иллюстраций, как Вы подаете мне мысль. Иллюстрации ведут за собой цензуру, и притом неизвестно еще, как публика примет это новое мое сочинение. Я должен Вам сознаться, что публика несколько охладела ко мне, хотя я никак не могу сказать, чтоб я попятился назад после «Губерн<ских> оч<ерков>». Не считая себя ни руководителем, ни первоклассным писателем, я все-таки пошел несколько вперед против «Губ<ернских> оч<ерков>», но публика, по-видимому, рассуждает об этом иначе. Вот ежели это издание разойдется быстро, я подумаю и об иллюстрированном и иллюстрации поручу академику Ге, который по моим наставлениям может сделать нечто хорошее[2]. Кстати: я вместе с сим распорядился, чтоб книгопродавец Звонарев выслал Вам экземпляр «Ист<ории> од<ного> гор<ода>», который и прошу Вас принять в знак моего сердечного к Вам уважения.

«Сила событий» действительно принадлежит мне; я не подписался, чтоб не давать поводов к толкованиям[3].

Я вопрошал Некрасова насчет продолжения «Кому на Руси», но сей празднующий муж только улыбается. Кажется, он готовит нечто для 1-й книжки 1871 года, но работа идет у него урывками среди увеселений, игры и охоты. Есть у него несколько готовых детских стихотворений (прелестных); может быть, он и ограничится их помещением[4].

Скажите серьезно: будете ли Вы когда-нибудь в России? Что до меня, то я с ума бы, кажется, сошел от ностальгии. Впрочем, я ни разу не бывал за границей и потому в этом деле не судья.

Адрес мой: Фурштатская, № 33.

Статья «Учение о нравств<енности>» принадлежит П. Л. Лаврову, который теперь в Париже. Так как он, по-видимому, эмигрировал, то вряд ли придется эту статью кончить[5].

Душевно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 639, оп. 2, № 82, л. 5—6.

Впервые опубликовано: «Русская мысль», 1913, № 4, отд. II, с. 117—118. Повторная публикация: *ЛН,* т. 13—14, с. 295—296.

---

[1] Сенатор В. А. Арцимович находился в свойстве с А. М. Жемчужниковым: он был женат на сестре поэта. Салтыков познакомился с Арцимовичем, в ту пору либеральным калужским губернатором, в 1860 г., когда

они оба участвовали в занятиях созванной в Петербурге Комиссии о губернских и уездных учреждениях, т. н. «губернаторской комиссии».

[2] Издание «Истории одного города» с иллюстрациями при жизни автора не было осуществлено. Письмо А. М. Жемчужникова, содержавшее эту идею, неизвестно. Опасения Салтыкова оправдались. «История одного города» не привлекла к себе при своем появлении (I отд. изд. в 1870 г.) широкого общественного внимания. Лишь спустя девять лет Салтыков счел возможным предпринять 2-е изд. книги (1879). Но к этому времени замысел об иллюстрировании, видимо, отпал. Салтыков высоко ставил историческую живопись Н. Н. Ге, с которым был лично знаком, а также трактовку им моральных проблем (см. отзывы Салтыкова о Ге в тт. 6 и 9 наст. изд., по указателям имен). Однако кисть этого художника вряд ли подходила для иллюстрирования гротесковой поэтики «Истории одного города».

[3] Статья «Сила событий» появилась в *Отеч. записках* (1870, № 10) под криптонимом «М. М.». Это одно из главных выступлений Салтыкова на тему о патриотизме. Разработка темы дана в статье в свете «откровения настоящей войны», то есть франко-прусской войны 1870—1871 гг. См. в наст. изд. т. 7, с. 162—183.

[4] Салтыков имеет здесь в виду произведения из цикла «Стихотворения, посвященные русским детям» — «Соловьи» и «Дедушка Мазай и зайцы». Первое было напечатано в *Отеч. записках*, 1870, № 10, второе — 1871, № 1. Всю зиму 1870/71 г. Некрасов был занят работой по собиранию материалов для «Княгини Трубецкой» из поэмы «Русские женщины».

[5] Статьи П. Л. Лаврова «Современные учения о нравственности и ее история» появились в 3, 4, 5, 6 и 8 книгах *Отеч. записок* за 1870 г. анонимно. Отдельное издание их под псевдонимом С. С. Арнольди вышло лишь в 1903/1904 г. в СПб. Статьи эти в 70-е и 80-е годы усиленно читались и изучались в кружке революционной молодежи. Так, например, тетрадь с обширными выписками из этих статей была отобрана у М. Горького при жандармском обыске в Казани в 1889 г. (см.: Б. И. Николаевский. Первое преступление М. Горького.— «Былое», 1921 (№ 16, с. 177). «Эмигрировал» Лавров, то есть бежал, в феврале 1870 г. при помощи Германа Лопатина из Кадникова, Вологодской губернии, куда он был сослан, за границу.

1871

297. А. Ф. КАБЛУКОВУ

8 января 1871. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Когда я был летом в Витеневе, то справлялся, не стоит ли на рекрутской очереди Иван Дмитриев (бывший у меня в услужении, тот самый, за которого вы взносили оброк), и мне сказали, что нет, а что на очереди состоит семейство Котыревых да еще какое-то. Теперь же Ивану Дмитриеву пишут, что состоит на очереди он и брат его Никита. Между тем Ивану выдали паспорт чистый, и каким образом произошла вся эта перемена неизвестно. Будьте добры, справьтесь, действительно ли Ивану Дмитриеву предстоит рекрутство, и почему именно. Во всяком случае, ежели очередь за ним и за братом его Никитою, то нельзя ли, чтоб Ивана не тревожить и окончить Никитою. Весьма буду Вам обязан, если Вы разъясните это дело; в случае надобности, похлопочите даже у мирового посредника, чтоб спасти Ивана. Общество витеневское просто бог знает что делает с этими несчастными, которые там не живут, ничем не пользуются и бездоимочно платят подати вдвое более против остальных. И еще справьтесь: действительно ли на Ивана наложили оброк 30 р. в год вместо 25 р. и когда этому будет предел? Сверх того, Ивану должно быть уже 30 лет, но нужно бы справиться об этом в книгах витеневской церкви. Будьте так добры, попросите священника сделать эту справку и вообще постарайтесь спасти Ивана.

Я попросил бы Вас дать мне ответ на это письмо с первою почтой. Пожалуйста, не замедлите.

Что-то Корочкин? платит ли? Я боюсь, что Вы без денег

сидите. Да не пора ли продавать сено? или Вы думаете ждать до весны?

Милостивой государыне Марье Ивановне и всем Вашим прошу передать от меня и от жены почтение.

8 января.
П. бург.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Пожалуйста, поскорей ответьте, потому что набор 16-го числа.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 30—31. Публикуется впервые.

Годовая дата определяется по связи содержания письма с сохранившимся в бумагах А. Ф. Каблукова обращением Ивана Дмитриева в Марфинское волостное правление от 29 января 1871 г. Из обращения видно, что дело с рекрутством Ивана Дмитриева устроилось так, как об этом просил в комментируемом письме Салтыков. В рекруты был назначен не Иван Дмитриев, а его брат Никита.

298. А. Ф. КАБЛУКОВУ

14 января 1871. Петербург

Извините, многоуважаемый Алексей Федорович, что несколько опоздал с условием о мельнице: времени было досужего мало. Посылаю Вам Ваш проект, и в то же время свой, который совершенно то же, что и Ваш, только порядок несколько изменен. При этом мною оставлены белые места для след<ующих> случаев: нужно определить ширину и длину анбара; нужно упомянуть о толщине жерновов; цену каждого вершка следует определить согласно цене жерновов, какая ныне существует; это Вы все узнаете в Москве, когда будете заключать у нотариуса контракт. Неустойку я положил 350 р., т. е. годовой оброк; думаю, что это справедливо. Я желал бы включить условие, что остающийся от запруды плотины навоз должен принадлежать мне. Бог знает, какие могут встретиться случайности. На половинные издержки по заключению контракта я согласен. За тем, когда заключите контракт, то напишите мне. Я советовал бы Вам заключить контракт у нотариуса Шубинского (у Иверских ворот под Московским трактиром). Он мне знакомый, и Вы можете адресоваться к

нему моим именем; может быть, он и полезное что-нибудь присоветует.

Что касается до Кузнеца, то если бы флигель сгорел до срока, то аренда само собой прекращается, и деньги за недодержанное время возвращаются ему — я на это согласен. Что касается до того, что он может открыть кабак в своем доме в истечении срока, то этого не следует допускать и обязать его неустойкой посильнее. Если он и будет мне платить 70 р., то что же мне с строением-то делать. Пришлите мне, пожалуйста, копию с условия Кузнеца.

Я сделал распоряжение, чтобы на имя Алекс. Алекс. Кардановской [1] высылалась газета «Современные известия» [2] для передачи Вам. По прочтении, прошу Вас передавать витеневскому священнику [3], которому я обещал.

Поздравляю Вас и всех Ваших с Новым годом; жена моя также желает Вам всего лучшего.

Марью Ивановну усерднейше поздравляем и желаем жить многие лета.

Будьте здоровы; жму Вашу руку

М. Салтыков.

14 января.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 32—33. Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по связи содержания письма с упомянутыми выше (см. прим. к письму 292) условиями на новую аренду М. И. Корочкиным витеневской мельницы. Проект был составлен осенью 1870 г., заключение же соглашения предполагалось в январе 1871 г.

---

[1] А. А. Кардановская — ее имя всегда указывалось Салтыковым в своем витеневском адресе; например, в письме 343 (к А. Н. Энгельгардту): «Москва, 3-я Мещанская, дом Аббакумовой, Александре Александровне Кардановской, для передачи М. Е. Салтыкову».

[2] Газета консервативного направления, выходившая в Москве, под ред. Н. П. Гилярова-Платонова.

[3] Витеневскому священнику Матвею Васильевичу Соловьеву. О нем Салтыков однажды сказал: «Встретил в Москве Матвея Васильевича. Он просил меня, не могу ли я ему помочь получить камилавку. Глупый он человек. Коли бы я начал хлопотать, его бы, пожалуй, места лишили» (*ЛН,* т. 67, с. 529).

299. А. Ф. КАБЛУКОВУ

27 января 1871. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович. Известие об отказе Корочкина о заключении условия очень неприятно на меня подействовало, тем более что, вероятно, Корочкин и теперь еще пользуется мельницей, то есть именно в ту самую пору, когда содержание ее особенно выгодно. Я, право, и сам не знаю, как поступить в этом деле, тем более что отлучиться мне из Петербурга нельзя, да вряд ли к чему-нибудь и поведет эта отлучка. На всякий случай прошу Вас объявить Корочкину, что я согласен на употребление леса 7 аршин длиной и $4^1/_2$ вершка толщиной; а также на уплату, в случае сгорения мельницы, той части, которая определена § 15. Но на исключение неустойки не согласен, так как это будет уже не контракт, а шутка, и ежели они не соглашаются на неустойку, то это означает, что они заранее предположили не исполнить контракта. Ежели они не согласны будут заключить на этих условиях контракт на 10 лет, то я, конечно, был бы согласен, чтобы они держали мельницу хотя в 1871 году, но только недоумеваю, каким же образом они заплатят аренду за два года. Если все это не удастся, то не признаете ли Вы удобным принять от него мельницу по описи и при свидетелях и поставить от себя мельника, а маслобойщика нанимать в случае надобности. Можно было бы приусловить Кучука. Надзор Вы можете иметь по мере возможности, поручив присматривать, например, дьячку, которому можно давать за это умеренное вознаграждение. По крайней мере, в этом случае мельница хоть что-нибудь принесет, да и во время половодья будет кому за ней присмотреть. Но ежели уж Корочкины откажутся от всяких соглашений, то следует аренду за 1870 год с них взыскать через мирового судью, не надеясь на их обещания, а также взыскать и все то, что при сдаче не окажется, как, например, за жернов, который теперь никуда не годится. Во всяком случае, я просил бы Вас до лета как-нибудь обойтись, а всего лучше было бы без Корочкиных, потому что эти люди положительно нам вредят своими обещаниями и обманами.

Будьте так добры, уведомьте меня, на что Вы решитесь.

Условие с Кузнецом заключено совершенно правильно.

Не найдется ли кто-нибудь желающий взять мельницу хотя бы со льготой, но только под условием прочной постройки. Сами согласитесь, что это за бревна в 1 аршин длины и 4 вершка ширины. На всякий случай прилагаю при сем письмо к нотариусу Шубинскому [1], которое прошу Вас, прочитав, запечатать и отдать ему. Я прошу посодействовать Вам в прииска-

нии съемщика. Может быть, он и поможет. А от Михайлы Иванова я истинно желаю отделаться, хотя и предоставляю Вам условиться с ним на тех основаниях, какие изложены выше. Это мошенник, который только за душу тянет.

Прошу Вас засвидетельствовать почтение от меня и от жены Марии Ивановне и всем Вашим.

27 января. Преданный Вам
С. П. б. *М. Салтыков.*

Только с Шубинским будьте осторожны; он малый не промах. О последствиях меня уведомьте.

Чтобы лучше успеть у Шубинского, побывайте у моего брата, Сергея Евграфовича, живущего в Москве, на Тверской, в Дехтярном переулке, дом Бурцевой. Он Вас и познакомит с Шубинским.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 34—35. Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по связи содержания письма с упомянутым выше проектом условий на сдачу в аренду витеневской мельницы М. И. Корочкину. Ср. прим. к письмам 292 и 298.

---

[1] Письмо к Шубинскому неизвестно.

300. А. Ф. КАБЛУКОВУ

28—29 января 1871. Петербург

Будьте так добры, многоуважаемый Алексей Федорович, передайте марфинскому волостному старшине прилагаемое письмо Ивана Дмитриева. Этого человека беспокоят бог знает из чего. В рекруты ему идти не следует, а очевидно, хотят вытеребить денег, на что общество даже право не имеет. Я сегодня пишу об этом к мировому посреднику, потому что нельзя, наконец, сгонять человека с места без всякой причины. Место в Петербурге получить не так легко, потому что не всякий господин охотно отпустит лакея. Пожалуйста, вразумите старшину, что мешаться ему в чужие дела не следует тем более, что Ивану выдан паспорт беспрепятственный. Я положительно добьюсь, чтобы его подвергли ответственности, хотя бы пришлось для этого ехать в Москву. Это мутит наш староста, и я прошу Вас сказать ему, что стыдно так поступать без всякой совести. Хоть бы сказал прямо, что́ ему нужно, то есть ка-

кой награды Никите Дмитриеву, а то ничего не говорит, а только требует, чтоб Иван приехал. Он проедет больше, чем может дать награды, да у него и средств нет, потому что от небольшого жалованья, которое он получает, не бог знает что остается.

Во всяком случае, прошу Вас уплатите старшине деньги 9 р., которые Иван жертвует в пользу брата (5 р.) и общества (4 р.). Я получу их здесь с Ивана.

О мельнице я вам писал вчера, и, вероятно, Вы получите мое письмо вместе с этим.

Желаю Вам всего лучшего и прошу не сердиться на комиссии, которыми обременяю Вас.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Прошу Вас уведомить, будут ли уплачены 9 р., а также получаете ли «Современные известия», пересылаемые священнику, как то ему обещал? *М. Е.*

На конверте: Ее благородию Александре Александровне Кардановской. Москва. В 3-й Мещанской, дом Аббакумовой. Для передачи в село Пруссы А. Ф. Каблукову. Просят сыскать оказию поскорее.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 36—37. Публикуется впервые.

Дата устанавливается по связи содержания комментируемого письма с сохранившимся в бумагах А. Ф. Каблукова письмом Ивана Дмитриева из Петербурга в Марфинское волостное правление помеченным «Января 29 дня 1871 г.» (см. прим. к письму 297). В обоих письмах сообщается о пожертвовании Иваном в пользу брата Никиты, пошедшего за него в рекруты, 5 рублей и в пользу витеневского общества («мира») 4 рублей. С другой стороны, слова комментируемого письма «О мельнице я Вам писал вчера...» относятся, несомненно, к письму к А. Ф. Каблукову от 27 января 1871 г.

301. В. П. ГАЕВСКОМУ

2 февраля 1871. Петербург

Чтобы ты не удивился моему отсутствию сегодня в Литературном фонде, многоуважаемый Виктор Павлович, и не счел оное преднамеренным, спешу уведомить тебя, что я до того простудился, что кашляю и чихаю не ослабляючи. Пожалуйста, ежели меня выберут, уведомь о дне, часе и месте первого заседания.

Твой
М. Салтыков.

2 февраля.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, д. 4.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 33.

Год устанавливается по содержанию письма: 2 февраля 1871 г. на годовом собрании членов Литературного фонда Салтыков был избран членом Комитета и оставался им до 2 февраля 1874 г. (*ИРЛИ, ф. 155. Журналы Литфонда за 1871—1874 гг.*, л. 28).

302. С. А. ЮРЬЕВУ

8 февраля 1871. Петербург

Многоуважаемый Сергей Андреевич!

Начинаю свое письмо извинением в замедлении ответа; но тут виноват более Унковский, нежели я. Письмо твое я тотчас же ему передал, и он вознамерился было обсудить твое предложение, но теперь сообщил мне, что решительно не имеет возможности ответить на твою просьбу [1] удовлетворительно по трем причинам, кои суть: во-первых, он по совести не может отрицать заслуг тех лиц, в пользу которых предполагаются овации в Москве. Во-вторых, ему кажется неловким писать статью, отчасти рекомендующую публике его самого, хотя бы статья эта появилась в твоем журнале и без подписи. В-третьих, наконец, он не имеет времени для публицистики, ибо по горло погружен в свое аблакатство.

Я, с своей стороны, полагаю, что статью, какую ты желаешь, мог бы удовлетворительно написать И. В. Павлов.

Я первую книгу «Беседы» уже имею и рассматриваю с большим интересом. Но, признаюсь тебе откровенно, чаяний твоих насчет возможного совокупления философии с <религией?> не разделяю. Скорее можно совокупить ее с винным откупом, как это и делал А. И. К<ошелев>, но духа исследования с духом безусловного верования слить нельзя [2].

Впрочем, когда буду в Москве, то непременно тебя посещу и лично осмотрю ту лабораторию, в которой происходит соединение философии с <религией>.

Иван Вас. Павлов на эти дела мастер: он докажет, что пользоваться общечеловеческою цивилизацией значит носить чужие подштанники и сморкаться в чужой платок. Докажет, разумеется, не логическим путем, а посредством «живых образов». Он мне сам недавно все это в частном письме изображал и обещался, что так именно и изобразит в твоем журнале [3].

Впрочем, помимо <религии?> есть множество частных вопросов в жизни, к которым, я вполне уверен, журнал твой отнесется дельно и честно.

В ожидании удовольствия видеть тебя лично остаюсь искренно тебя уважающий

М. Салтыков.

8-го февраля. Петербург.

Печатается по тексту первой публикации в сборнике: «В память С. А. Юрьева». М., 1890, с. 287—288. Подлинник неизвестен. Год устанавливается по упоминанию о выходе первого номера журнала «Беседа». Допущенные в публикации в трех случаях цензурные купюры относятся, предположительно, к словам: «религия» или «религиозная вера». В угловых скобах восстановлено первое из этих предположительных слов.

---

[1] По-видимому, редакция «Беседы» обращалась к А. М. Унковскому, одному из видных деятелей крестьянской реформы, с просьбой написать статью по случаю десятилетнего юбилея 19 февраля 1861 г.

[2] Салтыков полемизирует со следующими положениями программной статьи С. А. Юрьева «В чем наша задача?» («Беседа», 1871, № 1): «Истину проповедует вера: истины ищет мысль человека по всем путям и во всех областях его научного знания...», «Просвещение и высшее нравственное начало сообщила нашему народу Восточная христианская церковь, сохранившая неприкосновенно учение Христа», «Освобождающий дух веры говорит не одному уму, как философское учение, но объемлет все живые силы человеческого духа...» и т. п.

[3] О своем намерении сотрудничать в журнале «Беседа» и о своих позициях в этом сотрудничестве, близких к славянофильским, И. В. Павлов сообщал в письмах к А. И. Кошелеву, написанных в связи с появлением статьи Салтыкова «Сила событий». В письме от 6 ноября 1870 г. он писал: «Получивши Ваше живейшее письмо (вот такие люблю!), взял октябрьскую книжку «Отечественных записок» и прочитал «Силу событий». Очень хорошо. Вы пишете, что Салтыков отделал Суворина... Неужели же сему последнему принадлежит в 10-м <9!> № «Вестн<ика> Европы» статья «В гостях и дома», над которой Салтыков глумится?! Не воображал, чтобы Суворин мог упасть так низко» (*ГЦТМ*, ф. 320, № 261, л. 1). В другом письме к тому же адресату от 1/13 ноября 1870 г. Павлов прибавлял: «Салтыковская статья очень остра и метка, но страдает теми же недостатками, как и трактат Данилевского <«Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому»> в «Заре»* <1869, №№ 1—6, 8—10>, т. е. отсутствием строгой логичности. «Патриотизм» (по Салтыкову) «есть вид любви к общему благу». Это определение до того общо и поверхностно, что ровно ничего не определяет. Космополит противоположен патриоту, значит, космополит тот, в ком нет

---

* Я поэтому назвал ее «честным» журналом, что редактору она в убыток.

любви к общему благу,— другими словами,— паразит, бурая свинья... Сколь мне ни претит космополитизм, но <на> такую нелепость я согласиться не смогу: есть космополиты благороднейшие, преисполненные любви к общему благу, не выражающие патриотизм потому только, что витают в области абстрактной. Таковы были Шиллер и маркиз Поза. Таковы Белинский, Чернышевский, Добролюбов... Таковы и теперь лучшие из питерских «отрицателей», к которым надо причислить и самого Салтыкова. Что такое патриотизм? Вот с этого я и начну свою «корреспонденцию» в «Беседу» или (что все равно) с «народности и общечеловеческого» (там же, лл. 3—4).

303. П. В. АННЕНКОВУ

4 марта 1871. Петербург

Многоуважаемый Павел Васильевич.

Тургенев, при свидании со мною у Ге, говорил о предполагаемом сегодня собрании художников и литераторов у Огюста, причем показывал список приглашаемых лиц, в котором числился и я[1]. Между тем я повестки не получил и потому не знаю, отчего это происходит: от ошибки ли, или оттого, что собрание отменено, или, быть может, меня сняли со списка. На случай, если это произошло от ошибки, прошу Вас разъяснить причину моего отсутствия И. С. Тургеневу. Я предполагаю, что Вы получили приглашение.

Ваш

4 марта. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, л. 44.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 62—63.

---

[1] Собрание состоялось 4 марта 1871 г., но не в ресторане Огюста, а в большом зале гостиницы Демут. На нем «собралось несколько десятков литераторов, художников, артистов, музыкантов с целью организовать общеартистическую Беседу, которая служила бы центром для соединения артистических петербургских сил. Инициатива этого полезного дела принадлежит г. Рубинштейну и некоторым другим артистам и художникам. Со стороны литераторов инициативу принял на себя И. С. Тургенев» («С.-Петербургские ведомости», 1871, № 65, 6 марта). По словам П. Д. Боборыкина, Салтыков отрицательно отнесся к проекту Рубинштейна и Тургенева. (П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. 2. М., 1965, с. 146, 454—456).

804. А. Ф. КАБЛУКОВУ

5 марта 1871. Петербург

Извините, многоуважаемый Алексей Федорович, что до сих пор не отвечал на письмо от 14 февраля: был очень занят. На условие с Корочкиным насчет рассрочки их долга я согласен, но так как на три года срок слишком продолжителен, то нельзя ли заключить это условие на 2 года (разумеется, это только желание мое). Я боюсь, что они и ранее прогорят. Как идет мельница и не наклевывается ли какой-нибудь арендатор? Мне совестно, что для Вас это лишние хлопоты. Лучше несколько спустить цену да отдать надежному человеку. Мне что-то не верится, чтобы в Дмитров железную дорогу проводили, не шоссе ли?

Прошлым летом мы говорили с Вами об исправлении витеневского дома, т. е. о поднятии стены у крыльца, это будет совершенно необходимо сделать будущей весной, а так как уж она на дворе, то будьте так добры позаботьтесь об этом. Я желал бы, сверх того, исправить крышу, где она протекает, и подбавить нового тесу, где таковой попортился, и затем окрасить дом снаружи в кофейную краску. Деньги, какие потребны будут, я вышлю по первому Вашему письму, т. е. дам Вам записку на книжный магазин Соловьева, где Вы и получите. Хорошо, кабы 500 рублями обошлось, но ежели и дороже, то все-таки надо будет делать, потому что иначе, пожалуй, совсем дом упадет. Пожалуйста, уведомьте, что это может приблизительно стоить. Внутри также надобны будут переделки в той половине, которая села.

Марии Ивановне и всем Вашим прошу передать от меня и от жены почтение.

Будьте здоровы; жму Вам руку.

5 марта. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 40—41. Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по сохранившейся в бумагах А. Ф. Каблукова «расписке» Ивана Антипова и Михайло Иванова Корочкиных от 1 февраля 1871 г. В ней они обязуются погасить свой долг по аренде витеневской мельницы в течение трех лет.

305. Я. К. ГРОТУ

10 марта 1871. Петербург

Милостивый государь, Яков Карлович.

Прошлою ночью умер известный литератор Ф. М. Решетников, не оставив после себя ни копейки, так что нечем похоронить его. Податель сего, брат его, просит о выдаче из Литературного фонда 100 р. на похороны. Я, с своей стороны, имею честь покорнейше просить Вас об удовлетворении просителя до собрания заседания.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть готовый к услугам

М. Салтыков.

10 марта.

С. П. б.

Помета Я. К. Грота: Дано г. Каргополову сто рублей. Я. Грот.

Печатается по подлиннику: Архив АН СССР (Ленинград), ф. 137, оп. 3, № 847.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, с. 58.

306. В КОМИТЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

14 марта 1871. Петербург

Посетив г. Глушицкого, я нашел его в самом крайнем положении. Живет на хлебах в бедном семействе, имеющем одну комнату, в которой помещается, кроме детей хозяйских, порядочное количество собак на прокормлении. Г. Глушицкий одет в рубище; за квартиру и за харчи задолжал. Подание ему помощи я считаю необходимостью.

М. Салтыков.

14 марта.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1871* г., л. 418.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 63—64. В *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 438; в комментарии к этому письму ошибочно сказано, будто в конце его содержится приписка Салтыкова с рекомендацией Пятковского в члены Литературного фонда (см. письмо 307).

Салтыков посетил Глушицкого в тот же день, как получил его письмо от 14 марта 1871 г. с просьбой оказать содействие в получении пособия из

Литературного фонда. Несмотря на поддержку Салтыкова, Комитет в своем заседании от 15 марта отклонил просьбу о пособии, но постановил: «Отклонив ходатайство просителя, так как по своим литературным трудам он не имеет права на частую помощь со стороны Общества, выдать ему 25 рублей, собранные по частной подписке между членами Комитета» (*ИРЛИ, ф. 155. Журналы Литфонда за 1871—1874 гг.*, л. 419).

307. В КОМИТЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

Около 20 марта 1871. Петербург

Предлагается в члены общества Александр Петрович Пятковский. У 5 углов [1], д. Лапиных.

Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1871 г.*, л. 595. За исключением подписи, написано рукою Г. К. Репинского.

Впервые (неточно) опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, с. 438. Датируется приблизительно временем принятия Пятковского в члены Литературного фонда — 20 марта 1871 г.

---

[1] Название улицы в Петербурге.

308. А. Ф. КАБЛУКОВУ

31 марта 1871. Петербург

С. П. б. 31 марта.

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Мне кажется, старший сын Ваш нынешним летом кончает курс в Университете. Если это так, то я имею хороший случай для определения его на службу. В августе или сентябре открывается Саратовский судебный округ и вместе с тем Окружной суд в Пензе. Председателем этого суда назначен мой хороший приятель Иван Ильич Мечников (бывший тверской прокурор) [1], которому я уже и говорил о Вашем сыне. Он дал мне слово определить его тотчас же по открытии суда помощником секретаря с жалованьем 600 р. в год и с тем, что Мечников уже будет способствовать движению его вперед, так что ежели он более способностей будет иметь по судебной части, то он повысит его при суде, а ежели к следственной части, то определит судебным следователем. Я советовал бы Вашему сыну принять это место, во-первых, потому, что жалованье на

первый случай все-таки порядочное, а во-вторых, потому, что Мечников отличный человек и будет заботиться об нем, как бы я сам. Что касается до того, что Пенза далеко, то и это сгладится с проведением железной дороги, которая уже разрешена. Если все это Вам по мысли, то нужно, чтобы сын Ваш повидался с г. Мечниковым. В половине апреля, а может быть, и ранее, он будет в Москве, где он останавливается у князя Оболенского, в Георгиевском переулке, между Малой Никитской и Спиридоновской, в доме Заболоцкого. Пускай сын Ваш сходит туда и оставит кн. Оболенскому свой адрес; как только Мечников приедет в Москву, он тотчас же пошлет за ним. Мечников поедет в Пензу уже в мае, для ревизии теперешних судов, я не знаю, когда кончатся экзамены Вашего сына, но он может вскоре после них тоже отправиться в Пензу, потому что Мечников обещал мне, еще до открытия суда, определить его при себе в качестве вольнонаемного. Во всяком случае ответьте мне.

Ко мне писал некто Анатолий Иванович Тихеев, должно быть купец, живущий на Вшивой горке в доме Сарачева, и объявляет о желании своем купить Витенево, где он уже и был, но Семен ни до чего его не пустил. Не съездите ли Вы к нему, узнать, какую цену он полагает дать, и вообще посмотреть, подходящий ли это человек.

Будьте так добры, не оставьте распорядиться исправлением дома. Сообразите, не нужно ли будет Вам денег и сколько, и напишите. Я нынешний год полагаю приехать во второй половине мая, то есть раньше, нежели прежде. Что-то мужики нынче опоздали с арендною платой.

Поздравляю Вас и всех Ваших с праздниками.

Милостивую государыню Марью Ивановну тоже душевно поздравляем.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Жена спрашивает, нельзя ли будет устроить на реке купальню, а также новый плотик. Так как плотники у Вас будут, то уж заодно сделали бы и это.

На конверте: В Москву. В 3-й Мещанской, дом Аббакумова. Александре Александровне Карданоаской. Для передачи в с. Пруссы А. Ф. Каблукову.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 42—43. Публикуется впервые.

Годовая дата определяется содержанием письма. Старший сын А. Ф. Каблукова, будущий известный экономист и статистик, лично общав-

шийся с К. Марксом и Ф. Энгельсом, Николай Алексеевич Каблуков, окончил Московский университет летом 1871 г. Салтыков оказал решающее содействие в устройстве его на службу в Окружной суд в Пензе осенью того же 1871 г.

---

[1] Это был брат двух известных деятелей — знаменитого биолога Ильи Мечникова и географа, социолога и публициста, сотрудника «Современника» и герценовского «Колокола», гарибальдийца Льва Ильича Мечникова (Леона Бранди). В годы вице-губернаторства Салтыкова в Твери И. И. Мечников занимал там должность губернского прокурора.

309. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

31 марта 1871. Петербург

С. П. б. 31 марта.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Так как у Вас, вероятно, найдется свободное время, то мне кажется, что Вы могли бы с пользою употребить его на работу, которая именно всего удобнее может быть исполнена на месте. А именно изобразить современное положение помещичьих и крестьянских хозяйств сравнительно с таковым же до 1861 года. Само собой разумеется, что тему эту Вы можете распространить по усмотрению, то есть втискать туда весь сельский наш быт. Нравственное и всестороннее экономическое положение, состояние училищ, кабаки, влияние теперешней податной системы, положение крестьянских судов, промыслы и торговля, деятельность земских управ и т. п. Это могло бы доставить Вам материал для целого ряда статей, которые могли бы иметь тем большую занимательность, что Вы приступили бы к составлению со всеми необходимыми знаниями. «Отеч<ественные> зап<иски>» могли бы дать Вам хорошую плату, да сверх того из их могла бы впоследствии составиться порядочная книга, которую тоже можно издать [1].

Пожалуйста, ответьте мне поскорее и сообщите Ваши мысли по этому предмету.

Анна Николаевна была нездорова, но теперь ей лучше. Она сообщила мне, что Вы покамест еще не ощущаете большой скуки.

Весь ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 572, № 174, л. 1.

Впервые опубликовано (с незначительным пропуском): «Исторический вестник», 1911, № 4, с. 55.

Год устанавливается по содержанию письма. Известный ученый-агроном и публицист на сельскохозяйственные темы, декан Петербургского земледельческого института Александр Николаевич Энгельгардт был женат на родственнице жены Салтыкова, известной переводчице Анне Николаевне Энгельгардт, урожденной Макаровой (*Макашин II,* с. 505—506). 1 декабря 1870 г. он был арестован, заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, признан следственной комиссией главным виновником беспорядков в Земледельческом институте. В связи с запрещением жить «в столичных городах и губерниях, где находятся университеты» в начале 1871 г. поселился в своем имении Батищево (Смоленской губернии, Дорогобужского уезда). Здесь Энгельгардт прожил 22 года.

[1] Таким образом, инициатива знаменитых писем «Из деревни» Энгельгардта принадлежит Салтыкову (подробнее о них см. письмо 323, прим. 2).

310. А. Н. ПЫПИНУ

2 апреля 1871. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Так как мне известно близкое участие, принимаемое Вами в редактировании «Вестника Европы», то я полагаю, что рецензия «Истории одного города» [1], помещенная в апрельской книжке этого журнала, попала туда не без Вашего одобрения. А как я всегда дорожил Вашими взглядами на дела рук моих, то считаю нелишним обратить благосклонное Ваше внимание на некоторые недоразумения, закравшиеся во мне при чтении означенной статьи.

1) Статья названа критическою. Но так как в ней прежде всего замечается отсутствие каких бы то ни было общих положений, то она имеет скорее характер рецензии. Но для того, чтобы написать рецензию столь обширных размеров, автор вынужден был заменить общие положения частными замечаниями, и обилие таковых сообщило статье характер подьяческий.

2) Взгляд рецензента на мое сочинение как на опыт исторической сатиры совершенно неверен. Мне нет никакого дела до истории, и я имею в виду лишь настоящее. Историческая форма рассказа была для меня удобна потому, что позволяла мне свободнее обращаться к известным явлениям жизни. Может быть, я и ошибаюсь, но, во всяком случае, ошибаюсь совершенно искренно, что те же самые основы жизни, которые существовали в XVIII в.,— существуют и теперь. Следовательно, «историческая» сатира вовсе не была для меня целью, а только формою. Конечно, для простого читателя не трудно ошибиться и принять исторический прием за чистую монету,

но критик должен быть прозорлив и не только сам угадать, но и другим внушить, что Парамоша совсем не Магницкий только, но вместе с тем и граф Д. А. Толстой. И даже не гр. Д. А. Толстой, а все вообще люди известной партии, и ныне не утратившей своей силы.

3) Рассказ от имени архивариуса я тоже веду лишь для большего удобства и дорожу этою формой лишь настолько, насколько она дает мне больше свободы. Вообще я выработал себе такое убеждение, что никакою формою стесняться не следует, и заметил, что в сатире это не только не безобразно, но иногда даже не безэффектно. А рецензент упрекает меня, что я сделал это в пику Шубинскому и другим подобным историкам. Но что такое Шубинский? По моему мнению, это своего рода тип, или, говоря гончаровским словом, это «вещественное выражение невещественных отношений»[2]. Шубинский — это человек, роющийся в говне и серьезно принимающий его за золото. Шубинский — это тип, положим, крайний, но никто не мешает и возвеличить его, то есть возвести в квадрат и куб — все же будет Шубинский.

4) «Да не подумают читатели,— говорит рецензент,— что мы желаем сравнить Гоголя с г. Салтыковым». Эта фраза очень ядовитая и показывает в рецензенте бывалого и ловкого человека. Но вместе с тем не есть ли она выражение того «смеха ради смеха», в котором, между прочим, рецензент обвиняет меня? И в какой степени этот прием приличен относительно писателя, не без пользы действующего в литературе больше двадцати лет?

5) Упрек в «смехе ради смеха» вышел в первый раз от Писарева[3] и имел источником личное его враждебное ко мне чувство. С тех пор всякий, кто на меня рассердится, поднимает эту штуку, и так как эта штука дешевая, то танцевать на ней можно сколько угодно. Если б мне было доказано, что я предаю осмеянию явления почтенные или не стоящие внимания, я, наверное, прекратил бы деятельность столь идиотскую. Представителем смеха для смеха может быть назван рецензент, голословно обвиняющий в смехе для смеха, да еще с чужих слов, ради того только, что тут есть смешное сочетание слов. Сей человек действительно уподобляется гоголевскому мичману, которому достаточно было показать палец, чтоб возбудить смех[4]. Я же, благодаря моему создателю, могу каждое свое сочинение объяснить, против чего они направлены, и доказать, что они именно направлены против тех проявлений произвола и дикости, которые каждому честному человеку претят. Так, например, градоначальник с фаршированной головой означает не человека с фаршированной головой, но

именно градоначальника, распоряжающегося судьбами многих тысяч людей. Это даже и не смех, а трагическое положение. Гулящие девки, которые друг у друга отнимают бразды правления, тоже едва ли смех возбуждают, то есть могут возбудить его лишь в гоголевском мичмане, сделавшемся критиком. Изображая жизнь, находящуюся под игом безумия, я рассчитывал на возбуждение в читателе горького чувства, а отнюдь не веселонравия. Достиг ли я этого результата — это вопрос иной, но утверждать, что я имел в виду одну пустую забаву,— это может только критик-мичман.

6) Против обвинения, что я представил картину не полную, обошел многие элементы, весьма важные и характеристичные, я могу ответить афоризмом Кузьмы Пруткова: «необъятного не обнимешь». Впрочем, ведь я не закаялся написать и второй том «Истории». Для меня хронология не представляет стеснений, ибо, как я уже объяснил выше, я совсем не историю предаю осмеянию, а известный порядок вещей.

Наконец, 7) рецензент обвиняет меня в глумлении над народом, и с некоторою даже гадливостью (вот-то опрятный человек!) отзывается о статье: «о корени происхождения», где поименовываются головотяпы, моржееды и другие племена в этом роде. Как подлинный историк, Вы, Александр Николаевич, должны быть знакомы с Далем и Сахаровым. Обратитесь к ним и увидите, что это племена мною не выдуманные, но суть названия, присвоенные жителям городов Российской империи. Головотяпы — егорьевцы, гужееды [5] — новгородцы и т. д. Если уж сам народ так себя честит, то тем более права имеет на это сатирик. Затем, что касается до моего отношения к народу, то мне кажется, что в слове «народ» надо отличать два понятия: народ исторический и народ, представляющий собою идею демократизма. Первому, выносящему на своих плечах Бородавкиных, Бурчеевых и т. п., я действительно сочувствовать не могу. Второму я всегда сочувствовал, и все мои сочинения полны этим сочувствием. Я в первый раз слышу подобный упрек, и, к счастию, слышу от гоголевского мичмана.

Не думайте, многоуважаемый Александр Николаевич, что настоящее письмо внушено мне разнузданностью самолюбия. Я просто, по чувствам, мною к Вам питаемым, желал объяснить, что точка зрения, на которой стоит Ваш журнал относительно меня, не совсем справедлива.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Письмо сие частное и тиснению не подлежит.

На письме помета А. Н. Пыпина: 2 апреля 1871. Тогда же отвечал [6].

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 621, № 750.

Впервые частично: «Вестник Европы», 1889, № 6, с. 835—836; полностью: «Современный мир», 1914, № 4, отд. II, с. 7—9; Повторная публикация: «Петроград», 1923, № 8, с. 10—11. Датируется по помете Пыпина о получении письма. В Петербурге письма доставлялись адресату в день отправления или на другой день.

---

[1] Рецензия на «Историю одного города» Салтыкова, под названием «Историческая сатира», в «Вестнике Европы» (1871, № 4) принадлежала А. С. Суворину, подписавшемуся «А. Б—ов». Суворин понял сатиру Салтыкова, исполненную глубоких философски-исторических обобщений и общественно-политической актуальности, как «сатиру историческую», то есть сатиру на русскую историю, и в согласии с такой трактовкой, чуждой замыслу автора, обвинил его в глумлении над русским народом и его прошлым. Незадолго до завершения работы над своей статьей Суворин был (20 февраля) на обеде у Стасюлевича, на котором присутствовал Тургенев. В письме к Стасюлевичу (не датировано) Суворин писал: «Кончаю о Щедрине, и дух мой смущается теми похвалами книге, которые я слышал у Вас за обедом у Тургенева. Неужели он это искренне говорил? Для меня это — задача!» (цитируется по копии — *ЦГАЛИ*, ф. 452, оп. 2, № 346, л. 47). Подробнее о статье Суворина см. в примечаниях к «Истории одного города», в наст. изд. т. 8, с. 537—539, 544.

[2] Неточные слова из ответа Адуева-младшего, спрятавшего в руке кольцо от неожиданно вошедшего в комнату дяди. У Гончарова: «Это, дядюшка, вещественные знаки... невещественных отношений...» («Обыкновенная история», ч. I, гл. 2).

[3] В статье Д. И. Писарева «Цветы невинного юмора» («Русское слово», 1864, № 2).

[4] Мичман, упоминаемый Жевакиным в комедии Гоголя «Женитьба» (д. II, явл. VIII).

[5] Описка Салтыкова. Гужеед — бранное прозвище кучера (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. М., 1955, с. 406). Надо читать «гущееды», как и употреблено в «Истории одного города» (см. в наст. изд. т. 8, с. 270, 555).

[6] Ответ Пыпина на это письмо Салтыкова об «Истории одного города» до настоящего времени был неизвестен. Найденный черновик ответа дает возможность глубже понять содержание двух последующих писем Салтыкова (311 и 315) по поводу той же рецензии Суворина. Поэтому он приводится полностью в Приложениях (VII).

311. А. Н. ПЫПИНУ

6 апреля 1871. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич. Письмо Ваше душевно утешило меня, ибо для меня важно было *Ваше* мнение о моей литературной деятельности [1]. Что же касается до того, что думает обо мне «Вестник Европы», как орган Стасюлевича и Суворина, то это для меня дело совершенно постороннее.

Вы, между прочим, упоминаете о недостаточной ясности моей сатиры и приводите «старый слух», что некоторые даже очень умные люди были поставлены в недоумение. Что касается вообще неясности некоторых моих сочинений, то она обусловливается, во-первых, характером их, а во-вторых, и тою обстановкой, которая до сего дня окружает русскую литературу. Я полагаю, что Вы, точно так же, как и я, очень мало убеждены в возможности писать свободно; я же, кроме того, пользуюсь особливою ненавистью со стороны лиц, на заставах команду имеющих. «Старого же слуха» я не совсем понимаю. Ежели тут дело идет о «Каплунах», то вряд ли идея этого очерка могла представлять неясность. Идею эту я развивал впоследствии неоднократно, и заключается она в том, что следует из тесных рамок сектаторства выйти на почву практической деятельности. Может быть, идея эта спорная, но, во всяком случае, в ней нет ничего недостойного. Н. Г. [2], который тогда же писал ко мне по этому случаю, оспаривал меня и убедил взять очерк назад. Но он ни одним словом не обвинял меня, и я счел, что тут скорее идет речь о *несвоевременности,* нежели о внутреннем достоинстве идеи [3].

С распадением «Современника» принципиальная почва совсем покинута русской литературой. Если и встречается порою нечто принципиальное, то это остатки древнего величия. Я намереваюсь посвятить этому предмету особенную статью и постараюсь сделать это помимо всяких личных отношений [4]. А позабавиться было бы над чем. Вы представьте себе, например, двух друзей: Суворина и Евгения Утина, переписывающихся по франко-германскому вопросу («Вестник Европы», апрель) [5]. Помните ли, мол, Вы, что Вы оправдывали пруссаков, а я стоял на стороне французов, так я, мол, и теперь стою на стороне французов! [6] И все это так серьезно, точно Ренан с Штраусом переписку ведут! [7] Разве это не детская шалость!

У нас все еще Белинского наследство делят. Большую часть его получили Добролюбов и Писарев, да и своего прибавили; а остатки пошли в дележку теперь. Кому достался двугривенный, кому пятак серебра. Суворину досталось только две ко-

пейки — и с этим-то он хочет еще разжиться! Что ж, коли станет быстро оборачиваться, может быть, что-нибудь и сколотит!

Повторяю: искренно благодарю Вас за внимание и жму Вашу руку.

Ваш

М. Салтыков.

На письме помета А. Н. Пыпина: 6 апреля 1871.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 621, № 750.

Впервые опубликовано: «Современный мир», 1914, № 4, отд. II, с. 9—10; вторично: «Петроград», 1923, № 8, с. 11—12.

---

[1] Письмо Пыпина см. Приложения, VII.

[2] Николай Гаврилович Чернышевский.

[3] Об отношении Чернышевского к очерку «Каплуны» см.: *Макашин II,* с. 445—461.

[4] Салтыков намеревался разработать эту тему в цикле «Самодовольная современность» (*ОЗ,* 1871, № 10). Но на первой же статье цикл прекратился. Все же и эта первая статья была понята осведомленными газетами как ответ Салтыкова на выступление «Вестника Европы». Об этом свидетельствует письмо Суворина к Стасюлевичу от 23 октября, в котором есть слова: «Говорят, что «Отечественные записки» разразились статьей против «Вестника Европы», именно «Самодовольная современность». На нее отвечать бы следовало. Не поручите ли мне» (*ИРЛИ,* ф. 233, оп. 1, № 1394, л. 16).

[5] Статья Е. И. Утина «Франция и французы после войны. Из путешествия» («Вестник Европы», 1871, № 4, с. 864—889).

[6] В упомянутой выше статье Е. И. Утина имеется следующая фраза: «Вы, по обыкновению, горячо отстаивали Германию, я так же горячо и так же по обыкновению отстаивал Францию» (там же, с. 865).

[7] «Переписка между Е. Ренаном и Д. Штраусом» напечатана в приложениях к книге Э. Лавелэ «Современная Пруссия в политическом и экономическом отношениях» (СПб., 1870, с. 28—68 второй пагинации). Анонимная рецензия на эту книгу опубликована в *Отеч. записках* (1870, № 12).

312. В КОМИТЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

9 апреля 1871. Петербург

Прилагая при сем записку ко мне Анны Николаевны Энгельгардт, долгом своим считаю сообщить здесь сведения, собранные мною об этой писательнице.

Г-жа Энгельгардт — автор оригинального произведения «Очерки институтской жизни былого времени», помещенного в прошлом году в журнале «Заря»; сверх того, она перевела очень много разных сочинений с иностранных языков, а ныне

состоит переводчицею в журналах: «Вестник Европы», «Голос» и «Биржевые ведомости». Муж ее был до конца прошлого года профессором в Лесной академии [1]. Семейство их состоит, кроме мужа и жены, из троих малолетних детей; старший сын воспитывается в частном пансионе, дочь — в женской гимназии, младший сын находится при матери.

Конец 1870 и начало 1871 года были особенно неблагоприятны для этого семейства. Профессор Энгельгардт лишился места и выслан из Петербурга; г-жа Энгельгардт вследствие душевных потрясений впала в тяжкую болезнь и в течение двух месяцев не могла работать. Даже и теперь здоровье ее настолько слабо, что она не может ходить в редакции газет да и дома должна ограничить число часов работы. Между тем эта работа представляет единственный источник для содержания всего семейства, потому что от г. Энгельгардт, при настоящем его положении, никакой помощи ожидать нельзя. Долги же, в которые впала г-жа Энгельгардт по случаю болезни, делают ее положение вполне критическим. Поэтому я полагал бы совершенно справедливым не лишить ее просимого пособия. Я вполне убежден, что она ни в каком случае не обратилась бы к благотворительности общества, если б не вынудила ее к этому действительная нужда [2].

М. Салтыков.

9 апреля 1871.

Адрес г-жи Энгельгардт: Надеждинская, близ Манежного переулка и Спасской улицы, дом № 46.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1871 г.*, лл. 627—628.

Впервые опубликовано: *Письма*, с. 64—65 (с неточностью в одном слове, повторенной в *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, с. 241—242).

---

[1] См. прим. к письму 309.

[2] На состоявшемся 11 апреля 1871 г. заседании Комитет постановил выдать А. Н. Энгельгардт единовременное пособие в размере 300 рублей (*ИРЛИ, ф. 155. Журналы Литфонда за 1871—1874 гг.*, л. 90 об.).

313. В КОМИТЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

22 апреля 1871. Петербург

Прилагая при сем записку литератора Н. А. Благовещенского с просьбой о выдаче ему в пособие 300 р. на поездку на Кавказ для лечения, долгом считаю присовокупить, что я лично удостоверился в истине всего заключающегося в письме г. Благовещенского [1]. Н. А. не имеет никаких средств, работать

не может; живет же в Николаевской богадельне (Фурштатская ул.) в комнате своей матери, которой отведено там помещение, как вдове священника. Положение этого писателя вполне заслуживает внимания общества[2].

М. Салтыков.

22 апреля 1871.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1871 г.,* л. 816.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 66.

---

[1] В заключение своего подробного письма к Салтыкову от 22 апреля 1871 г. Благовещенский писал: «Михаил Евграфович! Вы неоднократно бывали у меня в последнее время и знаете хорошо мое положение, возьмите же на себя труд представить Обществу всю важность и необходимость для меня этой поддержки, которую я прошу у него. В решении Общества заключается для меня вопрос всего моего будущего, даже более,— вопрос жизни и смерти; и если Общество на этот раз откажет мне,— мне придется весьма плохо» (там же, лл. 812—813).

[2] На состоявшемся 26 апреля 1871 г. заседании Комитета просьба Благовещенского, поддержанная Салтыковым, была удовлетворена (*ИРЛИ, ф. 155. Журналы Литфонда за 1871—1874 гг.,* л. 96 об.).

314. Г. К. РЕПИНСКОМУ

22 апреля 1871. Петербург

Позвольте мне обратиться к Вам с покорнейшей просьбой, многоуважаемый Григорий Козьмич. В понедельник я могу приехать в заседание лишь на короткое время[1], а между тем желал бы участвовать в обсуждении просьбы г. Благовещенского. А потому не будете ли Вы так добры пустить эту просьбу в доклад пораньше.

Весь ваш

22 апреля. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1871 г.,* л. 817.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 66.

Судебный деятель, автор ряда трудов по русской истории Г. К. Репинский в течение ряда лет занимал различные выборные должности в Комитете общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым — Литературном фонде. В 1872 г. он был секретарем Комитета, а Салтыков — членом.

---

[1] Просьба Благовещенского рассматривалась на заседании Комитета в понедельник, 26 апреля 1871 г. На этом заседании Салтыков не присутствовал (см. письмо 313).

315. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ <«ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»>

Апрель 1871. Петербург

Хотя и не в обычае, чтоб беллетристы вступали в объяснения с своими критиками, но я решаюсь отступить от этого правила, потому что в настоящем случае речь идет не о художественности выполнения, а исключительно о правильности или неправильности тех отношений к жизненным явлениям, которые усмотрены автором напечатанной в «Вестнике Европы» (апрель 1871) рецензии в недавно изданном мною сочинении «История одного города» [1].

Я отдаю полную справедливость г. Б — ову: рецензия его написана обдуманно, и намерения ее совершенно для меня ясны. Но и за всем тем, мне кажется, что в основании его труда лежит несколько очень существенных недоразумений и что он приписал мне такие намерения, которых я никогда не имел. Очень возможное дело, что это произошло вследствие неясности самого сочинения моего, но и в таком случае мое объяснение не может счесться бесполезным, так как критике, намеревающейся выказать несостоятельность автора на почве миросозерцания, все-таки не лишнее знать, в чем это миросозерцание заключается.

Прежде всего г. рецензент совершенно неправильно приписывает мне намерение написать «историческую сатиру», и этот неправильный взгляд на цели моего сочинения вовлекает его в целый ряд замечаний и выводов, которые нимало до меня не относятся. Так, например, он обличает меня в недостаточном знакомстве с русской историей, обязывает меня хронологией, упрекает в том, что я многое пропустил, не упомянул ни о барах-вольтерьянцах, ни о Сенате, в котором не нашлось географической карты России, ни о Пугачеве, ни о других явлениях, твердое перечисление которых делает честь рецензенту, но в то же время не представляет и особенной трудности, при содействии изданий гг. Бартенева и Семевского [2]. К сожалению, издавая «Историю одного города», я совсем не имел в виду исторической сатиры, а потому не видел даже надобности воспользоваться *всеми* фактами, опубликованными гг. Бартеневым и Семевским. Очень может быть, что я напишу и другой том этой «Истории», но не ручаюсь, что и тогда будет исчерпано все содержание «Русского архива» и «Русской старины». Не «историческую», а совершенно обыкновенную сатиру имел я в виду, сатиру, направленную против тех характеристических черт русской жизни, которые делают ее не вполне удобною. Черты эти суть: благодушие, доведенное до рыхлости, ширина размаха, выражающаяся, с одной стороны,

в непрерывном мордобитии, с другой — в стрельбе из пушек по воробьям, легкомыслие, доведенное до способности, не краснея, лгать самым бессовестным образом. В практическом применении эти свойства производят результаты, по моему мнению, весьма дурные, а именно: необеспеченность жизни, произвол, непредусмотрительность, недостаток веры в будущее и т. п. Хотя же я знаю подлинно, что существуют и другие черты, но так как меня специально занимает вопрос, отчего происходят жизненные неудобства, то я и занимаюсь только теми явлениями, которые служат к разъяснению этого вопроса. Явления эти существовали не только в XVIII веке, но существуют и теперь, и вот единственная причина, почему я нашел возможным привлечь XVIII век. Если б этого не было, если б господство упомянутых выше явлений кончилось с XVIII веком, то я положительно освободил бы себя от труда полемизировать с миром, уже отжившим, и смею уверить моего почтенного рецензента, что даже и на будущее время Сенат, не имеющий исправной карты России, никогда не войдет в число элементов для моих этюдов, тогда как такой, например, факт, как распоряжение о писании слова «государство» вместо слова «отечество», войти в это число может. Сверх того, историческая форма рассказа предоставляла мне некоторые удобства, равно как и форма рассказа от лица архивариуса. Но, в сущности, я никогда не стеснялся формою и пользовался ею лишь настолько, насколько находил это нужным; в одном месте говорил от лица архивариуса, в другом — от своего собственного; в одном — придерживался указаний истории, в другом — говорил о таких фактах, которых в данную минуту совсем не было. И мне кажется, что в виду тех целей, которые я преследую, такое свободное отношение к форме вполне позволительно.

Сочетав насильственно «Историю одного города» с подлинной историей России, рецензент совершенно логически переходит к упреку в бесцельном глумлении над народом, как непосредственно в собственном его лице, так и посредственно, в лице его градоначальников. «Органчик» его возмущает, «Сказание о шести градоначальницах» он просто называет «вздором». Очевидно, что он твердо встал на историческую почву и совершенно забыл, что иносказательный смысл тоже имеет право гражданственности. Что в XVIII веке не было ни «Органчика», ни «шести градоначальниц» — это несомненно; но недоразумение рецензента тем не менее происходит только от того, что я употребил не те слова, которые, по мнению его, надлежало употребить. Если б, вместо слова «Органчик», было поставлено слово «Дурак», то рецензент, наверное, не нашел

бы ничего неестественного; если б, вместо шести дней, я заставил бы своих градоначальниц измываться над Глуповым шестьдесят лет, он не написал бы, что это вздор (кстати, если б я действительно писал сатиру на XVIII век, то, конечно, ограничился бы «Сказанием о шести градоначальницах»). Но зачем же понимать так буквально? Ведь не в том дело, что у Брудастого в голове оказался органчик, наигрывавший романсы: «не потерплю!» и «раззорю!», а в том, что есть люди, которых все существование исчерпывается этими двумя романсами. Есть такие люди или нет?

Затем, приступая к обличению меня в глумлении над народом непосредственно, мой рецензент высказывает несколько теплых слов, свидетельствующих о его личном сочувствии народу. Я верю этому сочувствию и радуюсь ему, но думаю, что я собственно не подал никакого повода для его выражения. Посмотрим, однако ж, на чем зиждутся обличения рецензента.

Во-первых, ему кажутся совершенным вздором (кстати, слово «вздор», как критическое мерило, представляется мне совершенным вздором) названия головотяпов, моржеедов и проч., которые фигурируют у меня в главе «о корени происхождения». Не спорю, может быть, это и вздор, но утверждаю, что ни одно из этих названий не вымышлено мною, и ссылаюсь в этом случае на Даля, Сахарова и других любителей русской народности. Они засвидетельствуют, что этот «вздор» сочинен самим народом, я же с своей стороны рассуждал так: если подобные названия существуют в народном представлении, то я, конечно, имею полнейшее право воспользоваться ими и допустить их в мою книгу. Если, например, о пошехонцах сложилось в народе поверье, что они в трех соснах заблудились, то я имею вполне законное основание заключать, что они действительно когда-нибудь совершили нечто подходящее к этому подвигу. Не буквально, конечно, а в том же смысле.

Во-вторых, рецензенту не нравится, что я заставляю глуповцев слишком пассивно переносить лежащий на них гнет. На этот упрек я могу ответить лишь ссылкой на стр. 155—158 «Истории»[3], где, по моему мнению, явление это объясняется довольно удовлетворительно. Я, впрочем, не спорю, что можно найти в истории и примеры уклонения от этой пассивности, но на это я могу только повторить, что г. рецензент совершенно напрасно видит в моем сочинении опыт исторической сатиры. Притом же для меня важны не подробности, а общие результаты; общий же результат, по моему мнению, заключается в пассивности, и я буду держаться этого мнения, доколе г. Б — ов не докажет мне противного.

В-третьих, рецензенту кажется возмутительным, что я за-

ставляю глуповцев жиреть, наедаться до отвалу и даже бросать хлеб свиньям. Но ведь и этого не следует понимать буквально. Все это, быть может, грубо, аляповато, топорно, но тем не менее несомненно — иносказательно. Когда глуповцы жиреют? — в то время, когда над ними стоят градоначальники простодушные. Следовательно, по смыслу иносказания, при известных условиях жизни, простодушие не вредит, а приносит пользу. Может быть, я и не прав, но в таком случае во сто крат не правее меня действительность, связавшая с представлением о распорядительности представление о всяческих муштрованиях. Что глуповцы никогда не наедались до отвалу — это верно; но это точно так же верно, как и то, что рязанцы, например, никогда мешком солнца не ловили.

Вообще, недоразумение относительно глумления над народом, как кажется, происходит оттого, что рецензент мой не отличает народа исторического, т. е. действующего на поприще истории, от народа, как воплотителя идеи демократизма. Первый оценивается и приобретает сочувствие по мере дел своих. Если он производит Бородавкиных и Угрюм-Бурчеевых, то о сочувствии не может быть речи; если он выказывает стремление выйти из состояния бессознательности, тогда сочувствие к нему является вполне законным, но мера этого сочувствия все-таки обусловливается мерою усилий, делаемых народом на пути к сознательности. Что же касается до «народа» в смысле второго определения, то этому народу нельзя не сочувствовать уже по тому одному, что в нем заключается начало и конец всякой индивидуальной деятельности. О каком же «народе» идет речь в «Истории одного города»?

Обличив меня в глумлении над народом, г. рецензент объясняет и причину этого глумления. Эта причина — недостаток «юмора». Юмор же рецензент определяет следующим образом: он, «не жертвуя малым великому, великое низводит до малого, а малое возвышает до великого»; следовательно, главные элементы этого явления суть: великодушие, доброта и сострадание. Если это определение верно, то мне действительно остается признать себя виноватым. Но я положительно утверждаю, что оно неверно и что искусство точно так же, как и наука, оценивает жизненные явления единственно по их внутренней стоимости, без всякого участия великодушия или сострадания. Если б это было не так, то произошло бы нечто изумительное. Во-первых, люди не знали бы, что̀ в написанной художником картине действительно верно и что̀ смягчено, или скрыто, или прибавлено под влиянием великодушия. Во-вторых, тогда пришлось бы простирать руки не только подначальным глуповцам, но и Прыщам и Угрюм-Бурчеевым, всем

говорить (как это советует мне рецензент): «придите ко мне все труждающиеся и обремененные», потому что ведь тут все обременены историей: и начальники и подначальные.

Но этого мало, что я нахожу упомянутое выше определение юмора неправильным и бессодержательным,— я вижу в нем *глумление.* По моему мнению, разделение жизненных явлений на великие и малые, *низведение* великих до малых, *возвышение* малых до великих — вот истинное глумление над жизнью, несмотря на то, что картина, по наружности, выходит очень трогательная. Тут идет речь уже не о временно-великих или о временно-малых, но о консолидировании сих величин навсегда, ибо иначе не будет «юмора».

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 1, № 106.

Впервые опубликовано в кн.: «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. V. СПб., 1913, с. 1—5.

Датируется приблизительно, по связи с письмами 310, 311.

---

[1] Хотя это письмо Салтыкова не было напечатано редакцией «Вестника Европы», он, как уже сказано выше, все же сумел публично ответить Суворину («А. Б—ову») в рецензии на «Повести, рассказы и драматические сочинения Н. А. Лейкина», помещенной в *Отеч. записках,* 1871, № 5; в наст. изд. т. 9. См. также письмо 310, прим. 1.

[2] П. И. Бартенев был редактором-издателем исторического журнала «Русский архив»; В. И. Семевский — журнала «Русская старина». В этих изданиях публиковалось много документальных материалов по русской истории XVIII—XIX вв.

[3] В наст. изд. т. 8, с. 370—373.

316. А. Ф. КАБЛУКОВУ

Конец апреля — начало мая 1871. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Пишу к Вам наскоро, что прачку нанимать не нужно. Получил Ваше письмо, где Вы сомневаетесь, найдете ли прачку, мы решились взять из Петербурга.

До скорого свидания.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 56.

Публикуется впервые.

Датируется по сопоставлению с письмом Е. А. Салтыковой к А. Ф. Каб-

лукову от 28 апреля 1871 г. (см. Приложения, VI). В нем она извещает управляющего о своем предстоящем приезде в Витенево «в середу 12-го мая» и предупреждает, как и Салтыков в своей записке, что с нею приедет «и прачка».

317. Е. И. ЯКУШКИНУ

1 июня 1871. Углич

Углич. 1 июня.

Я Вам наврал, многоуважаемый Евгений Иванович. Оказывается, что объявление о выкупе моего Даниловского имения было подано не в Губернское присутствие, а к мировому посреднику Шестакову. Теперь я вновь возобновляю это дело и думаю, что в непродолжительном времени оно поступит к Вам, почему и прошу Вас, в случае надобности, оказать Ваше содействие в этом деле.

Я решился разделиться с братом и на днях приступлю к этому; по совершении подам выкупное объявление и по остальному имению, если оно не продастся.

Затем, желая Вам с полным успехом подвизаться на поприще единства касс[1], остаюсь искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР,* ф. 279, оп. 1, № 638, л. 8.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 251, с ошибочным отнесением к 1872 г. Слова Салтыкова «Теперь я вновь возобновляю это дело» «о выкупе моего Даниловского имения» дают возможность датировать письмо 1871 г. «Даниловским имением» Салтыков называл доставшуюся ему по раздельному акту 1859 г. в общем владении с братом Сергеем Евграфовичем часть Заозерского имения — деревни Куреево и Липовец в Даниловском уезде Ярославской губернии. Из письма к Салтыкову мирового посредника Даниловского уезда В. Д. Ратаева от 26 июня 1871 г. видно, что именно в это время были возобновлены хлопоты о выкупе «Даниловского имения» (*ИРЛИ,* ф. 366, оп. 6, № 28).

---

[1] Е. И. Якушкин занимал в это время должность управляющего Ярославской казенной палатой. Согласно введенному реформами 1860-х годов принципу единства кассы, доходы всех ведомств поступали только в одну кассу — Министерства финансов.

318. Н. А. НЕКРАСОВУ

17 июля 1871. Витенево

17 июля. Витенево.

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

По моему мнению, полезно было бы напечатать нечаевское дело в «Отеч<ественных> зап<исках>» вполне, и начать это печатание в августовской книжке (вероятно, и 2-я категория уже будет кончена к тому времени) [1]. Перепечатку можно сделать из «Правительственного вестника», где этот процесс затем и печатается, чтоб его отчетом руководились прочие журналы. Читателям будет интересно иметь в руках полное изложение всего процесса, который он имеет теперь в отрывках, рассеянных во множестве №№ газет.

Затем мне казалось бы не лишним *в сентябрьской книжке* напечатать свод статей, появившихся по этому в газетах и журналах. Это тоже не лишено будет для читателей интереса; ежели хотите, я возьму этот труд на себя и сделаю его совершенно скромно. В сентябрьской книжке это будет удобно сделать, потому что впечатление несколько остынет.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Когда уезжаете в Петербург?

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 195, п. 5765, № 61/7.
Впервые опубликовано: *Архив Карабихи,* с. 179—180.

---

[1] В июле — августе 1871 г. происходил первый открытый политический процесс над участниками тайного общества «Народная расправа», организатором которого был С. Г. Нечаев. Предлагаемая Салтыковым перепечатка стенографического отчета из «Правительственного вестника» не была осуществлена. В № 9 *Отеч. записок* он выступил со статьей «Так называемое «нечаевское дело» и отношение к нему русской журналистики» (см. в наст. изд. т. 9, с. 191—224, 519—527). Этому же процессу посвящена напечатанная здесь же (отд. II, с. 151—180) анонимная статья Елисеева «Литературные заметки». По поводу обеих статей III Отделение представило обширный доклад Александру II. В докладе отмечалось, что статья Салтыкова хотя и ограничивается перепечаткой передовиц из нескольких изданий, но «этой перепечатке предпослано небольшое введение, в котором не без иронии

говорится, что наша литература отзывами своими о нечаевском деле вполне доказала свое единодушие и благожелательность (В. Е. Евгеньев-Максимов. Из цензурной истории «Отечественных записок». 1868—1871 гг.— «Русское богатство», 1918, № 4—6, с. 67—68; *ЦГИА*, ф. 776, оп. 3, 1865 г., № 139, лл. 92—93). По указанию Александра II, с содержанием представленной III Отделением записки был ознакомлен министр внутренних дел А. Е. Тимашев.

319. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

31 августа 1871. Петербург

Петербург. 31 августа.

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Спешу уведомить Вас о получении Ваших стихов, из коих «Думы оптимиста» уже набраны и имеют быть напечатаны в сентябрьской книжке «Отеч<ественных> записок»[1]. Другое стихотворение, согласно желанию Вашему, будет напечатано в октябрьской книжке[2]. Гонорарий будет уплачен в размере, Вами назначенном, т. е. 58 р. за оба стихотворения. Что касается до проекта Ваших писем о современном состоянии Германии, то для журнала такого рода письма были бы весьма интересны, и весьма бы желательно было, чтоб Вы поспешили присылкою их. Я говорил с Некрасовым (который покуда живет еще на даче близ Чудова и наезжает в Петербург на 1—2 дня) насчет гонорария за эти письма, и он просил передать Вам, что гонорарий этот может быть 80 р. за лист. Если Вы согласны, то ответьте и пришлите, буде возможно, первое письмо. Программа Ваша совершенно подходящая для нас[3].

В литературе нашей глубокое затишье. Это можно видеть уже из того, что в настоящее время играет у нас роль такая мразь, как Суворин. Почитайте суждение газет и «Вестника Европы» по Нечаевскому делу и судите, до чего дошла наша печать[4]. Это царство мерзавцев, готовых за полтинник продать душу. Всякая возможность издавать журнал сколько-нибудь свежий исчезает в виду неизреченного холопства остальной прессы. Даже самые умеренные статьи подвергаются остракизму. Я в августовской книжке поместил статью совершенно спокойную по тону, в которой доказывал, что слово «анархия» употребляется в ненадлежащем смысле и что анархистами должны называться собственно те, которые ставят преграду прогрессу,— и должен был эту статью вырезать в виду угроз

для журнала[5]. Личная вражда против меня г. Шидловского, начавшаяся в Туле (где он был губернатором, а я управляющим казенной палатой), продолжается и теперь, так что я не знаю, можно ли мне будет оставаться при моей литературной профессии[6]. Прибавьте к этому забавы вольных художников вроде гр<афа> А. К. Толстого, дающих повод своими «Потоками» играть сердцам во чреве наших обскурантов[7]. Не знаю как Вам, а мне особенно больно видеть, как люди, которых почитал честными, хотя и не особенно дальновидными, вооружаются в защиту обскурантизма, призывая себе на помощь искусственную народность.

Распоряжение о высылке Вам «Отеч<ественных> записок» по новому адресу сделано.

Жаль, что Вы остаетесь за границей еще на неопределенное время. Впрочем, ежели приедете зимой, как обещаете, то увидите все сами.

Искренно жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Фурштатская, близ Таврического сада, № 33.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 82, л. 7—8.

Впервые опубликовано: «Русская мысль», 1913, № 4, отд. II, с. 118—119. Повторная публикация: *ЛН*, т. 13—14, с. 296—298.

---

[1] «Думы оптимиста» напечатаны в *Отеч. записках*, 1871, № 9.

[2] Стихотворение «В Европе» появилось в *Отеч. записках*, 1871, № 10.

[3] Этот проект не осуществился.

[4] См. письмо 318, прим. 1.

[5] Салтыков оказался вынужденным вырезать из *Отеч. записок*, 1871, № 8, отпечатанную уже пятую главу цикла «Итоги». В ней он обосновывал свое понимание социалистического идеала и подвергал осуждению усмирителей Парижской коммуны («анархистов успокоения»). См. в наст. изд. т. 7, с. 470 — 486 и 510 — 526.

[6] О вражде Салтыкова с тульским губернатором М. Р. Шидловским, занимавшим в период, к которому относится письмо, должность начальника Главного управления по делам печати, см. *Салтыков в воспоминаниях* (по указателю имен).

[7] Антинигилистическое стихотворение А. К. Толстого «Поток-богатырь» появилось в «Русском вестнике», 1871, № 7.

320. В КОМИТЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

13 сентября 1871. Петербург

По поручению Комитета, посетив литератора Гамулецкого, я нашел его более нежели в стесненном положении. Он занимает от хозяев крошечную комнату в 4-м этаже на задней весьма вонючей лестнице и живет в этой комнатке вместе с другим литератором, г. Глушицким, с которым имеет и одну общую одежду. Работает, по-видимому, очень усердно, но работа оплачивается скудно и притом не вполне исправно. Он показывал мне рассказ в 380 строк (около полулиста наших больших журналов), за который заплачено ему 7 р. Вообще положение маленькой русской прессы весьма ненадежно, а наплыв беллетристических произведений так велик, что, нанапример, «Петербургский листок», привлекающий беллетристов аккуратностью расчетов, часто отказывает в помещении их произведений за излишеством.

Ввиду столь очевидной нужды, я вручил г. Гамулецкому 25 р. из собственных своих и в получении этих денег имею честь представить при сем его расписку, прося выдать мне равную сумму.

М. Салтыков.

13 августа<!> 1871.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1871 г.,* л. 1269.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 67, с авторской, но неверной датой «13 августа 1871 г.». Заявление Гамулецкого рассматривалось Комитетом не в августе, а 1 сентября. И именно тогда члены Комитета обратились к присутствовавшему на заседании Салтыкову с просьбой «собрать сведения о положении просителя» (*ИРЛИ, ф. 155. Журналы Литфонда за 1871—1874 гг.,* л. 137 об.). На следующем заседании Комитета, состоявшемся 13 сентября, Салтыков доложил о тяжелом положении Гамулецкого и выдаче ему 25 рублей (там же, л. 138 об.). Следовательно, Салтыков ошибся в месяце и вместо «13 сентября» датировал письмо «13 августа».

321. В КОМИТЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

13 сентября 1871. Петербург

Посетив г. *В. Маркова,* я нашел его в довольно стесненном положении, хотя это стеснение, как он мне объяснил, временно. Г. Марков работает в газете «Русский инвалид», где получает по 125 р. в месяц. Сверх того, он в настоящее <время> занимается переводом Рабле, но издателя на такую работу

найти нелегко[1]. Во внимание к этим обстоятельствам, я выдал г. Маркову данные мне Комитетом сто рублей, в чем и прилагаю его расписку. Полагал бы нелишним выдать г. Маркову еще 50 рублей[2].

М. Салтыков.

13 сентября.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 155, л. 1271.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 67—68.

---

[1] Произведения Рабле в переводе Маркова в печати не появлялись.

[2] На состоявшемся 13 сентября 1871 г. заседании предложение Салтыкова было принято. Комитет постановил: «утвердив выдачу 100 рублей, выдать Маркову еще 50 рублей» (*ИРЛИ, ф. 155. Журналы Литфонда за 1871—1874 гг.* л. 140 об.).

322. Д. Е. САЛТЫКОВУ

17 октября 1871. Петербург

П. бург. 17 октября.

Прошу тебя извинить, любезный друг и брат, что замедлил ответом на письмо твое. Я так занят снискиванием пропитания, что редко выпадает свободная минута.

Графа Толстого, о котором ты пишешь, я совсем не знаю, то есть не только не был с ним товарищем по Лицею, но даже никогда не встречался[1]. Товарищем моим по Лицею был нынешний министр народного просвещения, но и с этим я давно уже не знаком, и вряд ли могу возобновить знакомство. Мы люди маленькие, а связи товарищества на высших ступенях чиновной иерархии очень скоро забываются.

Со времени твоего отъезда, Мих<аил> Дмитр<иевич> был у меня всего один раз. Он, как тебе, конечно, известно, лишился своего места, за упразднением магазинного отделения. Я дал ему вследствие этого письмо к одному из главных распорядителей Варшавской дороги, и тот обещал, что через месяц откроется у него вакансия. Но что из этого выйдет, не знаю. Вот как трудно здесь что-нибудь сделать. Я пробовал сам для себя достать место в частной компании, но ничего не успел. А мне было бы это очень подходящее дело[2].

Наденьку я и жена целуем[3]. Жена передает тебе дружеский поклон.

Затем, желая тебе всего лучшего и скорейшего возвращения в Петербург[4], остаюсь навсегда преданный тебе брат

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, л. 47.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 221, где датировано 1869—1880 гг.

Год устанавливается по содержанию письма. Племянник Салтыкова М. Д. Салтыков 1 августа 1870 г. был определен на место редактора Магазинного отделения Николаевской железной дороги. После упразднения Магазинного отделения (с 1 декабря 1870 г.) М. Д. Салтыков был оставлен на службе «впредь до минования в нем надобности» и уволен с 1 августа 1871 г. (*ЦГИА,* ф. 258, оп. 2, часть 2, № 9127). 30 ноября 1871 г. он поступил в Петербургское акцизное управление и прослужил там до 1895 г. (*ЦГИА,* ф. 575, оп. 4, № 943; ф. 1343, оп. 29, № 777; *ГИАЛО,* ф. 1437, оп. 3, № 15).

---

[1] О каком именно Толстом идет речь, неизвестно.

[2] Об этом проекте Салтыкова не удалось найти никаких дополнительных сведений.

[3] Н. Д. Салтыкова.

[4] Из Спасского.

323. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

18 октября 1871. Петербург

П. бург. 18 октября.

Благодарю Вас, многоуважаемый Александр Николаевич, за письмо[1] и начинаю ответ мой покорнейшею просьбой о присылке статей[2]. Форма писем, по-моему, будет действительно самая удобная, но ежели бы она оказалась не столь удобною на практике, то это, конечно, не должно стеснять[3]. Я положительно убежден, что статьи Ваши будут прекрасные и полезные и что Вы сумеете сделать нужные обобщения и выводы из тех специальных данных, которые находятся у Вас под рукою. Важно знать, как эти данные ложатся на жизнь народа, а равно и то, каким образом эта последняя совершенно обходится без всяких данных, довольствуясь одним преданьем. Привести в ясность, каким образом живет это пустое место, имея свои нравы и обычаи, свою бытовую жизнь и не имея разумных данных, которые могли бы питать эту жизнь, давать ей элемент возможности развития, чрезвычайно важно, хотя, быть может, деятельность такого рода имеет исключительно отрицательный характер. А еще важнее указывать на пути и средства, что́ Вы, по своему образованию, и можете сделать с полным успехом. Не думайте, чтоб это обязывало Вас исключительно придавать Вашим статьям бытовой характер; пишите так, как Вы сами знаете и можете,— это самое лучшее.

В Петербурге нового мало; жизнь как будто замолкла. Общество скучает, а Вы сами знаете, на что может быть способно скучающее общество? На увлечение кафе-шантанами, цирками и т. п. Все это и выполняется здесь буквально, то есть без всякой окраски какими-нибудь действительными интересами. Рекомендую Вам мою статью: «Самодовольная современность», помещенную в октябрьской книжке «Отеч<ественных> записок», которая именно посвящена этой теме. Это только вступление; затем будет применение изложенного в первой статье к нашей современности, и статьи будут появляться от времени до времени [4].

Анну Николаевну мы видим довольно часто и радуемся, что она никак не хочет упасть духом. Она намеревается хлопотать о Вас, когда придет минута, то есть когда возвратится гр<аф> Шувалов. Очень возможно, что граф, по известной своей доброте, уступит ее просьбам и даст возможность видеть Вас нам, искренно Вам сочувствующим людям.

А покамест до свидания. Искренно жму Вашу руку.

Преданный Вам

М. Салтыков.

Жена Вам кланяется.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 572, оп. 1, № 174, лл. 2—3.

Впервые опубликовано: «Исторический вестник», 1911, № 4, с. 56—57. Год определяется по упоминанию о статье «Самодовольная современность», напечатанной в № 10 *Отеч. записок* за 1871 г.

---

[1] Это письмо Энгельгардта к Салтыкову неизвестно.

[2] Первыми работами Энгельгардта в *Отеч. записках* были: «Химические основы земледелия» (1872, №№ 2—3; 1873, № 4) и «Вопросы русского сельского хозяйства (1872, №№ 2, 4; 1873, № 2).

[3] Речь идет о получивших широкую известность письмах «Из деревни», первое из которых появилось в № 5 журнала за 1872 г., а последнее — в № 2 за 1882 г. Излагая свой опыт организации хозяйства в имении Батищево, Энгельгардт призывает интеллигенцию идти в деревню с тем, чтобы помочь подъему хозяйства и улучшить быт крестьян. Письмами «Из деревни» и «Химическими основами земледелия» интересовался К. Маркс. В. И. Ленин, высоко отзываясь о письмах «Из деревни» за содержащееся в них реалистическое отображение социально-экономической действительности, вместе с тем критиковал Энгельгардта за его народнические взгляды. Он делал вывод, что «собственное хозяйство Энгельгардта лучше всяких рассуждений опровергает народнические теории Энгельгардта» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 213).

[4] Стоявшая в публикации *Отеч. записок* цифра «1» также указывала на намерение Салтыкова создать цикл. Однако, как сказано выше, оно не осуществилось, и автор впоследствии ввел очерк в сборник «Признаки времени», изд. 1882 г. (см. в наст. изд. т. 7, с. 149—161, 576—579).

324. А. Ф. КАБЛУКОВУ

21 октября 1871. Петербург

21 октября.

Спешу ответить на письмо Ваше, многоуважаемый Алексей Федорович, что я очень рад, что мельница наконец пошла в ход, хотя и не совсем то утешительно, что так мало работы. Надо бы оповестить как-нибудь, особенно в той стороне, которая к Дмитрову. Не вижу я из Вашего письма, в ходу ли маслобойня и есть ли надежда на работу. Нетцелю пожалуйста, за все заплатите деньги при первой возможности, то есть когда будет от крестьян еще взнос.

Бурмалина[2] я полагаю оставить на весь год, во-первых, потому, что надо будет зимой возить лес для мельничного анбара, а во-вторых, и потому, что Семен стар и надо будет побдительнее стеречь лес там, где пошла поросль по вырубке. Я об лесе очень забочусь, и мне кажется, что у нас от того идет туго поросль, что крестьянский скот постоянно в лесу по поросли пасется. Надо будет на будущее время оговаривать это в условии с крестьянами.

Лизавета Аполлоновна в прошлом письме просила Вас прислать в Петербург чухонского масла, но, по обсуждении, оказывается, что удобнее продавать масло на месте, как Вы до тех пор делали.

Пожалуйста, напишите, сняли ли Вы овес и обмолотили ли и сколько его оказалось. За распоряжение относительно помещения кур в конюшне очень Вам благодарен. Не найдете ли Вы полезным для тепла обить снаружи людскую соломою, как это делают крестьяне. Да прикажите, пожалуйста, людскую почище держать и вывести клопов.

За сына Вашего душевно рад. Я на днях писал к Мечникову и просил его похлопотать в Пензенской Дух<овной> консистории о высылке свидетельства об рождении Лизаветы Аполл<оновны> и ее сестры[3]. Может быть, он поручит это дело Вашему сыну.

Марье Ивановне, всем Вашим свидетельствуем наше почтение.

Ваш
М. Салтыков.

В конюшне, кажется, все окна заколочены, и потому темно. Мне кажется, для скотины и для птицы будет лучше, если посветлее. А потому прикажите устроить рамы вновь и вставить в них стекла.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 46—47.

Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается на основании слов в письме «За сына Вашего душевно рад». Они относятся к старшему сыну А. Ф. Каблукова Николаю. В сентябре 1871 г. он был определен на службу в Пензенский окружной суд. См. выше письмо 308 и прим. к нему.

---

[1] Витеневский крестьянин, работавший в имении Салтыкова.

[2] Данным свидетельством устанавливается место рождения сестер-близнецов Елизаветы и Анны Болтиных — Пенза или Пензенская губерния. Письмо Салтыкова к И. И. Мечникову в Пензу неизвестно.

325. А. Ф. КАБЛУКОВУ

26 ноября 1871. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Так как мельницу нельзя не поправить, то я предоставляю Вам заготовленный лес по присланной Вами смете и дать согласие плотнику. Только дает ли Нетцель[1] лес в дело, у Вас, я вижу, денег немного, а постановка анбара будет стоить с лишком 700 р. Я рассчитываю, впрочем, так: за крестьянами оставить более 400 р. Кузнец может заплатить 140 р., да сена продадите, да мельница все же что-нибудь да выработает. Может быть, и достанет, а не достанет, так придется мне приехать. А мельницу все-таки привести в порядок надо. Корочкин в октябре ничего не отдал, как видно из Вашего счета: сделайте милость, потеребите его. Все-таки это будет подспорьем для Вас.

Так как у Вас теперь два работника и две лошади, то, пожалуйста, возите лес на своих лошадях. Жаль, что овес от дождей попортился. На будущий год надо посеять раньше, и притом с тимофеевкой.

А у меня новость: Лизавета Аполлоновна забеременела. Оказывается, что она уже давно беременна, только ни я, ни она не замечали, потому что, как 15 лет и не ждали совсем. А теперь, по словам акушера и акушерки, к концу декабря, может быть, я и отцом уж буду. Вот какие чудеса на свете делаются.

Марье Ивановне и всем Вашим свидетельствую от себя и от жены почтение.

Весь Ваш
М. Салтыков.

26 ноября.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, л. 49.

Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается сообщением в письме о первой беременности Е. А. Салтыковой, после 15-летнего бездетного брака.

---

[1] Местный лесопромышленник и лесоторговец, из немцев.

826. А. Ф. КАБЛУКОВУ

4 декабря 1871. Петербург

Спешу отвечать на письмо Ваше, многоуважаемый Алексей Федорович. Мельницу я отдать Михаилу Иванову на предлагаемых условиях согласен, но опасаюсь одного: что он продержит ее бесплатно зиму, а летом к постройке не приступит. Надо, чтоб он зимой во всяком случае приготовил лес. Пожалуйста, напишите подробное условие и пришлите его мне для просмотра, ибо надо контракт заключить с осторожностью. Ему же скажите, что в общем смысле я условие принимаю и что он может оставаться на месте. Надо подробно обозначить, сколько лет держать и какие постройки сделать, а также неустойку.

Пишу коротко, потому что боюсь опоздать.

Марье Ивановне и всем Вашим наше почтение.

4 декабря
1871 г.

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, л. 28.

Публикуется впервые.

1872

327. Н. А. НЕКРАСОВУ

После 16 января 1872. Петербург

Сюда приехала Смирнова, которая будет завтра около 2 часов утра (несколько ранее) у меня. Так как в пятницу она уезжает обратно, то не зайдете ли Вы ко мне, чтобы познакомиться с нею. Она очень желает. Ежели деньги за ее янв<арскую> книжку не отосланы, то прикажите не отсылать.

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: «Печать и революция», 1927, № 4, с. 60.

Подлинник неизвестен. Год устанавливается по упоминанию о выплате Смирновой гонорара за январскую книжку. Из всех ее произведений, опубликованных на страницах *Отеч. записок,* в первом номере журнала помещено только начало романа «Соль земли» (1872, №№ 1—5). Письмо написано после 16 января (времени выхода первой книжки журнала).

328. Н. А. НЕКРАСОВУ

1 февраля 1872. Петербург

Николай Алексеевич.

Родился сын Константин, который, очевидно, будет публицистом, ибо ревет самым наглым образом. Происшествие сие случилось сего 1 февраля в $3^1/_2$ часа ночи.

Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 33, л. 15.

Впервые опубликовано: «Печать и революция», 1927, № 4, с. 60.

329. А. Ф. КАБЛУКОВУ

10 февраля 1872. Петербург

10 февраля. 1872 года.

Многоуважаемый Алексей Федорович.

1-го числа этого месяца в $3^1/_2$ часа пополуночи (в ночь с 31 января) родился у нас сын Константин, который и просил Вас любить его. Я потому не писал Вам об этом до сего дня, что, во-первых, надеялся отвечать в то же время на Ваше февральское письмо, а во-вторых, и за хлопотами. И жена и ребенок здоровы, хотя жена страдала 24 часа. Попросите священника Николая Ивановича отслужить молебен за моего малого (имянинник 21 мая) и заплатите из моих денег 5 р.

Жаль, что Платон нездоров, но надеюсь, что в настоящее время это уже устроилось. Во всяком случае, крайне благодарен Вам за хлопоты. Мельница ветха, и я знаю, что много давать она не может, но к лету как-нибудь справимся, построим новый анбар, и тогда, может быть, дело и пойдет. Меня очень беспокоит, что у Вас денег мало. Все ли уплатили крестьяне или остается за ними что-нибудь? А также как намерены Вы поступить относительно сена? По-моему, теперь время его продать.

Сколько мы должны Нетцелю за весь лес, который имеет быть взят для мельницы. Все это мне нужно знать, чтоб не выйти из расчета.

Я согласен взять того плотника, который работает в Немчинове, за 400 р., но, по моему мнению, ему следует начать работу при первой возможности и кончить ее к тому времени, когда вода позволит опять начать на мельнице работу.

Хорошо, что Вы уволили Бурмалина; впрочем, и Дементий небольшая находка. Так как 10-е апреля ему выйдет срок, то нельзя ли нанять на лето работника, помимо витеневских крестьян?

Будьте добры уведомить, были ли осенью какие-нибудь подсадки деревьев в саду, прилегающему к парку? Я очень желал вместо кленов посадить липки или березки. Засадили ли сколько-нибудь хорошей клубники?

Прошу Вас засвидетельствовать наше почтение Марии Ивановне и всем Вашим. Просим принять благосклонно нашего сына, который кажется нам прелестнейшим ребенком в целом мире.

Ваш

М. Салтыков.

Уведомьте, стельна ли корова и когда можно ожидать теленка?

На конверте: Москва. 3-я Мещанская, дом Аббакумовой. Александре Александровне Кардановской. Для передачи в с. Пруссы А. Ф. Каблукову.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 50—51. Публикуется впервые.

330. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

21 февраля 1872. Петербург

Билет при сем с удовольствием прилагается.

Ваш

21/II. *М. Салтыков.*

Помета В. М. Лазаревского: 1872.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 142, л. 1.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, с. 58. Написано на записке Лазаревского к Салтыкову от 21 февраля: «Очень прошу Вас, Михаил Евграфович, уступить мне на завтрашний спектакль в опере билет Ваш, буде Вы не располагаете быть в театре. Ваш В. Лазаревский».

331. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

После 21 февраля 1872. Петербург

Я, конечно, тут более виноват, нежели Вы, многоуважаемый Василий Матвеевич. Но мне положительно почему-то показалось, что Вам нужен билет на бенефис Патти,— я и послал. А Вы не догадались посмотреть на билет.

Посылаю Вам 6 р. сдачи.

Ваш

М. Салтыков.

На письме пометка рукою Лазаревского: «Я передал Салтыкову свой билет на кресло в оперу».

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 277, оп. 1, № 155, л. 5.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX с. 59. Датируется по связи с предыдущим письмом.

332. М. В. ТРУБНИКОВОЙ

21 марта 1872. Петербург

Милостивая государыня Мария Васильевна.

На Ваше письмо с предложением участия в собрании литераторов, приглашенных Вами и г-жою Стасовою для сличения переводов «Сказок Андерсена», имею честь уведомить, что я предложения этого принять не могу.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть

Ваш,

милостивая государыня,

покорнейший слуга

М. Салтыков.

21 марта 1872 г.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 59 а.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 43.

Данное письмо — ответ на следующее обращение М. В. Трубниковой: «Милостивый государь Михаил Евграфович, на этих днях состоится собрание нескольких литераторов, приглашенных нами, для сличения двух переводов сказок Андерсена: одного изданного г. Марко Вовчок и другого — изданного нами. Искренно желая, чтобы в состав этого собрания вошли литераторы, принадлежащие к разным направлениям, мы имеем честь покорнейше просить Вас также участвовать в предполагаемом нами сличении. В случае согласия Вашего, мы поспешим сообщить о времени, месте и составе заседания. В. Стасова (по доверенности подписала М. Трубникова)» (*Неизданные письма*, с. 346). Не вдаваясь во все перипетии этой нашумевшей скандальной истории, отметим, что состоявшееся 14 ноября 1872 г. собрание литераторов в составе К. К. Арсеньева, В. П. Буренина, В. П. Гаевского, Д. В. Григоровича, В. Ф. Корша, М. М. Стасюлевича, А. С. Суворина и др. «пришло к единогласному заключению», что перевод Марко Вовчок «есть не что иное, как переделка перевода тех же сказок, изданных госпожами Трубниковой и Стасовой в 1869 г.» (Заявления. «С.-Петербургские ведомости», 1872, 23 ноября, № 322). Подробнее об этом см.: *Неизданные письма*, с. 346—347; Е. П. Брандис. Марко Вовчок. М., 1968, с. 270—272.

333. Н. А. НЕКРАСОВУ

Март 1872. Петербург

По обыкновению, Унковский напутал, и я не буду сегодня в бенефисе Горбунова, чему я, впрочем, очень рад.

Пожалуйста, напишите к Смирновой и, кстати, напомните ей о присылке 3-й части [1]. Пожалуйста. Ее непременно отобьют.

М. Салтыков.

Не уговоритесь ли с Унковским завтра или послезавтра вечером ко мне. Дайте знать. Давно у меня никто не был.

Печатается по тексту первой публикации: «Печать и революция», 1927, № 4, с. 60.

Подлинник неизвестен.

---

[1] Салтыков имеет в виду роман «Соль земли», третья часть которого была напечатана в апрельском номере *Отеч. записок* за 1872 г.

334. Н. А. НЕКРАСОВУ

Март 1872. Петербург

Николай Алексеевич. Я имел переговоры с П. Д. Боборыкиным и, согласно Вашему назначению, предлагал по 90 р. за лист. Но он требует по 100 р., и я полагал бы возможным удовлетворить его желанию. Если Вы согласны, то отдайте рукопись в типографию и уведомьте автора запиской.

Ваш
М. Салтыков.

Впрочем, погодите еще отправлять рукопись без объяснений.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, л. 46.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 61, с отнесением без какой-либо мотивировки к 1870 г. Как установлено С. А. Макашиным, письмо «ошибочно датировано 1870 г., а содержание его неверно отнесено в комментарии к роману «Солидные добродетели» <...> Гонорар по 100 руб. за лист Боборыкин впервые получил в 1872 г. за роман «Дельцы». Таким образом, и письмо следует датировать 1872 г.» (*ЛН,* т. 51—52, с. 136). Печатание романа «Дельцы» началось с апрельской книжки (*ОЗ,* 1872, №№ 4—12; 1873, №№ 1—5). Следовательно, письмо, вероятнее всего, написано в марте 1872 г.

335. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

1 апреля 1872. Петербург

Петербург, 1 апреля.

По прочтении Вашей «заграничной сцены», многоуважаемый Алексей Михайлович, спешу от себя за Некрасова уведомить Вас, что в апрельской книжке «Отеч<ественных> зап<исок>» Ваша вещь не может быть помещена [1], во-первых, потому, что книжка эта в минуту получения «Сцены» была уже скомпонована, а во-вторых, потому, что в апрельском № *имеется уже* большая поэма Некрасова [2], и следовательно, в одном № помещать *две* поэмы и неудобно, и начетисто. Затем позволяю себе предложить на Ваше обсуждение следующие соображения. Майская книжка «Отеч<ественных> зап<исок>» выйдет, вероятно, не раньше половины мая, когда публика разъезжается по деревням и на журналы уже обращает мало внимания; поэтому и для Вас, и для журнала будет удобнее, ежели Ваша поэма будет помещена осенью, т. е. в сентябре или позже, как Вы пожелаете. Деньги же, которые Вы за труд Ваш требуете, могут быть выданы и теперь. Ежели Вы согласны на это, то потрудитесь уведомить, и я немедленно отошлю 400 р. В. А. Арцимовичу. Если Вам нужно скорее, то телеграфируйте. Во всяком случае, в мае я надеюсь увидеть Вас, ибо я до начала июня не выеду из Петербурга, так как у меня родился сын, к<отор>ого нельзя везти в деревню до тех пор, пока не будет совсем тепло. Вероятно, в мае застанете еще и Некрасова.

Гр<аф> А. К. Толстой действительно счастливец, если получает по 1 р. с. за стих. К сожалению, наша редакция не настолько богата, чтобы платить такие деньги. Надеюсь, что при свидании Вы сами убедитесь, что мы не имеем ни малейших поползновений эксплоатировать Вас.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 639, оп. 2, № 82, лл. 10—11.

Впервые опубликовано: «Русская мысль», 1913, № 4, отд. II, с. 120. Повторная публикация: *ЛН,* т. 13—14, с. 298—299.

---

[1] Стихотворная драматическая сатира А. М. Жемчужникова «В чем вся суть? Заграничная сцена из русской жизни». Напечатана в *Отеч. записках,* 1872, № 5.

[2] «Княгиня Трубецкая», первая часть поэмы «Русские женщины».

336. Г. К. РЕПИНСКОМУ

13 апреля 1872. Петербург

Многоуважаемый Григорий Кузьмич.

В прошлое заседание Комитета слушалась просьба московского литератора Иванова о вспомоществовании, и в этой просьбе он ссылался на Островского. Сколько мне помнится, Комитет заключил: поручить Островскому собрать об Иванове сведения; но я не помню, было ли заключено разрешить выдать Иванову какое-либо пособие. Между тем вчера я получил от А. Н. Островского письмо, в котором он удостоверяет, что Иванову действительно следует дать пособие, и просит моего содействия в этом деле [1]. Прилагая при сем это письмо, я прошу вас, буде не разрешено Островскому выдать Иванову какую-нибудь сумму, не может ли г. председатель собственною властью, не дожидаясь будущего заседания, разрешить выслать Островскому до 30 р. для передачи Иванову.

Вы весьма обязали бы меня, уведомив о последующем и возвратив притом письмо Островского, которому я во всяком случае должен ответить. Буде письмо Островского окажется нужным к делам, то я его по миновавшей надобности представлю. Будьте добры, устройте же это дело поскорее.

Искренно вам преданный

М. Салтыков.

13 апреля.

Резолюция председателя Комитета А. П. Заблоцкого: Отослать А. Н. Островскому для выдачи г. Иванову 30 р.

А. Заблоцкий

14 апреля.

Распорядительная надпись секретаря Комитета Г. К. Репинского:

Не потрудитесь ли сообщить Б. И. Утину [2], чтобы он выслал 30 р. А. Н. Островскому (Москва, у Николы в Воробине, близ Серебряннических бань, собственный дом), а письмо Островского отошлите М. Е. Салтыкову (Фурштатская, 33).

Г. Репинский

Печатается по тексту первой публикации: *ЛН*, т. 67, с. 477, где воспроизведено по автографу, находившемуся в собрании Ю. Г. Оксмана.

[1] Островский писал Салтыкову 11 апреля 1872 г., ходатайствуя о помощи молодому писателю Ф. П. Иванову (псевдонимы: Борисоглебский и Архангельский): «Он так беден, что даже смешно. Он живет в свином доме: так называется ночлежный притон мошенников и бродяг на Хитровом рынке <...> Я не знаю, сколько он просит; но рублей 25 или 30 дать надо. Деньги невелики, а ими можно спасти человека на всю жизнь от пьянства, буянства и ночного шатания» (А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1953, с. 230).

[2] Один из учредителей Литературного фонда, Б. И. Утин, был в это время казначеем Комитета.

337. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

15 апреля 1872. Петербург

С. П. б. 15 апреля.

Многоуважаемый Александр Николаевич. Письмо Ваше об Иванове я получил в среду, а заседание Комитета было в понедельник[1]. Поэтому все сношения по письму Вашему должно было делать письменно, что невольным образом замедлило мой ответ Вам. Вчера вечером Заблоцкий уведомил меня, что он разрешил послать Вам, для передачи Иванову, 30 рублей. Желаю душевно, чтоб маленькие эти деньги оказали какую-нибудь помощь в данном случае.

У нас по литературе все тихо; так что даже слышно, как Корш во сне жует рукава. Когда это странное положение русской литературы прекратится — одному богу известно.

Душевно желаю Вам хорошо провести праздники[2]. Конечно, с Вашей точки зрения, все равно, что будни, что праздник, а все-таки приятно посмотреть, как другие веселятся.

Сын мой свидетельствует Вам свое почтение. В Петербурге распространился слух, что он пишет в «Петерб<ургских> ведом<остях>» передовые статьи, но так как ему будет скоро только 3 м<есяца>, то я не слишком огорчаюсь этим. Пущай привыкает.

Прощайте, будьте здоровы, крепко жму Вашу руку.

Искренно Вас уважающий и душевно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ,* ф. 200, № 2284.
Впервые опубликовано: *Из архива Островского,* с. 508—509.

---

[1] См. прим. к письму 336.
[2] Праздник Пасхи.

338. Г. К. РЕПИНСКОМУ

После 8 мая 1872. Петербург

Примите сие невольное приношение; Глушицкий пришел ко мне в рубашке и подштанниках. Посещать его нет надобности, ибо он квартиры не имеет.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 155, л. 427.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 438. Написано на письме Глушицкого к Салтыкову от 8 мая 1872 г., что и является основанием для приблизительной датировки. Глушицкий писал Салтыкову: «Примите на себя труд доложить Литературному фонду о нижеследующем моем положении. В настоящее время, по выходе из больницы, в течение двух недель я не имею приюта: день сижу в разных трущобах, разумеется, голодом, а ночь бесцельно брожу по городу. При этой обстановке я, понятное дело, ничего не могу писать; из-за плохого костюма не пускают меня даже в Публичную библиотеку, где я мог бы настрочить заметку. Ввиду совершенной бесприютности и голода, смею надеяться, что Фонд не откажет мне в посильном пособии. К Вам же обращаюсь с просьбою: не откажите в нескольких копейках на хлеб и приют».

339. В. П. ГАЕВСКОМУ

10 мая 1872. Петербург

Любезный Виктор Павлович.

Извини, что беспокою. Видясь с тобой в последний раз в Фонде, я забыл спросить тебя, какая участь постигла просьбу той крестьянки (о возобновлении сгоревших билетов вн<утреннего> з<айма>), о которой я тебе говорил, и ты был так добр взять на себя труд замолвить слово у Е. И. Ламанского.

Будь так добр, уведомь меня.

Твой

10 мая. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 5.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 40, с широкой датировкой 1871—1881 гг. Между тем год написания письма и разъяснение упоминаемого в нем эпизода находится в примечании Салтыкова к сказке «Деревенский пожар»: «В 1872 году приходила к автору крестьянка села Заозерья (Углицкого уезда) и показывала два или три обгоревших по краям билета, но так, что на уцелевших посередке купонах видны были и № билета, и серия. Я просил некоторых добрых знакомых ходатайствовать в банке. Всем казалось дело несомненным; но г. Ламанский, тогдашний управляющий банком, рассудил иначе. Ни возобновить билеты, ни даже выдать за них нарицательную цену оказалось невозможным. Это, изволите видеть, польза банка. Вот как истинные сановники берегут интересы казны!» (т. 16 (I) наст. изд., с. 183).

340. А. Ф. КАБЛУКОВУ

10 мая 1872. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович. Не имея от Вас счета за апрель месяц, не знаю, в каком положении Ваши финансы, но так как, вероятно, они не блестящи по случаю расходов, то на те расходы, о которых Вас просит жена, посылаю Вам 100 р., которые Вы получите по прилагаемой при сем записке в книжном магазине И. Г. Соловьева (на Страстном бульваре, на углу Большой Дмитровки). Предупреждаю Вас, что магазин по воскресеньям заперт. Так как Вы теперь обсеялись, то, вероятно, найдете возможность съездить в Москву, чтоб получить деньги и сделать закупки. Я с своей стороны тоже пишу Соловьеву, чтоб не задержал Вас [1].

Пожалуйста, найдите прачку. Мне теперь просто не к кому обратиться.

До скорого свидания, будьте здоровы.

Свидетельствую мое почтение Вашим и уважаемой Марии Ивановне.

Делали ли Вы подсадки в саду и в Похоронной роще?

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, л. 53.

Публикуется впервые.

Приписка к письму Е. А. Салтыковой А. Ф. Каблукову от 10 мая 1872 г. Содержание этого письма — просьба о покупке перечисленных в нем продуктов и вещей хозяйственного обихода.

---

[1] Письмо Салтыкова в книжный магазин И. Г. Соловьева неизвестно.

341. А. Ф. КАБЛУКОВУ

17 мая 1872. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Будьте так добры, уведомьте, можем ли мы надеяться на прачку. Равным образом, получили ли Вы записку на имя книжного магазина Соловьева, которою магазин обязывался выдать Вам 100 р. Жена приезжает в Москву 28 числа и в тот же день по 4-часовом поезду будет в Пушкине.

Я и жена кланяемся Марье Ивановне и всем Вашим. До скорого свидания.

М. Салтыков.

17 мая.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 55.

Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по связи с письмом 340.

342. А. С. СУВОРИНУ

31 мая 1872. Петербург

Считаю нелишним уведомить Вас, многоуважаемый Алексей Сергеевич, что дело с «Гол<осом>», вероятно, состоится, но Кр<аевский> просил дать ему время обдумать. В половине июля он будет в Москве и увидится с нами; там все и решится. Я в субботу еду в Москву, и потому меня эта отсрочка даже устраивает. Некрасов тоже едет в Ярославль.

Ежели бы Вы могли урвать минуту, то, разумеется, все-таки лучше было б поговорить. В пятницу между 3 и 4 часами не можете ли к Некрасову?

Ваш
М. Салтыков.

31 мая.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 459, оп. 1, № 3771, л. 3.

Впервые опубликовано в книге: «Письма русских писателей к А. С. Суворину». Л., 1927, с. 168.

По мнению Н. В. Яковлева, письмо написано в связи с тем, что газета «Голос» «получила в начале 1872 г. третье предостережение и была закрыта на четыре месяца», после чего Краевский хотел передать ее Суворину, но «дело не состоялось» (*Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 443). По-видимому, именно этот эпизод имел в виду Суворин, когда сообщал, что познакомился с Некрасовым в 1872 г. и «тогда же он советовал мне завести свою газету и вести ее так, как я сам понимаю» («Новое время», 1878, 1 (13) января, № 662).

В письме, однако, видна какая-то заинтересованность в предполагаемом новом устройстве газеты также и Салтыкова и Некрасова. Об их неоднократно предпринимавшихся попытках «расширить область распространения идей своего «направления» за пределы, доступные журналу, путем негласного проникновения в газету» см. в работе: Б. Папковский и С. Макашин. Некрасов и литературная политика самодержавия.— *ЛН*, т. 49—50, с. 512—524.

343. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

1 июня 1872. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Бесконечно виноват перед Вами, виноват без извинений. В последнее время меня мучит безграничная лень и какое-то непреодолимое отвращение к труду. С великим усилием что-нибудь напишешь. Вот почему, помня о Вас беспрестанно, не писал к Вам, впрочем передавая что нужно Анне Николаевне [1].

Статьи Ваши все до единой драгоценны. Я даже не ждал, чтобы Вы могли до такой степени овладеть формой, как это удалось Вам в письмах из деревни. Поэтому каждая Ваша строка будет принята «Отеч<ественными> за<писками>» с величайшею благодарностью. Лето, конечно, дает Вам обильный материал, и Вы хорошо бы сделали, если б нашли досуг и для литературного дела. Вопрос о «больном месте» действительно должен произвести большой переполох [2], и редакция будет ожидать Вашей статьи с нетерпением. Но желательно было бы, чтоб Вы не оставляли и писем из деревни. Давно я не читал ничего с таким наслаждением. Хорошо было бы, если б Вы, начиная с сентября, ежемесячно присылали от $1^1/_2$ до 2 листов печатных.

Я уезжаю 3-го числа в подмосковную деревню [3] и вернусь в Петербург к 15 августа. Приятно было бы встретить Вашу статью. Ужасно досадно, что Вы не дали ходу разрешению быть в Москве: может быть, и увиделись бы [4]. Анна Николаевна обещалась побывать у нас.

Истинно Вам говорю, я редко с кем хотел бы так видеться, как с Вами. Я несколько раз порывался к Вам, но обстоятельства мешали. Обстоятельства эти — деньги. Поверите ли, что я должен каждую копейку рассчитывать, чтобы сколько-нибудь прилично сводить концы с концами. А теперь, кстати, у меня родился сын. Я уже приближаюсь к 50-ти, и старческое чувство заставляет меня радоваться этому рождению, но мысль, что я *должен* прожить до 66 лет, чтоб увидеть этого мо-

лодого человека на ногах, просто сражает меня. Так расстроить свои дела, как это сделал я,— просто ни на что не похоже.

Если бы Вам вздумалось написать мне в деревню, то вот мой адрес: Москва, 3-я Мещанская, дом Аббакумовой. Александре Александровне Кардановской, для передачи М. Е. Салтыкову.

До свидания; дружески жму Вашу руку и вновь повторяю: статьи Ваши истинное наслаждение.

Ваш

1 июня. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 572, оп. 1, № 174, лл. 4—5.
Впервые опубликовано: «Исторический вестник», 1911, № 4, с. 61—62.

---

[1] Жене А. Н. Энгельгардта. См. письмо 323, прим. 1 и 2.

[2] Часть III статьи Энгельгардта «Вопросы русского сельского хозяйства» была озаглавлена «Дороговизна ли рабочих рук составляет больное место нашего хозяйства?» (*ОЗ*, 1873, № 2).

[3] Витенево.

[4] Очевидно, существовала возможность получить разрешение бывать в Москве (см. письмо 309, прим. к нему), которой Энгельгардт не воспользовался.

344. Н. А. НЕКРАСОВУ

20 июня 1872. Витенево

Витенево. 20 июня.

Совестно мне тревожить Вас, уважаемый Николай Алексеевич, но приходится. Не можете ли Вы ссудить меня 200 рублей, сделав распоряжение, чтобы мне выдал эти деньги И. Г. Соловьев. Если это возможно, то пришлите Соловьеву письмо об этом, чтоб он мне или кому я прикажу выдал деньги. Я 30 июня думаю быть в Москве, а потому хорошо бы, если к этому времени пришло Ваше письмо к Соловьеву. Если Вы имеете что-нибудь написать и мне, то сделайте это к тому же времени через Соловьева же. На дальнейшее время мой адрес таков: 3-я Мещанская, дом Аббакумовой, Александре Александровне Кардановской, для передачи М. Е. Салтыкову. Желал бы я также знать, долго ли Вы пробудете в Карабихе.

Я еще не видал последнего № «Отечественных записок», но, судя по отзыву «Петербургских ведомостей», должно быть, Демерт что-нибудь сильное сморозил [1]. Я хотел написать ко-

ротенькую заметку, но, во-первых, не знаю Демертовой статьи, а во-вторых, жду, не будет ли еще чего-нибудь со стороны «Петербургских ведомостей». Негодяй Буренин, который не постыдился сказать, что мой предпоследний фельетон написан на Боборыкина [2], конечно, и на будущее время не воздержится от своих пакостей. Поэтому будущую неделю пережду и посмотрю, что будет. Так как мое объяснение не может быть длинно, то к 8 июля оно поспеет в Петербург [3].

Суворина я в Москве видел, но он мне показался несколько сконфуженным; [4] хотел быть у меня и даже назначил час, но не пришел. Впрочем, по последним фельетонам Вы можете судить, как легкомыслен и как выдохся этот человек.

Работа моя идет довольно медленно; впрочем, к августовской книжке, наверное, пошлю фельетон, а к сентябрьской приготовлю и рассказ и фельетон [5].

Дела мои гадки до крайности. Крестьяне затрудняют выкуп по имению и оброков не платят. Брат пьет запоем и, как кажется, при последнем издыхании. Что из всего этого выйдет — ума не приложу. 30 июня я еду в Москву собственно для того, чтоб видеться с братом [6], который к тому времени приедет туда же, или, вернее, его туда привезут. Боюсь, что вовсе останусь без куска хлеба. Может быть, и опять придется ехать в Углич: поэтому-то и прошу у Вас денег.

Как писать при таких условиях?

Деньги я уплачу в два раза: при выдаче за август и за сентябрь.

Поклонитесь от меня Зинаиде Николаевне.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 33, лл. 17—18.

Впервые опубликовано: «Печать и революция», 1927, № 4, с. 61—62.

---

[1] В очередной хронике «Наши общественные дела» (*ОЗ,* 1872, № 6) Демерт упомянул, что «С.-Петербургские ведомости» сделались «органом Абрама Моисеевича Варшавского и К°», намекнув тем самым на тесную связь газеты с финансовыми и железнодорожными воротилами, интересы которых она так рьяно защищала. С возражениями против этого выступили «С.-Петербургские ведомости». В редакционной статье «Петербург, 15-го (27) июня» намек Демерта объявлялся «выдумкой», приправляемой «соответствующими соображениями» («С.-Петербургские ведомости», 1872, № 162, 16 (28) июня).

[2] В статье «Журналистика» («С.-Петербургские ведомости», 1872, № 156, 10 июня), подписанной буквой «Z», Буренин выступил против развивающейся в пятой главе «Дневника провинциала в Петербурге» (*ОЗ*, 1872, № 5) темы «пенкоснимательства». Рассуждение Салтыкова о «молодцах лихачах», появившихся в современной литературе, он переадресовал П. Д. Боборыкину и его роману «Дельцы». «Боже мой,— писал Буренин,— если моя догадка верна, то что ж это такое делает с г. Боборыкиным почтенный орган? В начале книги он печатает его «коротенькие мысли», а в конце тонко сравнивает почтенного романиста с литературным лихачом извозчиком!» В заключение статьи Буренин утверждал, что «статейка, из которой извлечен вышеприведенный намек на г. Боборыкина, есть не что иное, как насмешка над современной литературой вообще и над самими «Отеч<ественными> записками» в частности» (см. в наст. изд. т. 10, с. 384—385, 750—751).

[3] По-видимому, Салтыков первоначально намеревался объединить в «Объяснении» ответ «Петербургским ведомостям» по поводу как статей Демерта, так и своего «Дневника провинциала...». Но затем его намерения изменились. Вопрос о выступлении Демерта был устранен из полемики, а объяснение с Бурениным ограничилось частным письмом к нему, относительно которого неизвестно — было ли оно послано адресату (см. письмо 345).

[4] Вероятно, «конфуз» Суворина связан с его несостоявшейся попыткой приобрести газету «Голос» (см. прим. к письму 342).

[5] В № 8 *Отеч. записок* помещена очередная глава «Дневника провинциала в Петербурге», а в № 9 — «Ташкентцы приготовительного класса. (Параллель четвертая)».

[6] С. Е. Салтыков.

345. Н. А. НЕКРАСОВУ

29 июня 1872. Витенево

Витенево. 29 июня.

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

По поводу ругательного фельетона Буренина я надумал написать к нему письмо. Но так как ум хорошо, а два лучше, то я прилагаю это письмо к Вам, с тем, что ежели Вы найдете его удобным, то заклейте и пошлите, а ежели оно не годится, то пришлите его мне обратно [1].

Я на прошлой неделе писал к Вам и просил прислать Соловьеву ордер на выдачу мне 200 р., которые крайне мне необходимы [2]. Завтра еду в Москву, чтоб получить их.

Пишется не очень прилежно; к концу каникул надеюсь, что нечто все-таки выйдет. Погода стоит отвратительная. Пишите, когда Вы думаете в П<етер>бург и будете в Москве. Я выеду для свидания.

Мой адрес: Москва, 3-я Мещанская, дом Аббакумовой, Александре Александровне Кардановской, для передачи Салтыкову.

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 195, п. 5765, № 61/8.
Впервые опубликовано: *Архив Карабихи*, с. 168.

---

[1] Упоминаемое письмо неизвестно.
[2] См. письмо 344.

346. Н. С. КУРОЧКИНУ

4 июля 1872. Витенево

Витенево. 4 июля.

Посылаю фельетон для августовской книжки, многоуважаемый Николай Степанович. Если возможно, прикажите его набрать поранее и корректуру пошлите мне и Некрасову. Адрес мой я записал в книжке. Я возвращу корректуру очень скоро.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 241, оп. 2, № 2.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, с. 299.

Салтыков послал в редакцию, при этом письме, гл. VII «Дневника провинциала в Петербурге». Она появилась в *Отеч. записках*, 1872, № 8. См. в наст. изд. т. 10, с. 422—448 и 766—768. Судя по следующему письму, «фельетон» был послан на другой день, не 4, а 5 июля.

347. Н. А. НЕКРАСОВУ

5 июля 1872. Витенево

Витенево. 5 июля.

Сегодня посылаю к Курочкину фельетон для августовской книжки [1]. Пишу, чтоб приказал набрать и корректуру послал к Вам и ко мне. Если Вам что-нибудь не покажется, пожалуйста, вычеркните не церемонясь, а если найдете нужным вычеркнутое чем-нибудь заменить, то пришлите ко мне.

Благодарю Вас за 200 р., которые я получил. Брат, кажется, умрет и оставляет свои дела в величайшем беспорядке. А так как и я вместе с ним путал и никогда отчета от него не требовал, то и я, конечно, пострадаю, а может быть, и совсем ни при чем останусь. Не знаю, поеду ли я в Углич, но если поеду, то, разумеется, заеду и к Вам.

Вы не можете себе представить, до какой степени скверно мне. Как будто я всю жизнь чего-то гадкого ждал — и вот оно случилось. Брат положительно окружен целою шайкой мошенников — родственников его жены.

До свидания
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 195, п. 5765, № 61/9.
Впервые опубликовано: *Архив Карабихи,* с. 175—176.

---

[1] Как сказано выше, Салтыков отправил главу VII «Дневника провинциала в Петербурге» (*ОЗ,* 1872, № 8). Содержавшиеся в рукописи и корректуре полемические выпады против Буренина (см. письма 344 и 345) и три места о Козьме Пруткове были исключены. См. об этом в письмах Н. С. Курочкина и А. Н. Плещеева к Некрасову (*ЛН,* т. 51—52, с. 345—346, 348, 450—452; *Архив Карабихи,* с. 116—117 и в наст. изд. т. 10, с. 422—448, 766—768).

348. Н. А. НЕКРАСОВУ

9 июля 1872. Витенево

Витенево. 9 июля.

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Брат мой умер [1], и я должен ехать в Углич, что сегодня и исполняю. Дела он оставил в самом скверном положении, и мне придется очень туго. Сверх того, это отнимет время и у моего писания. У меня все как-то наоборот; другие радуются

наследству, а мне оно не впрок. Из Углича, может быть, придется в Рыбинск ехать, а там и в Ярославль. Буду в Ярославле между 18 и 23 числами и, конечно, заеду к Вам в Карабиху.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 195, п. 5765, № 61/10.
Впервые опубликовано: *Архив Карабихи,* с. 176.

---

[1] С. Е. Салтыков умер 7 июля 1872 г.

349. И. Е. САЛТЫКОВУ

10 июля 1872. Спасское

Спасское. 10 июля.

Любезный друг Илья. Сережа скончался 7-го июля. Я приехал в Ваши страны как для того, чтоб присутствовать при его похоронах, так и для устройства общих с ним дел, которые он в последнее время весьма запустил. Хоронят его в Воронцове в среду 12-го числа. Уведомляю тебя об этом на тот конец, что ты, быть может, захочешь присутствовать. Но может быть, письмо это опоздает,— что, впрочем, не моя вина, ибо отправкой письма распоряжается брат Дмитрий,— в таком случае я, не встретившись с тобой в Воронцове, приеду в Цедилово. Мне нужно переговорить об оставшемся после Сережи имении, которое теперь подлежит разделу[1]. Сережа дал заемных писем Л<идии> М<ихайловне> на 28 т. р. Мне необходимо сделать хотя первоначальные распоряжения о вызове наследников, об учреждении опеки, впредь до утверждения в правах наследства и т. д. И так как мне совсем грустно расставаться надолго с женою и сыном, то я просил бы дать мне возможность переговорить с тобой хотя в главных чертах о предмете моего приезда. От тебя я намерен отправиться в Заозерье и поревизовать Максима Андреева[2]. Сережа даже долга Опекун<скому> совету ни за себя, ни за меня за прошлый год не вносил. Надеюсь, что в четверг утром буду у тебя.

К сожалению, я узнал здесь, что и маменьки нет, но никто не мог мне сказать за достоверное, где она, у тебя или у Скрипицыных. Если у тебя, то сообщи ей о смерти Сережи.

Прошу тебя передать мой привет сестрице Адели Павловне и всем твоим.

Весь твой
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 49, лл. 4—5.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 254—255. Год устанавливается по упоминанию о смерти С. Е. Салтыкова.

---

[1] После смерти С. Е. Салтыкова ярославское имение Заозерье, находившееся в его общем с Михаилом Евграфовичем владении, подлежало разделу. Об этом разделе и о претензиях сторон см.: наст. изд., т. 19 (II) в разделе Дополнения.

[2] М. А. Баталов, заозерский крестьянин, управлявший имением М. Е. и С. Е. Салтыковых.

350. Е. И. ЯКУШКИНУ

16 июля 1872. Карабиха

Многоуважаемый Евгений Иванович.

Я был в Ярославле с многочисленными просьбами, но, к сожалению, Вас не застал. Воззрите на мои сиротские слезы и помогите мне, то есть не притесняйте. Дело идет все о той же деревне Куреевой, которую я никак не могу выпустить на выкуп [1]. Все требуют планов, а планы землемера пропали, да их, в сущности, и не требуется, ибо выкуп добровольный (ст<атья> 75 Пол<ожения> о выкупе). Имение было нераздельное с братом, а брат 7-го числа умер, и следовательно, если погибнет подписанный им договор, то погибнет все [2]. В том, что крестьяне согласны на выкуп и желают его — не может быть сомнения [3], а если и есть кой-какие ошибки, то я надеюсь, что в Петербурге Главное вык<упное> учр<еждение> посмотрит на них снисходительно. Помогите, хоть ради того, что просто меня терзает мать-кредиторша, и я желал бы хоть как-нибудь освободиться от нее [4].

Весь Ваш

16 июля. Карабиха. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР,* ф. 279, оп. 1, № 638, л. 10.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 255.

Год устанавливается по упоминанию о смерти С. Е. Салтыкова.

---

[1] См. прим. к письму 317.

[2] Уставные грамоты (две) по заозерскому имению братьев Салтыковых, составленные в мае 1862 г., были подписаны только Сергеем Евграфовичем (*Макашин II,* с. 469).

[3] Основания для сомнений все же имелись. Переход крестьян на выкуп в Заозерье и деревнях затянулся до 1876 г. (там же).

[4] В декабре 1861 г. Салтыков взял у матери взаймы, для покупки имения, 23 000 руб.

351. И. Е. САЛТЫКОВУ

18 июля 1872. Заозерье

Заозерье. 18 июля.

Любезный друг Илья. Посылаю к тебе Максима Андреева [1], во-первых, для сообщения тебе сведений, которые ты сочтешь нужным иметь, а во-вторых, вообще для ознакомления с личностью управляющего Заозерским имением, личностью во всех отношениях почтенною.

Поездка моя сопровождалась разными неудачами. Приехавши в Заозерье, я не застал Максима Андреева, который уехал в Москву, и отправился в Углич, где не застал предводителя дворянства и отдал Берсеневу прошение об утверждении меня опекуном для подачи предводителю, и о результате еще ничего не знаю. Потом поехал в Ярославль и подал там разные прошения (объяснено далее), но Окулова не застал, ибо он в отпуску, затем отправился ближайшим путем, через Ростов, в Заозерье и взад и вперед должен <был> проехать лишних 140 верст в телеге по отвратительнейшей дороге и (по крайней мере, от Ростова до Заозерья) при проливном дожде. Да еще: едучи из Ростова, заехал к мировому судье Зеланду, чтобы подать прошение о вызове наследников, но ни мирового судьи, ни письмоводителя его не застал и отдал прошение высоковскому старшине, который обязался передать мировому судье, а я на обратном пути опять заеду в Высокое и узнаю, что̀ сделано.

В Заозерье найдено мною следующее:

В первом обществе (село Заозерье) [2] по уставной грамоте 649 душ, оклад с них по 6 р. 90 к. с души, которые должны уплачиваться по третям года, 1 марта, 1 июля и 1 ноября.

Весь оклад 1-го общества 4478 р. 10 к. Недоимки в настоящее время на этом обществе числится 3920 р. 80 к., а так как 19½ душ выкупили свои наделы, а 5 душ отказалось от наделов и получили увольнительные свидетельства, следовательно, нужно исключить из недоимки то, что неправильно числится на обществе за эти души, и затем считать в окладе с 1-го ноября уже не 649, а 624½ душ. По расчету моему, следует исключить

из недоимки (по 1-е ноября) 267 р. 95 к.; а затем считать недоимку по 1-е ноября в количестве 3652 р. 85 к.

Во втором обществе по уставной грамоте 701 душа, из них в деревнях Харловой, Чуприловой, Бронники и Вяльковой 264, а в остальных 437 душ, но так как все деревни составляют одно общество, и земли не разделены, то следует и оброки разверстывать уже по числу душ из общеполучаемой суммы, а не отдельно по каждой деревне.

Оклад 8 р. 80 к. с души, а со всего общества 6168 р. 80 к. Недоимки по 1-е ноября 1872 г. 6075 р., а так как 4 души выкупили надел, а 14 отказались, то следует оклады их исключить из недоимки, а с 1-го ноября считать в окладе не 701, а 683 душ. Недоимки по расчету нужно исключить 220 р. 5 к. и затем считать по 1-е ноября в количестве 5948 р. 75 к.

При имении пустоши, в которых отдается покос: Шарапова 274 дес<ятин> покосу сдано на 189 р. 50 к.; Григорева 60 дес<ятин> покосу на 25 р.; Осеева 15 дес<ятин> покосу сдано 12 р.; Коняиха с Бычихой и Хохлевка 74 дес<ятин> (болото) покосу на 12 р.; Мистровка 29 дес<ятин> покосу на 5 р.; Гулино 30 дес<ятин> покосу на 28 р.; Ульянцево 27 дес<ятин> покосу на 20 р. Всего сдано в нынешнем году покосов на 288 р. 50 к., которые должны поступить в сентябре. В Шарапове имеется 700 саж<еней> напиленных осиновых дров, которые я приказал продать зимою. По соображению количества растущего леса пустоши могут быть оценены: Шарапово в 7 т. р., Григорево в 1500 р., Осеево — 350 р., Коняиха и проч<ее> — 700 р., Мистровка — 150 р., Гулино — 300 р. и Ульянцево — 250. Всего примерно в 10 250 р.

С площади и некоторых усадебных мест, за лавки, питейные заведения, весы и проч<ее> получается, по разверстке с ком<итетскими> к<рестья>нами[3] собственно на долю Салтык<овых> 830 р. 80 к. Лавки с будущего года должны приносить значительно более, так как с нынешним годом кончается срок льготе.

По селу Заозерью выкупили усадьбы крестьяне 19½ душ, да по деревням (собственно моей части) 4 души, всего 2829 р. 38 к. Деньги эти в Яросл<авском> губ<ернском> казначействе, и я подал в Яросл<авское> губ<ернское> присутствие прошение, чтобы по сношению с Сохр<анной> казной об удержании следующей за эти души капитальной суммы (до 44 р. на каждую) остальные выдали мне, а я, до раздела имения, буду их хранить.

Участки отказавшихся от наделов к<рестья>н должны быть выделены, но покамест они сдаются за 28 р. 50 к. О выделе я обратился к мировому посреднику.

При составлении уставной грамоты, много пустошей, а именно до 1745 дес<ятин>, были признаны *собственностью* крестьян, но при этом С<ергей> Е<вграфович> выговорил, что крестьяне должны все-таки уплатить за них по 4 р. 69$^{3}/_{4}$ к. за дес<ятину> и рассрочил уплату на 6 лет. До 500 дес<ятин> и до сих пор не выкуплены; поэтому я поручил Макс<иму> Андрееву составить подробный список неуплатившим и принять участки в свое заведывание, ежели не заплатят по расчету. Об этом я уведомил и миров<ого> посредника, так как условие об этих землях составляет часть уставной грамоты.

Управление по с. Заозерью стоит: Максиму Андр<ееву> жалованья 300 р. (он получал собственно 216 р., но я нахожу справедливым, по сложности дела, увеличить до 300 р.), за письмоводство 20 р., лесникам 163 р. 50 к. А всего 483 р. 50 к.

На Петре Федорове недоимки за усадебное место до 100 р. Сергей Евгр<афович> соглашался продать ему за 150 р., а годовой его оклад 15 р. Я совершенно согласен до поры до времени его не тревожить, а при разделе имения сделать окончательное распоряжение.

Максим Андреев покажет тебе бумаги по приобретению им усадьбы. Я полагаю, что усадьбу эту во всяком случае следует оставить за ним.

Наличной суммы в настоящее время 843 р.

О понуждении к уплате недоимки я подал губернатору докладную записку. А между тем крестьяне 1-го общества подали мне записку, которою просят сложить 3000 р. во внимание к их бедности. Я полагаю не складывать впредь до выкупа, но и взыскивать усиленно едва ли полезно, потому что выкуп бог весть когда совершится, а между тем к<рестья>не разорятся. По Заозерью, и в особенности по деревням, теперь падеж скота.

Поздравляю тебя с именинами, целую добрейшую Адель Павловну и детей.

Весь твой

М. Салтыков.

Пожалуйста, пиши мне, что найдешь нужным сказать. Максиму Андрееву я велел обращаться к тебе.

Я истратил следующее: от Заозерья до Углича ямщику 3 р. 50 к., от Углича до Яросл<авля> на пароходе 6 р. 15 к. До Ростова 1 р. 17 к. От Ростова до Заозерья и обратно 24 р. Мировому судье за припечатание объявления о вызове наследников 3 р. 10 к. Всего 37 р. 92 к. [4].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 49, лл. 1—2.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, с. 256—258. Письмо относится к поездке Салтыкова по делам «заозерского наследства», предпринятой сразу же после смерти брата Сергея Евграфовича 7 июля 1872 г. См. письма 348—350.

---

[1] М. А. Баталов.

[2] Согласно уставным грамотам, село Заозерье с восемнадцатью тяготевшими к нему деревнями было разделено на две сельские общины: «одну составило село Заозерье с 645 душами крестьян в той его части, которая принадлежала Салтыковым, другую — все восемнадцать деревень с 708 душами крестьян мужского пола (*Макашин II*, с. 467).

[3] Речь идет о крестьянах Московского попечительного о бедных комитета ведомства имп. Человеколюбивого общества.

[4] Впечатления от поездок Салтыкова 1872 и 1873 гг. в родные места по делу о наследстве, оставшемся после смерти брата, отражены в очерках «В дороге», «Опять в дороге» из цикла «Благонамеренные речи» (*ОЗ*, 1872, № 10 и 1873, № 10).

352. Н. А. НЕКРАСОВУ

28 июля 1872. Витенево

Витенево. 28 июля.

Поздравляю с первым предостережением, многоуважаемый Николай Алексеевич[1]. Либерал Курочкин добился-таки своего. Я не читал статьи Демерта, но, вероятно, это грубая обывательская пустяковина, из тех, кои так обильно выходят из-под пера этого писателя. Напрасно мы не распорядились, чтоб июль месяц был без общественного обозрения. Теперь, когда дано уже предостережение, даже малейший повод может послужить для второго. Очень будет утешительно, если журнал прикроют на шесть месяцев из-за Демерта. Нельзя ли хоть августовское обозрение Вам прочитать в корректуре, приказав оную выслать в Карабиху.

Чувствительно благодарю Вас за дичь, которую в Ростове вручил мне Ваш посланный. У меня вдруг оказалось изобилие, потому что в Ростове я еще купил 7 пар, только что принесенных с охоты. Меня порядочно-таки и растрясло и помочило. Дела нашел в неблестящем положении, что вместе с первым предостережением наводит на невеселые мысли.

У нас на 26-е число в ночь выпало столько дождя, что у меня мельницу затопило. И при этом такая неслыханная гроза, что мы всю ночь не могли заснуть.

Я 16-го августа непременно буду в Петербурге и надеюсь сдать в типографию, что нужно, хотя пишется довольно вяло.

Прощайте, будьте здоровы; передайте мой поклон Анне Алексеевне и Зинаиде Николаевне.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 195, п. 5765, № 61/12.
Впервые опубликовано: *Архив Карабихи,* с. 169—170.

---

[1] Первое предостережение *Отеч. записки* получили за статью Демерта «Наши общественные дела» (1872, № 7). Как явствует из текста правительственного сообщения от 19 июля 1872 г., статья заключала «в себе резкое порицание недавно изданных законов о народном просвещении», а «искусственным подбором и превратным толкованием газетных известий» явно стремилась к «возбуждению в обществе недоверия к сим законам, а в учащихся как неуважения к начальству и преподавателям, так и неудовольствия против вводимой ныне системы образования» («Биржевые ведомости», 1872, № 198, 23 июля). Не исключено, однако, что скрытой — основной или дополнительной — причиной предостережения была глава VI «Дневника провинциала в Петербурге». «Недовольство Главного управления по делам печати могло быть вызвано тем, что под видом двух проектов — «об упразднении» и «об уничтожении»,— в обсуждении которых принимает участие тайный советник Козьма Прутков, Салтыков осмеял утвержденные 7 июня 1872 года временные правила о печати, дававшие министру внутренних дел право задерживать издания, освобожденные от предварительной цензуры» (см в наст. изд. т. 10, с. 756—758).

353. И. Е. САЛТЫКОВУ

Между 18 июля и 14 августа 1872. Витенево

...ни мне, ни матери не отдал и 3) что он за пустоши, которыми владеют заозерские крестьяне моей части (об этих пустошах я пишу тебе в первом письме) получил с 1868 г. 2180 р. и тоже ни мне, ни матери не отдал ничего. А что получил выкупу за те же пустоши по 1868 г., я об этом еще не знаю, а добуду сведение впоследствии. Знаю только, что выкуп собственных крестьянских пустошей начался с 1863 года.

Всего, значит, моих денег пропало 5700 р. приблизительно. Ужели все это должно пропасть?

А я между тем из долга матери выйти не могу и обязываюсь работать, чтоб иметь чем жить.

Во всяком случае, хотя по первым двум моим просьбам, т. е. о долге матушке и о смысле раздельного акта, ответь мне, сделай милость. До 14 августа я пробуду еще в Витеневе.

Искренно любящий тебя
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 49, л. 3. Начало письма не сохранилось, на обороте подсчеты Салтыкова, касающиеся выкупных платежей крестьян.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 258—259. Написано после письма к И. Е. Салтыкову от 18 июля и до отъезда Салтыкова из Витенева — 14 августа.

354. А. Ф. КАБЛУКОВУ

Конец сентября — начало октября 1872 (?). Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Не очень-то утешительны сообщаемые Вами известия из Витенева. Мельница плохо идет, маслобойня не готова, дрова и лошадь не проданы, и т. д. Лучше Похоронную рощу не рубите, только то дерево прикажите срубить, которое бурей сломало, а то, пожалуй, и за пилку не выручим. Мельница идет в сентябре так, как в июне,— это даже удивительно. Вы мне обещали покупателей трактирщиков на дрова найти, а между тем нет ничего. Пожалуй, и так растаскают, особливо около кухни, где Анна, вероятно, их жжет. Привели бы Вы, по крайней мере, в известность, сколько их есть. Сажени с 4 у кухни оставьте под надзором Матвея до будущего года: может быть, не будет суши, а дрова для кухни понадобятся. Особенно интересно, что овса 4 четверика намолотили. Продайте, пожалуйста, лошадь, медлить нечего — весной купим другую. Я надеюсь, что Вы успеете и в Похоронной подсадить березок, потому что погода стоит хорошая. А Похоронную надо оставить — ведь и самим понадобятся дрова, а она довольно уж редка, молодым березкам роста ничто не попрепятствует, только не надобно траву косить. У старосты настаивайте, чтоб деньги отдал; ведь и мой карман пожалеть надо. Я бы просто не желал, чтоб аренду опять до лета затянули, а кажется, что именно так начинается. Дрова тоже продайте, вот и будут у вас деньги. Что же касается до мельницы, то, во-первых, очень досадно, что маслобойня не в порядке, а во-вторых, никакого

сомнения нет, что Дмитрий не все отдаст, да и Паньковский скрывает. А впрочем, делать нечего.

До свидания, будьте здоровы. Кланяйтесь Екатерине Степановне и всем Вашим.

Ваш

М. Салтыков.

Прикажите на плотине сушь вырубить да кусты на островку у маслобойни срубить.

Я говорил Дмитрию, чтоб он ив по реке против дома, а также и по плотине насажал. Желательно, чтоб это было выполнено. Отчет за октябрь, пожалуйста, пришлите в свое время. Неужто и в этом месяце не будут масла бить. Уведомьте, дерут ли крупу?

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 94—95. Публикуется впервые.

Датируется предположительно по связи с письмом Е. А. Салтыковой к А. Ф. Каблукову от 21 сентября 1872 г. и по упоминанию об ожидаемом отчете по имению за октябрь месяц.

355. А. И. УРУСОВУ

Вторая половина октября 1872 (?). Петербург

Многоуважаемый князь Александр Иванович.

Посылаю вам проект раздельного акта, жалею очень, что не буду иметь удовольствия видеть вас до вашего отъезда.

Благодарю вас от души за участие, которое вы приняли в нашем деле [1].

Примите уверение совершенного моего к вам уважения.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 514, оп. 1, № 274, л. 1.
Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 67, с. 476—477.

После смерти, в июле 1872 г. Сергея Евграфовича, брата Салтыкова и его совладельца по ярославскому имению Заозерье, возникло дело по разделу оставшегося наследства. Защиту своих интересов Салтыков поручил тверскому присяжному поверенному И. С. Сухоручкину и написал для него 17 октября 1872 г. «Объяснительную записку» по этому делу. Заключительная часть записки содержит «Проект раздела» (Гос. Архив Калининской обл., ф. 527, оп. 1, № 27). По-видимому, это документ идентичный или близкий к «проекту раздельного акта», упоминаемому в настоящем письме, и возникший в одно и то же время.

---

[1] Какое именно участие принял кн. Урусов, известный адвокат, в семейно-имущественном деле Салтыкова, установить не удалось. Но участие это не могло быть сколько-нибудь длительным, так как вскоре Урусов был административно выслан из Петербурга в Лифляндскую губернию за участие в Нечаевском процессе.

356. Е. И. ЯКУШКИНУ

20 октября 1872. Петербург

С. П. бург. 20 октября.

Многоуважаемый Евгений Иванович.

В прошлом июле я подавал в Ярославское губ<ернское> прис<утствие> просьбу, которою просил хранящиеся в Яросл<авском> губ<ернском> казнач<ействе> деньги, с лишком 2800 р., внесенные крестьянами села Заозерья за выкупленные земельные участки, по сношению с Моск<овской> сохр<анной> казной, то, что числится на выкупивших земли крестьянах долгу, уплатить казне, а остальные выдать мне, как опекуну над имением [1].

Теперь, при отношении Губ<ернского> П<равле>ния от 12 октября за № 10705 к приставу какой-то *Морской* части, прислана ко мне копия с отношения мирового посредника, в котором прописывается, что покойный брат мой или его поверенный просил его эти деньги отослать сполна в Москов<скую> сохр<анную> казну для приведения в порядок долга Моск<овскому> опек<унскому> совету. Причем Губ<ернское> прис<утствие> вместо того, чтоб сообразить это уведомление с содержанием моего прошения, просто-напросто уведомляет меня, что оно отнеслось в Казенную палату об отсылке денег в Московскую сохранную казну.

Пристав Морской части оказался приставом Литейной части и объявил мне решение Губ<ернского> присутствия лишь сегодня. Затем, брат мой просил об отсылке в Моск<овскую> сохр<анную> казну означенных денег в марте, а мое прошение о неотсылке подано было в июле. С тех пор мною уже уплачено 2000 р. на приведение долга в порядок и остальное, что нужно, будет уплачено постепенно, потому что все доходы с имения употребляются мной на этот предмет. Деньги, внесенные крестьянами, составляют капитал, и потому на уплату процентов употреблены быть не должны. Это спутывает все мои соображения и может послужить поводом для начета на меня, так как сонаследники мои и без того точат на меня зубы.

Поэтому я позволяю себе просить Вас, многоуважаемый Евгений Иванович, остановитесь высылкой денег и вникните в прошение, которое я *завтра* отправлю в Губ<ернское> присутствие. Я просил бы только не оставлять мои прошения без прочтения, как это сделано с прошением, поданным в июле.

Извините, что я беспокою Вас с моими просьбами, но то, что делает со мной Губ<ернское> п<рисутств>ие, выше всякого описания.

Искренно вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР,* ф. 279, оп. 1, № 638, лл. 12—13.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 260—261. Год устанавливается по связи с письмом 350.

---

[1] К моменту перехода Заозерья в собственность Михаила и Сергея Салтыковых за имением числился долг Московской сохранной казне Опекунского совета в сумме 52 000 руб. При составлении уставных грамот по Заозерью на крестьян лег платеж 8187 руб. из суммы этого долга; его остальная часть осталась за владельцами (*Макашин II,* с. 464 и 468—469).

После смерти брата Салтыков, как совладелец, был объявлен опекуном над имением, впредь до раздела его между наследниками.

357. А. Ф. КАБЛУКОВУ

Начало ноября 1872. Петербург

Посылаю Вам письмо Кузнеца. Мне очень не хотелось бы продолжать кабак, и я Вас просил бы устроить это дело, чтоб кабака не было. Прошлый год в Успеньев день покою не было. Весь парк заполонили пьяные. Если он будет жаловаться, сошлитесь на это. Это подтвердят, вероятно, и мужики и староста. Но мужики все-таки должны дать приговор, что и они не имеют права открывать в селе кабак. Да хорошо бы, кабы и в Юрьеве тоже, а то по усадьбе будут шататься пьяные.

Пожалуйста, принесите жалобу на Корочкина за неплатеж. Он положительно смеется над нами.

Стельна ли корова или нет?

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 57.

Публикуется впервые.

Датируется по сохранившемуся в бумагах А. Ф. Каблукова письму к Салтыкову витеневского крестьянина Василия Егоровича Кузнеца от

29 октября 1872 г. В письме — просьба сохранить еще на год «трактирное заведение», открытое Кузнецом в арендованном им в витеневской усадьбе доме (*ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125).

358. А. Ф. КАБЛУКОВУ

4 ноября 1872. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Очень благодарны Вам за известие. Было бы приятно, чтоб Ваши хлопоты по мельнице увенчались успехом, т. е. чтоб был помол. Впрочем, все, разумеется, зависит от обстоятельств, и ежели урожай плох, то, разумеется, доходов ожидать больших нельзя. Жаль старосту, что у него такие невзгоды. Надеюсь, что у Вас санный путь уже стал, так как здесь уже более недели как ездят на санях, хотя и с грехом пополам.

12 рублей, присланные старосте из Касимова, запишите, пожалуйста, на приход как бы полученные от меня, так как я деньги эти Александру здесь отдал. Взамен того посылаю Вам паспорт Ивана Дмитриева и прошу Вас передать его старосте, с тем чтобы, по возможности, скорее выправил ему другой паспорт. По получении нового паспорта прошу Вас уплатить за Ивана Дмитриева подать за 1872 год и все издержки по выправке паспорта. По получении от Вас сведения об употребленных на это деньгах я взыщу их с Ивана здесь.

Жена кланяется Вам и Вашему семейству, а равно и Марье Ивановне свидетельствуем наше почтение.

Весь Ваш

М. Салтыков.

4 ноября.
Петербург.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 48.

Публикуется впервые.

Годовая дата определяется содержащейся в письме просьбой Салтыкова уплатить подушную подать Ивана Дмитриева за 1872 г.

359. А. Ф. КАБЛУКОВУ

Телеграмма

Из Петербурга 3 декабря 1872
Москва. 3 Мещанская, дом Аббакумовой Кардановской

Дайте знать Алексею Федоровичу не высылать Анну[1] в субботу.

Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125.
Публикуется впервые.

---

[1] Девушка Анна Бодрова, дочь витеневской крестьянки Марьи, приглашалась в няньки к ребенку Салтыковых Косте. Причина отсрочки ее приезда в Петербург сообщена в письме Е. А. Салтыковой к А. Ф. Каблукову от 4 декабря 1872 г. См. Приложения, VI, с. 340.

360. Е. И. ЯКУШКИНУ

25 декабря 1872. Петербург

25 декабря. С. П. б. Фурштатская, № 33.

Многоуважаемый Евгений Иванович.

Ярославское Губ<ернское> присутствие ставит меня в такое беспомощное отношение, что я невольным образом опять решаюсь обратиться к Вам за помощью. 20 прошлого октября я обращался с просьбою, чтобы внесенные крестьянами села Заозерья деньги за земельные участки были обращены на погашение Московскому опекунскому совету долга не полностью, а лишь по числу выкупившихся душ. С тех пор я никакого уведомления об этом деле не получил, а между тем до меня дошел слух, что Опекунский совет *все* деньги зачел в долг. На каком основании это сделано, по какому расчету, т. е. в капитальную ли сумму начислены деньги или в проценты, и, наконец, сколько было самых денег (сумма была внесена крестьянами в пятипроцентных билетах, которые должны были иметь значительное число подлежащих оплате купонов) — ничего этого я не знаю. А между тем в бумаге Опек<унского> совета Губ<ернскому> присутствию все эти сведения должны заключаться. Нельзя ли так устроить, чтоб содержание этой бумаги было мне официально объявлено. Доставьте мне, по крайней мере, сладость жалобы.

Еще одна просьба: в каком положении дело о выкупе к<рестья>н Даниловского уезда сельца Куреева и деревни Липовец (36 душ).

Поздравляя Вас с Новым годом, остаюсь искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР,* ф. 279, оп. 1, № 638, л. 14.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 261—262. Год устанавливается по связи с письмами 350 и 356.

361. Н. А. НЕКРАСОВУ

30 декабря 1871—1872. Петербург

Вчера я был *несколько* пьянее вина.

Ваш
М. Салтыков.

30 декабря.

Сегодня проснулся с таким обилием *смешных* мыслей, какого давно не было.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 33, л. 13.

Впервые опубликовано: «Печать и революция», 1927, № 4, с. 61, с отнесением по бумаге и почерку «к 70-м годам, вернее всего к началу их». Датируется по *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 247.

362. М. Н. ЛОНГИНОВУ

31 декабря 1872. Петербург

Милостивый государь Михаил Николаевич.

Как литератор и в то же время как бывший товарищ по службе и воспитанию, считаю долгом преподнести Вам экземпляр «Дневника провинцияла». Не посетуйте на подареньи: чем богат, тем и рад.

С истинным почтением и преданностью, имею честь быть Ваш,
милостивый государь,
покорнейший слуга
М. Салтыков.

31 декабря 1872 г. С. П. бург.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 27.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 329.

Библиограф и историк литературы М. Н. Лонгинов воспитывался в одно время с Салтыковым в Царскосельском лицее, а в 1844—1848 гг. был его сослуживцем по Канцелярии Военного министерства. В 1872—1874 гг. он занимал должность начальника Главного управления по делам печати.

1873

363. В КОМИТЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

9 января 1873. Петербург

Литератор *Н. А. Благовещенский,* разбитый параличом, получил в прошлом году пособие в 400 р. от Общества, каковое пособие необходимо было ему для поездки на Кавказ и пользования тамошними минеральными водами. Ныне г. Благовещенский пишет мне [1], что по совету врачей он должен остаться в Пятигорске до лета настоящего года и что вследствие сего оказанное ему пособие оказывается недостаточным. Издержки на проезд на Кавказ и обратно, а также на прожитие в течение года на Кавказе, при всей бережливости, на много превышают сумму 400 р. Поэтому он просит ходатайства моего перед Комитетом о выдаче ему дополнительного пособия в 250 р. [2].

Считая долгом передать эту просьбу на уважение Комитета, с своей стороны имею честь присовокупить, что положение Благовещенского поистине безвыходно, как это достоверно мне известно. Буде пособие будет выдано, прошу вручить деньги для пересылки мне; я же не премину представить квитанцию почтамта.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1873 г.*, л. 65.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 69—70, с неточной датой «около 15 января 1873 г.». Датируется 9 января 1873 г. по связи с письмом 365.

---

[1] Письмо Благовещенского к Салтыкову неизвестно.

[2] См. письмо 365, прим. 7.

364. В КОМИТЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

9 января 1873. Петербург

Особое мнение по вопросу о выдаче пособия г. Пашино.

Г. Пашино, письмом, адресованным на имя В. Ф. Корша, просит не пособия, на которое он, в качестве литератора, имел бы право, но возможности уплатить долг, который он сделал в качестве предпринимателя журнала «Азиятский вестник», причем упоминает, что право на издание «Азиятского вестника» продано им г. Дурново, который обязан контрактом выполнить относительно г. Пашино некоторые денежные обязательства. Имея в виду, что Общество учреждено для пособия ученым и литераторам, а не предпринимателям, я полагаю, что г. Пашино следует в ходатайстве его отказать.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1873 г.*, л. 62.

Впервые опубликовано: *Письма*, с. 70, с неточной датой «около 15 января 1873 г.». Датируется 9 января 1873 г. по связи с письмом 365.

2 января 1873 г. Пашино обратился в Литературный фонд с просьбой выдать ему заимообразно 300 рублей (*ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1873 г.*, л. 32). В тот же день Комитет поручил Гаевскому «собрать сведения о положении просителя и выдать ему, если это окажется возможным, до 150 рублей». 15 января Комитет утвердил выданные Гаевским Пашино 150 рублей.

365. Г. К. РЕПИНСКОМУ

9 января 1873. Петербург

Многоуважаемый Григорий Козьмич. Я, вероятно, *не буду* в заседании Комитета, потому что только что получил дщерь, а при таком подарке мудрено загадывать заранее [1]. Но на всякий случай дайте мне знать, где будет заседание Комитета. По делу о «Новостях» мое мнение то же, какого был и В. Ф. Корш до прибытия К. К. Арсеньева, т. е. никакого внимания не обращать и никаких последствий этому делу не давать [2]. По-моему, просто даже неприятно говорить об этом, и я, во всяком случае, прошу обстоятельство, касающееся меня лично, оставить в стороне.

Посылаю Вам: 1) письмо ко мне г. Андерсона [3] и 2) мое собственное ходатайство о Благовещенском [4] — для доклада Комитету. А равно и особое мнение по делу о пособии Пашино [5]. Если голос отсутствующего может быть сочтен, то я попросил бы Вас заявить, что я в пользу посещения <!> [6]

г. Андерсона (поистине в жалком положении находящегося) и в пользу пособия г. Благовещенскому[7]. Не будете ли Вы так добры, буде я не явлюсь в Комитет, уведомить меня об исходе этих двух дел, а равно и дела о «Новостях».

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1873 г.*, л. 68.

Впервые опубликовано: *Письма*, с. 68—69, с датой «около 15 января 1873 г.». Датируется на основании упоминания о рождении дочери Елизаветы, родившейся 9 января 1873 г. См. письмо 366.

---

[1] Салтыков на заседании не присутствовал.

[2] Речь идет о появившихся в газете «Новости» двух заметках (Дневник. С.-Петербург, 18 декабря 1872 года.— «Новости», 1872, № 321, 19 декабря; И. Ашевский. Дневник. С.-Петербург, 25 декабря 1872 года.— Там же, 1872, № 328, 26 декабря), в которых в грубой памфлетно-карикатурной форме говорилось о деятельности Литературного фонда. В заметке Ашевского приводилось несколько фактов, анекдотически заостренных или целиком вымышленных, о деятельности членов общества: Репинского, Кавелина, Грота, Анненкова, Корша и Салтыкова.

Выступления газеты «Новости» вызвали возмущение у части членов Литературного фонда. 15 января Краевский известил председателя Литературного фонда А. П. Заблоцкого-Десятовского, что на состоявшемся 14 января заседании ревизионной комиссии «была высказана мысль, что комиссия не может оставить без внимания те резкие нападки на действия Комитета, которые появились недавно в газете «Новости». В связи с этим он просил сообщить «данные и факты, которые могли бы служить основанием к опровержению означенных нареканий, могущих более или менее вредить доброму имени общества и подрывать кредит его в публике» (там же, л. 93). Выступление «Новостей» послужило предметом разбирательства ревизионной комиссии Литературного фонда. Комиссия пришла к выводу, что материал фельетонов не соответствует действительности. Согласившись с выводами комиссии, Комитет Литературного фонда принял решение не отвечать «Новостям», что совпадало с мнением Салтыкова.

[3] В заключение письма к Салтыкову о своем бедственном положении В. А. Андерсон писал: «Я бы просил фонд хотя о самом незначительном пособии, хотя бы в таком размере, чтобы расплатиться с квартирной хозяйкой» (*ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналу Литфонда за 1873 г.*, лл. 67—68). В заседании 15 января было постановлено «ходатайство просителя отклонить, так как Комитет не находит оснований к изменению своих прежних решений».

[4] См. письмо 363.

[5] См. письмо 364.

[6] Описка Салтыкова. Надо: пособия.

[7] По решению Комитета Благовещенскому было выслано 250 рублей.

366. А. Ф. КАБЛУКОВУ

24 января 1873. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Очень жаль Платона, но, судя по тому, как работала при нем нынешний год мельница, все равно, что он, что другой засыпка. Однако если б он возвратился, то я очень рад был бы принять его вновь. Удивительное дело! Прошлый год был порядочный урожай, а помолу все нет. Где же мелют? А поправки между тем беспрестанно. Кстати о поправках: весной, когда спадет вода, пригласите маслобойщика и устройте как следует маслобойню. Если у Вас денег не будет, то напишите; я открою Вам кредит у И. Г. Соловьева в книжном магазине, в котором у меня теперь продажа книг моих рублей на 400.

На условия с Корочкиным я согласен. Заключите, пожалуйста, но справьтесь, не нужно ли у нотариуса засвидетельствовать? Неужели и у него помолу нет. Где же мелют?

Сколько осталось за крестьянами? И когда им последний срок?

У нас 9-го января в 9 часов утра родилась дочь, Елизавета. И дочь и жена здоровы. Жена вчера в первый раз встала. Костя тоже здоров.

Жена очень беспокоится об долге, который сделан у Марьи Ивановны. Пожалуйста, отдайте этот долг из первых денег, которые у вас будут (я думаю, Вам Кузнец 140 р. отдал), а ежели впоследствии у Вас не достанет на расходы, то повторяю: деньги всегда можно взять у Соловьева.

Кузнец и его кабак остались на год. Нельзя ли, во всяком случае, устроить так, чтоб крестьяне дали приговор, чтоб с 1874 года ни у меня, ни у них кабака не было? Пожалуйста, постарайтесь устроить это.

Напишите, пожалуйста, сколько истрачено за Ивана Дмитриева на подати и за паспорт. Я с него взыщу. Отелилась ли корова. Ежели молочна и порядочная, то нужно сохранить; ежели бычок, то нужно отпоить и продать в Москву. А впрочем, вам ближе видно.

Останется ли у нас сено? Я предполагал, что для нас достаточно будет того, которое убрано в большом сарае. Если это так, то не найдете ли полезным продать в феврале то сено, которое в малом сарае около конюшен.

Так как король Пестовский должен нам 15 р. за порубку и денег не платит, то пусть он хоть отработает эти деньги весной в саду. Заставьте его заняться огородом, ягодами и, главное, вишневым сараем. Пусть лишние деревья пересадит и окронит, чтоб не так густо было.

Анну Бодрову нам до лета не нужно будет. У нас две кормилицы, и без того места нет.

Прошу Вас засвидетельствовать наше почтение Марье Ивановне и всем Вашим.

Искренно преданный Вам

24 января. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 62—63. Публикуется впервые.

Год письма определяется содержащимся в нем сообщением о рождении дочери Елизаветы. Сообщение исправляет ошибку в «Вехах жизни и деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина», где дата ее рождения неверно отнесена к «28 января» 1873 г., вместо 9 января (*Изд. 1933—1941*, т. I, с. 450, также и т. XVIII, с. 500).

367. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

28 января 1873. Петербург

Добрейший Александр Николаевич. Ваши «Письма из деревни» всех очаровывают. «Вопросы» тоже прелестны. Желательно бы издать особенную книгу, которая, вероятно, будет иметь большой успех. Но, чтобы получить *три* книги («Письма», «Химич<еские> основы» и «Вопросы»), того, что Вами доселе написано, еще мало (кстати: мы печатаем три Ваши статьи в течение трех первых месяцев); [1] поэтому желательно было бы, чтоб Вы напечатали, т. е. написали предварительно, два письма еще, которые можно было бы напечатать у нас в апреле и мае. Предположим, что в этих двух письмах будет 4 листа «Отеч<ественных> зап<исок>», во всех пяти составится около 12 листов «Отеч<ественных> зап<исок>», что, при напечатании в *несколько* меньшем формате, нежели, например, «Дневник провинцияла», даст книгу в 16 листов. Цена книги 1 р. 50 к. Если печатать 2 т. экз. — на первый раз, полагаю, довольно; в другой раз можно печатать и больше, ежели книга пойдет,— то это будет стоить: бумага по 6 р. 50 к. двойная стопа (я за свою платил 7 р. 20 к.; та, которую я Вам рекомендую, очень хороша, но поменьше формат, немного пожелтее, но зато плотнее, книга будет толще), по 8 л. на экземпляр, получится с дефектами 33 стопы на 214 р. 50 к. Печатание и набор полагаю возможным по 13 р. за лист (одинакий) — 208 р. Брошюровка 40 р., объявление 40 р. Обертка и другие мелочи сего издания обойдется в 550 руб., а стоимость книг 3 т. р. Я поступил со своими книгами след<ующим>

образом. Печатал «Дневника» и «Ташкентцев» по 2500 экз., а всего 5 т. Обошлось это мне (45 листов) около 1900 руб. Продал: Черкесову 800 экз. с уступкой 30 проц., из них за 600 экз. векселя на 7 мес<яцев>, Вольфу 200 экз. с уст<упкой> 30 проц. <на> нал<ичные> деньги, Звонареву 500 экз.— уст<упка> 30 проц. в счет поставленной им бумаги, Печаткину 2900 экз. с уступкой 42 проц., из них 600 р. наличными, остальные векселя на 4, 7 и 8 месяцев. Остальные 600 экз. отправлены мной в Москву на комиссию. Таким образом я получил чистыми деньгами 1860 р., т. е. все, что нужно для покрытия издержек, да векселей на 3600 р., да в Москве у меня товару на 840 р.

Вашей книги на наличные деньги можно сбыть с уступкой 30 проц. до 500 экз., т. е. на 525 р., и этим почти окупятся издержки; остальные 1500 можно продать на векселя (не далее 6 месяцев), и получится не меньше 1400 р., которые и будут составлять Ваш чистый барыш. Затем, осенью Вы можете напечатать у нас еще 2 — три «Вопроса», и в январе можно будет опять выдать книжку. Затем Вы окончите «Химич<еские> основы» — опять книжка. Если Вы хотите, то напишите мне: я приму устройство всего этого на себя, под контролем, разумеется, Анны Никол<аевны> [2]. Но тут, главное, нужно Вам написать еще два «Письма» объемом не меньше 4 л. Повторяю: мы печатаем их в апреле и в мае, а в августе я приступлю к печатанию книжки, в конце сентября выдам (это самое бойкое время для книги). После Вы можете начать новую серию «Писем», если заблагорассудите. Если Вы найдете возможным печатать более 2 т. экземпл., то и это можно. Ответьте, пожалуйста: Фурштатская, № 33.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

28 января.

У меня родилась дщерь Елизавет.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 572, оп. 1, № 174, лл. 6—7. Впервые опубликовано: «Исторический вестник», 1911, № 4, с. 66—67. Год устанавливается по упоминанию о рождении Е. М. Салтыковой.

---

[1] Речь идет о статьях «Из деревни» (1873, № 1) и «Вопросы русского сельского хозяйства» (1873, № 2). Что же касается третьей статьи («Химические основы земледелия»), то она появилась не в третьем, а в четвертом номере журнала.

[2] А. Н. Энгельгардт.

868. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

За один или несколько дней до 24 февраля 1873 г. Петербург

Милостивый государь Михаил Матвеевич.

По соглашению с Арсеньевым, мы нашли более удобным субботу, когда и будем иметь честь явиться к Вам в 9 часов вечера. Жена просит меня узнать, может ли Любовь Исаковна принять ее в этот же вечер. Не будете ли так добры уведомить меня об этом.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л. 1.

Впервые опубликовано: «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. V. СПб., 1913, с. 5, с неправильным отнесением к 1877 г. В примечаниях высказано ошибочное предположение, что письмо написано «вероятно, по поводу составления т. VIII «Русской библиотеки», посвященного сочинениям Салтыкова и вышедшего 27 мая 1878 г. (Указатель по делам печати. 1878, 371)». Исходя из этого в *Изд. 1933—1941,* т. XIX, с. 449, письмо отнесено «к концу 1877 г. или к началу 1878 г.». В настоящем издании датируется до 24 февраля 1873 г. (суббота) по записи в «Дневнике» К. К. Арсеньева. В ней он сообщает, что «имел совещание с Стасюлевичем и Салтыковым по вопросу об устройстве публичных чтений» в субботу 24 февраля 1873 г. (*ЦГАЛИ,* ф. 40, оп. 1, № 25, л. 70 об.).

В самом начале февраля 1873 г. К. Д. Кавелин написал памятку «Вопросы, подлежащие обсуждению при составлении правил о чтениях в общих собраниях Литературного фонда», разосланную для ознакомления членам Комитета (*ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1873 г.,* лл. 252—254). На состоявшемся 12 февраля 1873 г. заседании Комитета Кавелин сделал еще и сообщение, «основанное на Журнале ревизионной комиссии об устройстве чтений в дни общих собраний членов общества». Заслушав его, Комитет постановил: «Для обсуждения этого вопроса образовать комиссию из М. М. Стасюлевича, К. К. Арсеньева и М. Е. Салтыкова» (*ИРЛИ, ф. 155. Журналы Литфонда за 1871—1874 гг.,* л. 281). 26 февраля 1873 г., ознакомившись с докладом комиссии, Комитет вынес следующее решение: «Утвердив предложения комиссии, просить К. Д. Кавелина, В. П. Гаевского и О. Ф. Миллера принять на себя устройство чтений в текущем году» (там же, л. 283 об.). Комиссией был выработан «Проект инструкции для Комиссии постоянных чтений в собраниях Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (*ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1873 г.,* лл. 250—251). Хотя проект написан рукой Стасюлевича, но в составлении его, несомненно, принимали участие два других члена комиссии — Салтыков и Арсеньев.

369. А. Ф. КАБЛУКОВУ

7 марта 1873. Петербург

7 марта.

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Мы так давно не получаем известий от Вас, что начинаем беспокоиться. Здоровы ли Вы и благополучно ли в Витеневе? Пожалуйста, напишите. Имеется ли остаток сена и продадите ли Вы его? теперь, кажется, самое время. Уплатил ли что-нибудь Корочкин? Заплатили ли крестьяне и Кузнец? все это очень интересно знать. Нет ли слухов о Платоне? Пожалуйста, посмотрите, как бы не снесло плотину в предстоящее половодье. Пришлите также счет за паспорт Ивана Дмитриева.

Многоуважаемой Марье Ивановне потрудитесь передать наш поклон, равно как и всему Вашему семейству. Дети наши растут на славу.

Ваш
М. Салтыков.

Пожалуйста, напишите ответ. Мы просто не знаем, что и думать. Ни за январь, ни за февраль не имеется сведений.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 64.

Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по связи с письмом 366.

370. О. М. САЛТЫКОВОЙ

9 марта 1873. Петербург

9 марта.

Милая маменька.

Душевно благодарен Вам за письмо и за подарок маленькой Лизе. Равным образом благодарю Вас и за обещание выполнить мои просьбы относительно лежащего на мне долга. Всего более я прошу Вас о сложении запрещения [1]. Пожалуйста, исполните это, так как Вы положительно ничего через это не теряете. Имение у Вас в виду, да и наконец настоящие мои письма служат доказательством, что я вполне признаю свой долг в той цифре, которая находится в Вашей последней расписке от 12 февраля [2]. Уж, конечно, я до последней копейки уплачу свой долг. Я даже удивляюсь несколько всем этим предосторожностям, как будто я могу втихомолку продать или передать имение, которое гораздо более на глазах у Вас, нежели у меня. Да и что я могу от этого выиграть? ведь я должен

же деньги платить. Я знаю, что у Вас есть какие-то опасенья. Разуверьтесь, пожалуйста, и освободите меня от этого пакостного запрещения, которое может иметь последствием только то, что, в случае выкупа, ни Вы, ни я своевременно не получим денег.

Что касается до штрафных денег 690 р., о которых я писал Вам, то я, разумеется, не считаю себя вправе настаивать на сложении их, хотя и считал бы это справедливым. Но если, как Вы пишете, Вы склонны исполнить мою просьбу, то, право, я не могу объяснить себе, почему бы Вам не исполнить это в феврале, а откладывать до августа. Ведь это дело очень простое, и сумма полугодовых взносов от этого нимало не пострадает. Впрочем, повторяю: это только личное мое мнение, на котором я не настаиваю.

Наконец, позвольте мне повторить мою просьбу о высылке мне заемного письма в 15 т. р. и сохранной расписки. Я положительно не понимаю, почему эта просьба моя не могла быть выполнена Вами: ведь деньги я *сполна* заплатил. Вы не хотите даже в расписках Ваших прибавить слов: *и более никаких долгов на сыне моем не состоит* — и это чрезвычайно меня волнует. Если это и мелочное желание с моей стороны — то почему же его не исполнить, если оно *ровно ничего* не стоит.

О Дмитрии Евгр<афовиче> я знаю только, что он в Петербурге, но у меня не был. Это мой злой демон, который раздельным актом расстроил меня со всем семейством[3]. Он и теперь гадит, строча Ломакиной просьбы. Вместо того чтоб исправить несправедливость, допущенную разделом, вот как он поступает. Просьбы Ломакиной дурацкие, но они меня вынуждают вести дело, и в этом заключается ехидное их свойсгво. Мне впору зарабатывать свой хлеб (не забудьте, мне 47 лет), а я вынужден препираться с этой гнусной бабой, как будто я что-нибудь украл. Она не понимает, что Дмитрий Евгр<афович> ее вызудит и потом бросит и ее же в надлежащий момент будет мучить. Пожалуйста, Вы не обращайте внимания на ее крики по поводу платежа: я Максиму Андрееву послал приказ, чтоб он не смел к ней являться. Она (т. е. Дм<итрий> Евгр<афович>) в просьбе уж и о Филипцеве поминают и о Мышкине, хотя совершенно, мерзавка, знает, что Серг<ей> Евгр<афович> Филипцево продал за 5 т., вам отдал за меня 2200 р., а 2800 взял себе. Мышкинскую землю, оставшуюся за наделом, Софрону продал и деньги *взял себе*. Пустошные деньги, какие поступили (более 4 т. р.) по Заозерью,— *все взял себе*. Мерзавка! а меня обвиняет, что я чего-то ей недодаю. Для кого он брал чужие (т. е. мои) деньги, как не для них.

Илья Евграфович тоже хорош. Был в Петербурге, и ко мне ни ногой. Положим, что он не находит интересным мое знакомство, но надо же дело-то на чем-нибудь покончить.

Прощайте, милая маменька, вновь прошу об исполнении моих просьб и жду высылки заемного письма и расписки. Целую Ваши ручки и остаюсь преданный и любящий сын

М. Салтыков.

Милая маменька.

Спешу благодарить Вас за присланный на зубок Лизе подарок, она очень маленькая и черненькая.

Костя похож на Вас больше, чем на Мишу. Он очень ласковый ребенок. Теперь нам придется менять квартиру, так как в этой очень тесно, и бедный Мишель отдал свой кабинет детям, а сам занимается в гостиной, где ему все мешают.

Я и дети целуем Ваши ручки

Лиза Салтыкова.

Костя уж довольно хорошо ходит без посторонней помощи и начинает кое-что лепетать. Но зубов у него мало: всего шесть, и это мешает отнять от груди. Впрочем, к Святой думаем кормилицу рассчитать. Лиза начала улыбаться. Она порядочная крикунья. Костя, как две капли воды, похож на мой портрет, который писал покойный живописец Павел [4]. Как будет потеплее, я сниму с него фотографию и пришлю Вам.

На конверте: Ее высокородию Ольге Михайловне Салтыковой. Тверской губернии, в город Калязин.

Почтовые штемпеля: С.-Петербург, 9 марта 1873; Калязин, 12 марта 1873.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 51, лл. 1—2.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 265—266.

---

[1] Взятые взаймы у матери в декабре 1861 г. (см. прим. 4 к письму 350) 23 тыс. руб. Салтыков должен был возвратить ежегодными взносами (по 1150 р.). Но в 1864 г. О. М. Салтыкова неожиданно предъявила сыну ко взысканию всю оставшуюся часть долга и в обеспечение наложила «запрещение» на имение Заозерье.

[2] В этой расписке, выданной М. А. Баталову, подтверждалось, что за Салтыковым к 12 августа 1873 г. оставалось 7759 р. 5 к. долгу (*ИРЛИ,* ф. 366, оп. 11, № 321).

[3] Имеется в виду проект «раздельного акта» по Заозерскому наследству — см.: наст. изд. т. 19 (II), раздел Дополнения

⁴ Возможно, что это портрет Салтыкова в младенчестве, без достаточных оснований приписанный другому крепостному художнику Льву Григорьеву. Портрет хранится в Музее *ИРЛИ;* воспроизведение его см.: *ЛН*, т. 13—14, с. 557.

871. А. Ф. КАБЛУКОВУ

22 марта 1873. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Анна Бодрова приехала и привезла 50 яиц и 16 ф. масла. Благодарю за присылку: и масло, и молоко не лишние.

Покуда Вы собирались, мне выслали деньги из Москвы сюда. Поэтому я попросил бы Вас погодить до мая с уплатой денег в земскую управу и в Казначейство. За что же мы вносим в Казначейство 27 р. 78 к. Ведь, кажется, на нас нет казенных сборов, а только земские, которые вносятся в Управу. Пожалуйста, разъясните мне это. Очень благодарен, что Вы покончили с Корочкиным. Пусть хоть понемногу уплачивает. Но крестьянам просто непростительно задерживать до сих пор 196 р. 50 к. Пожалуйста, понудьте старосту, чтоб, во всяком случае, назначил верные сроки. Будете сдавать землю на нынешний год, то восговорите, чтоб в лесах и по порубе скота не пасти. Что касается до сена, то меня удивляет, что, несмотря на неурожай, оно было так дешево. Не найдете ли возможным хоть после Святой продать излишки. После Святой можно будет наших лошадей и корову в стадо пускать. Так как через месяц уже выгонят скот, то, пожалуйста, наблюдите, чтобы крестьяне не гоняли по нашей земле, прежде нежели заключат условие. Условие же делайте, как сами найдете выгодным.

Вы пишете, что отпускаете мельника на Святую. Как бы плотину без него не прорвало. Да и не надул бы он Вас.

Марье Ивановне и всем Вашим свидетельствует почтение.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

22 марта

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп.1, № 125, л. 65.

Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по времени приезда в Петербург из Витенева Анны Бодровой (см. о ней в письме 359). В письме к А. Ф. Каблукову от «14 марта <1873 г.> С. Петербург» Е. А. Салтыкова писала: «Пожалуйста, Алексей Федорович, пришлите мне Анну, дочь Марии Бод-

ровой, на тех же условиях, какие прежде были у нас с нею <...>. Надо бы, чтобы она успела выехать из Москвы в Петербург в среду 21 марта. В четверг в 6 часов после обеда я вышлю встречать ее» (*ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125).

372. О. М. САЛТЫКОВОЙ

7 апреля 1873. Петербург

7-е апреля С. П.бург.

Любезная маменька.

Считаю долгом поздравить Вас с праздником св<ятой> Пасхи и душевно пожелать Вам встретить его в полном благополучии.

Сейчас получил Ваше письмо, которое для праздника очень меня обрадовало. Очень Вам благодарен за сложение неустойки и за Ваше намерение сообщить в Яр<ославское> губ<ернское> п<рисутств>ие о количестве состоящего на мне долга, в настоящем положении дела. Но я не думаю, однако ж, чтобы сложение запрещения с имения зависело от Яросл<авского> губернского присутствия, потому что запрещение наложено не по требованию губ<ернского> присутствия, а по требованию Калязинского у<ездного> суда, и следовательно, выкупное учреждение удержит все-таки всю сумму, покуда запрещение не будет сложено. Я думаю, что дела по запрещениям должны храниться в Кашинском окружном суде у тамошнего старшего нотариуса, и туда следует обратиться с просьбой о сложении. Повторяю здесь то, что писал в прежних письмах: Вы решительно ничего не теряете с сложением запрещения, ибо имение налицо, да я и сам на поступок, который был бы противен чести, не способен. Я прошу Вас об этом для того только, чтоб избавить мою семью от запутанностей, в случае моей смерти.

Я целый месяц был сам не свой. Костю отняли от кормилицы, и он страдал поносом, который был очень упорен и переходил в кровавый. И теперь он еще не совсем здоров, хотя и значительно поправился. До отнятия от груди ходил довольно бойко, а теперь перестал и, вероятно, не ранее как через месяц пойдет как следует. Все это произвело в доме ужаснейший переполох. Маленькой Лизе тоже привили оспу, и она немного страдала.

Ломакина делает мне много неприятностей, в соединении с Дм<итрием> Евгр<афовичем>. Впрочем, она дура, а главный заводчик тут Дм<итрий> Евгр<афович>. Теперь опека требует от меня объяснений, почему я платил из общих доходов в Опек<унский> совет деньги и за свою часть. Ясно, что

недовольно того, что я лично ничего не получил с имения; нужно еще, чтобы я платил свои деньги, выработанные моим трудом. Мало оттягать, нужно еще украсть. Но я этого дела не оставлю и буду вести его до конца. Ежели желают скандала, то получат его. Я недавно получил свидетельство от угличского мирового судьи относительно припечатания объявления о вызове наследников и кредиторов к имению Сергея Евгр<афовича> и в этом свидетельстве прочитал, что предъявлены ко взысканию: 27 500 р. на имя Лидии Мих<айловны>, 1000 р. на имя Максима Андреева и 8 т. р. вексель на имя Клавдии Ник<олаевны>, данный в апреле, тогда как прочие документы даны недели за две перед смертью и засвидетельствованы у нотариуса, а вексель Ломакиной не засвидетельствован. Я не могу сказать наверное, но имею некоторые основания полагать, что вексель этот сомнительный. Во-первых, когда я в прошлом году, дня через два после прибытия Сережи в Москву, был вызван из Витенева, то г-жа Ломакина сама мне сказывала, что никаких других обязательств Сережа не выдавал, кроме заемных писем в 27 500 р. и в 1000 р. на имя Максима. Тут же она показала мне два готовых векселя, каждый в 4 т. р., один на ее имя, другой на мое, и жаловалась, что Сережа так слаб, что не может их подписать. Во-вторых, 5 июля, при свидании с Сережей, за 2 дня до его смерти, я лично спрашивал его, какие им выданы документы, и он сказал мне про два: т. е. документ Лидии Мих<айловны> и Максима. На убеждение мое не скрывать от меня, он ответил, что *никаких других* документов не давал. В-третьих, припомните и Вы, что на похоронах, после обеда, Вы обращались к Клавдии Ник<олаевне> с вопросом: не знает ли она о других долгах Серг<ея> Евгр<афовича>, кроме долга Лид<ии> Мих<айловне>, то она прямо сказала: нет, никакого другого долга не знаю. Судите после этого, не имею ли я основания считать этот долг сомнительным.

Все это обещает много хлопот для меня, который постоянно всегда от всего отстранялся и жертвовал своими выгодами ради спокойствия. Но злой дух, обитающий в Дм<итрии> Евгр<афовиче>, неутомим и, вероятно, отравит остаток моей жизни. Он обуял и Лидию Мих<айловну>, которая, находясь здесь в Петербурге, ни разу не показала носу ко мне.

Я совершенно верю, что брат Илья далек от этих кляуз[1], но все-таки не могу понять, почему он не мог посетить меня в бытность в Петербурге. Если не для меня лично, то для дела это было бы небесполезно, ибо скоро наступит срок для уплат по заемным письмам, и не мешало бы согласиться, как поступить в данном случае. Что касается до того, что я не бывал у

Ильи в Москве, то это совершенно неосновательный предлог. Илья два года сряду жил в Петербурге, и мы с ним видались, и я даже чаще бывал у него, нежели он у меня. Расстались мы не враждебно. Затем он уехал в Москву и, бывая в Петербурге, ни разу ко мне не зашел. Я же *никогда* в Москве не бывал, кроме как летом, когда его самого там не бывает, следовательно и быть у него я не мог. Напротив, последние два года, проездом через Москву, я каждый раз справлялся, нет ли его в Москве, и каждый раз получал ответ, что нет. Он обещал мне в прошлом году, что поедет в Москву и заедет ко мне в Витенево, и не заехал, хотя в Москве и был. Нарочно ехать в Цедилово я не могу, потому что у меня нет времени и денег для разъездов. Я провожу в деревне всего $1\frac{1}{2}$ месяца и отдыхаю от работы. Теперь, впрочем, смерть С<ергея> Евгр<афовича> лишила меня и этого удовольствия.

Серг<ей> Евгр<афович>, бог ему судья, не совсем-то ладно поступал со мной, как теперь оказывается. Он не дал мне ни копейки из пустошных денег по Заозерскому имению, а между тем продал пустошей с лишком на 4 т. р. Получил за Филипцево 5 т. р., Вам отдал 2800 р., остальные взял себе. За Мышкинскую землю, оставшуюся от надела, все деньги взял себе. А говорят, что он был моим благодетелем!

Прощайте, любезная маменька. Летом, вероятно, увидимся, ибо придется быть в Заозерье. Благодарю Вас вновь за Вашу добрую память и целую Ваши ручки, остаюсь искренно преданный сын Ваш

Михаил Салтыков.

Милая маменька.

Поздравляю Вас с праздником и целую Ваши ручки. Костя был очень болен, и мы с Мишель очень беспокоились, теперь стал поправляться; это просто ужасно, когда дети больны.

Костя и Лиза целуют Ваши ручки, я тоже и остаюсь любящая Вас

дочь Ваша

Елиза Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 51, лл. 4—7.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 267—268. Год определяется по связи с письмами 370 и 374.

---

[1] Илья Евграфович действительно находился в стороне от кляуз Дмитрия Евграфовича и стремился к скорейшей и миролюбивой развязке. Но и его отношение к Михаилу Евграфовичу было далеко от родственно близкого и доброжелательного. См. наст. изд. т. 19 (II), раздел Дополнения.

373. В КОМИТЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

19 апреля 1873. Петербург

А. Н. Плещеев предлагает в члены Общества для пособия литераторам следующих лиц:

Александр Васильевич Пальчиков (2-я линия Васил<ьевского> острова между набережной и Большим проспектом, дом Громова).

Надежда Николаевна Быстрова (Стремянная, дом Бостоуева, № 3) [1].

М. Салтыков.

19 апреля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1873 г.* л., 417.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 71.

---

[1] В заседании 22 апреля 1873 г. Комитет постановил предложить А. В. Пальчикова и Н. Н. Быстрову к избранию в члены Литературного фонда на ближайшем общем собрании общества.

374. О. М. САЛТЫКОВОЙ

22 апреля 1873. Петербург

22 апреля.

Любезная маменька.

Спешу ответить на полученное мною сейчас письмо Ваше. На первое письмо Ваше я уже ответил 7-го апреля, поздравляя Вас с праздником и благодаря за сделанное Вами снисхождение по долговому моему расчету с Вами. Что касается до настоящего Вашего письма и выраженного Дмитрием Евгр<афовичем> желания, чтобы я приехал к нему, то я нахожу, что самое лучшее и даже единственное средство не ссориться с ним — это совсем его не видеть. Он имеет какие-то совершенно преувеличенные понятия насчет заозерского наследства, и говорить с ним об этом предмете значит только расстраивать себе нервы. Видеться с ним значит подливать в огонь масла, потому что этот человек не может говорить резонно, а руководится только одною наклонностью к кляузам. Всякое дело, которое можно было бы в двух словах разрешить, он как бы нарочно старается расплодить до бесконечности. Я положительно слишком болезнен, чтоб выносить это. Не один я — все знают, что связываться с ним несносно, и все из-

бегают его. При этом он прямо не признает, что половина имения принадлежит мне, а мне уступить этого не приходится. Но положим, что в этом отношении может быть решителем только суд, но диковина заключается в том, что он даже половину доходов за мной не хочет признавать, тогда как на этот счет слова раздельного акта совершенно понятны [1]. Следовательно, говорить нам об этом значит возобновлять те спасские сцены, которые именно из этого источника и произошли. Пускай он просит раздела, пусть подает в суд об указании ему его части — вот все, что теперь остается делать. А не то есть другой способ: поручить переговоры третьему лицу. Я до сих пор управляю имением на том основании, на каком оно было при покойном Сереже: то есть уплачиваю в Опекунский совет и Вам. Излишка дохода не было, потому что долг Опек<унскому> совету был запущен, и дай бог, чтоб к августу я успел привести в порядок долг за 1872 г. и чтобы к февралю будущего года долг окончательно был в порядке. Чистый доход поэтому начнется только в будущем году.

Но пусть Дм<итрий> Евгр<афович> не желает ехать ко мне — почему же не едет Лидия? Ведь она первая начала, тайком от меня, действовать в Опеке насчет леса — неужели же я виноват, что обжаловал действия Опеки? Ежели бы я не обжаловал эти действия, что̀ сказал бы тот самый Дм<итрий> Евгр<афович>, который теперь пишет для нее просьбы на меня? А сноситься с Лид<ией> Мих<айловной> я не мог, потому что для жалобы на Опеку полагается срок, пропустить который мне не приходилось. И я положительно уверен, что удерживает Лидию от свидания со мною не кто другой, как тот же Дмитрий Евгр<афович>, у которого одна система: делать мелкие пакости.

Ужели, наконец, не противно это лицемерие, эта вечная маска, надевши которую этот человек одною рукою богу молится, а другою делает всякие кляузы? [2]

Я думаю около 10-го мая быть в Заозерье. Я собрался так рано, потому что летом мне надобно будет съездить в Нижнегородскую губернию к родным Лизы [3]. Побывавши в Заозерье, я ворочусь в Петербург, где и пробуду до 15 июня. По приезде в Заозерье, я собирался побывать у Вас, но из письма Вашего сомневаюсь, будете ли Вы дома. Во всяком случае, напишите к Максиму Андрееву, можно ли будет мне приехать, а ежели от Вас не будет известия, то я из Заозерья пришлю нарочного узнать, дома ли Вы. Очень желаю Вас видеть, а равно желал бы видеться и с Ильею. Вместе бы поехать можно.

Жалею, что Вы не получили моего письма от 7-го апреля до сих пор. Там были некоторые сомнения насчет векселя

в 8 т. р., данного Сережей Клавдии Никол<аевне>, насчет которых я желал бы знать Ваше мнение.

Лиза большая, Костя и Лиза малая целуют Ваши ручки. Теперь у меня дети, слава богу, здоровы. Костя, который очень было захворал после отнятия от груди, теперь молодец.

До свидания, милая маменька, целую Ваши ручки и остаюсь любящий сын Ваш

М. Салтыков.

На конверте: Ее высокородию Ольге Михайловне Салтыковой. Тверской губернии в город Калязин.

Почтовые штемпеля: С.-Петербург. 23 апреля 1873, Калязин, 26 апреля 1873.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 270—271.

---

[1] Имеется в виду раздельный акт 1859 г., передавший ярославское имение матери «Заозерье» в совместное владение Салтыкова и его брата Сергея Евграфовича (*Макашин, II,* с. 463). Отдельной записью в этом документе было оговорено, «...чтобы дохода со всего имения получать обоим братьям по равной части» См.: наст. изд., т. 19 (II), раздел Дополнения.

[2] С этой характеристикой Дмитрия Евграфовича и другими, подобными ей, характеристиками следует сопоставить слова из письма Салтыкова к А. М. Унковскому из Ниццы от 1/13 ноября 1875 г.: «Это я его в лице Иудушки изобразил». См.: Приложения, раздел IX, «Сожженные письма Салтыкова к А. М. Унковскому».

[3] В имение Болтиных Яново Нижегородской губернии Сергачского уезда.

375. А. Ф. КОНИ

Апрель 1873. Петербург

Извините, что я распечатал конверт с запиской Некрасова на Ваше имя. Дело в том, что Некрасов такую же записку прислал и ко мне, но, по беспорядочности, не написал, когда зовет, т. е.— обедать или вечером. Так как зов на вечер, то не пойдете ли вместе со мной. Весьма бы обязали, ответив. Я полагаю, в 8 часов, не позднее, ибо Ераков собирается читать статью.

Ваш

М. Салтыков.

Ответьте пожалуйста.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 23, л. 1.

Впервые опубликовано: *Письма*, с. 70—71, с датировкой «март — апрель 1873 г.». Датируется апрелем по упоминанию о предполагаемом чтении Еракова. Читалась статья «Исследование о полной сети железнодорожных сообщений в России», предназначавшаяся для № 5 *Отеч. записок* за 1873 г., где она и появилась. См.: *Некрасов*, т. 11, с. 249.

376. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

1 мая 1873. Петербург

С. П.бург. 1 мая.

Посылаю Вам, многоуважаемый Александр Николаевич, письмо некоего Вятчанина, адресованное на имя редакции «Отеч<ественных> зап<исок>» для передачи Вам [1]. Вы сами рассудите, надлежит ли ответить на это письмо, при котором, между прочим, приложена почтовая марка для ответа.

Я с величайшим нетерпением ожидал Вашего «Письма из деревни», которое Анна Николаевна давно уже возвестила мне, но такового нет и до сих пор, из чего я заключаю, что Вы увлеклись хозяйством и Вам не до письма. Письмо это было бы, однако ж, для нас большою находкою, как и все вообще Ваши статьи, к которым мы питаем глубокое уважение. Но майская книжка на днях выходит, а в июне и июле печатать Вас невыгодно, потому что публика в эти месяцы мало читает. Всего лучше печатать с сентябрьской книжки: быть может, Вы и еще что-нибудь приготовите к тому времени. Но надобно, чтобы Вы прислали статью не позднее 20 августа, ибо в этих числах месяца обыкновенно набор следующей книжки уже в полном ходу. Пожалуйста, что-нибудь пришлите. А ежели Вам нужно денег вперед, то напишите, куда и когда выслать: я полагаю, что редакция охотно вышлет до 400 рублей.

Я уезжаю из Петербурга 3 или 4 июня, а возвращусь к 20 августа непременно, и остаюсь на прежней квартире, несмотря на прибавление семьи. Лето проведу в Витеневе под Москвой, и ежели Вам вздумается писать мне, то адрес будет следующий: В Москву, в 3 Мещанской, дом Аббакумовой, г-же Александре Александровне Кардановской, для передачи М. Е. Салтыкову.

Ежели Вы будете продолжать Ваши «Письма», то хорошо бы их покончить в нынешнем году — по крайней мере, 1-ю серию. А равно таким же образом поступить и с 1-й серией «Сельскохозяйственных вопросов». Тогда можно было бы к Рождеству выпустить отдельное издание [2].

За издание я берусь, с тем что все барыши, какие будут, по очищению расходов на бумагу и типографию, будут принадлежать Вам. Цену назначим по расчету 10 коп. за лист (или немного менее). Нравится ли Вам формат, бумага и печать моего «Дневника»? Я убежден, что издание Ваше пойдет и что Вы получите порядочный барыш. Я так делал с моими изданиями: продавал сотнями книгопродавцам за наличные деньги и отчасти на векселя, с уступкой 30 процентов (наличных денег брал столько, чтоб покрыть расход), и таким родом продал до 1000 экз., а остальные (около 1500) продал разом с уступкой по 40 проц. на векселя от 4 до 8 месяцев. Таким образом, я все расходы уже возвратил, а к октябрю окончу и все счеты. Получил я барыша от обеих книг (44 листа) до 4 т. р., из которых, однако ж, более 2500 р. отсрочены до октября. Таким же образом можно поступить и с вашими книгами, с надеждой на успех.

Вы хотели посылать в «Голос» коротенькие заметки по сельскохозяйственной части[3]. Не лучше ли присылать их ко мне, а я уже буду отдавать их в «Отеч<ественные> записки» или в «Голос». Заметка в 4 страницы, например, легко может быть помещена в «Отеч<ественных> зап<исках>». А Вам выгоднее, ибо гонорарий в журнале лучше, нежели в газете. Я рассчитываю, что даже 15 коп. за строчку в газете (я сомневаюсь, чтоб была плата выше 10 к.) менее, нежели 100 р. за лист в «Отеч<ественных> зап<исках>». А впрочем, на досуге, рассчитайте сами.

Если нужны деньги, то пишите скорее, ибо я 3-го июня еду из Петербурга[4].

Искренно Вас уважающий.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 572, оп. 1, № 174, лл. 8—9.

Впервые опубликовано в сокращенном виде: «Исторический вестник», 1911, № 4, с. 62—63, 65—66; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 272—273.

---

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Первое отдельное издание писем удалось осуществить лишь в 1882 г.: А. Энгельгардт. Из деревни. 11 писем (1872—1882 гг.). СПб., 1882, 498 с.

[3] Это намерение Энгельгардт не осуществил.

[4] Дата отъезда Салтыкова в Витенево: «3-го июня еду из Петербурга». Эта дата совпадает с указанием в письме к О. М. Салтыковой от 2 июня 1873 г.: «еду завтра» (письмо 378).

376-bis. В. И. ТАНЕЕВУ

11 мая 1872—1873. Петербург

Владимир Иванович.

Не может ли Елена Сергеевна прислать с сим подателем те листы «Middlemarch», которые у нее находятся?

Ужели Вы уже перебрались в Гатчино?

М. Салтыков.

11 мая.

Печатается по фотокопии: *ЦГАЛИ,* ф. 880, оп. 2, № 258.

Публикуется впервые.

Подлинник неизвестен. Датируется 1872—1873 гг. по упоминанию о романе Д. Элиот «Мидльмарч», который именно в эти годы печатался в приложении к *Отеч. запискам* (1872, №№ 1—12; 1873, №№ 1—8).

377. А. Ф. КАБЛУКОВУ

17 мая 1873. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Вероятно, Вы получили уже письмо от Лизаветы Аполлоновны, что она приедет во вторник 29 мая с 12-часовой машиной [1]. Пришлите на Пушкинскую станцию карету, дрожки и *две* телеги. Будьте так добры купить в Москве у Андреева: сахару 3 головы, чаю 4 ф. по 2 р., свечей стеариновых 1 пуд, крахмалу простого 4 ф., мыла простого ½ пуда, крупичатой муки 5 п., гречневой крупы 3 меры, макарон 5 ф., вермишелю 3 ф., дрожжей, соли кухонной ½ пуда, солоду для квасу, говядины 1 пуд краю.

Прикажите Марье затереть квас и испечь хлеба к приезду.

Очень жаль, что Иван ушел. Надеюсь, что Вы уже наняли кого-нибудь на его место. На лето необходимо двоих работников. Пожалуйста, наймите *двоих.*

Я сам приеду 4 или 5 июня [2].

До свидания. Свидетельствуем наше почтение Марье Ивановне и всем Вашим.

Искренно преданный

М. Салтыков.

17 мая.

С. П. б.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, л. 66.

Публикуется впервые.

Годовая дата определяется указанием на время приезда Елизаветы Аполлоновны с детьми в Витенево: «вторник» приходился на «29 мая» в 1873 г.

---

[1] Письмо сохранилось. Оно от 8 мая 1873 г.

[2] Салтыков был у матери в Ермолине во время поездки («около 10-го мая») в Заозерье и Углич по делам своего ярославского имения. См. письмо 374.

378. О. М. САЛТЫКОВОЙ

2 июня 1873. Петербург

С. П. б. 2 июня.

Любезная маменька.

Пожалуйста, простите, что я до сих пор замедлил благодарить Вас за добрый прием и добрые чувства, выказанные по случаю моего посещения Вас. Дело в том, что я все ждал извещения от Максима Андреева и только два дня тому назад получил его.

Известие это крайне неблагоприятно для меня, и, чтобы прийти хоть к какому-нибудь результату, я решился на последнее средство: переговорить с Лидией Михайловной лично. Сегодня я был у нее, но благодаря вмешательству Дмитрия Евграфовича ничего не добился. Не добился даже того, чего, собственно, желает она и прочие наследники. Сверх того, я узнал, что она поручает дело о взыскании денег некоему г. Бардовскому[1], которого тоже добыл ей Дмит<рий> Евгр<афович>. Все это, а главным образом страстное желание развязаться с этим делом вынудило меня предложить следующую денежную сделку: 1) Я уплачиваю Лидии Михайловне и матери ее 35 тысяч, а братьям каждому по 5 т. р. выкупными свидетельствами по номинальной цене рубль за рубль. 2) Так как для получения этой суммы я обязан часть имения пустить на выкуп, то мне дается на это сроку 3 года, в течение которых я обязываюсь уплачивать по 5 проц. ежегодно.

Условие это я сообщил г-ну Бардовскому, но будет ли успех— не знаю. Непременное при этом условие: чтобы одновременно с согласием Л<идии> Мих<айловны> было и согласие братьев, так как без этого дело будет представляться для меня все равно что нерешенным. Я же, кстати, до сих пор и понятия не имею, в чем заключаются требования братьев. Я прошу Вас, войдите в это дело и окажите Ваше содействие к соглашению. Скажите брату Илье, что я прошу его оставить

старое и с своей стороны обещаю ему дружбу и согласие. Ведь у нас есть дети, и худо будет, если наша вражда перейдет и к детям нашим. У него есть здравый смысл, чтоб понять это. Я, по крайней мере, настолько люблю детей своих, чтоб предусматривать и будущее.

Я очень благодарен за сообщения Ваши. Представьте себе, что при разговоре с Лид<ией> Мих<айловной> первая претензия, высказа<н>на<я> Дм<итрием> Евгр<афовичем>, была в том, что я плачу мой долг Вам. Это просто неслыханно. Как будто мне не принадлежит лично половина доходов! Когда я давал доверенность покойному (к счастию, она у меня подлинником), то прямо сказал: обязываетесь уплачивать из доходов: 1) долг Опек<унскому> совету и 2) долг мой родительнице. Но какова совесть требовать, чтоб я *свои* деньги употребил в пользу г-ж Ломакиных.

Прошу Вас: пожалуйста, окажите Ваше содействие хотя относительно Ильи. Пускай он хоть доверенность мне, что ли, даст; ведь я не вор, не украду. А всего бы лучше согласиться на мои предложения.

Я в Нижний не еду, потому что боюсь везти Костю. У него еще зубы не все прорезались. Я отправил их всех в деревню 28 числа, а сам еду завтра. Мы будем крайне обязаны, если Вы посетите нас в Витеневе. Все время до 15-го августа мы там будем безвыездно. Поворот с Пушкина. Ежели бы Вы были так добры, чтобы сообщить мне что-либо по делу, то адрес мой следующий: Москва, 3-я Мещанская, дом Аббакумовой, г-же Александре Александровне Кардановской, для передачи М. Е. Салтыкову.

Прощайте, милая маменька, целую Ваши ручки и, желая Вам всего лучшего, остаюсь преданный сын Ваш

М. Салтыков.

На конверте: Ее высокородию Ольге Михайловне Салтыковой. Тверской губернии в город Калязин.

Почтовые штемпеля: С.-Петербург. 4 июня 1873; Калязин, 6 июня 1873.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 51, лл. 11—12.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 273—274.

---

[1] Петербургский адвокат Григорий Васильевич Бардовский. В родовом архиве Салтыковых сохранились фрагменты переписки с ним Дмитрия Евграфовича *(ИРЛИ)*.

379. О. М. САЛТЫКОВОЙ

28 июня 1873. Витенево

Витенево. 28 июня.

Любезная маменька.

Поздравляю Вас с наступающими днями рождения и ангела Вашего и желаю душевно провести Вам эти дни в полном спокойствии. Мы здесь кое-как живем помаленьку, но я все чувствую себя не совсем хорошо. Пью теперь воды уже двенадцатый день, а через 10 дней думаю кончить. Дело с Лидией и вообще по Заозерью решительно меня истомило. Лидия Михайловна, кажется, думает, что все в один миг делается, и мне шлет реприманды. А между тем всему виною ее мать, которая замедлила дело отказом от подписи. Этим отказом все сроки пропустили. А мне так хочется кончить со всем этим, что даже сказать не могу. При мнительности моего характера это просто отрава. Ехать к Вам я решительно не имею возможности. Во-первых, болен, во-вторых — денег нет. Не знаю, не придется ли ехать в Рыбинск или в Петербург в июле. Тогда, может быть, заеду. Я еще на днях написал прошение в Петербургский окружный суд, которым признал вексель, данный Клавдии Николаевне. Благодаря адвокатам Лидии Михайловны я каждое дело по два раза делаю. Так было по делу об описи имения, так и теперь. Когда я еще в Петербурге был, меня заставили подать прошение в Коммерческий суд с признанием долга, да не похлопотали об том, чтобы поскорее там дело сделать. Теперь я выехал. Коммерческий суд отказался производить дело, пришлось подавать в Окружный суд.

Лиза все еще в Витеневе. Не знаем, когда ехать в Нижний, в половине июля или в конце. А вероятно, придется ехать. И об детях находимся в сомнении, хотя они оба, слава богу, здоровы.

Что касается до денег, то я распоряжусь так, как Вы пишете. Максим Андреев, впрочем, писал ко мне, что 6-го числа будет в Москве и заедет в Витенево. Если он сделает это, то я лично ему прикажу, согласно с Вашим письмом.

Что касается до вишен, то ежели они будут, я постараюсь исполнить Ваше желание. Для этого не нужно ни банок, ни сахару: у нас найдутся. Но сомневаюсь, чтоб был нынче урожай: вишни как-то гниют на деревьях.

До свидания, милая маменька; желаю Вам всего лучшего и остаюсь любящий и преданный сын Ваш

М. Салтыков

Позвольте и мне, милая маменька, поздравить Вас с наступающими днями Вашего ангела и Вашего рождения и пожелать Вам всего лучшего на свете и поблагодарить Вас за Вашу добрую память об детях и обо мне.

Целую Ваши ручки.

Истинно уважающая Вас дочь Ваша

Елиза Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 51, лл. 14—15.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 274—275. Год устанавливается по сопоставлению с письмом 378.

380. А. М. СКАБИЧЕВСКОМУ

3 июля 1873. Москва

Милостивый государь Александр Михайлович.

Сегодня я сдал в кн<ижный> маг<азин> И. Г. Соловьева для доставления в контору «Отеч<ественных> зап<исок>» 1-ую часть повести. «Перед зарей», проредактированную мною и предположенную к помещению в августовской книжке «Отеч<ественных> зап<исок>» [1].

Свою статью (рассказ) [2] я пришлю к 1 августа.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Москва.
3 июля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 55, л. 1.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 48. Год определяется по упоминанию о напечатанных в *Отеч. записках* произведениях.

---

[1] Повесть П. И. Фелонова «Перед зарей» (*ОЗ,* 1873, №№ 8 и 9).

[2] «Помпадур борьбы, или Проказы будущего» (*ОЗ,* 1873, № 9).

381. О. М. САЛТЫКОВОЙ

28 июля 1873. Витенево

Витенево. 28 июля.

Любезная маменька. Извините, что отвечал Вам не сейчас, как Вы этого требовали, но при теперешнем рабочем времени положительно нет оказий в Москву, кроме субботы, когда крестьяне ездят на воскресный базар. Сверх того, вместе с Вашим письмом я получил от моего поверенного Сухоручкина письмо, которым он обещал мне приехать в Витенево 24 или 25 числа, и я хотел с ним посоветоваться, но вот уже 28 число, а его все нет, и я не знаю, что думать. А между тем приехал Максим Андреев, который был у Вас, не застал и проехал ко мне. Во вторник он опять отправляется к Вам и 1-го числа будет у Вас, а ежели не застанет, то будет дожидаться, так как Вы сказали мне, что 2-го числа будете непременно дома.

На предполагаемом Вами совещании я быть никак не могу, потому что мне положительно надо быть 17 числа в Петербурге[1]. Притом же я опасаюсь дальнейших раздражений, потому что мне, по-видимому, всякое лыко пишется в строку, а те шпильки, которыми меня угощают, в счет не ставятся.

Вы пишете, что брат Илья согласен с своей стороны на получение 5 т. р. взамен своей части наследства. Но я просил Вас не об этом, а о том, согласен ли Илья признать меня половинщиком в заозерском имении, с тем, что я уже откажусь от всякого участия в другой половине. Побывавши в Рыбинске, я имею полное основание думать, что овчинка не стоит выделки, ибо, как говорят, у Ломакиной имеются еще векселя, о чем я Вам и сообщал. Следовательно, ежели братья не согласятся на признание меня половинщиком, то это значит, что они притесняют меня в пользу г-жи Ломакиной. В этом виде я просил бы Вас предложить этот вопрос на обсуждение братьев при совещании 18-го августа, ежели оно состоится, и что при этом решится, сообщить мне. Я решительно желаю кончить с этим делом, потому что мне до смерти надоело шататься по судам.

Объяснение с Максимом Андреевым еще более убедило меня в том, что рисковать денежными обязательствами ни под каким видом не следует. Заозерское имение до такой степени запушено, что в скором времени в нем, вероятно, будет не 1340 душ, а не больше тысячи, так как крестьяне продолжают отказываться от земли, а по распоряжению министра вн<утренних> д<ел> их велено исключать из оброка не по числу ревизских душ, а по числу окладных, то есть во скольких ду-

шах они обкладывались оброком по мирской раскладке. Поэтому крестьяне ныне решились обкладывать уходящих как можно более, так что, например, вместо двух душ приходится исключать 5 и принимать обратно землю во всех полях и пустошах по клочку. Хотя я и намерен довести об этом до сведения губернского присутствия, но вряд ли будет от этого польза. Из этого Вы можете заключить сами, могу ли я рисковать какими-нибудь денежными обязательствами ввиду такого положения вещей. А сверх того, Вы без труда поймете, любезная маменька, что только быстрое решение пойти на выкуп может спасти хотя небольшой капитал для меня и моих детей.

Очень жалею, что брат Илья не находит возможности побывать у меня в Витеневе. В мае месяце, проездом в Углич, я непременно хотел побывать у него в Цедилове, но его не было дома. Я полагаю, что личное свидание покончило бы наши недоразумения. Думаю также, что нежелание его принять какое-нибудь решение, без согласия брата Дмитрия, только дает последнему повод длить затруднения, в которых я нахожусь. Впрочем, как бы то ни было, будьте так добры, милая маменька, устройте предположенное 18 августа совещание и сообщите мне в Петербург о результатах его, по возможности скорее. Ей-богу, очень уж мне надоело расхлебывать кашу в пользу семейства Ломакиных.

Максим Андреев передаст Вам 1150 р.[2] и проект расписки, который я написал, по согласию Вашему. Будьте также добры, дайте ход делу о снятии запрещения. Скажите между прочим братьям, что имение было до такой степени общее, что и запрещение-то наложено на обе части, а не на мою одну. Напрасно также думают, что я воспользовался выкупною ссудой за Мышкино с Филипцевым. Покойный Сережа взамен того получил по Мышкину за оставшуюся от надела землю, а по Филипцеву 2200 р. и сверх того за проданные усадьбы Орехову, Ермолаеву и другим, а равно и пустошные деньги. Это удостоверит и Максим Андреев. Впрочем, я прошу об одном: хоть какой-нибудь пусть будет конец.

Лиза целует Ваши ручки и благодарит за посещение[3]. Дети совершенно здоровы, но так как они ничего не говорят, то я считаю неудобным говорить за них. Уверен, впрочем, что Костя на будущий год будет уже достаточно умен и очень рад будет познакомиться с Вами настоящим образом.

Затем, целую заочно Ваши ручки и, благодаря усердно за посещение, остаюсь любящий и преданный сын Ваш

М. Салтыков.

На конверте: Его высокородию Илье Евграфовичу Салтыкову. Москва, Тверская, против глазной лечебницы в доме Панютина, в квартире генерал-адъютанта Витовтова. Для передачи Ольге Михайловне Салтыковой.

Почтовый штемпель: Москва, 29 июля 1873.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 51, лл. 16—17. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 276—277.

---

[1] Эта необходимость была, возможно, связана с предполагаемой датой возвращения в Петербург из-за границы Некрасова. Салтыков приехал в столицу 1 августа.

[2] Очередной взнос Салтыкова в покрытии долга матери.

[3] О. М. Салтыкова гостила в Витеневе с 17 по 21 июля 1873 г

382. И. Е. САЛТЫКОВУ

17 августа 1873. Москва

17 августа. Москва.

Любезный брат. Сегодня, проезжая через Москву в Тверь для известного свидания, я получил от маменьки письмо [1], которым она извещает меня, что Дмит<рий> Евгр<афович> уклонился от свидания. Целомудренный старец убоялся, что я оскорблю несчастных вдов. Вероятно, ты позабыл написать ему, что я с своей стороны вовсе и не желал видеть вдов, а желал только уговориться с Вами, братьями. По обыкновению своему Дм<итрий> Евгр<афович> и тут устроил комедию: прислал мне свои соображения в форме письма к маменьке, с которого выдал ей, для передачи мне, скрепленную им копию [2]. Ну, не досадно ли видеть этого празднолюбца, который свои письма (на целом листе) пишет в трех экземплярах? В письме этом он представляется великодушным, то есть соглашается на раздел в том виде, как мы условились при свидании у меня в Витеневе (кажется, впрочем, что соглашается, а наверное сказать не могу), но при этом сделал иезуитскую оговорку, что, благодаря своему великодушию, он, вероятно, получит *не больше* шести с половиной тысяч. Сделай милость, урезонь хоть ты его, что я согласился отдать *весь* остаток от выкупной ссуды, какой образуется за уплатой долгов, и что, следовательно, он может надеяться даже миллион получить, мне до этих надежд его дела нет. Я ручаюсь только за то, что *не украду,* и, кажется, подозревать меня в этом нет повода. Однако, несмотря на свое великодушие, уже не настаивает, чтоб Ломакиным долги были уплачены рубль за рубль, а выкупными

свидетельствами по номинальной цене. Понял, что в расчетах своих много налгал. Впрочем, отсылает меня в Петербург к адвокату Бардовскому, который от имени всех вас и должен заключать со мной условие. Не знаю, что из этого выйдет. Во всяком случае, сегодня же еду в Тверь, чтоб переговорить с Сухоручкиным, а из Твери в Петербург, где буду 19-го числа.

Сейчас еду к сестрице Адели Павловне.

Прощай, любезный друг, если найдешь нужным что-нибудь сообщить — будь так добр.

Искренно любящий брат

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 49, лл. 6—7. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, с. 278—279.

---

[1] Упоминаемое письмо О. М. Салтыковой неизвестно.

[2] Это письмо Д. Е. Салтыкова неизвестно.

383. О. М. САЛТЫКОВОЙ

17 августа 1873. Москва

Москва. 17 августа.

Милая маменька. Сегодня, проездом в Тверь, заехал к г-же Кардановской узнать, нет ли писем, и получил Ваше письмо. Хорошо, что заехал, а то продрал бы к Вам[1]. Письмо Ваше несколько сбило меня с расчетов. Я вовсе даже не желал видеть Ломакиных, а хотел сговориться только с братьями. С Ломакиными же мог сговориться Дмит<рий> Евграф<ович>. Приехавши в Петербург, я увижусь с Бардовским и, разумеется, постараюсь уладить дело. Боюсь, что Дм<итрий> Евгр<афович> написал ему какую-нибудь иезуитскую инструкцию. Теперь же, то есть часа через четыре, с почтовым поездом еду в Тверь посоветоваться с моим поверенным Сухоручкиным. Жена же осталась в Витеневе и выедет завтра, а в Твери мы съедемся и поедем вместе в Петербург.

Вы убеждаете меня, милая маменька, быть осторожным относительно Ломакинских векселей и лучше кончить дело миром. Очень жаль, что Вы не высказали Вашу мысль вполне, ибо я очень хотел бы знать, в чем заключается моя неосторожность. Впрочем, я и сам желал бы лучше покончить дело миром, если г-жа Ломакина даст мне подписку, что у нее никаких других векселей нет.

Благодарю Вас за Ваше желание снять запрещение с моего имения. Будьте так добры, выполните его.

Что касается до варенья, то жаль, что Вы не взяли его, теперь же я помочь этому делу не могу, потому что в Витенево не возвращусь. Надеюсь в будущем году услужить. Да признаться, у нас все варенье скислось; совсем варить не умеем.

Извините, что пишу мало и нехорошо. Сижу начеку, ибо через 4 часа еду в Тверь.

Прощайте, милая маменька, целую Ваши ручки и остаюсь любящий сын Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 51, лл. 19—20.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 278. Год устанавливается по связи с предыдущими письмами к О. М. Салтыковой.

---

[1] Для семейного совещания в Ермолине, которое, однако, было отложено О. М. Салтыковой вследствие отказа Д. Е. Салтыкова приехать.

384. В. И. РОДИСЛАВСКОМУ

28 августа 1873. Петербург

Милостивый государь Владимир Иванович!

Покорнейше прошу Вас войти в соглашение с содержателями всех частных театров в России, а также и с обществами, дающими театральные представления, относительно платы за представление сочиненных или переведенных мною пиес, а в случае последовавшего на то с обеих сторон соглашения, заключать контракты на условиях Вам известных,— в случае же несогласия со стороны кого-либо из содержателей частного театра или общества, дающего театральные представления, заключать предложенный контракт или представления ими на сцене какой-либо из сочиненных или переведенных мною пиес, прошу Вас предъявить на то лицо или общество надлежащий иск и преследовать его судебным порядком, требуя с него вознаграждения и наказания по закону; также просить административные места и лиц о принятии мер к предупреждению нарушения моих авторских прав. Поручаю Вам также иметь охранение прав моих в отношении императорских театров, предоставленных авторам высочайше утвержденным положением 13 ноября 1827 года о вознаграждении сочиненных и переведенных драматических пиес и опер, когда они будут приняты для представления на императорских теат-

рах. Посему во всех случаях нарушения моего авторского права, относительно представления на сцене сочиненных или переведенных мною пиес, а также и в случае если бы кто из заключивших с Вами помянутый контракт, потом не стал его соблюдать, Вы имеете полное право во все судебные и административные места и к должностным лицам прошения, объявления и всякого рода бумаги, а также апелляционные и кассационные жалобы подавать, выслушивать решения, изъявлять удовольствие или неудовольствие и за меня руку прикладывать, а также и заключать мировые сделки, равно получать исполнительные листы и производить по ним взыскания и получать деньги за представление моих пиес. Во всем том, что по сей доверенности Вы или Ваши поверенные или поверенные сих последних законно учините, в том Вам верю, спорить и прекословить не буду. Доверенность сия принадлежит коллежскому советнику Владимиру Ивановичу Родиславскому. Действительный статский советник *Михаил Евграфов Салтыков.* Тысяча восемьсот семьдесят третьего года, августа двадцать восьмого дня.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 668, № 2. Текст написан писарскою рукою. Только подпись — автограф.

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, с. 175—176 (факсимиле).

Нотариальная доверенность, выданная Салтыковым для защиты своих авторских прав как драматурга В. И. Родиславскому, одному из организаторов и активнейших деятелей «Общества русских драматических писателей». Совместно с А. Н. Островским он вел борьбу за охрану интересов русских драматургов. Выработанной Родиславским формой доверенности пользовались многие писатели.

385. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

1 октября 1873. Петербург

Петербург, 1 октября.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Люди, искренно Вас уважающие, находят, что Вы непременно должны добиться разрешения хотя временно приезжать в Петербург и для этого обратиться к гр<афу> Шувалову с письмом [1]. Три года прожить в захолустье — это плохая шутка. Конечно, у Вас есть очень существенный интерес, который может занять Ваше время, но ведь и тут необходимо от времени до времени освежение. Я проектировал письмо, которое и посылаю Вам. Мне и всем, кому я ни показывал его, кажется,

что письмо это вполне соответствует цели. Пожалуйста, начните дело.

Мы с большим нетерпением ждем Ваших статей. Хорошо бы хоть одну поместить в ноябрьской книжке. И весьма было бы хорошо, кабы Вы в декабре прислали еще статью для 1-го №. Мы все Вас об этом просим, ибо статьи Ваши весьма для нас важны. Анна Николаевна уже давно говорит, что *на днях* от Вас должна получиться статья, однако вот и октябрьская книжка почти набрана, а от Вас все ничего нет. Пожалуйста, кончайте и выручайте нас[2].

Я не пишу Вам о том, как я рад буду видеть Вас в Петербурге. Желал бы и детей Вам своих показать. Пожалуйста, просите хоть временно ездить в Петербург.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Жена Вам кланяется.

Проект

М<илостивый> г<осударь> гр<аф> Петр Андреевич.

Прошло уже около трех лет, как мне воспрещен въезд в столицы, а равно и в университетские города. Не намереваясь ни возобновлять какую бы то ни было публичную деятельность, ни даже покинуть имение, в котором я в настоящее время нахожусь, я тем не менее имею существенные причины желать, чтобы мне было разрешено, хотя временно, приезжать в Петербург по моим семейным делам. Причины эти заключаются в том, что в Петербурге живет мое семейство, которое не имеет никакой возможности ездить в деревню для свидания со мной. Жена моя постоянно занята срочной работой, доставляющей ей средства существования; дети мои воспитываются в петербургских учебных заведениях.

Поэтому я позволяю себе обратиться к в<ашему> с<иятельст>ву с покорнейшею просьбой, не сочтете ли Вы справедливым благосклонно взглянуть на мое положение и взять на себя труд предстательствовать о всемилостивейшем разрешении мне приезжать в Петербург хоть на время.

С истинным почтением и совершенною преданностью им<ею> ч<есть> б<ыть> в<ашего> с<иятельства> покорный слуга.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 572, оп. 1, № 174, лл. 10—11. Впервые опубликовано: «Исторический вестник», 1911, № 4, с. 58—59.

[1] Энгельгардт принял «проект» Салтыкова. Он переписал его (добавив от себя после первой фразы: «Эти три года я провел безвыездно в деревне, занимаясь хозяйством») и обратился с этим прошением к управляющему III Отделением, шефу жандармов гр. П. А. Шувалову (см. письмо 393).

[2] Очередное письмо «Из деревни» Энгельгардта появилось в *Отеч. записках,* 1874, № 2.

386. В. П. ГАЕВСКОМУ

18 октября 1873. Петербург

Очень благодарен за память, любезный Виктор Павлович, но, к сожалению, я не могу воспользоваться обязательным твоим предложением [1]. Я так болен, что доктора положительно предписывают мне устранять всякие поводы для волнения.

Весь твой

М. Салтыков.

18 октября.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 7.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 48, с предположительной датировкой «по почерку и бумаге» 1872—1874 гг. В настоящем издании датируется 1873 г. по связи с письмом 387.

[1] Вероятно, предложение Гаевского относится к ежегодно отмечавшемуся 19 октября дню основания Царскосельского лицея.

387. О. М. САЛТЫКОВОЙ

20 октября 1873. Петербург

20 октября.

Любезная маменька.

Я получил письмо Ваше, которым Вы уведомляете меня, <что> от меня нет писем [1]. Но я Вам перед этим послал письмо, в котором подробно объяснил положение дела и мои предложения [1]. Я предлагал любую половину имения, с тем чтобы Лидия Мих<айловна> рассчиталась с братьями. Вчера я получил от брата Ильи из Москвы письмо, в котором он пишет, что Лидия Мих<айловна> согласна взять имение, но с тем, чтобы не иметь расчетов с братьями. На это я вместе с сим уведомляю брата, что я согласен устроить это дело следующим образом: пусть Лидия Михайл<овна> возьмет одно Заозерье

с площадью, т. е. крестьянские наделы, я же возьму заозерские деревни, Куреево и пустоша и обязуюсь уплатить братьям в 3 года по 6 т. р. каждому с процентами (по 6%), то есть через год по 2360 р., через 2 года по 2240 и через 3 года по 2120 р. Таким образом Лид<ия> Мих<айловна> получит наделами выкупных до 33 т. р., да площадь оценивается в 10 т. р. Я же получу наделами до 53 т. р. да пустошами на 12 т., всего на 65 т. р. Вычтите 12 т. р. братьям да 1 т. р. Максиму Андрееву, да то, что будет стоить дело до 3 т. р., останется у меня 49 т. р., да еще около 2 т. капитала, внесенного крестьянами за выкупленные земельные наделы. Я надеюсь, что даже Дмитрий Евграфович убедится, что это кусок не жирный и не может идти в сравнение с тем, что он имеет.

Сообщая Вам об этом, я усерднейше прошу Вас, милая маменька, употребить все ваше влияние на Дм<итрия> Евгр<афовича>, чтобы наконец покончить с этим делом[2]. Вспомните, что я с 63 года *ничего* не получаю и содержу себя и семейство единственно тем, что сам выработаю. Впрочем, пусть будет, что будет, а более уступок я делать не могу, потому что ведь мне и с Вами еще рассчитаться надо. Все дела остановились, посредник пакостит, второй год я дров не рублю в Шарапове — все из-за упрямства Дмитрия, который исподтишка мутит Ломакиных. Точно собака на сене: и сам не ест, и другим есть не дает. Ведь если б не он, Ломакины никогда не враждовали бы со мной, а теперь никак уломать нельзя. Я обо всем написал Илье и прошу его взяться за дело. Ведь я все-таки и известен сколько-нибудь — зачем же меня всего-то лишать, а что еще хуже, причинять мне беспрерывно нравственное беспокойство.

Я уже благодарил Вас за скидку 690 р. с долговой моей суммы и теперь еще раз благодарю. Прошу Вас уведомить, в каком положении дело о сложении с имения запрещения? Повторяю Вам как честный человек, что я и без всяких запрещений рассчитаюсь с Вами в полной сумме, как следует.

Дело о наследстве совершенно отбило меня от работы. Сверх того, я постоянно чувствую себя дурно, так что постоянно лечусь. Не знаю, как еще умею поддерживаться. Усталость, уныние, болезнь — все вместе соединилось. Хорошо, что хоть дома-то у меня все спокойно; может быть, это и дает мне силу.

Лиза свидетельствует Вам почтение и целует Ваши ручки. Она простудилась и не совсем здорова, но ведет себя хорошо, то есть не беременна. Дети здоровы. Костя делает намеки на то, что будет скоро говорить. Маленькая Лиза делает зубы благополучно.

Прощайте, милая маменька, благодарю Вас за известия о себе и, целуя Ваши ручки, остаюсь

любящий Вас сын
М. Салтыков.

На конверте: Ее высокородию Ольге Михайловне Салтыковой. Тверской губернии, в город Калязин, в сельцо Ермолино.

Почтовые штемпеля: С.-Петербург. 21 октября 1873 *и* Калязин. 24 октября 1873.

Помета О. М. Салтыковой на конверте: Отвечала на сие письмо 20 ноября 1873 октяб<ря> 18 или 19 подано.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 51, лл. 21—22.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 281—282.

---

[1] Упоминаемые письма О. М. Салтыковой и Салтыкова неизвестны.

[2] Ольга Михайловна откликнулась на эту просьбу. См. ее письма к Д. Е. Салтыкову от 25 декабря 1873 г. и 10 января 1874 г., т. 19 (II), раздел Дополнения.

388. В КОМИТЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

3 ноября 1873. Петербург

Представляя при сем просьбу г-жи Соболевой о выдаче ей пособия [1], считаю долгом удостоверить в следующем: 1) что г-жа Соболева действительно находится в крайне стесненном положении и живет литературным трудом, который приносит весьма незначительное вознаграждение; 2) что просительнице, по моему мнению, необходимо отпустить пособие в размере не менее 150 р., чтобы она могла поправиться.

М. Салтыков.

3 ноября 1873 г.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1873 г.,* л. 795.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 71—72.

---

[1] В письме к Салтыкову от 3 ноября 1873 г. Соболева просила оказать содействие в получении пособия от Литературного фонда (там же, л. 794). В заседании 13 ноября Комитет постановил выдать ей 150 рублей.

389. О. М. САЛТЫКОВОЙ

20 ноября 1873. Петербург

Петербург. 20 ноября.

Любезная маменька.

Вероятно, до Вас не все мои письма доходят, потому что месяца два тому назад я просил у Вас сведения, нужного Зиловым [1], и никакого ответа на этот вопрос не получил, хотя знаю, что Вы на этот счет аккуратны. Дело в том, что один из братьев Зиловых, Петр, требует раздела. Всем известно, что покойный Николай Александрович [2] оставил какую-то бумагу, которою отказывался от своей части в имении сестры Любочки в пользу дочерей. Но бумаги этой нигде найти не могу, и Петр, пользуясь этим, требует, чтоб сестер выделили по закону. Сюда между тем приехала Наденька и рассказала это. Поэтому я и обращался к Вам, не знаете ли вы чего-нибудь об этой бумаге, куда она была положена на хранение и куда девалась. Сделайте одолжение, уведомьте. Наденька сказывала мне, что и Саша Зилов писал к Вам об этом.

Как я уже сказал выше, Наденька в сентябре приехала сюда, и хотя она не жалуется на братьев, но, по-видимому, согласия между ними нет. Саша, впрочем, тут ни при чем, а орудует Петр. Она приехала с тем, чтоб искать себе место гувернантки, и нам удалось пристроить ее в Смоленскую губернию в семейство порецкого предводителя дворянства Глинки. Жалованья 400 р. в год, немного, но мы уверены, что в семействе этом не будут ее обижать. Семейство это нам известно, так как жена Глинки находится в дальнем свойстве с моею женой. Паша покуда живет с братьями, но тоже пишет, что желает найти место.

Пожалуйста, напишите мне поскорее, что знаете по этому делу.

По предложениям моим относительно выдела Лид<ии> Мих<айловны> и удовлетворения братьев ничего до сих пор не знаю. Дело это положительно измучило меня, потому что оно лишает меня возможности сделать какие-либо распоряжения. Сверх того, мужики очень хорошо понимают, в чем дело, и пользуются этим. А так как я с своей стороны все уступки сделал, так как я положительно убежден, что Ломакины пошли бы на мои предложения и что дело стоит единственно за Дмитр<ием> Евгр<афовичем>, то он может быть уверен, что я попомню ему это. Он связывает решительно всех. Вы писали мне, что намерены употребить Ваше влияние на Дмитрия. Я очень Вам благодарен, но, не получая с тех пор от

Вас уведомления, думаю, что Ваши слова на него не действуют. Неужели и в самом деле ничего разумного добиться нельзя? [3]

Лиза целует Ваши ручки; дети приказывают сказать, что они здоровы, но не всегда, потому что зубы тревожат их. У Кости идут глазные, а у Лизы передние верхние еще не вышли. Только и есть что два нижних зуба впереди.

Прощайте, милая маменька, целую ваши ручки и остаюсь навсегда любящий сын Ваш

М. Салтыков.

На конверте: Ее высокородию Ольге Михайловне Салтыковой. Тверской губернии, в город Калязин (сельцо Ермолино).

Почтовый штемпель: СПб. 21 ноября 1873.

Помета на конверте рукой О. М. Салтыковой: Отвечала ноября 30-го 1873 года на сие письмо.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 12, № 515.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, с. 282—283.

[1] Это письмо Салтыкова неизвестно.

[2] Н. А. Зилов — муж Любови Евграфовны, сестры Салтыкова. Ниже упоминаются их дети, племянники и племянница Салтыкова: Петр Николаевич (Петр), Александр Николаевич (Саша) и Надежда Николаевна (Надежда) Зиловы.

[3] Дело по «заозерскому наследству» закончилось в декабре 1873 или январе 1874 г. подписанием договора Салтыкова с братьями Дмитрием и Ильей и наследниками умершего брата Сергея Евграфовича — его вдовой Лидией Михайловной Салтыковой и ее матерью К. Н. Ломакиной (см.: наст. изд., т. 19 (II), раздел Дополнения).

390. А. Ф. КАБЛУКОВУ

Октябрь — ноябрь 1873. Петербург

Посылаю Вам, многоуважаемый Алексей Федорович, паспорт Ивана Дмитриева для замены новым. С Ивана следует оброка 20 р. да сколько еще выйдет за паспорт. Сверх того, за ним числится рекрутских 80 р. в пользу общества. На уплату этих последних следует ежегодно вносить 5 р., но быть может, станут требовать и более, то Вы, пожалуйста, поторгуйтесь и постарайтесь не давать более 10 р. и ни в каком случае более 15 р. Квитанцию от старосты получите так, чтобы отдельно была написана оброчная и отдельно рекрутская сумма, и пришлите мне. Что нужно денег, пусть староста вычтет из арендной суммы. Не требуют ли Платона в солдаты? К этому нужно приготовиться. Жаль, что мельница так плохо

идет, а Платон не умеет устроить круподерку. За что ему жалованье платить? Вот и маслобойня не устроена. Второй год без работы, только лес гниет. Цену за помол сбавлять не следует. Кланяюсь всем Вашим и заочно жму Вашу руку.

Клубники посадите еще гряды три, не больше.

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по рукописи: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 61 об. Приписка к недатированному письму Е. А. Салтыковой.

Публикуется впервые.

Датируется предположительно, на основании учета в письмах к А. Ф. Каблукову других ежегодных просьб Салтыкова о замене старых паспортов Ивана Дмитриева (умер весной 1874 г.) на новые.

391. Н. А. НЕКРАСОВУ

Ноябрь — декабрь 1873. Петербург

Я конец Боборыкинской статьи (собственно критическую часть) значительно сократил. По-моему, это пустословие, соединенное с сквернословием. А впрочем, посмотрите (всего четыре гранки); может быть, Вы найдете, что для удовлетворения Бобор<ыкина> нужно и восстановить кое-что.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 33, л. 31.

Впервые опубликовано: «Печать и революция», 1927, № 4, с. 60, с отнесением по почерку и бумаге «к 70-м годам, вернее всего, к началу их». В *Изд. 1933—1941,* т. XIX, с. 65, без мотивировки датировано «началом июня 1876 г.». Но письмо написано на той же бумаге, что и письмо Салтыкова к Некрасову, написанное во второй половине декабря 1873 г.— первой половине января 1874 г. (395). В это время в *Отеч. записках* (1873, № 10) печаталась первая часть статьи Боборыкина, реферирующая книгу Луи Блана «Вопросы сегодняшнего дня и завтрашнего дня». Вторая часть этой статьи не появилась в печати из-за цензурных соображений. Относительно ее Некрасов в середине октября 1873 г. писал Лазаревскому: «О Луи Блане тоже говорил, да эта статья не опасная и очень обрезанная нами» (*Некрасов,* т. 11, с. 272). Следовательно, настоящее письмо, в котором, очевидно, речь идет о второй части статьи, написано в ноябре — декабре 1873 г. По поводу этой статьи см. письма Боборыкина и Плещеева к Некрасову (*ЛН,* т. 51—52, с. 142—143, 454—457).

1874

392. А. Ф. КАБЛУКОВУ

1 января 1874. Петербург

1 января.

Многоуважаемый Алексей Федорович. Поздравляю Вас и все Ваше семейство, а равно и Марью Ивановну с Новым годом. Письмо Ваше и посылку индеек, кур и масла получил в исправности. Я просил Вас съездить в Москве к брату Илье Евграфовичу и взять от него сто рублей на расходы. Брат пишет, что Вы не были, а Вы ничего не пишете. Съездите, пожалуйста, а так как он сам уезжает из Москвы 4-го числа, то я просил его передать деньги его жене, для отдачи Вам. Пожалуйста, исполните это, ибо я боюсь, чтобы за безденежьем не вышло упущений, и желаю, чтоб сенной сарай (рига) непременно был покрыт весь, и так, чтоб не протекало. Ничего Вы не пишете также о паспорте Ивана Дмитриева, между тем он ему крайне нужен. Пожалуйста, понудьте старосту выслать новый паспорт и пришлите счет, сколько Вы употребите на это дело издержек.

Прощайте, будьте здоровы и не забывайте искренно Вам преданного

М. Салтыкова.

Ваш сын Николай Алексеич, которого, по письму Вашему, мы ждали в конце декабря, у нас не был.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 455, оп. 1, № 125, л. 71.

Публикуется впервые.

Годовая дата определяется по связи с предыдущим письмом 390.

393. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

12 января 1874. Петербург

12 января. Петербург.

Извините, многоуважаемый Александр Николаевич, что давно не ответил на письмо Ваше [1]. Я в последнее время как-то так расстроился, что просто ничего делать не могу. Писать не хочется, а между тем поневоле пишешь. Почти с отвращением. Вы удивляетесь, что мне так легко достается, но положительно это только так кажется, что легко. Я имею все препятствия для работы, и ни одного подспорья. Чувствую, что делаюсь стариком и что силы с каждым днем упадают. В последнее время писал для январской книжки «Отеч<ественных> записок», писал три недели каких-нибудь $1^1/_2$ печ. листа (прежде мне и недели достаточно было) — и сам не знаю, вышло ли что-нибудь путное [2]. Поэтому не отвечал и Вам.

Статья Ваша набрана, вышло 4 с небольшим печ. листов. Но так как у нас в январской книжке будет поэма Некрасова [3] с лишком в 4 листа да комедия Островского [4] таких же размеров, то мы решились отложить Ваше письмо до февральской книжки [5], тем более что для этой книжки у нас совершенно нет *большой* статьи. Впрочем, я распорядился, чтобы контора передала Анне Николаевне впредь до расчета 400 рублей под Вашу статью, так как Анна Николаевна известила, что Вы предоставили ей получить за статью деньги. Я конторщику поручил это сделать еще в прошлый понедельник, и, конечно, это исполнено.

Я должен вам сказать, что я очень серьезно болен. У меня порок сердца и кашель затяжной. Иногда думается, что даже хорошо было бы сдохнуть. Всякая малость волнует меня, а при пороке сердца такая нервность никуда не годится.

Письмом Вашим к гр<афу> Ш<увалову> завладел гр<аф> Бобринский и до сих пор ничего не сделал [6]. На все вопросы по этому предмету отвечает, что ждет благоприятного времени. Я начинаю думать, что это была ошибка — прибегать к Бобр<инскому>. Может быть, гр<аф> Ш<увалов> скорее бы сделал без посредников.

Как что-нибудь узнаю, извещу Вас.

Прощайте, будьте здоровы.

Искренно Вам преданный

Салтыков.

Распоряжение о высылке к Вам «Отеч<ественных> зап<исок>» и «Голоса» на 1874 г. сделано.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 572, оп. 1, № 174, лл. 12—13.

Впервые опубликовано в сокращенном виде: «Исторический вестник», 1911, № 4, с. 59—60; полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, с. 284—285. Год устанавливается по содержанию письма.

---

[1] Это письмо Энгельгардта к Салтыкову неизвестно.

[2] «Благонамеренные речи. VI» (*ОЗ*, 1874, № 1). В отдельном издании «Благонамеренных речей» этот рассказ напечатан под заглавием «Столп».

[3] «Кому на Руси жить хорошо (Из третьей части)».

[4] «Поздняя любовь. Сцены из жизни захолустья».

[5] Очередное письмо Энгельгардта «Из деревни» появилось в № 2 *Отеч. записок* за 1874 г.

[6] Сам ли Салтыков решил передать прошение Энгельгардта гр. Шувалову при посредничестве своего однокашника по Лицею гр. А. П. Бобринского или это была инициатива кого-либо другого — неизвестно.

394. В РЕДАКЦИЮ «СКЛАДЧИНЫ»

Между 6 и 14 января 1874. Петербург

«Дневник княгини Хмуровой» был уже предлагаем в «Отеч<ественные> зап<иски>» и мною читан и признан неудобным.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 38, л. 2.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, с. 365, с датировкой «1873—1874 гг.». Обращение к «Протоколам собраний Комитета, избранного обществом литераторов для издания сборника «Складчина» в пользу голодающих Самарской губернии» позволяет уточнить дату записки. В одном из протоколов указано, что поручение дать отзыв о повести Лободы «Дневник княгини Хмуровой» Салтыков получил 6 января 1874 г. В «Протоколе» от 14 января 1874 г. в рубрике «Определено возвратить авторам, признанные неудобными к напечатанию статьи и стихотворения» значится и «Дневник княгини Хмуровой». Отвергнутый Салтыковым для *Отеч. записок* и для «Складчины» «Дневник княгини Хмуровой» был опубликован в «Пчеле» (1875, №№ 19—21).

395. Н. А. НЕКРАСОВУ

Вторая половина декабря 1873 — первая половина января 1874. Петербург

Николай Алексеевич. Ежели Михайловского статья не пойдет в 1-м №, не пустить ли в 1-й Отдел статью Плещеева о Стендале? [1]

М. Салтыков.

На обороте: Н. А. Некрасову.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, л. 48.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 72, с отнесением к декабрю 1873 г. по упоминанию о статье Плещеева «Стендаль (Анри Бейль) и роман его «Красное и черное» (*ОЗ,* 1874, № 1). Следовательно, речь об этой статье могла идти после выхода в свет № 12 за 1873 г. (15 декабря) и до появления в свет № 1 за 1874 г. (21 января).

---

[1] Вместе с упомянутой статьей Плещеева напечатана и очередная статья Михайловского из цикла «Литературные и журнальные заметки».

396. В. П. ГАЕВСКОМУ

17 апреля 1872—1874. Петербург

Будь так добр, голубчик Виктор Павлович, выставь на прилагаемом письме адрес квартиры Кавелина и отправь письмо по городской почте, на каковой предмет и письмо снабжено надлежащею маркой [1]. Извини, что беспокою.

М. Салтыков.

17 апреля

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 6.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 43, где датировано 1872—1874 гг. «по почерку и бумаге <...>, а также учитывая те годы, в которые К. Д. Кавелин жил в Петербурге в апреле месяце».

---

[1] Это письмо неизвестно. По предположению Н. В. Яковлева, «Салтыков писал Кавелину, вероятнее всего, по делам Литературного фонда» (*Изд. 1933—1941,* т. XIX, с. 441).

397. Н. А. НЕКРАСОВУ

После 18 апреля 1874. Петербург

Можно писать условие набело. Что же касается до сделанного на полях замечания, то оно не имеет основания, так как в условии 18 апреля оговорка о 7 тысячах подписчиков сделана только относительно Елисеева и Салтыкова лично, а об семействах их прямо сказано дальше: 1200 и 1800.

Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, л. 50.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 72—73.

15 марта 1874 г. между Некрасовым, Салтыковым и Елисеевым было заключено «домашнее условие» на участие в прибылях по изданию *Отеч. записок* с 1 января 1874 г. (см.: В. Е. Евгеньев-Максимов. Договор Некрасова с Салтыковым и Елисеевым.— *ЛН,* т. 53—54, с. 354—356). «Если не ошибаюсь, условия эти подверглись несколько позже новому изменению»,— пишет в «Литературных воспоминаниях» Н. К. Михайловский (Соч., т. VII, СПб., 1909, с. 474). По-видимому, настоящее письмо и относится к измененному соглашению. Текст его неизвестен.

398. П. В. ЗАСОДИМСКОМУ

20 мая 1874. Петербург

По письму Вашему (извините, что не имею чести знать имени и отчества Вашего) спешу послать Вам записку г. Некрасова на получение 200 р., которые и имеют быть выданы Вам из конторы (в том же доме, где живет Некрасов). Что же касается до Вашей рукописи, то извините меня: я еще не успел приступить к ее редактированию. Но прошу Вас быть уверенным, что я в ущерб ей ничего не сделаю[1]. Об одном считаю долгом предупредить Вас: времена тяжелые наступили, и 5-й № «Отеч<ественных> записок» арестован и, вероятно, будет сожжен[2]. Рукопись Вашу я беру в деревню, куда выезжаю в субботу. Мы думаем начать печатание ее с августовской книжки.

Уважающий Вас

М. Салтыков.

20 мая.

Помета рукою П. В. Засодимского: Это письмо написано о романе «Хроника села Смурина».

Печатается по тексту первой полной публикации: *ЛН*, т. 13—14, с. 299—300, где приведено по автографу, хранившемуся в частн. собр. Бурцева (Ленинград). Отрывок приведен в книге: П. В. Засодимский. Из воспоминаний. М., 1908, с. 310—315.

---

[1] «Хроника села Смурина» П. В. Засодимского напечатана в *Отеч. записках* (1874, №№ 8—10 и 12) под псевдонимом Вологдин. Рукопись романа была значительно отредактирована и сокращена Салтыковым. По его же просьбе автор изменил заглавие романа, первоначально называвшегося «Печать антихриста» и выступил под псевдонимом (П. В. Засодимский. Мое знакомство с М. Е. Салтыковым.— В кн.: *Салтыков в воспоминаниях*, с. 88—93).

[2] В *Отеч. записках*, 1874, № 5 были найдены недопустимыми для обнародования целых семь статей, в том числе «Тяжелый год» самого Салтыкова (из «Благонамеренных речей»). Майский номер журнала был арестован и сожжен (В. Евгеньев-Максимов. Из истории одного цензурного auto-da-fe».— «Книга и революция», 1921, № 12).

399. А. И. УРУСОВУ

26 мая 1874. Петербург

Петербург. 26 мая.

Письмо Ваше, многоуважаемый князь[1], застало меня на самом отъезде в Москву и в деревню. Сейчас уезжаю и спешу ответить. Антропов доставил нам свою комедию, но она так слаба, что даже на сцене не имела успеха[2]. Вообще мы с драмами очень осторожны и, кроме Островского, принимаем неохотно. Очень рад, что Вы сделались семьянином, и от души желаю, чтобы искус Ваш кончился[3]. Времена трудные.

Крепко жму Вашу руку, остаюсь искренно Вам преданный

М. Салтыков.

На конверте: Его сиятельству князю Александру Ивановичу Урусову. В Ригу.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 311, карт. 16, № 42.

Впервые опубликовано в кн.: «Князь Александр Иванович Урусов», т. II и III. М., 1907, с. 464.

---

[1] Письмо Урусова неизвестно.

[2] Комедия Л. Н. Антропова «Блуждающие звезды». Была поставлена на сцене Александринского театра 19 апреля 1874 г. в бенефис актера А. А. Алексеева. Успеха не имела.

[3] Урусов был выслан в Лифляндскую губернию (см. прим. 1 к письму 355).

400. Н. А. НЕКРАСОВУ

22 июня 1870—1874. Москва

Прошу Вас тысячу раз извинить меня, многоуважаемый Николай Алексеевич, что я не исполнил Ваших поручений. Прежде всего, донской (желтой) осетрины в Москве нет, а есть красная уральская. Для Вашего желудка это будет неудобно. Затем, Ланин [1] предлагал взять мне воду голыми руками, т. е. не укладывая, и это меня так возмутило, что я плюнул и ушел. Разумеется, если б я пробыл в Москве более продолжительное время, то сумел бы устранить все это; но спеша уехать, решительно не знаю, как распорядиться с укладкою.

Я буду писать к Вам, как только окажусь в деревне.

У Зинаиды Николаевны [2] целую ручки.

Весь ваш

М. Салтыков.

22 июня.
Москва.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 195, п. 5765, № 61/15.

Впервые опубликовано: *Архив Карабихи,* с. 172, без указания года. В *Изд. 1933—1941,* т. XIX, с. 58, датировано 1870—1874 гг.

---

[1] Владелец гастрономического магазина в Москве.

[2] Жена Некрасова.

401. Н. А. НЕКРАСОВУ

18 сентября 1874. Петербург

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Я взял на себя приведение в порядок статьи «О Сидоре и его козе». Я переменил заглавие на след<ующее>: «Земство и его деяния». Макаровых телят везде похерил [1]. Сидорову козу оставил в очень немногих местах [2]. По-моему, в исправленном виде, статья не возбудит ничего. Елисеев или ничего не понимает, или желает свалить с себя ответственность перед автором. Три первых формы я уже исправил, остальные прочту сегодня.

Ваш

М. Салтыков.

18 сентября.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 32, л. 52.

Впервые опубликовано: *Письма*, с. 72. Год устанавливается по упоминанию о статье Мордовцева «Земство и его деяния» (*ОЗ*, 1874, № 9).

---

[1] То есть исключил иносказательную форму, обозначающую административную ссылку в самые отдаленные места — «куда Макар телят не гонял».

[2] «Сидорова коза» — фразеологизм, обозначающий жестокое, беспощадное обращение (драть «как сидорову козу»).

402. А. Ф. КАБЛУКОВУ

25 сентября 1874. Петербург

25 сентября.

Будьте так добры, многоуважаемый Алексей Федорович, выслать медвежью полость к нам. Мы завели экипаж, и она нам необходима для саней. Как дело о вводе во владение? [1] Как идет маслобойня? Есть ли мелево? И вообще как у Вас там идет? Очень бы любопытно знать. Сделали ли Вы какую-нибудь посадку деревьев вместо тех, которые посохли? В тех двух квадратах, которые за вновь вычищенной аллеей идут к канаве, нужно бы посадить лип и берез. А также надо добиться, чтобы аллея от дома и направо к пруду была засажена. Обвязали ли Вы яблони хворостом? Нужно было бы это сделать и окопать их.

Будьте так добры, уведомьте обо всем. Прошу Вас засвидетельствовать от меня и от жены почтение Марье Ивановне и всем Вашим. Получает ли Юлия Петровна музыкальный журнал? [2]

Весь Ваш

М. Салтыков.

Полость во что-нибудь оберните и зашейте.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, л. 72.

Публикуется впервые.

Годовая дата устанавливается по связи с письмом Е. А. Салтыковой от 8 октября 1874 г. В нем — повторение просьбы Салтыкова выслать медвежью полость» для саней: «...ждем полости медвежей из Витенева, поторопитесь, пожалуйста, так как нам надо по ней заказать сани» (*ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125).

---

[1] Салтыков спрашивает о вводе во владение сына А. Ф. Каблукова, Николая, на проданный ему участок витеневской земли.

[2] Из письма Елизаветы Аполлоновны от 8 октября 1874 г. к А. Ф. Каблукову видно, что ею был выписан в Витенево для своей знакомой ежемесячный журнал «Музыкальный свет», выходивший в Петербурге.

403. НЕИЗВЕСТНОМУ

28 сентября 1874. Петербург

29 сентября я буду дома от 11 до 1 часа утра; 30 сентября до 12 часов. С удовольствием готов побеседовать с Вами.

Искренно уважающий
М. Салтыков.

28 сентября, ночью.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 1, № 31, л. 1.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 49, где датировано 1874 г. «предположительно по почерку и бумаге».

404. А. Ф. КАБЛУКОВУ

18 октября 1874. Петербург

1874 г. П.бург. 18 октября.

Многоуважаемый Алексей Федорович. Письмо Ваше несколько сконфузило меня. Позвольте попенять на медленность в отстройке маслобойной, а также на оттяжку арендных денег крестьянами, которых вместо 200 р. Вами получено всего 100 р., да и то в октябре вместо сентября. Я вместе с сим пишу Большакину[1] о выдаче Николаю Алексеевичу 100 р. для передачи Вам; но, право, уже много, слишком много тратится денег. Мне кажется, если б маслобойня была отстроена, согласно условию, к 1-му сентября, то было бы больше доходу. Надеюсь, что, по крайней мере, теперь она уже в ходу. Хорошо, кабы Евдоким оповестил по округе о начале битья.

Ограниченности помола я тоже удивляюсь, потому что, кажется, урожай был недурной. Ежели причина заключается в Григорье, то нельзя ли его сменить. Право, что-то плохо верится, за что же так обегают нашу мельницу. Не худо бы справиться в Горюшкине, как там помол. Будьте так добры, понудить старосту насчет более исправного взноса арендных денег. Да нельзя ли и с Корочкина что-нибудь получить. Я в

ноябре сам буду в Москве и кончу с Николаем Алексеевичем [2].

Так как в Витеневе осталось довольно лишних индеек, то нельзя ли их подкормить творогом и раза в три, к 1 декабря, 1 января и 1-го февраля присылать к нам в Петербург штук по 3—4.

Будьте добры, постарайтесь склонить витеневских и юрьевских крестьян к покупке земли. Посылаю Вам расчет, по которому крестьяне обязываются платить [3]. Растолкуйте им как следует. Нельзя ли хоть 10-ю часть получить при совершении купчей крепости. Купчая крепость могла бы быть совершена тоже в ноябре.

Прошу засвидетельствовать наше почтение Марии Ивановне и всем Вашим.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 73—74. Публикуется впервые.

---

[1] Вероятно, кто-то из бывшей заозерской крепостной семьи Салтыковых, выкупившейся на волю еще в 1857 г. и ставшей основательницей богатой купеческой династии.

[2] Имеется в виду оформление покупки Н. А. Каблуковым участка витеневской земли. Одним из документов сделки является сохранившийся при комментируемом письме вексель на 600 руб., выданный Н. А. Каблуковым Е. А. Салтыковой 12 декабря 1874 г. в Москве. По-видимому, Салтыков побывал в Москве не в ноябре, а на обратном пути в Петербург, с похорон матери, Ольги Михайловны, скончавшейся 3 декабря в Ермолине и похороненной на кладбище женского монастыря в Хотькове.

[3] Расчет сохранился при письме. Попытки «склонить витеневских и юрьевских крестьян к покупке земли» не увенчались успехом. О причинах неудачи сын А. Ф. Каблукова, Николай Алексеевич (см. о нем прим. к письму 308), вспоминал в письме в редакцию журнала «Русское богатство» (1909, № 1): «Через несколько лет по приобретении <...> имения М. Е. Салтыков предлагал <...> крестьянам купить всем обществом прилегающие к их наделу 100 дес. из этого имения, причем ставил условия очень льготные, а именно за все 100 дес. 2500 р. с рассрочкою уплаты на 10 лет <...>. Крестьяне совсем было согласились, но потом, чуть ли не накануне заключения купчей, отказались. Их разбили местные кулаки, предполагавшие, что им самим удастся купить эту землю, но М. Е. Салтыков категорически отказался даже вступать в какие-либо переговоры по этому поводу с отдельными лицами из крестьян...» Сохранившиеся при письме условия предполагавшейся продажи земли полностью соответствуют рассказу Н. А. Каблукова.

405. Н. А. НЕКРАСОВУ

Начало января 1875. Петербург

Посылаю две рукописи: решительно не мог их прочесть, так расстроены нервы. Посылаю еще корректуру «Парижской жизни» [1], нельзя ли дальнейших корректур не посылать (кроме моей статьи, которую ожидаю сегодня) [2]. У меня открывается лихорадка. К довершению всего, у нас заболела кухарка, которая, впрочем, нынче кой-как готовит, но завтра не знаю, что будет. Пустит ли меня Белоголовый за границу — не знаю.

В конце письма приписка Е. А. Салтыковой: На обороте *и далее ее же рукой:* Нельзя ли будет взять два обеда из Английского клуба.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, л. 56.

В *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 286 приписки Елизаветы Аполлоновны без оговорок слиты с текстом письма Салтыкова.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 74, с отнесением без какой-либо мотивировки к январю — февралю 1875 г. Однако, судя по просьбе Салтыкова не присылать никаких корректур, «кроме моей статьи, которую ожидаю сегодня», письмо не могло быть в феврале: во втором номере он ничего не напечатал. Не могло быть оно написано и в марте, так как уже в начале февраля вопрос о поездке Салтыкова за границу был решен (см. в Приложениях, VI, письмо Е. А. Салтыковой к А. Ф. Каблукову от 10 февраля 1875 г.). Следовательно, в письме идет речь о январском номере *Отеч. записок* (вышел в свет 22 января).

---

[1] «Хроника парижской жизни» Шассена опубликована под псевдонимом «Людовик» в переводе Н. С. Курочкина (*ОЗ,* 1875, № 1).

[2] Благонамеренные речи. XIII (*ОЗ,* 1875, № 1).

406. Н. А. НЕКРАСОВУ

7 января 1875. Петербург

Я так болен, многоуважаемый Николай Алексеевич, что решительно не могу сегодня выехать, и прошу Белоголового к себе. Вы весьма бы меня обязали, прислав с Горским деньги 1700 р., о которых я Вас просил.

Весь Ваш

М. Салтыков.

7 января 75 г.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, л. 54.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 73.

407. Н. А. НЕКРАСОВУ

Январь 1875. Петербург

Ей-богу, не могу приехать. Поверьте, что это не пошлый каприз. По словам Белоголового, я в таком положении, что и за границу вряд ли можно выехать скоро и что всякий выезд теперь для меня вреден. Представьте, что нервы мои до того расстроены, что я беспрестанно плачу.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, л. 58.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 74, с отнесением без мотивировки к январю — февралю 1875 г. В *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 287, также без мотивировки датировано февралем — мартом 1875 г. Датируется январем 1875 г. по связи с письмами 405 и 406.

408. А. Ф. КАБЛУКОВУ

Около 7—8 марта 1875. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Посылаю при сем 150 р., затем насчет оставленных 350 р. условьтесь с Максимом Андреевым, как и когда Вам их выслать. Мне кажется, надо бы поспешить заготовкой леса, потому что скоро не будет пути. В своем же лесу я положительно

не желал бы рубки; кроме <1 сл. нрзб.>, который, вероятно, тоже будет необходим.

Меня как-то преследует неудача. Дела скверны, а меня между тем посылают на год за границу. Но никогда дела не были так скверны, как теперь, ибо ко всему прочему[1] присоединилась еще война с крестьянами.

Вы пишете, что помол на мельнице дурен, но не пишете отчего. Желательно бы знать, как идет помол на горюшкинской мельнице. Для этого стоит только съездить туда. Ежели Григорий не годится, то я просил уже Вас написать Максиму Андрееву о приискании мельника и дал Вам адрес. Переговорите с ним и теперь об этом. Я боюсь, что на плотину деньги изведем, а сделают ее кой-как. Во всяком случае, я желал бы, чтоб плотина была не позже 15 мая готова, ибо сдал дачу г. Лихачеву[2] с семейством и не хотелось бы, чтоб они были без воды. Кстати: вы ничего не пишете о маслобойне: действует ли она.

Теперь, пожалуй, вследствие объявления войны, и витеневские крестьяне не будут ездить к нам на мельницу. Не в добрый час я затеял продажу земли Николаю Алексеичу.

Что Вы предполагаете делать летом с землею? Сделайте одолжение, напишите. Продали ли Вы оставшееся в экономии сено? Пора бы продать, потому что опять, пожалуй, половина сгниет. Также вырублены ли на дрова сухие деревья в парке? Ежели не вырублены, то надо вырубить, потому что и они тоже сгниют. Лихачеву нужны будут дрова, и можно будет ему продавать. Лихачев по приезде вручит Вам 200 р. Ланиной же я отдать не согласен, потому что с ее стороны это одно озорство. Пожалуйста, в огороде посейте по примеру прежних лет. У нас, кажется, остался картофель, можно бы продать его. Коровы не заводить покуда. Да разведите, пожалуйста, клубники, у нас скоро совсем не будет, ибо гряды поближе к дому, между кружовником, перестали уже давать плод.

Застрахован ли дом и прочее? Теперь за этим нужно больше чем когда-либо наблюдать.

Вы уговариваете, чтоб я не продавал землю крестьянам. Хорошо, но сделайте же одолжение продайте хоть кому-нибудь. Желательно бы за 2500 р.

Когда Лихачевы приедут, пожалуйста, побывайте у них, во-первых, для получения денег, а во-вторых, чтоб условиться насчет провизии, которую они хотели бы получать тем же порядком, как и мы. Сделайте это для меня.

Доверенность на продажу земли[3] я вышлю Николаю Алексеичу.

Сделайте одолжение, примите меры к взысканию с к<ре-

стья>н денег аренды. Да нельзя ли кстати и с Корочкина что-нибудь взыскать.

Пишите мне, ибо я около 25-го числа уеду[4].

По получении от Вас письма буду и еще к Вам писать.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Марье Ивановне и всем Вашим я и жена свидетельствуем почтение.

Я еще никуда не выезжаю.

На письме помета А. Ф. Каблукова: 1875 года, получено 11-го марта.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 76—77. Публикуется впервые.

Датируется по помете о получении письма и по сопоставлению с близко предшествующим письмом к А. Ф. Каблукову Е. А. Салтыковой от 5 марта 1875 г.

---

[1] «Все прочее» — обострение болезни Салтыкова и продолжавшиеся семейно-наследственные ссоры после смерти брата Сергея Евграфовича; «Война с крестьянами» — вероятно, упомянутые в прим. к письму 404 трудности, встретившиеся при попытках понудить крестьян «купить всем обществом прилегающие к их наделу 100 десятин» из земель витеневского имения. Одна из трудностей заключалась, в частности, в недовольстве крестьян продажей лучшей части земли Н. А. Каблукову (см. об этом в письме 404).

[2] В. И. Лихачеву, известному судебному и общественному деятелю. Салтыков находился с ним в дружеских отношениях.

[3] Доверенность от имени Е. А. Салтыковой, юридической владелицы Витенева.

[4] Салтыковы уехали за границу 12 апреля («Голос», 1875, № 103).

409. П. В. АННЕНКОВУ

9 марта 1875. Петербург

Петербург. 9 марта.

Многоуважаемый Павел Васильевич.

Меня, дикого человека, доктора шлют на год с лишком за границу, а именно до конца сентября в Баден-Баден, а потом на всю зиму в Рим или южную Италию. С неизреченным удовольствием узнал я сейчас через бар<она> Розена, что и Вы живете в Бад<ен>-Бад<ене>. Не знаю, долго ли Вы там будете, но, во всяком случае, думаю, что мы свидимся.

Обращаюсь к Вам за некоторой услугой: присмотрите для меня и моей семьи квартирку комнат в 4—5. Квартира должна быть снабжена столовым и спальным бельем, посудою кухонною, столовою, а также небольшим количеством серебряной, т. е. ложек, ножей и проч. Семья моя состоит из меня, жены и двоих детей, при коих нянька-немка. По приезде, мы, вероятно, наймем еще женщину и кухарку. Не хотелось бы платить больше 200 фр. в месяц (меньше — лучше). Я выеду из Петербурга между 28 марта и 1 апреля старого стиля. Если найдете время до этого дать мне весточку о себе, то сделайте это по след<ующему> адресу: П<етер>б<ург>, Пески, 2-я улица, дом № 3.

Я еду с большим ожесточением, ибо дела мои крайне расстроены и притом все в ходу. Но делать нечего: у меня катар и такое сердцебиение, что я почти задыхаюсь. К этому прибавился еще ревматизм. Я целый месяц лежал без движения и теперь еще не выхожу из дома. Знаете ли что? Вот я пишу Вам, что еду за границу, а мне кажется, что я сейчас умру. До того мучительно бьется сердце.

Пожалуйста, не посетуйте на меня за неприятное поручение относительно квартиры. Ежели Вам оно не по нутру, сочтите, что ничего не было писано. Не сетуйте также на краткость письма: не могу писать, потому что чувствую усталость сейчас же. Издыхать ничего, но издыхать имея старшего сына 3-х лет — неловко. Обо всем переговорим при свидании. Верьте или не верьте, но свидание именно с Вами *необыкновенно* меня радует.

Вероятно, Вы знаете историю Маркевича[1] и читали роман гр<афа> Толстого о наилучшем устройстве быта детор<одных> частей. Меня это волнует ужасно[2]. Ужасно думать, что еще существует возможность строить романы *на одних* половых побуждениях. Ужасно видеть перед собой фигуру безмолвного кобеля Вронского. Мне кажется это подло и безнравственно. И ко всему этому прицепляется *консервативная* партия, которая торжествует. Можно ли себе представить, что из коровьего романа Толстого делается какое-то политическое знамя?

Прощайте или, лучше сказать, до свидания. Жму руку Вам и уважаемой Глафире Александровне[3]. Жена тоже. Когда прибуду в Б<аден>-Б<аден>, то сейчас же явлюсь к Вам, а всего бы лучше, если бы Вы предварительно писнули в Петербург. Остается еще 18 дней.

Ваш

М. Салтыков.

На конверте: Allemagne. Baden-Baden. Lichtenthalerstrasse, 9. M-r Paul Annenkoff.

Почтовый штемпель: С.-Петербург. Город. 3 почта. 10 марта 1875. *и* Ausg. 25/3.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 46—47.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 75—76.

---

[1] О получившей широкую огласку скандальной истории взяточничества Б. М. Маркевича, реакционного писателя и крупного чиновника, А. В. Никитенко писал в своем «Дневнике» 17 февраля 1875 г.: «Новый скандал. Министр народного просвещения поручил Б. М. Маркевичу, как ближайшему к себе доверенному лицу, составить с Ф. П. Баймаковым контракт по аренде на «Петербургские ведомости». Редактором министр назначил графа Е. А. Салиаса, а Маркевич внес в контракт статью, по которой арендатор имеет право отказать редактору от газеты, когда найдет его неудобным для нее. За это взял с Баймакова отличную взятку. Министр утвердил контракт, не читавши... Когда дело вышло наружу, министр поехал к государю и нажаловался, что вот, дескать, его надули и проч. С Маркевича тотчас сняли камергерство и выбросили его из совета министров» (А. В. Никитенко. Дневник, т. 3. М., 1956, с. 332).

[2] Ко времени написания этого письма в печати появились только первая и половина второй (главы 1—10) части «Анны Карениной» («Русский вестник», 1875, №№ 1—2). В них, как отмечает С. А. Макашин, роман «еще не превратился полностью из семейно-любовного (жанр, в котором был задуман) в философско-общественный и злободневно-публицистический <...>. Суждение Салтыкова о *начале* романа определялось его принципиальной эстетической позицией — созданным им учением о новом *общественном* романе, построенном не на традиционном главенстве любовной интриги, а на возвышении социально-философско- и политической проблематики и материала. Вместе с тем резкость и грубость отзыва Салтыкова находят объяснение не только в силе и страстности приверженности писателя к своей общественно-эстетической концепции, но и в его болезни. Она обострила до предела присущую Салтыкову бурную и гневную раздражительность» (наст. изд. т. 11, с. 634). См. также: А. С. Бушмин. Сатира Салтыкова-Щедрина. М.—Л., 1959, с. 409—435.

[3] Жене Анненкова.

410. П. В. АННЕНКОВУ

26 марта 1875. Петербург

Петербург. 26 марта.

Многоуважаемый Павел Васильевич. Я еще до получения Вашего милого письма уже знал, что Вы в Париже, и, признаться, даже отчаялся в получении от Вас известия. Я посту-

плю совершенно так, как Вы указываете, т. е. остановлюсь в Hôtel de St-P<eters>bourg и потом буду приискивать квартиру. Последняя мне необходима ввиду детей, которым был бы очень полезен хоть маленький садик, да свой.

Что касается до меня, то Вы уже по почерку настоящего письма можете видеть, что я в ненормальном положении. Это ревматизм продолжает скрючивать пальцы и плечи, так что писать трудно, и после каждого писания все болит. Кажется, мне все хуже и хуже. Сердцебиение такое, что овладевает тоска и не знаешь, куда деваться.

Пишу к Вам немного именно по вышереченной причине, да притом надеюсь скоро видеться. И представьте, за всем этим продолжаю литературствовать [1]. Надо скорее уехать из Петербурга, где постоянно нахожусь в раздраженном состоянии. Выезжаю 2 апреля и, с Вашего позволения, из Берлина буду Вам телеграфировать.

Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение многоуважаемой Глафире Александровне.

Ваш до гроба

М. Салтыков.

На конверте: Allemagne. Baden-Baden. Lichtenthalerstrasse, 9. M-r Paul Annenkoff.

Почтовый штемпель: С.-Петербург. Город. 1 почта. 27 марта 1875 *и* Ausg. 11/4.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, л. 49.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 77—78.

---

[1] В это время Салтыков работал над «Благонамеренными речами», публикация которых была прервана на № 4 *Отеч. записок* и возобновилась с № 10 за 1875 г.

411. К. А. БУХУ

1 апреля 1875. Петербург

Не зайдете ли в 7 часов на пульку. Я могу бодрствовать только с 7 до 11.

На записке помета К. А. Буха: 1 апреля 1875.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 43, карт. 8, № 2.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 365. Повторная публикация: «Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина», 1938, вып. 1, с. 11.

412. А. Ф. КАБЛУКОВУ

6 апреля 1875. Петербург

Многоуважаемый Алексей Федорович!

Посылаю Вам доверенность на получение от старшего нотариуса документов, которые потрудитесь по получении переслать в С.-Петербург, Алексею Михайловичу Унковскому, живущему по Надеждинской улице, против Ковенского переулка, в д. Чебышевых. Если найдется серьезный покупщик на Витенево, а также если Вам удастся продать полосы земли за юрьевским и витеневским наделами, то сообщите об этом Унковскому, которому дана на это полная доверенность. Очень прошу Вас постараться о продаже этих полос. К Унковскому же обратитесь в случае, если найдется арендатор на болота. С землею в нынешний год поступите, как сами знаете, выгоднее, но ежели будете отдавать исполу, то нужно будет выстроить еще два сенных сарая, которые поставьте около риги. Лихачев предуведомит вас о своем приезде [1]. Библиотеку, посуду, хрусталь и проч. оставьте в их распоряжение, сахар они сами не возьмут, ягодами могут также пользоваться.

Прошу уплатить Николай Алексеевичу половинные издержки по купчей крепости около 30 руб. Затем поздравляю Вас, Ваше семейство и уважаемую Марью Ивановну с наступающим праздником Пасхи.

М. Салтыков.

6 апреля
1875 года.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 78—79. Публикуется впервые.

---

[1] В бумагах А. Ф. Каблукова сохранилось два письма к нему В. И. Лихачева 1875 г. В них — предуведомления о приезде в Витенево детей с няней 14-го или 15 мая и своем собственном, с женой,— 9 июня.

413. Н. А. НЕКРАСОВУ

30 апреля/12 мая 1875. Баден-Баден

Положение мое, добрейший Николай Алексеевич, вот какое: я сегодня в первый раз встал с постели и не мог сделать ни шагу собственными ногами, из этого Вы видите, что на поправку потребуется немало времени.

Доктор обещает, что на будущей неделе можно будет ездить в колясочке, следовательно, человеком, с которым можно будет говорить по-человечески, я не надеюсь сделаться раньше как в половине русского июня [1], поэтому если Вы располагаете видеться со мною, то примите это в соображение, ибо Вам очень скучно будет быть с человеком, который ни о чем как следует даже говорить не может.

Я с некоторым ужасом размышляю о том, когда я буду в состоянии приступить к работе. Теперь этот ужас один у меня в голове. «Отечественные записки» получил и передал немедля Анненкову, «Московские ведомости» тоже с сегодняшнего дня начал получать. Сюда недели через две ждут Тургенева, а затем, как говорят, намеревается здесь прожить несколько месяцев Писемский. Не предпринять ли что-нибудь относительно последнего, который, вероятно, у меня будет [2]. Напишите, если что-нибудь придумаете. Прощайте, будьте здоровы, кланяйтесь Еракову и Унковскому.

М. Салтыков.

12 мая.
Гостиница «С.-Петербург».
Баден-Баден.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, л. 60. Написано рукой Е. А. Салтыковой.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 78—79.

---

[1] То есть по старому стилю.

[2] В *Отеч. записках* 1868—1884 гг. А. Ф. Писемский ничего не напечатал.

414. Н. А. НЕКРАСОВУ

3/15 июня 1875. Баден-Баден

Б. Бад. 15 июня.

Я получил сегодня книги, уважаемый Николай Алексеевич, но вместо «Пиквикского клуба» прислали «В лесах» [1], что вовсе мне не нужно. Вероятно, «Пикв<икский>кл<уб>» не нашли [2].

Здоровье мое все то же, ни лучше, ни хуже, что можете видеть и по почерку моему. Скука страшная, и при этом насильственное бездействие. Унковский прежде писал, что 2-го июня будет, а теперь уже до 22 отложил. Думаю, что и совсем не

приедет. Ревматизм мой поддерживается переменною погодой: почти дня не проходит без дождя.

5-й № «Отечественных записок» 2-й отдел сплошь прекрасен. Я давно ничего такого не читал. Даже Анненков в восхищении. Не знаю, читали ли Вы статью «Наши потери» Мордов<цева>, но ежели не читали, прочтите. По форме она неуклюжа, но такую картину рисует, что Анненк<ов> в ужас пришел [3]. Но первый Отдел плох. Роман Дост<оевского> просто сумасшедший [4].

Прощайте, будьте здоровы. Мой поклон Зинаиде Николаевне.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 195, п. 5765, № 61/3.
Впервые опубликовано: *Архив Карабихи,* с. 180—181.

---

[1] Роман П. И. Мельникова (Печерского) «В лесах» вышел отдельным изданием в 1875 г.

[2] «Посмертные записки Пиквикского клуба» Диккенса понадобились Салтыкову в связи с возникшим у него замыслом цикла «Культурные люди» (первоначальные названия — «Дни за днями за границей» и «Книга о праздношатающихся»). Цикл остался незаконченным, в печати появились только первые пять глав (*ОЗ,* 1876, № 1).

[3] В статье «Наши потери во внешней торговле» Д. Мордовцев показывал, что «ежегодный баланс наших экономических связей с Европой говорит не в нашу пользу: мы приплачиваем Европе значительные суммы золота в придачу к тем продуктам, которые отпускаем Европе в обмен на ее продукты нами потребляемые». Другие статьи отд. II: «Поиски за гражданским идеалом» С. Кривенко, «Хроника парижской жизни» Ш.-Л. Шассена, «Записки профана» Н. Михайловского и «Внутреннее обозрение» Г. З. Елисеева.

[4] В *Отеч. записках* (1875, №№ 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12) печатался роман Достоевского «Подросток. Записки юноши».

415. А. Ф. ПИСЕМСКОМУ

Между 16/28 мая и концом июня — началом июля 1875.
Баден-Баден

Сегодня я не могу ехать в Эберштейн, потому что беру ванну. Желательно бы завтра совершить эту прогулку. Если согласны, то приезжайте к нам в $10\frac{1}{2}$ ч. утра. Разумеется, надо хорошую погоду.

Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 40, л. 1.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, с. 61, где датировано временем пребывания Писемского в Баден-Бадене (приезд — 16/28 мая, отъезд — конец июня — начало июля 1875 г.).

416. А. Ф. КАБЛУКОВУ

23 июня/5 июля 1875. Баден-Баден

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Максим Андреев пишет мне, что был в Витеневе, и Вы еще не приступили к исправлению плотины. Между тем, отдавая Лихачевым дачу, я обещал, что у них будет река и купанье. Теперь мне очень перед ними совестно. Будьте так добры приступить к исправлению плотины тем больше, что уж я столько денег на мельницу истратил, то надо же довести дело до конца.

Вы писали мне, что документы, которые я отдал Ник<олаю> Ал<ексеевичу> еще в апреле, пошлете к Ал. Мих. Унковскому; между тем Алексей Мих. вчера приехал в Баден и говорит, что никаких документов от Вас не получил [1]. Пожалуйста, недели через четыре пошлите ему по адресу, который я Вам дал.

Пожалуйста, выручите <нрзб.> болото от Зайцева.

Напишите мне, всю ли аренду за прошлый год заплатили крестьяне.

Здоровье мое поправляется, но все еще временами чувствую себя нехорошо. Весь июнь здесь шли дожди, и я это чувствовал.

Прошу Вас засвидетельствовать пожелание от меня и от жены многоуважаемой Марье Ивановне и всему Вашему семейству.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 80.

Публикуется впервые.

---

[1] А. М. Унковский приехал в Баден-Баден 22 июня. Главной целью поездки было навестить больного Салтыкова и вручить лечившему его врачу Heiligentahl'ю серебряный кубок в благодарность от друзей писателя. Подарок был куплен на деньги Некрасова, Елисеева, Еракова и Унковского.

417. Н. А. НЕКРАСОВУ

25 июня/7 июля 1875. Баден-Баден

Баден. 7 июля.

Я не знаю, можно ли было набрести на более несчастную мысль, как услать меня за границу. Каждый день я все более и более раздражаюсь. В Петербурге я мог, по крайней мере, куда-нибудь уйти; здесь же положительно осужден на бессменный tête à tête. Приезд Унковского не только не утешил, но еще более усугубил мою горечь. Бесконечное довольство этого человека может взбесить. Он похож на собаку, которая у каждого столба <———>; точно так же и он останавливается около каждого человека, которого встречает. Приехал сюда с Сухоручкиным, об котором сам говорит, что это личность сомнительная, а возится с ним. Никакого искреннего разговора не может быть. Да он, кажется, и вообще делается неспособным вести какой-нибудь последовательный разговор. Кроме анекдотов, ничего путного, а анекдоты все известны. Иногда это просто досадно. А между тем от работы меня отбил, а я было принялся кой-что делать. Приезжал еще барон Розен собственно для меня и заманил меня в Зальцбург (Австрия). Он будет жить там с семьей до половины августа (нового стиля), и я думаю там тоже до сентября прожить, а в сентябре воротиться в Баден. Полагаю выехать в конце июля; доктор говорит, что это будет даже полезно. Впрочем, наверное ничего не могу сказать, ибо с супругой моей трудно что-нибудь наверное сообразить.

Анненков уезжает около 15 июля (н. с.), и я ему сказал, чтоб он справился об Вас на петербургской квартире, ежели не в передний путь в Симбирск, то в обратный. Я недавно открыл, что он очень доволен, что у него брат — генерал-адъютант[1]. Этот генерал тоже здесь и сделался совершенным идиотом.

Не знаю, скоро ли я успокоюсь настолько, чтобы начать работать. Теперь мы каждый день ездим по окрестностям. Я, впрочем, памятую, что без работы жить нельзя и что для «Отечественных записок» мой труд не совсем бесполезен. Но, признаюсь, опасность сильна, что болезнь меня обездолит.

Прощайте, добрейший Николай Алексеевич, кланяйтесь Зинаиде Николаевне и не забывайте преданного Вам

М. Салтыкова.

Унковский, приехавши, сказал, что пробудет здесь 3 недели, а теперь я с удивлением узнал, что он на днях уж уезжает показывать Сухоручкину Швейцарию.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 195, п. 5765, № 61/14.
Впервые опубликовано: *Архив Карабихи,* с. 181—182.

---

[1] И. В. Анненков, петербургский дворцовый комендант. Генерал-адъютант — почетное звание приближенных к царю лиц; избирались по личному его усмотрению из состава высшего генералитета.

418. А. М. УНКОВСКОМУ

4/16 июля 1875. Баден-Баден

Баден-Баден. 16 июля.

Многоуважаемый Алексей Михайлович. Вы увезли две пары чужих носков, и теперь владелец этих носков, сердитый немец, и рвет, и мечет: непременно подай ему эти самые носки, которые связала ему дочь к дню именин. Не знаю, как Вы поступите в этом случае, я советовал бы: плюнуть [1].

Фаворитствовала ли погода Вашим художественным экскурсиям? Что касается до нас, то с самого Вашего отъезда здесь льет дождь. И конца оному не предвидится. Поездка моя в Зальцбург делается проблематическою, во-первых, потому, что бар<он> Розен ничего не пишет, а во-вторых, по причине погоды [2]. Во всяком случае, ежели будете писать ко мне, то адресуйте в Бад<ен>-Бад<ен>, откуда ко мне перешлют.

С Вашим отъездом я с успехом предаюсь молчанию. Скука такая подавляющая, что работа на ум нейдет. Не знаю, что будет вперед, но боюсь, что я совсем здесь потеряюсь. Все эти Белоголовые суть собственно пустоголовые, ибо они не понимают, что человеку в 50 лет трудно менять свои привычки [3]. То, что дает хорошего климат, будет уничтожено раздражением, производимым гостиницами и бездомовничеством.

Прощайте, любезный друг; кланяйтесь Сухоручкину, а когда приедете в Митрюково [4], то напомните обо мне и о жене Настасье Михайловне. В заключение, пожалейте искренно вам преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. Р. Ш, оп. 1, № 1872.
Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 67, с. 518—519.

---

[1] А. М. Унковский, приезжавший в Баден-Баден специально для того, чтобы навестить больного Салтыкова, отправился оттуда «показывать Сухоручкину Швейцарию» (см. письмо 417; о Сухоручкине см. письмо 355).

[2] Поездка в Зальцбург (Австрия) не состоялась. Предлагал это путешествие специально приезжавший для того к Салтыкову в Баден-Баден барон Г. О. Розен, о котором см. письмо 216, прим. 6.

[3] Ближайшее же будущее зачеркнуло этот резкий отзыв, продиктованный раздражительностью больного и недостаточным в ту пору знакомством Салтыкова с Белоголовым. Вскоре они стали друзьями.

[4] Сельцо Дмитрюково («Митрюково»), на границе Тверского и Старицкого уездов,— имение Унковского. Салтыков не раз бывал там.

419. Н. А. НЕКРАСОВУ

25 июля/6 августа 1875. Баден-Баден

Baden-Baden. 6 августа.

Многоуважаемый Николай Алексеевич. Я давно уже не имею от Вас никаких известий, и я не знаю, где Вы находитесь. Но так как по прежним Вашим письмам видно, что Вы около 1-го числа готовились оставить Карабиху[1], то я посылаю настоящее письмо в Петербург, с тем чтобы Вам переслали по месту нахождения. С этой же почтой посылаю рассказ «Сон в летнюю ночь», который прошу напечатать в августовской книжке. Я потому желаю этого, что 8-й № выйдет еще без Фукса, и следовательно, избавится от лишней придирчивости[2]. Я просил бы Вас, ежели Вы будете в Петербурге, проследить за корректурой, а буде Вас нет в Петербурге, то поручить это Плещееву, к которому, впрочем, я и сам пишу.

Не знаю, хорош ли рассказ, боюсь, чтоб не вышел первый блин комом. Меня заинтересовала собственно идея. Пользуясь господствующею ныне манией праздновать всякие юбилеи, я хотел сопоставить обыкновенному юбилею — юбилей русского мужика. Разумеется, во сне. Мне кажется, что рассказ вышел удачен, особливо вторая половина. Ежели название «Сон в летнюю ночь» не понравится, то можете вместо него поставить «Торжество ревизской души», а не то можно оба названия оставить: «Сон в летнюю ночь, или Торжество ревизской души». К сентябрьской книжке, не позже 1-го числа, пришлю еще рассказ «Благонамеренных речей»[3]. Почти уже готов. Да затеял я фельетон «Дни за днями за границей» вроде «Дневника провинциала»[4]. Хочу опять Прокопа привлечь. Как Вам это кажется?

Все лето была здесь погода петербургская, а теперь из рук

вон. Дождь три дня льет как из ведра, ни луча солнца, и холод чисто осенний. Носу нельзя на улицу показать. Право, какая-то неудача преследует меня, и я упорствую в мысли, что остаться в России до сентября было бы лучше и выгоднее. Впрочем, я чувствую себя почти в таком же положении, как в прошлом году. Ревматизм не совсем еще оставил, но *почти* оставил. Кашель и сердцебиение — по-прежнему беспокоят. Не забудьте, что я до последней недели капли вина не пил, ни пива, ни кофе, и только в последнюю неделю позволяю себе в три дня полбутылки St-Julien[5] с содовой водой.

Завтра или послезавтра ожидаю Белоголового, который решит, что мне нужно предпринять. Но у меня план перезимовать в Париже. Трактирная жизнь мне несносна, а в Париже я могу нанять на 8 м<еся>цев меблированную квартиру дешевле, нежели в этой благовонной дыре, называемой Баденом, и устроиться удобнее и даже теплее, нежели в другой благовонной дыре, называемой Ниццею. Я озлоблен на Баден, или, собственно говоря, на русских откормленных идиотов, здесь живущих. Представьте, только поп да кн<язь> Горчаков заявили мне о своем участии, когда я здесь издыхал[6]. Из прочей массы свиней ни одна не шелохнулась. Каково бы ни было достоинство моих литературных занятий, но несомненно, что публика меня читает. И ни единого звука. Даже просто больной умирающий соотечественник — и тот бы имел право на внимание. Не то чтобы горько это, но отвратительно. Поэтому-то для меня так и гадка перспектива Ниццы, где ничего другого не ждет, кроме идиотской русской напыщенности. Решительно уеду в Париж, что̀ бы ни говорил Белоголовый.

Прощайте, будьте здоровы, не забывайте преданного Вам

М. Салтыкова.

Передайте мой дружеский поклон Зинаиде Николаевне и напишите о своих прожектах.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 61—62. Впервые опубликовано: *Письма,* с. 79—81.

---

[1] Письма Некрасова к Салтыкову этого периода неизвестны.

[2] «Сон в летнюю ночь» напечатан в восьмой книжке *Отеч. записок.* Хотя этот номер просматривал не В. Я. Фукс, а более либеральный цензор Н. Е. Лебедев, некоторые изменения в тексте рассказа, сделанные Некрасовым или Плещеевым, продиктованы явно цензурными соображениями (см. в наст. изд. т. 12, с. 698).

[3] Очередной очерк из цикла «Благонамеренные речи. XIII. Семейный

суд», вопреки предположениям автора, был закончен несколько позднее (*ОЗ*, 1875, № 10); вошел в роман «Господа Головлевы».

[4] О судьбе этого цикла см. письмо 414, прим. 2.

[5] Марка красного французского вина.

[6] Об участии, заявленном кн. Горчаковым, появилась информация в газете, что вызвало раздраженную реакцию Салтыкова. См. письмо 479, прим. 3.

420. А. Ф. КАБЛУКОВУ

1/13 августа 1875. Баден-Баден

Баден-Баден. 13 августа.

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Нынешний год мне как-то особенно неудачен: и заграничная поездка поневоле, и в Петербурге квартира не сдается, так что с апреля месяца плачу деньги понапрасну, и в Заозерье с мужиками не ладится [1], и, наконец, в Витеневе только и дело, что деньги посылай. Посылаю Вам записку на имя Большакина на получение 300 рублей; получите и, пожалуйста, отделывайте плотину и мельницу окончательно. Еще просьба: посадить березок до 400 в парке (от моста по аллее в четвероугольниках направо и налево) и в Похоронной роще, да липок в саду (к Заовражью) за дорожкой, которая ведет в парк, подобно тому, как насажено в четвероугольниках около дома и кухни. Ежели по аллеям от дома прямо и от дома к риге липы и березки высохли, то подсадите, ради бога. Хочется, чтобы хоть сад был. Не думайте, чтобы я винил Вас в чем-нибудь: знаю, что Вы мой интерес соблюдаете, но вообще мне не следует иметь недвижимости, не умею ничего делать. Выгоднее за ничто продать Витенево. Вы пишете о посещении г-жи Ланиной и еще двух каких-то господ. Но каким же образом не могли Вам дать знать, чтоб, по крайней мере, хоть цель этих посещений была известна. Право, крайне это досадно.

Вы ничего не пишете о земле за витеневским наделом. Неужели так она и останется за мною?

Довольны ли Лихачевы дачей? Этот вопрос очень меня мучит.

Я вижу из отчета, что Анне заплачено за июнь только 1 р. Отчего это?

Есть ли у нас цыплята и индюсята? Ежели есть, то нужно их продавать, оставив на племя только необходимое количество по примеру прежних лет. Неужели Лихачева не покупала у нас ни яиц, ни цыплят? Напишите, пожалуйста, не вымерзли ли кленки и ясени в саду.

О себе скажу: здоровье мое поправляется, но все еще не вполне ладно. Думаю пробыть здесь до 15 сентября нового стиля, а потом недели на две в Париж, а зимовать в Ниццу до мая будущего года. Впрочем, до тех пор еще напишу.

Ежели Вы долго не будете иметь денег, то пеняйте на себя: я вчера Ваше письмо получил и сегодня уж высылаю записку на Большакина. Пожалуйста, почаще пишите и уведомляйте о подробностях: ведь здесь очень все это интересует.

Прошу передать от меня и от жены почтение Марье Ивановне и семейству Вашему. Поклонитесь Елене Осиповне[2], ежели она еще в Витеневе.

Ваш
М. Салтыков.

Уведомьте получение этого письма.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 81—82. Публикуется впервые.

---

[1] Переход крестьян на выкуп в ярославском имении затянулся на четырнадцать лет, хотя по закону он определялся волей помещика, а Салтыков и его брат Сергей Евграфович всячески старались ускорить эту операцию. Крестьяне Заозерья согласились на выкуп лишь в 1876 г.

[2] Е. О. Лихачевой.

421. Н. А. НЕКРАСОВУ

10/22 августа 1875. Баден-Баден

Баден-Баден. 22 августа.

Судя по последнему Вашему письму, многоуважаемый Николай Алексеевич, Вы должны быть уже в Петербурге, куда я и пишу[1]. Я послал в редакцию, почти одну за другой, две статьи и просил Плещеева уведомить меня о получении[2]. Но, как и следовало ожидать, никакого ответа не получил. Кроме того, я обещал еще фельетон для сентябрьской книжки; он у меня почти готов, но все-таки не могу еще сказать наверное, вышлю ли[3]. До 1-го сентября подождите, а затем уж пусть остается до октября. Напишите, пожалуйста, будут ли помещены мои статьи в августовской и сентябрьской книжках. Я думаю, первая у Вас уж почти готова.

Белоголовый здесь с 6-го августа, а Елисеев вчера приехал и остановился в одной гостинице с Белоголовым, т. е. довольно от меня далеко. Впрочем, и сегодня и вчера мы почти все время провели вместе. Они предполагали вместе с Белоголовыми

ехать сегодня в Париж, но с Белоголовыми случился неожиданный и очень курьезный случай. Есть у его жены здесь родственница, княжна Мышецкая, девица лет 60-ти. Она поселилась в Бадене уже 25 лет тому назад, купила себе тут дачу, и была настолько богата, что могла себе, как здесь говорят, позволить итальянца. Этот итальянец, разумеется, что можно было, обобрал и потом бросил. Но девица все-таки состояние имеет. Вчера Белоголовый пришел часов в 10 утра ко мне, чтобы вместе пошляться по Бадену и потом вместе же отобедать в его отели на прощанье. Приходим к нему за полчаса до обеда — как вдруг объявляют, что у него в номере умирает княжна Мышецкая. Эта барыня пришла проститься с племянницей и ее хватил внезапный удар. Вот уже двое суток она лежит у Белоголовых в номере, и каждый час ждут, что она умрет, а она все не умирает, хотя ни одним членом не шевелит. Представьте себе это приятное положение. Телеграфировали родственникам-наследникам, но хорошенько даже не знают, где они, и ответа нет. А в Баден-Бадене уже целые истории рассказывают самого таинственного содержания. Пожалуй, Белоголовому и беспокойно будет, особливо ежели родственники не скоро приедут. На этот переполох и приехал Елисеев в ту самую минуту, как я сидел в саду гостиницы, ожидая, что будет. Елисеевы, по крайней мере, помогают им, но отъезд в Париж замедлен и неизвестно, когда состоится. На бедного Белоголового жаль смотреть: до такой степени это происшествие сконфузило его и расстроило его жену.

Что касается до меня, то я почти здоров совсем. Мы решили с Белоголовым, что я оставлю Баден, добравши ванны, что должны быть 1-го сентября нов. ст. Затем между 1-м и 5-м числом я выеду в Париж, где пробуду по 15 октября, а там уже в Ниццу отправлюсь. Вы писали мне, что хотите в Мариенбад ехать,— вот бы оттуда проехать Вам в Париж[4]. Зимовать в Париже Белоголовый мне не разрешил, но, по нужде, я могу остаться там по 1-е ноября нов. ст.

Как бы то ни было, но мне было бы горько целый год Вас не видеть. Белоголовый хотел, приехавши в Париж, подыскать для меня недорогой отель и написать мне. Теперь не знаю, не оттянется ли это, но думаю, что он все-таки дней через пять туда уедет и через неделю или через 9 дней я узнаю, где мне остановиться. Тогда и Вам напишу, как и что. Елисеев с Белоголовым хотели остаться в Париже до 12-го сентября нов. ст., и мне желалось бы хоть дней пять пробыть там с ними.

Статьи, пожалуйста, печатайте, ежели пригодны. Для октябрьской книжки у меня уж тоже почти готов рассказ[5], и для ноябрьской есть материалы и даже начало[6]. С январской

книжки начну большую вещь «Дни за днями», которая не будет прерываться до мая[7]. Думаю, что будет нечто веселое.

Прощайте, будьте здоровы. Не ленитесь писать, скажите и о Ваших работах. А то 5 строк напишете, и...

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, т. 3, № 32, лл. 63—64. Впервые опубликовано: *Письма,* с. 81—83.

---

[1] Упоминаемое письмо Некрасова неизвестно.

[2] Салтыков послал рассказ «Сон в летнюю ночь» (см. письмо 419, прим. 2 и четвертую главу «Экскурсий в область умеренности и аккуратности», на публикацию которой, после неоднократных переговоров в цензурном ведомстве, удалось получить разрешение лишь в сентябре 1876 г. (см. в наст. изд. т. 12, с. 647—648).

[3] Об этом очерке см. письмо 419, прим. 3.

[4] Предполагаемая поездка Некрасова за границу не состоялась.

[5] Вероятно, очерк «Между делом» (*ОЗ,* 1875, № 9).

[6] «Благонамеренные речи. Гл. XVI. Непочтительный Коронат» (*ОЗ,* 1875, № 11).

[7] О цикле «Культурные люди» см. письмо 414, прим. 2.

422. П. В. АННЕНКОВУ

15/27 августа 1875. Баден-Баден

Баден-Баден. 27 августа.

Где Вы, вседобрейший и вселюбезнейший Павел Васильевич? Вот уж полтора месяца, как Вы исчезли из Бадена, и с тех пор об Вас ни слуху ни духу. Ходил на Вашу квартиру узнавать, но хозяйка ответила, что ничего не знает, и что, вероятно, Вы на прежнюю квартиру не воротитесь. Впрочем, пишу к Вам в Констанц, думая, что Вы уже покинули русские паражи[1]. А я все еще в Бадене, и со времени Вашего отъезда видел только доктора Белоголового, который, против воли, пробыл здесь дней с 10, да еще литератора, а не негоцианта Елисеева, который тоже пробыл дня четыре. Остальное время, т. е. целый месяц, провожу в величайшем уединении. Белоголовый остался здесь так долго по следующему случаю: у него в № умерла княжна Мышецкая. Жена Белоголового дальняя родственница княжны, и <та> пришла к ней проститься, а в это время случился с нею удар. Представьте себе положение бедного Белоголового, который в этот самый день собирался

уехать в Париж. Пролежала эта барыня в бессознательном положении в № Белоголовых 4 дня и наконец во вторник ночью на прошлой неделе умерла там же. Белоголовый был решительно как потерянный, тем более что можно было подозревать, что он, по родству, что-нибудь украдет. Наконец, в пятницу приехал брат княжны из Пскова и развязал Белоголового, который в тот же день и уехал в Париж.

А с Елисеевым другая оказия: его принимают за Елисеева-виноторговца, или, по малой мере, за брата его, и во всяком немецком городе, где он на некоторое время останавливается, являются к нему индивидуумы с предложением выгодных сделок. В Эмсе он долгое время испытывал гнев хозяйки гостиницы, которая, видя в нем виноторговца, с негодованием рассказывала всем и каждому об его скупости и делала ему всякие шиканства [2]. С большим трудом разъяснился этот водевиль с переодеванием.

Я тоже покидаю благовонную дыру, известную под именем Бадена, покидаю 5-го или 6-го числа и еду в Париж по 15-е октября, а оттуда в другую благовонную дыру — Ниццу по 15-е апреля будущего года. Скучно — адски; даже Париж не привлекателен, потому что и там без знакомых не весело. От скуки пишу; думаю, что с лишком листов на 5 послал разного материала в «Отечественные записки» [3].

Хорошо, кабы Вы черкнули мне хоть несколько строк, как и где Вы предполагаете устроиться с осени. Право, хотелось бы общение в мыслях иметь.

Знаете ли, я начинаю думать, что моими писаниями никто не интересуется, и что «Отеч<ественные> записки», несмотря на 8 тыс. подписчиков, *никто* не читает. Т. е. читает какой-то странный читатель, который ни о сочувствии, ни об негодовании заявить не может. Это вопрос очень интересный, кто теперешний русский читатель? Во всяком случае, он читает в одиночку, как древле в одиночку <———>, ни с кем не делясь своими впечатлениями. Это штука почти безнадежная, и на старости лет тяжело ее переживать.

В Париже увижусь с Тургеневым, но, во всяком случае, надоедать ему не буду [4]. Думаю прожить там так же уединенно, как и в Бадене, тем более что вечера для меня еще опасны.

В Баден явился Соллогуб — эксперт по устройству тюрем, вероятно, потому, что его самого нужно посадить в тюрьму [5]. Приехал осматривать здешние тюрьмы и ездил в Бруксал. Встретил меня на променаде — и не познал. Я тоже.

Был здесь еще Тимашев и, прожив два дня, удрал в Париж с Мак-Магоншей беседовать [6].

Пожалуйста, передайте сердечный поклон от меня и от

жены многоуважаемой Глафире Александровне и поцелуйте детей.

Прощайте, будьте здоровы и богом хранимы.

Ваш
М. Салтыков.

На конверте: Grand Duché de Bade. Constance. Poste restante. M-r Paul Annenkoff. *Почтовый штемпель получения:* Constance. 30.8.75.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 52—53. Впервые опубликовано: *Письма,* с. 83—85.

---

[1] От *франц.* parages — места, края.

[2] От *франц.* shicanes — кляузы.

[3] Рассказ «Сон в летнюю ночь» (1875, № 8) и «Между делом» (1875, № 9).

[4] Первая встреча Салтыкова с Тургеневым в Париже произошла 5(17) сентября (см. письмо 429).

[5] В. А. Соллогуб был председателем Комиссии о тюремном преобразовании и одним из светских директоров Московского попечительного о тюрьмах комитета. Говоря о своей литературной деятельности, он счел нужным прибавить: «...в последние годы посвятил себя тюремноведению, в котором и нахожу свое настоящее призвание» (В. А. Соллогуб. Воспоминания. М.—Л., «Academia», 1931, с. 651).

[6] То есть с женою маршала Мак-Магона, тогдашнего президента Французской республики (1873—1878).

423. Н. А. НЕКРАСОВУ

17/29 августа 1875. Баден-Баден

Баден-Баден. 29 августа.

Многоуважаемый Николай Алексеевич. Вместе с сим посылаю на имя редакции фельетон «Между делом» в 3-х пакетах. Ежели найдете нужным, поместите его в сентябрьской книжке[1]. Он близко подходит по сюжету к «Экскурсиям», посланным две недели тому назад[2]. «Отечеств<енные> зап<иски>» за август я <не> получил, а оглавления в «Голосе» нет, хотя получена газета за 15-е число[3]. Я уже писал Вам, что мне разрешено ехать в Париж, и я воспользуюсь этим через неделю, т. е. выеду отсюда 5 или 6-го сентября нов. ст. Поэтому ежели найдете нужным написать мне после 22 августа, то адресуйте

уже в Париж poste restante. Приблизительно, я полагаю, что остановлюсь в Hôtel Byron, rue Lafitte, но наверное еще сказать не могу, так как не получил письма от Белоголового, который обещал мне разузнать об ценах.

Будьте так обязательны, чтобы с 23-го августа мне доставляли «Голос» по адресу: Paris. Poste restante. Что будет стоить эта перемена, пусть поставят мне на счет.

Здесь ждали Боткина, и Белоголовый оставил ему записку, в которой просил приехать осмотреть меня. Но он у меня не был, да я не знаю даже, приехал ли он. Впрочем, я отчасти и рад буду, ежели он не приедет, потому что, пожалуй, и он начнет мудрить, так что никогда из Бадена не выедешь.

Я пробуду в Париже не менее как до 15-го октября нов. ст. и был бы несказанно рад Вас там увидеть. После 15-го отправлюсь в Ниццу.

Никогда я так не скучал, как ныне, и, откровенно говоря, никогда не сознавал жизнь столь ненужною.

Во всяком случае, умирать в Россию уеду.

Здесь — Соллогуб. Встретился со мной на променаде — и не познал меня. Я тоже.

Был здесь и Тимашев два дня; я было хотел сделать ему визит, но покуда раздумывал, он и уехал.

К 1-му октября непременно вышлю рассказ для октябрьской книжки [4].

Прощайте, будьте здоровы.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 65—66.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 86—87.

---

[1] Очерк «Между делом» был напечатан в сентябрьском номере журнала.

[2] О четвертой главе «Экскурсий в область умеренности и аккуратности» см. письмо 421, прим. 2.

[3] Восьмой номер *Отеч. записок* вышел в свет 20 августа 1875 г.

[4] Об очерке «Семейный суд» см. письмо 419, прим. 3.

424. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

18/30 августа 1875. Баден-Баден

Б. Бад. 30 августа.

Очень Вам обязан, многоуважаемый Николай Андреевич, за скорое уведомление. Это очень приятно, что в самом Мекленбурге [1] нашлось помещение и что, следовательно, много

хлопотать не нужно. Жаль, что из Вашего письма[2] не видно, найдется ли в Мекленбурге соответствующее питание для детей, ибо ежели мы и можем обедать вне дома, то детям положительно это невозможно. Впрочем, вероятно, в отеле найдется все, что следует: на то он и отель. Мы выедем в воскресенье в 3 часа непременно, ежели не случится что-нибудь чрезвычайное; в противном случае я Вам телеграфирую, чтоб не поставить Вас в фальшивое положение относительно Вашего хозяина. Боткин был здесь в субботу и останавливался в Голландской гостинице, но у меня не был. Я узнал только сегодня об его приезде из Badeblatt[3] и ходил в гостиницу, где мне сказали, что он пробыл всего два часа и уехал в Париж. Очень понятно, что ему было не до меня. Вероятно, Вы в Париже его увидите. Елисеев мне писал из Нанси[4]. Скажите ему, пожалуйста, что это совершенно бесполезно припоминать о какой-то марке для хаускнехта[5], тем более что и хаускнехт, конечно, об этой марке забыл. А я и не знаю даже, какому хаускнехту эту марку давать. Когда я выеду из Бадена, то уж наверное не буду мучиться, что я такому-то хаускнехту дал мало, а такой-то бадефрау[6] и совсем позабыл дать на водку. Черт с ними, благо они из глаз пропали.

Пожалуйста, передайте от меня и от жены поклон уважаемой Софье Петровне и Елисеевым. Я уже всюду написал, чтоб мне письма и газеты адресовали в Париж poste restante.

Прощайте, жму Вашу руку и крепко благодарю Вас. До скорого свидания в Париже.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 1.

Впервые опубликовано: «Голос минувшего», 1913, № 1, с. 175; повторная публикация: В. Розенберг. Журналисты безвременья. М., 1917, с. 38—39.

---

[1] Hôtel Meklembourg — в Париже на улице Lafitte, 38.

[2] Это письмо Белоголового к Салтыкову неизвестно.

[3] «Курортного листка».

[4] Это письмо Елисеева к Салтыкову неизвестно.

[5] Хаускнехт (*нем.*— hausknecht) — коридорный в гостинице.

[6] Бадефрау (*нем.* — badefrau) — горничные, обслуживающие ванные в гостинице.

425. А. Ф. КАБЛУКОВУ

18/30 августа 1875. Баден-Баден

Баден-Баден. 30 августа.

На письмо Ваше, многоуважаемый Алексей Федорович, спешу Вам ответить, что я очень рад, что наконец дело с плотиной устроилось и что Лихачевы, по-видимому, остались довольны дачей. Кланяйтесь Елене Осиповне, ежели она еще в Витеневе. Красное вино стоит: ежели Медок — 60 к. бутылка, ежели St. Julien — 75 к., ежели Лафит — 1 р. 10 к. Мы через 6 дней переезжаем отсюда в Париж, где и пробудем недель с 6. Пишите мне, адресуя: France. Paris. Poste restante. Да извините, что надоедаю Вам: нельзя ли все-таки продать землю за витеневским наделом, а буде возможно, и за юрьевским: я думаю, что юрьевские крестьяне гоняют скот по лесной поросли. Пожалуйста, похлопочите: это будет великое для меня удовольствие. Более писать нечего; передайте наше почтение Марье Ивановне и Вашей супруге. Скучно здесь ужасно, да не веселее, полагаю, будет и в Париже[1]. Больному человеку нельзя пользоваться удовольствиями.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, л. 83. Публикуется впервые.

---

[1] Салтыковы выехали из Баден-Бадена 24 августа/5 сентября и прибыли в Париж на другой день.

426. Н. А. НЕКРАСОВУ

19/31 августа 1875. Баден-Баден

31 августа.

Два дня тому назад я писал к Вам, уважаемый Николай Алексеевич[1], а теперь спешу уведомить, что в понедельник 6-го сентября н. с. я буду в Париже и остановлюсь в Hôtel Meklembourg, rue Lafitte, 38. Ежели можно, прикажите, чтобы «Голос» высылали мне по этому адресу.

В газетах от 16-го августа, сегодня полученных, есть объявление о выходе 8-го № «Дела», а об «Отеч<ественных> зап<исках>» — ничего[2]. Ужасно меня беспокоит, не случилось

ли чего-нибудь, тем больше что июльская книжка вышла 14-го числа. В Петербурге всякий раз сердце не на месте, как выпускается книга, а за границей — и подавно.

До свидания, ибо надеюсь видеться с вами в Париже.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, л. 67.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 87—88.

---

[1] Письмо 423.

[2] Восьмой номер *Отеч. записок* вышел в свет 20 августа 1875 г.

427. Н. А. НЕКРАСОВУ

23 августа/4 сентября 1875. Баден-Баден

Баден. 4 сентября.

Сейчас получил Ваше письмо, которое рассеяло мои опасения насчет 8 №, многоуважаемый Николай Алексеевич[1]. Самой книжки я, однако, еще не получил: может быть, завтра получится, а то так придется в Париж пересылать. Адрес парижский я посылал Вам: rue Lafitte, 38, Hôtel Meklembourg. Пожалуйста, не забудьте приказать высылать туда «Голос» и 9-й № «Отеч<ественных> зап<исок>». Вероятно, это отель довольно мизерабельный, но моя участь уж такова. Анненков поместил меня в Бадене, в второстепенном отеле, а теперь помещает Белоголовый. И так как я ленив на подъем, то, вероятно, там и останусь. Боюсь я шума и ненавижу аристократической напыщенности, которые преследуют в великолепных отелях.

Очень меня огорчило, что Вы сомневаетесь относительно помещения «Экскурсий». Мне статья эта казалась более безопасною, нежели «Сон в лет<нюю> ночь»[2]. «Экскурсии» могут быть истолкованы в двух смыслах, и это ограждает их. Но, по моему мнению, необходимо, чтобы читатель хоть смутно понял, в чем суть. Я более, нежели когда-нибудь, жалею, что я не в Петербурге. По существу моих писаний, мне необходимо держать корректуру их. Но теперь — ничего не поделаешь. Я думаю, что Фукс уже в Петербурге; свезите ему эту статью и *от меня* попросите прочесть и сказать свое мнение. Вот статью «Между делом» можно действительно отложить на октябрьскую книжку, потому что она на ту же тему написана[3]. Вероятно, Вы и ее уже получили. Я ее писал нарочно для сен-

тябрьской книжки, чтобы вместе с «Экскурсиями» поместить, но делать нечего, надо покориться. Пожалуйста, постарайтесь спасти «Экскурсии», ибо для меня тут расчет. Хочется наколотить побольше денег, чтобы жить было чем. А ежели занимать, то окончательно дела свои испортишь, а они и без того уж пошатнулись с моею болезнью. Хотелось бы, покуда жив, что-нибудь детям сколотить.

Еще больше огорчило меня известие, что Вы чувствуете себя неладно. Летом Вы обыкновенно поправлялись. Не хандрите и смотрите на вещи мира сего легче. Я сам не могу достичь того равнодушия, какое необходимо, и это убивает меня. Мне каждую минуту кажется, что я умру, а иногда даже и хочется умереть, ан смотришь и вывезло.

Белоголовый приедет в Петербург к 5 сентября ст. стиля; посоветуйтесь с ним: он хороший врач. Вместе с ним, вероятно, приедет и Елисеев. Белоголовый переменил квартиру и живет теперь подле Унковского, на Надеждинской № 20 или 18 (бывшая Трофимова).

До свидания; жму Вашу руку. Мой поклон Зинаиде Николаевне.

Ваш

М. Салтыков.

В Париж еду завтра.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 69—70. Впервые опубликовано: *Письма,* с. 88—89.

---

[1] Упоминаемое письмо Некрасова неизвестно.

[2] Опасения Салтыкова, что печатаемый в восьмом номере *Отеч. записок* рассказ «Сон в летнюю ночь» вызовет возражения цензуры, не оправдались. О судьбе четвертой главы «Экскурсий в область умеренности и аккуратности», посвященной теме «литературного молчалинства», то есть приспособленчества, см. письмо 421, прим. 2.

[3] Об этом очерке см. письмо 423, прим. 1.

428. Н. А. НЕКРАСОВУ

28 августа/9 сентября 1875. Париж

Париж. 9 сентября.

Вот уж четвертый день, как я в Париже, многоуважаемый Николай Алексеевич, видел еще очень мало, но то, что видел,— просто прелестно. Я, впрочем, и не спешу осматривать, пото-

му что боюсь утомиться, а времени впереди еще много. Но видел уже Елисейские поля, был на морской выставке, где, впрочем, морское дело совсем в стороне, а выставлены предметы, *перевозимые морем,* от бронз до шеколада. Был один раз в театре Vaudeville[1] и вышел в восхищении от актеров. Квартира у меня очень хорошая, в двух шагах от Итальянского бульвара, 4 комнаты и плачу 15 фр<анков> в сутки, дешевле и стократ лучше баденской. Помаленьку весь Париж исследую в течение 1½ месяцев. Обедал до сих пор с Елисеевыми и Белоголовыми в Dîners de Paris[2], где за 5 франков подают удивительнейший обед. Только признаюсь, желудку плохо, а жена моя даже просто не выносит этой кухни. Собираемся сегодня к Меру (Елисеев зовет), а завтра к Вефуру; в субботу едем в Версаль. Впрочем, это бродяжничанье по кафе я позволяю себе только до тех пор, покуда Елисеевы здесь (Гр<игорий> Зах<арович> обнаруживает необыкновенный гастрономический инстинкт), а потом буду обедать дома, где мне за 20 фр<анков> в сутки обязались готовить обед для всего семейства, обед домашнего свойства по моему заказу. Отель наш очень маленький, но чистый и прекрасный. К сожалению, все номера в нем заняты, а то я бы и Вам его рекомендовал[3]. Я один в целом этаже, никого не беспокою, и меня никто не тревожит. Елисеевы с Белоголовыми занимают антресоль — там хуже и теснее. Одно скверно — это уличный шум, к которому, после баденского затишья, никак не могу привыкнуть.

«Отеч<ественные> записки» получил, но не видал их, ибо Белоголовый взял их с почты и так мне и не давал. Курочкину поручение Ваше передал: он обещал исполнить и Вам ответить[4]. Он в большом горе по случаю смерти брата[5], и, сверх того, здоровье его, по-видимому, все больше и больше расстраивается. Живет он в пакостнейшем отеле Веретенникова, но, впрочем, ищет квартиру. А Успенский удрал в Россию, жену же оставил в Париже. Тургенева еще не видел. Елисеев собирается уехать в Россию во вторник на будущей неделе, а в субботу, вероятно, будет и в Петерб<урге>. Видел здесь Ратынского, который вчера уехал в Петерб<ург>. Он был крайне любезен, как и всегда, впрочем. Я полагаю: не лучше ли будет ему давать прочитывать мои рассказы, а не Каменскому. Признаюсь, мне в голову не пришло ему сказать об этом, но полезно было бы. Я его видел два раза в Diners de Paris. Я с нетерпением жду корректуры «Экскурсий», но, признаюсь Вам, очень мне будет жаль сокращать этот рассказ[6]. Он мне нравится. Во всяком случае, в каком бы виде он ни появился, я попрошу Вас сохранить для меня первоначальную корректуру. К 15-му сентября ст. ст. я пришлю Вам рассказ

для октябрьской книжки; он уже почти готов, надо переписать и немного кончить. Затем пришлю по рассказу для ноябрьской и декабрьской книжек и, вероятно, статейку или две «Между делом»[7]. С нового года начну целый ряд, вроде «Пиквикского клуба». Начало уже у меня навертелось: будете довольны.

Сейчас получил письмо от Унковского, который пишет, что приехал в Петербург и Вас там не застал[8]. Но что меня всего более обрадовало — это то, что «Сон в летнюю ночь» понравился ему и даже, как он пишет, произвел потрясающее впечатление. Признаюсь, я не избалован такими отзывами, хотя, сочиняя «Сон в летнюю ночь», я втайне рассчитывал на впечатление этого рода. Я вообще задумал несколько параллелей в этом роде и к декабрьской книжке пришлю одну из них[9].

Прощайте, дети мешают писать. Весь Ваш

М. Салтыков.

Напишите, приедете ли в Париж?

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 71—72.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 89—91.

---

[1] «Водевиль».

[2] Один из популярных ресторанов Парижа наряду с ресторанами Мера и Вефура.

[3] Поездка Некрасова за границу не состоялась.

[4] О каком поручении Н. С. Курочкину идет речь, установить не удалось.

[5] В. С. Курочкин умер 15 августа 1876 г.

[6] Об «Экскурсиях» см. письмо 421, прим. 2.

[7] В № 11 Салтыков напечатал рассказ «Благонамеренные речи. XVI. Непочтительный Коронат», а в № 12 — рассказ «Благонамеренные речи. XVII. По-родственному», позднее включенный автором в роман «Господа Головлевы». Что же касается очерков из цикла «Между делом», то под этим заглавием они вновь появились на страницах *Отеч. записок* с февраля 1884 г.

[8] Упоминаемое письмо Унковского неизвестно.

[9] Замысел создать цикл «параллелей» между «Культурными людьми» и мужиком не был осуществлен.

429. Н. А. НЕКРАСОВУ

4/16 сентября 1875. Париж

Париж. 16 августа <!>

По письму Вашему, многоуважаемый Николай Алексеевич, ждал от Вас корректур, но ничего не получил[1]. Вероятно, Вы сами приняли какое-нибудь решение, потому что теперь пересылаться корректурами уже поздно, ежели статья имеет быть

напечатана в сентябрьской книжке[2]. Вообще, поступайте, как найдете удобным, ибо я живу вдали от Петербурга и обязан подчиниться всем последствиям своего положения. Хотелось бы только, чтоб статьи мои, с изменениями или без оных, но были печатаемы и чтобы были сохранены первоначальные корректуры. В последующих присылках, даю Вам слово, никаких затруднений Вы не найдете. Не знаю, что думаете Вы насчет 3-ей статьи, которую я Вам еще из Бадена послал.

Я прочитал свою статью «Сон в летнюю ночь» в печати и нашел в ней некоторую недоделанность и разорванность[3]. Что делать, видно, мне уж больше не писать, как прежде писалось. Да и условия писания трудные. Помещение маленькое, дети, постоянный шум — все это поневоле дает в результате разорванность. Верите ли, что я здесь в Париже десять дней живу, а ни строки не написал: постоянный уличный шум просто оглушает меня. В десять дней я почти ничего не успел видеть, а за всем тем свободного времени — ни минуты. Таково свойство этого города. Одни газеты сколько берут времени. Между прочим прочитал «критики» Буренина[4] и Скабичевского[5] по поводу моего «Сна». Буренин — подлец. Скабичевский — глупец. И знаете, подлец мне все-таки показался лучше глупца. И он хотел еще писать обо мне большую статью в «Отечественные записки» — воображаю, чего бы он мне в шапку наклал! Он очень серьезно думает, что я против страсти к юбилеям протестую — каков дурачина![6] Вторая половина статьи так и осталась для него загадкой. Вот Буренин тоже начинает с того же предположения, но он делает это, как подлец, и потом все-таки признает, что главная суть статьи,— вторая половина ее. Точно так же Буренин, яко подлец, и Вашим стихам придает ту же нелепую цель. Но — говорю это и о себе и о Вас — бог не выдаст, свинья не съест. Зачем вы не подписались под стихами? Стихи отличные, только выпущенного жалко.

Вот статья Кроткова — <———>, хотя Скабичевский и восторгается ею[7]. Прочих статей покуда еще не читал.

Елисеев уехал 15-го числа, т. е. вчера, вместе с Белоголовым, и в понедельник, вероятно, Вы уже увидите его[8]. Он — человек прелестный и с хорошим аппетитом.

Сегодня прочитал в «Голосе» оглавление «Вестника Европы». Хоть Хвощинская и не бог знает что, а все-таки лучше было бы, кабы она у нас печаталась, а не <у> Стасюлевича[9]. Неужто она так и молчит с весны?

Тургенев живет в Буживале; я известил его вчера о моем приезде, а сегодня получил от него письмо, что завтра он будет у меня[10]. Что-то скажет он?

Сегодня виделся с Шассеном. По первому взгляду судя, малый — вздор. Вероятно, впрочем, и еще буду видеться.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Напишите, пожалуйста, точно ли Вы раздумали послать мне корректуры и не пропали ли они.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 33, лл. 19—20.

Впервые опубликовано: «Новый мир», 1929, № 5, с. 179—180, с примечанием: «Салтыков сделал описку, поставив дату 16 августа». Это заключение подтверждается итинерарием Салтыкова: 16 августа он находился в Баден-Бадене, а не в Париже, куда приехал в сентябре и откуда впервые писал Некрасову 9 сентября 1875 г.

---

[1] Письмо Некрасова неизвестно.

[2] Очерк «Между делом» (1875, № 9).

[3] О рассказе «Сон в летнюю ночь» см. письмо 419, прим. 2.

[4] Статья Буренина неизвестна. Возможно, Салтыков приписал ему отзыв в «Литературной летописи» («С.-Петербургские ведомости», 1875, № 229, 29 августа) за подписью «В. М.», принадлежащий В. В. Маркову. Положительно оценивая первую часть рассказа, автор резко отрицательно отзывался о второй: «Особенно странное и смутное впечатление производит пространная речь, сказанная на мужицком обеде учителем. Она как-то вовсе не вяжется с общим тоном сатирического рассказа, тоном, который и еще кое-где не выдержан автором». См. также в наст. изд. т. 12, с. 703—704.

[5] В статье «Мысли по поводу текущей литературы», опубликованной за подписью «Заурядный читатель», подробно останавливаясь на этом рассказе, Скабичевский заявлял: «Сон в летнюю ночь» представляет осмеяние той необузданной страсти к юбилеям, которая обуяла наше общество в последние годы и в особенности московское общество» («Биржевые ведомости», 1875, № 237, 29 августа).

[6] Отмечая, что в этом же номере журнала напечатано «нечто вроде сатирической поэмы «Современники», также направленной против известного разряда юбилеев и торжеств», В. В. Марков утверждал, что «проза г. Щедрина, громящая юбилеи, значительно превосходит достоинствами поэзию г. ***, посвященную тому же предмету». Опубликованная в *ОЗ,* 1875, № 8 часть первая «Современников» имела подзаголовок «Юбиляры и триумфаторы».

[7] В. С. Кротков. Новые порядки (Из записок провинциального адвоката), гл. I—V (*ОЗ,* 1875, № 8).

[8] В письме к Некрасову от 18/30 августа Елисеев поделился своими впечатлениями от заграничной жизни Салтыкова.

[9] В «Вестнике Европы» (1875, № 9, с. 5—64) за подписью «В. Крестовский. Псевдоним» Н. Д. Хвощинская напечатала «Альбом. Группы и портреты». Предложение о сотрудничестве было сделано ей еще в начале 1874 г. (см. ее письмо к Салтыкову от 30 апреля 1874 г.— *ЛН,* т. 51—52, с. 289) и повторено Некрасовым, очевидно, вскоре после этого письма Салтыкова (письмо Некрасова неизвестно; ответное письмо Хвощинской к Некрасову см.: *ЛН,* т. 51—52, с. 289—290).

[10] Записка Салтыкова и ответ на нее Тургенева неизвестны.

430. И. С. ТУРГЕНЕВУ

11/23 сентября 1875. Париж

23 сентября.

Пожалуйста, не думайте, уважаемый и дорогой Иван Сергеевич, что неприезд мой сегодня к Вам — не более как отговорка[1]. Еще вчера, ложась спать, я думал, что увижу Вас сегодня, но, проснувшись утром, убедился, что погода опять грозит целым днем дождя, и убоялся. Недавно перенесенные страдания слишком велики, и воспоминание об них чересчур еще живо, чтобы рисковать новым припадком или возможностью его. Прошу Вас извинить и оправдать меня <перед> гр<афом> Соллогубом, а также выразить мое искреннейшее сожаление m-me Viardot, что я не имел чести быть ей представленным. Я пробуду еще около 4-х недель и надеюсь еще быть у Вас.

Искренно Вам преданный
М. Салтыков.

Я послал Вам телеграмму особо[2].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 60, л. 1.
Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, с. 300.

---

[1] На этот день, четверг 11/23 сентября 1875 г., И. С. Тургенев пригласил в свой новый дом в Буживале Салтыкова, Н. В. Ханыкова и гр. В. А. Соллогуба. Последний должен был прочесть «новое произведение своей музы» (*Тургенев. Письма,* т. XI, с. 127). Из-за болезни Салтыкова встреча была перенесена и состоялась через две с половиной недели. См. письма 434, 435 и 438.

[2] Телеграмма неизвестна.

431. П. В. АННЕНКОВУ

12/24 сентября 1875. Париж

Париж. 24 сентября.

Здесь я узнал, что если Вы не возвратились уже, то скоро возвратитесь в Баден-Баден, многоуважаемый Павел Васильевич. С тех пор, как Вы исчезли из Бадена — об Вас ни слуху ни духу. Зная, что Глафира Александровна уехала в Констанц, я писал к Вам туда, но из слов Тургенева вижу, что Вы собственно там даже не были, а семейство Ваше скоро оттуда уехало в Цюрих. Стало быть, и письмо мое пропало [1]. Начинаю мое настоящее письмо теплейшею благодарностью за то участие, которое Вы выразили мне, умиравшему. Вы поддержали меня, Вы устроили и обставили меня. Серьезно говоря, я чувствую себя обязанным Вам бессрочно. Из всех четырех с половиной месяцев баденской жизни у меня только и осталось светлое воспоминание об Вас да о нескольких днях, проведенных с некоторыми друзьями, которые посетили меня из России [2]. Все прочие впечатления, оставленные во мне этою благовонной дырой, далеко не приятны. Такого совершеннейшего сборища всесветных хлыщей я до сих пор еще не видал и вынес из Бадена еще более глубокую ненависть к так называемому русскому культурному слою, чем та, которую питал, живя в России. В России я знаком был только с обрывками этого слоя, обрывками, живущими уединенною жизнью и не показывающимися на улице. В Бадене я увидел целый букет людей, довольных своею праздностью, глупостью и чванством.

Скоро уж три недели, как я в Париже, и, признаюсь откровенно, очень мало еще видел. И в то же время целый почти день вне дома и ничего буквально не работаю. Располагал пробыть здесь еще недели четыре, но если так будет продолжаться, то уеду: сначала в Лион, потом в Марсель и наконец зимовать в Ниццу. Новая благовонная дыра, в которой предстоит еще более великолепный букет всесветных хлыщей и в которой, всеконечно, никто уже не посетит меня, как в Бадене. Вероятно, там примусь за работу, хотя убеждаюсь, что болезнь оставила жестокий след на мне: убила страсть к работе. А не работать нельзя. Насилую свою мысль и пишу. Хотелось бы, чтоб Вы прочитали в августовской книжке «Сон в летнюю ночь». На Ваш критический смысл я вполне полагаюсь. Тургенев до крови обидел меня, сказавши, что этот рассказ забавный: едва ли он дочитал его [3]. Из Петербурга тоже пишут: прекрасная мысль — представить в смешном виде юбилеи. Право, у меня не было намерения ни забавным быть,

ни юбилеи изобличать. А если мои вещи иногда страдают раздвоенностью, то причина этого очень ясная: я Езоп и воспитанник цензурного ведомства. Я объявляю это всенародно в статье «Между делом», которая явится в сентябрьской книжке. Жаль, если книжки эти не дойдут до Вас. Я, впрочем, напишу к Некрасову, чтоб он с августа месяца выслал Вам журнал. Нельзя ли Маркса подбить также выписывать — ведь выписывает же он «Вестник Европы»?! [4]

Тургенева я нашел в вожделенном здравии, но помышляющим о бегстве в какое-нибудь забытое место, где можно бы уединиться. Но, вероятно, это только один разговор, ибо, в сущности, богопочитание вовсе не противно ему. Человек этот одарен всеми дарами природы, кроме одного: нет у него брезгливости. От этого всякое ничтожество находит к нему доступ и, по-видимому, даже может занимать и тешить. Был я у него в Буживале — живет, как принц крови. Впрочем, отчего же и не жить хорошо, коли средства есть; но все это невольно ставит вопрос: неужели же он никогда не воротится в Россию?

Встретил я здесь еще Стасюлевича с женой [5] и графа Соллогуба. Стасюлевич имеет вид старого переплета, из которого выдрали заключавшуюся в нем книгу. Прежде мне казалось, что он сын Чичикова и Коробочки — теперь я вижу, что ошибался. Что он происходит от Коробочки — это несомненно, но не Чичиков был его отцом, а А. Д. Галахов. И жена у него препротивная: все об «Вестнике Европы» калякает. Вот какое жалкое положение русской литературы: корректоры завладели ею.

Соллогуб забавен. Он был пять недель в Бадене, встречал меня, смотрел мне в глаза (не поклонится ли?) и не познал. Здесь, встретив меня в café de l'Opera, куда Тургенев взял меня завтракать, и узнав, что я был в Бадене, первое что сказал: если б я знал, непременно приехал бы к Вам. Лгунишко.

Корш проявил признак своего существования, написав брошюрку в 39 стр. «La Russie actuelle». Бездарнее, площе я ничего не читал. В «Петербургских вед<омостях>» были хоть недомолвки, которые сообщали какой-то характер статье. Здесь — нагота и бедность мысли безграничные [6]. Какое, однако, слово Тургенев выдумал «нигилисты» — всякая собака им пользуется. Во Франции есть, впрочем, другое словечко: коммунар, тоже не без значения.

До свидания. Желаю, очень желаю, чтобы Вы отозвались. Пробуду здесь еще недели четыре, т. е. до 15 октября н. ст. Мой адрес: rue Lafitte, 38, Hôtel Meklemburg. Прошу Вас передать от меня и от жены <поклон> уважаемой Глафире Александровне и поцеловать детей. Передайте также поклон

Хейлигенталю, которого уход мне очень памятен. Скажите, что здоровье мое ни хуже, ни лучше, но чуть дурная погода, как в последние два дня, например, и я чувствую.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

На конверте: Allemagne. Baden-Baden. Poste restante. M-r Paul Annenkoff.

Почтовый штемпель: Paris. 25 sept. 75 *и* Ausg. 26.9.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 55—56.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 92—95.

---

[1] Предположение не соответствовало действительности. См. письмо 422.

[2] Имеются в виду Унковский, Белоголовый, Лихачев, Елисеев, барон Розен.

[3] Начало рассказа «Сон в летнюю ночь» ввело в заблуждение Тургенева и Плещеева (см. письмо 435), которые не увидели в нем ничего более, как осмеяние юбилеев.

[4] Д.-Р. Маркс — баденская книжная, художественная и торговая фирма.

[5] Своими впечатлениями от встреч с Салтыковым Стасюлевич поделился с Пыпиным в письме от 11/23 сентября: «Я забыл Вам сказать в последний раз, что я был у Салтыкова и он заходил потом ко мне. На мой взгляд, он очень поправился здоровьем, хотя и по-прежнему все ворчит и всем недоволен. Пока я вчера ездил к Тургеневу, он опять заходил ко мне с Лихачевым, и жена уверяет, что он даже на этот раз и не ворчал; был весел. На днях он едет в Ниццу» (*ГПБ,* ф. 521, № 826, л. 48).

[6] Об отношении к себе Салтыкова Корш был хорошо осведомлен. 2 мая 1875 г. он писал Анненкову: «Если Салтыков уже в Бадене, то шлю и ему поклон, хотя и знаю, что он при этом может выругаться. Таков уж его naturel. Он считает меня за какого-то ретрограда и врага «Отечественных записок» (*ИРЛИ,* ф. 7, № 56, лл. 31—32). Во время своего пребывания за границей Корш издал анонимно написанную им брошюру «La Russie actuelle. Le gouvernement. La jeunesse. L'aristokratie. Paris, 1875» («Современная Россия. Правительство. Молодежь. Аристократия». Париж, 1875). Кроме того, он предпринял ряд шагов для издания газеты. Об этом он сообщал в письмах к Анненкову (*ИРЛИ,* ф. 7, № 56, лл. 34—35, 40—44, 56). «Мое издание,— писал он 2 мая 1875 г.,— было бы в известной степени революционным, но разница между ним и лондонским «Вперед!» заключалась бы в том, что я стал бы на точку зрения земскую и конституционную, тогда как «Вперед!» ратует против культуры и всего человечества». «Это будет»,— прибавлял он в письме от 2 мая 1875 г.,— «русский конституционный орган за границей,— орган, не отвергающий практически ни

национальности, ни собственности, ни даже династии». И наконец, в письме от 12/24 октября 1875 г. Корш замечает, что его «удивляет страх наших либералов перед радикалами, издающими в Лондоне пошлейший орган». И хотя «русская молодежь склонна идти за этим органом», но он имел основание думать, что «есть возможность разделить ее на два лагеря при помощи другого заграничного органа». В доказательство этого Корш просит Анненкова прочесть выпущенную им брошюру, «потому что из нее Вы увидите, в каком духе я думал издавать русскую газету за границей».

432. Н. А. НЕКРАСОВУ

27 сентября/8 октября 1875. Париж

Париж. 8 октября.

Вчера послал я, многоуважаемый Николай Алексеевич, рассказ «Семейный суд» в редакцию[1]. Поместите его, когда найдете удобным. Мне несколько уж прискучили «Благонамеренные речи», но в этом году я непременно их кончу[2]. Останется еще один рассказ — и больше не будет. С будущего года пойдет посвежее, и, вероятно, я сам ходчее буду писать. На слишком продолжительное время одной и той же работой задаваться больше не стану, а думаю, листов на 15, не больше.

Париж такой прелестный город, что жаль с ним расстаться, а потому я отложил свой отъезд до 22 (10) числа. После этого, по дороге в Ниццу остановлюсь на несколько дней в Лионе и Марсели и к 2 или 3-му ноября буду в Ницце. Там посмотрю, как расположиться. Елисеев прислал мне целое наставление от Ковалевского, как иметь в Ницце пространное жительство. Но наставление это, во-первых, дорого и, во-вторых, связало бы меня с Ниццей контрактом на известный срок. Вероятно, эта благоуханная дыра еще хуже, нежели Баден, а потому, быть может, в половине февраля я удеру в Рим. В Ницце же предполагаю устроиться в пансионе.

«Отеч<ественные> зап<иски>» сентябрьскую книжку получил, но ничего еще не успел прочитать, потому что Лихачев унес ее. Судя по оглавлению, книжка недурная. Я не думаю, чтобы в будущем году подписка упала, потому что ведь все-таки лучше журнала нет. Одно нехорошо — поздно выходит, даже «Дело» опередило. Любопытно бы взглянуть на «Дело»; здесь я совсем этого журнала не вижу; но из оглавлений усматриваю, что он стремится к разнообразию. Даже фельетон в нем завелся, должно быть, Буренин строчит[3].

Как ни хорошо за границей, а все-таки чувствуешь себя не на месте. Это и по писаниям моим, я думаю, Вы замечаете. Не

клеится, не пишется, не хочется. Как прежде в школе я отмечал дни, остающиеся до праздников, так теперь считаю дни, остающиеся до возвращения в Россию. Скоро будет 6 месяцев, как я оттуда.

До свидания, будьте здоровы. Надеюсь увидеть Вас в Ницце, как Вы обещали. Где-то Александр Николаевич Ераков?

Весь Ваш
М. Салтыков.

Погода здесь удивительнейшая.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 73—74. Впервые опубликовано: *Письма,* с. 96—97.

---

[1] Об этом рассказе см. письмо 419, прим. 3.

[2] В письмах к Некрасову из-за границы Салтыков несколько раз говорил о своем намерении закончить «Благонамеренные речи». Однако последний очерк — «Привет» — опубликован после возвращения писателя в Петербург (*ОЗ,* 1876, № 6).

[3] «Розы прогресса. Современный роман-фельетон с консерваторами, либералами <...> торжеством добродетели, посрамлением порока и проч., и проч., и проч.» («Дело», 1875, № 9). Автором этого фельетона, напечатанного за подписью «666», был П. Д. Боборыкин.

433. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

2/14 октября 1875. Париж

Париж. 14 октября.

Я уезжаю из Парижа 20-го числа, многоуважаемый Григорий Захарович, и пробуду в Марсели до 1-го ноября. Поэтому не будете ли так добры распорядиться, чтоб «Голос» мне высылали с получением сего в Marseille, poste restante, а начиная с 15-го числа ст. стиля в Nice, poste restante. Да еще: я до сих пор получаю «Новое время», высылаемое на Ваше имя: нельзя ли прекратить эту высылку. Сверх того: нельзя ли написать в Москву к Соловьеву, чтоб «Московские ведомости» мне совсем не высылать, а посылать кому-нибудь из сотрудников. Я обо всем этом пишу и Некрасову, но боюсь, что он забудет.

Не знаю, что мне в Ницце делать? Елизе́ Реклю́ положительно говорит, что для болезней сердца это город вредный, а с марта и вообще для жизни негодный [1]. Куда я после марта

денусь? Даже те лица, которые удовлетворяются Баденом, то есть не находят в нем ничего бордельного,— и те говорят об Ницце с негодованием, как о бордели высшей школы.

В Париже уж делается холодно. Лихачев все еще здесь, но около 20-го и он уедет. Жена его живет около Монтрё.

Пожалуйста, поклонитесь от меня и от жены многоуважаемой Катерине Павловне и Белоголовым.

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 21.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 308.

---

[1] Сведения из купленного Салтыковым (см. письмо 438, прим. 4) путеводителя по Ницце Э. Реклю.

434. Н. А. НЕКРАСОВУ

2/14 октября 1875. Париж

Париж. 14 октября.

Вероятно, Вам не понравилась, многоуважаемый Николай Алексеевич, статья моя «Семейный суд»[1]. Я и сам вижу, что выходит и кропотливо и разорванно, да что же делать? — вообще, мне за границей не пишется или пишется туго. Попробую с нового года новый сюжет; может быть, бодрее пойдет[2].

Я уезжаю из Парижа 20-го числа, т. е. 8-го ст. ст. Пожил бы и еще, но уж холодно делается. Поеду сначала в Лион на один день (боюсь большие переезды делать), потом в Марсель, где пробуду с неделю. Т. е. оставлю там семейство, а сам отправлюсь в Ниццу отыскивать место жительства. Во всяком случае, если Вы до 10 октября удосужитесь писать мне, то адресуйте: France, Marseille, poste restante. После 10-го адресуйте: Nice, poste restante. Извините, что я затрудняю Вас моими просьбами, но прошу все-таки распорядиться, чтобы с получением сего «Голос» мне высылали по след<ующему> адресу: France, Marseille, poste restante, а с 15-го ст. ст. по след<ующему>: Nice, poste restante. Еще просьба: нельзя ли написать Соловьеву, чтобы «Московские ведомости» совсем мне не высылали, а высылали кому-нибудь из сотрудников «Отеч<ественных> зап<исок>». «Отечественные записки» прикажите присылать в Ниццу.

Я чувствую себя довольно хорошо, но раздражительность все еще велика. На днях у Тургенева читал Соллогуб комедию свою, в коей изображается нигилист ворующий,— со мной сделалось что-то вроде истерики. Не помню, что я говорил, но Соллогуб так перепугался, что просил прощения и предлагал сжечь свое дурацкое произведение[3]. Мне досадно это, потому что эта скотина может думать, что он очень уж поразил меня. А дело просто объясняется болезнью. Так обидно сделалось, что меня приглашают на такое чтение, а Соллогуб имянно просил Тургенева меня пригласить и, вероятно, не подозревал даже, что мне будет неприятно. Это совершенный идиот, и я даже выразил ему, что в его лета заниматься подобными пакостями стыдно. Ведь он по разным великосветским борделям читает — вот что худо.

Прощайте. Увидимся ли?

Напишите, пожалуйста, в Марсель, как Вам живется.

Весь Ваш

М. Салтыков.

У Михайловского гр<аф> Толстой представлен борющимся с прирожденным навозом и идеями, до которых он своим умом дошел. Что он борется — это действительно так, и даже бичует себя. Но что он после бичеваний вновь возвращается к навозу и *никогда* его не оставит — это еще вернее[4]. Вообще, эта трагикомедия сороковых годов, состоящая из борений и возвращений, ужасно опостылела. Лучше, как все по местам сидят. Толстой всеми легкими дышит у Блудовой, уедет от нее, говорит: какую я подлость сделал! — а на другой день опять туда же едет. А Михайловский в образец это ставит: вот, мол, каков у нас карась в пруде завелся, не все в тине лежит, иногда и на чистую воду выходит погулять. По-моему, и Тургенев лучше: в нем совсем нет ничего симпатичного, но и <———> зато не слыхать.

Повесть Успенского — прелесть. Жаль, что в конце концов видна некоторая небрежность, как будто писать надоело. Впрочем, я это понимаю — относительно себя; но в молодом писателе как-то странно.

Курочкин говорит, что в «Наполеоновском времени» (не читал еще) есть девица Фикен и что это, должно быть, недоразумение, ибо фикен по-немецки значит <———>, и странно, чтоб немецкий писатель не остерегся. Действительно, фикен — <———>.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 33, лл. 21—22. Впервые опубликовано: «Новый мир», 1929, № 5, с. 180—181.

---

[1] Об очерке «Семейный суд» см. письмо 419, прим. 3.

[2] О незавершенном цикле «Культурные люди» см. письмо 414, прим. 2.

[3] Об этом же Салтыков писал Плещееву (см. письмо 435, прим. 3) и П. В. Анненкову (письмо 438).

[4] Статья Михайловского «Десница и шуйца Льва Толстого» помещена в его «Записках профана» (*ОЗ,* 1875, №№ 5—7).

435. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

2/14 октября 1875. Париж

Париж. 14 октября.

Любезный друг Алексей Николаевич. Извините, что до сих пор не ответил на Ваше письмо[1]. Париж такой дурацкий город, что не понимаешь, куда время уходит. Я здесь ни за какую работу не мог взяться, так и просидел без дела, хотя большую часть вечеров все-таки проводил дома: после позднего обеда как-то ничего на ум не идет.

Очень Вам благодарен за сочувственный отзыв об «Сне в летнюю ночь». Только мне кажется, что Вы не совсем правильно тут видите протест против юбилеев[2]. Вся эта статья задумана ради 2-й ее части, т. е. речи учителя. Я положительно не вижу отрицательного отношения к мужику в этой речи, а то, что Вам кажется отрицательным, есть не что иное, как уступка цензурным требованиям. Я думал написать ряд параллелей: с одной стороны — культурные люди, с другой — мужики. «Сон» есть начало таких параллелей. Не знаю, скоро ли буду продолжать и даже буду ли, но, во всяком случае,— вот моя мысль. Вообще за границей мне худо пишется, замечаю сам что-то подневольное и разжеванное. Может быть, это оттого, что гостиницы не представляют никаких удобств, а может быть, и оттого, что болезнь действует. Ежели последнее, то дело плохо. Я замечаю, что память у меня необыкновенно ослабела.

С Тургеневым виделся раз шесть. Два раза был у него в Буживале, затем он был у меня. Живет он как принц крови. Прелестная дача и громадный парк. Он хотел меня представить семейству Виардо, но так как для этого надо ехать в Буживаль обедать, а обедают здесь в 7 часов, то я уклонился нездоровьем. К сожалению, я не мог познакомиться с Золя, которого нет в Париже, и приедет не раньше конца октября, когда уже меня здесь не будет. Взамен того я имел удовольствие слушать у Тургенева новую комедию гр<афа> Солло-

губа, такую пошлость и подлость, что со мной сделалось что-то вроде истерики, и я не помню сам, что я наговорил этому сукину сыну. Довольно сказать, что он сам испугался, и предлагал мне сжечь свой манускрипт, и в заключение просил меня поцеловать его в знак прощения. [3]. Может быть, это была с моей стороны и глупая выходка, но Вы по этому можете судить, в какой степени болезнь развила во мне раздражительность. Тут выставлен нигилист, который *ворует*. А замечательней всего, что Соллогуб просил Тургенева непременно пригласить меня для слушания. Вот до чего могут быть тупы люди. Я же думал, что будет нечто вроде «Беды от нежного сердца» [4].

Не знаю, читали ли Вы романы братьев Гонкуров (один, впрочем, умер, остался другой, наиболее, впрочем, талантливый). Я читал один «Lacérteux» [5], и он мне понравился. Золя об нем в сентябрьской книжке «Вестника Евр<опы>» статью написал, которую я хотя и не читал, но из которой Вы почерпнете полезные сведения о деятельности Гонкуров [6]. По моему мнению, вполне переводить их романы не стоит, а извлечения были бы очень занимательны. Вот бы Вы взяли на себя эту работу [7].

Я уезжаю из Парижа 20-го числа нов. ст. Заеду на 1 день в Лион и несколько дней пробуду в Марсели; потом отправлюсь на зимовку в Ниццу. Без ужаса не могу себе представить, что еще больше 7 месяцев придется пробыть за границей.

Прощайте, поцелуйте от меня детей и кланяйтесь тем, кто обо мне помнит.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 501, оп. 1, № 7.

Впервые опубликовано: «Россия», 1900, № 319, 15 (28) марта; повторная публикация: *Неизданные письма*, с. 52—54.

---

[1] Письмо Плещеева к Салтыкову неизвестно.

[2] См. письмо 431, прим. 3.

[3] Рассказ Тургенева об этом инциденте содержится в его письме к Ю. П. Вревской от 5/17 октября 1875 г.: «Соллогуб тоже здесь — ужасно дряхлеет и разваливается. Прочел Салтыкову (Щедрину) и мне преплохую свою комедийку, в которой он ругает молодое поколение на чем свет стоит. Салтыков взбесился, обругал его, да чуть с ног не свалился от волнения: я думал, что с ним удар сделается... Он мне напомнил Белинского... Тяжелая была сцена!» (*Тургенев. Письма*, т. XI, с. 139). См. также письмо 438.

[4] Один из лучших водевилей Соллогуба (*Отеч. записки*, 1850, № 3).

[5] Полное заглавие «Germinie Lacérteux».

[6] Речь идет о статье Э. Золя «Парижские письма». VI («Вестник Европы», 1875, № 9), посвященной нескольким романам Гонкуров.

[7] В *Отеч. записках* в переводе Плещеева напечатаны извлечения из двух романов: «Молодая буржуазия» (1876, №№ 11—12) и «Жертва филантропии» (1877, №№ 4—5).

436. А. Ф. КАБЛУКОВУ

4/16 октября 1875. Париж

16 октября. Париж.

Во вторник, т. е. 19 (7) октября, мы уезжаем из Парижа, многоуважаемый Алексей Федорович[1], а потому о получении этого письма не пишите к нам, покуда не получите нового адреса. Если же встретится экстренность, то адресуйте письма так: France, Marseille, poste restante. Если нас там и не будет, то я распоряжусь, чтоб письма пересылали. Что касается до Корочкина, то, разумеется, бросьте его долг: все равно ничего не получишь. Напишите впоследствии, довольны ли Вы мельником и как идет помол. С Лихачевыми мы встретились в Париже. Она уехала в Швейцарию, а он и теперь здесь; видимся беспрестанно.

Поклонитесь от нас Марье Ивановне и Вашему семейству. Жду не дождусь, когда вернусь в Россию. Здесь погода уж портится, поэтому и уезжаем на юг.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, л. 84. Публикуется впервые.

---

[1] Салтыковы уехали из Парижа на юг Франции 8/20 октября.

437. Н. А. НЕКРАСОВУ

5/17 октября 1875. Париж

Париж. 17 октября.

Я сообщал о содержании Вашего письма[1], многоуважаемый Николай Алексеевич, Курочкину, который мне сказал, что 2 т. франков, о которых идет речь, им уже получены и что

после того он уже писал Вам. Понять, что хочет Курочкин, довольно трудно, но, по-видимому, он ждет жалованья за полгода вперед, что, по словам его, было между Вами и им условлено. Я ему сказал, чтоб он вновь написал к Вам и изложил свой расчет и свои основания ясно, что он и обещал выполнить. Теперь он чувствует себя лучше, а то был совершенно несносен с своими жалобами по случаю смерти брата, которого он называл *историческим* человеком. Потом стал жаловаться, что у него маменька ослепла. Теперь и с этим примирился и больше не жалуется. Курочкин живет у Веретенникова: rue Cadet, 4, Hôtel de Hollande. Адрес Шассена след<ующий>: Paris, rue Crétet, 15.

Вышла здесь пьеска: «La Panache», что-то вроде нашего «Ревизора», но довольно глупого[2]. Вчера я ее видел, и хотя хорошего мало, но все-таки есть положения довольно смешные. Я подумал, что для Плещеева это будет небесполезная пьеса, и хотел послать ему ее. Но, к сожалению, она выйдет только через неделю, когда меня в Париже не будет. Поэтому я просил Курочкина выслать ему пьесу: пусть не удивится, когда получит. Я только было написал Плещееву, чтоб он занялся Гонкуром, а уж Стасюлевич и перевел[3]. Впрочем, у Гонкура много романов, можно и другой выбрать и рассказать в извлечении.

Я еду в Марсель через два дня. Пора. Надо работать. Здесь решительно ничего не писал, и к ноябрьской книжке вряд ли что вышлю[4]. Вы не поверите, как трудно пишется: ужели это болезнь? Боюсь, что *удачного* ничего не выйдет.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 75—76. Впервые опубликовано: *Письма,* с. 97—98.

---

[1] Это письмо Некрасова к Салтыкову неизвестно.

[2] Edmond Gondinet. La Panache. Comedie en 3 actes. Paris, 1875.

[3] В письме к Плещееву от 2/14 октября 1875 г. Салтыков предлагал перевести в извлечениях роман Э. и Ж. Гонкуров «Жермини Ласерте» (см. письмо 435). В «Вестнике Европы» (1875, № 10) этот роман появился в переводе «А. Э.», то есть Анны Николаевны Энгельгардт.

[4] В ноябрьском номере *Отеч. записок* за 1875 г. напечатан рассказ «Непочтительный Коронат» из цикла «Благонамеренные речи».

438. П. В. АННЕНКОВУ

6/18 октября 1875. Париж

Париж. 18 октября.

Два раза писал к Вам, многоуважаемый Павел Васильевич, раз в Констанц (из Бадена), другой раз в Баден (из Парижа) [1], но, вероятно, тем письмам не суждено было дойти до Вас. Теперь пишу с некоторой надеждой, что письмо мое настигнет Вас в Бадене. Так, по крайней мере, сказал мне Тургенев.

Я в Париже прожил шесть недель и послезавтра уезжаю отсюда. Несколько дней проведу в Лионе и Марсели и к 1-му ноября буду в Ницце. Париж мне чрезвычайно понравился: это город, в котором можно незаметно прожить, как и в Петербурге, но с несравненно большим удовольствием. Одно нехорошо: шумно очень, особенно в улице Лафитт, в которой я стою и которая не макадамизирована [2]. От этого я ни одной строчки не мог написать здесь. Впрочем, если б здесь жить постоянно, то можно бы, подобно Тургеневу, спрятаться в rue de Douai, и там строчить уже ничто не препятствует.

Кстати о строчении: увы! болезнь, по-видимому, оказала на меня свое действие: пишется туго и неуклюже. А писать между тем нужно. Впрочем, с нового года начну нечто новое — может быть, и лучше пойдет. А покуда пополняю старые хвосты, которые порядком мне надоели. Читаете ли Вы «Отеч<ественные> зап<иски>» и высылают ли их Вам? Видели ли Некрасова в Петербурге? Он ничего мне не пишет. И представьте себе: и без того мне туго достается мое писание, а к этому еще не помещают мои вещи, якобы нецензурные [3]. Вот вам и литературное ремесло.

Я довольно здоров, т. е. ревматические боли почти прошли, остались только в пальцах. Но нервное раздражение ужасно, и болезнь сердца не уменьшилась. На днях я купил гид Ниццы Elysée Réclus, и там на основании свидетельств знаменитых врачей говорится, что для болезни сердца Ницца совсем негодный город [4]. А меня туда именно посылают.

А в какой степени я раздражителен — это может доказать следующий нелепый случай [5]. На днях Тургенев сообщил мне, что Соллогуб желает прочесть новую свою комедию и просит устроить так, чтоб и я был в числе слушателей. Я поехал в Буживаль на это чтение, не без основания полагая, что будет читаться какая-нибудь глупость вроде «Беды от нежного сердца» [6], и никак не полагая, чтобы Соллогуб позволил себе привлечь меня к слушанию какой-нибудь подлости. Но оказалось,

что Соллогуб не имеет никакого понятия о том, что подло и что не подло. В комедии действующим лицом является нигилист-вор. Можете себе представить, что̀ сделала из этого кисть Соллогуба. Со мной сделалось что-то вроде истерики. Не знаю, что я говорил Соллогубу, но Тургенев сказывает, что я назвал его бесчестным человеком. Меня прежде всего оскорбил этот богомаз, думающий площадными ругательствами объяснить сложное дело, и во-вторых, мне представилось, что он эту комедию будет читать таким же идиотам, как и сам, и что эти идиоты (Тимашев, Шувалов и т. п.) будут говорить: charmant! [7]. Ведь читал же он ее в Бадене, в кружке Баратынско-Колошинском [8], и, наверное, слышал: charmant. И если бы Вы видели самое чтение: он читает и сам смеется и на всех посматривает. И Тургенев, как благовоспитанный человек, тоже улыбается и говорит: да, в этом лице есть задатки художественного характера!

Представьте же себе: после этого-то происшествия, где он съел подлеца и паяца, Соллогуб осмеливается в café Foie публично проповедовать, что он читал у Тургенева свою комедию и что она произвела на меня *потрясающее действие.* К счастию, тут был кн<язь> Гагарин, вовсе мне неизвестный, который вступился, так сказать, за меня и заметил: должно быть, Вы уж что-нибудь очень плоское написали, чтоб взволновать Салтыкова. Это рассказывал мне очевидец.

Прошу Вас передать от меня и от жены поклон уважаемой Глафире Александровне и поцеловать детей. Мои все здоровы. Ежели Вы удосужитесь, то черкните что-нибудь в Ниццу poste restante. В мае я, вероятно, заеду в Баден, буде останусь жив!

Прощайте, будьте здоровы.

Ваш

М. Салтыков.

На конверте: Allemagne. Baden-Baden. Poste restante. M-r Paul Annenkoff.

Почтовый штемпель: Paris. 18 oct. 75 г.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 58—59.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 98—101.

---

[1] См. письма 422 и 431.

[2] Не покрыта щебенкой (от *франц.*— macadamiser).

[3] Салтыков имеет в виду первоначальную редакцию IV главы «Экскурсий в область умеренности и аккуратности», предназначавшуюся для № 9 *Отеч. записок* за 1875 г., но запрещенную цензурой. 15 сентября 1875 г. Елисеев писал об этом Салтыкову: «Некрасов ваши «Экскурсии» давал

для прочтения Каменскому, Ратынскому и Юферову, заменяющему Оранского, Лебедеву, и все они находят их нецензурными. Последний прямо объявил, что в случае их напечатания он будет обязан составить об них доклад» (*Письма Елисеева* с. 21).

[4] Речь идет о составленном E. Réclus путеводителе «Nice, Cannes, Monaco, Menton, San Remo» (Paris, 1874).

[5] См. письмо 435, прим. 3.

[6] См. письмо 435, прим. 4.

[7] Очаровательно! *(франц.)*

[8] Имеется в виду кружок, группировавшийся вокруг переводчицы русских поэтов А. Д. Баратынской (о ней см.: В. Стефанович. Переводчица русских и немецких поэтов.— «Русская литература», 1963, № 4, с. 142—151) и поверенного в делах русского правительства при баденском дворе И. П. Колошина.

439. Н. А. НЕКРАСОВУ

16/28 октября 1875. Ницца

Ницца. 28 октября.

Спешу уведомить Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич, что я прибыл вчера к ночи в Ниццу и остановился в Hôtel Windsor, где дороговизна страшная. Завтра переезжаю в русский пансион, на который мне указал врач Гагаринов и где прежде жил Пеликан. Там берут с меня за квартиру со столом 50 фр<анков> в сутки. Порядочно дорого, но делать нечего. В отели за то же, но теснее и скуднее просят 70 фр<анков>. В пансионе, кроме меня, будет жить только какой-то генерал Быховец, а больше никого, потому что домишко маленький. Место невзрачное: petite rue S-t Etienne, Villa Oasis — в полном смысле дыра. Да и вся Ницца — пренеопрятная и гнусная, почти нигде тротуаров нет, а шоссе вроде мелу. Приехали мы под проливным дождем, а сегодня опять светло и солнце во всю мочь блестит. Пробыл 5 дней в Марсели, ездил на Корнишь в ресторан, ел на берегу моря bouilleabesse[1] и думал о вечности. Пожалуйста, прикажите журналы и газеты (т. е. «Отечеств<енные> зап<иски>» и «Голос») посылать так: France, Nice, Alpes maritimes, poste restante. Этот же адрес сообщите и Григорию Захарычу[2].

Прощайте, устал до смерти от беготни.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 32, л. 77.
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 101.

---

[1] Рыбная похлебка с чесноком и пряностями; любимое блюдо на юге Франции.

[2] Г. З. Елисееву.

440. Н. А. НЕКРАСОВУ

23 октября/4 ноября 1875. Ницца

Ницца. 4 ноября.

Кажется мне, многоуважаемый Николай Алексеевич, что чересчур уж Вы хвалите мой последний рассказ[1]. Мне лично он не нравится. Кажется, что неуклюж и кропотливо сделан. Свободного, легкого творчества нет, а я всегда недоволен тем, что туго пишется. Я заметил, что и большинство читателей таким же образом относится к моим рассказам. Вот «Экскурсии» у меня легче шли, и я уверен, что они произведут некоторое впечатление[2]. Ошибаюсь ли я в этом случае или верно говорю — об этом судить не могу, но думаю, что верно, да, во всяком случае, недурно по временам и большинство читателей иметь в виду.

Сегодня получил «Голос», и в нем объявление о выходе октябрьской книжки[3]. Книжка интересная, но жаль, что фельетона Михайловского нет[4]. Сверх того, я по письму Вашему, ожидал комедии Островского,— и ее нет. Я, признаться, не читал романа Маркович, но Тургенев мне сказывал, что он, сверх ожидания, хорош[5]. Я думал, что получу «Отече<ственные> зап<иски>» в один день с «Голосом», но не тут-то было. Уж не выслали ли их мне в Париж?

То, что Вы пишете мне о худобе Унковского, очень меня беспокоит. Он давно ничего мне не пишет, даже не уведомил о перемене квартиры. Я узнал уже стороной, что он переехал в Захарьевскую, № 6. Действительно ли он туда переехал, и не вскую ли я тружусь, посылая ему туда письмо.

Не знаю наверное, но, может быть, к 8-му числу ст. стиля я пришлю Вам новый рассказ и тогда же напишу, как с ним поступить[6]. Ежели есть возможность печатать «Экскурсии», то печатайте в ноябрьской книжке; ежели же нет возможности, то нельзя ли передать его Суворину: пусть в «Биржевых ведомостях» напечатает.

Ежели Вы действительно соберетесь в Ниццу, то привезите с собой все деньги мои, какие накопятся у Унковского по Ваш отъезд. Я ему напишу[7]. Теперь я покуда не нуждаюсь, но все же лучше при оказии прислать что есть. Жизнь здесь очень дорога, но, при нашей расчетливости, я надеюсь протя-

нуть до февраля будущего года. Курс теперь очень скверный, но, может быть, к февралю поправится; поэтому привезите русскими сторублевыми бумажками. Я сделал отлично, что все деньги взял в Бадене, когда курс только что начал колебаться. Нужно думать, что я выиграл через это не меньше 12 фр<анков> на сто рублей.

Прощайте, будьте здоровы. Поклонитесь от меня А. Н. Еракову и Зинаиде Николаевне.

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 79—80.
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 102—103.

---

[1] В не дошедшем до нас письме Некрасова, несомненно, шла речь о рассказе «Семейный суд» из цикла «Благонамеренные речи» (*ОЗ*, 1875, № 10), вошедшем затем в роман «Господа Головлевы».

[2] О четвертой главе «Экскурсий» см. письмо 421, прим. 2.

[3] Десятый номер вышел в свет 18 октября.

[4] В это время в *Отеч. записках* почти из номера в номер за подписью «Н. М.» печатались «Записки профана» Михайловского.

[5] В *Отеч. записках* (1875, №№ 7—10, 12) опубликован роман Марко Вовчок (М. А. Маркович) «В глуши».

[6] «Благонамеренные речи. XVI. Непочтительный Коронат» (*ОЗ*, 1875, № 11). По требованию цензора Лебедева в тексте рассказа были сделаны купюры (см. в наст. изд. т. 11, с. 606—607).

[7] Переписка Салтыкова с Унковским до нас не дошла (см. Приложения, IX).

441. Н. А. НЕКРАСОВУ

29 октября/10 ноября 1875. Ницца

Ницца. 10 ноября.

Вместе с сим, в двух пакетах, посылаю в контору новый рассказ «Непочтительный Коронат»[1]. Полагаю, что он придет к Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, около 5-го ноября ст. ст. и даже раньше. Ежели вопрос об «Экскурсиях» еще не разрешен, то поместите новый рассказ в ноябрьской книжке; ежели же в этой книжке будут помещены «Экскурсии», то новый рассказ отложите до декабря[2]. У меня уже около 1/3 написано нового рассказа «Наследство», тоже принадлежащего к серии «Благонам<еренных> речей» — я при-

шлю его Вам, вероятно, к 1-му декабря ст. ст.[3]. В таком случае, поместите его вместе с прилагаемым рассказом в декабрьской книжке (опять-таки, в случае, ежели в ноябре будут напечатаны «Экскурсии»). Я желаю в этом году покончить с «Благонамеренными речами» и с 1876 года начать новое[4]. Так как в голове у меня кой-что уж бродит, то думаю, что к 1-му января Вы будете иметь оригинал[5]. Извините, что, может быть, уж даже завалил Вас писаниями: нужно мне, ибо, как человек предусмотрительный, я все тревожусь, что денег недостанет. А хочется в апреле опять побывать в Париже.

Вещь, которую я полагаю начать с будущего года, должна иметь юмористический характер. Увидим, оставила ли во мне болезнь столько юмору, чтобы наполнить около 15 листов.

Получил на днях письмо от Анненкова;[6] пишет, нельзя ли выслать ему «Отеч<ественные> записки» с августа и до конца года, а с будущего года — дескать, сам выпишу. Кажется, я давно Вам писал об этом — нельзя ли его удовлетворить. Он, по-видимому, желает за мной последить, а в Бадене *никто* «Отечеств<енных> записок» не получает. Это и не удивительно, потому что там живет русская интеллигенция.

Еще пишет Анненков: проезжая через Петербург, был он в Вашей квартире и в передней застал только «громадного кучера», который и сказал, что вы в Чудове. По соглашению с Вами, Анненков просил дать Вам знать, что он желал бы Вас видеть, но кучер ответил: я с ним в переписке не состою. Так он и не видел Вас.

В Ницце я живу еще больше взаперти, нежели в Бадене: ни одного вечера из дома не выходил. Скучновато, но климат хороший. С 9 часов утра до 4-х часов вечера солнце жарит, а ночи до сих пор теплые. Сегодня в полдень в Villefranche ездил — удивительные виды. Все берегом моря; с одной стороны вода без конца, местами голубая, местами зеленая, а с другой — высочайшие горы. И везде виллы, в коих сукины дети живут. Это беспредельное блаженство сукиных детей, их роскошь, экипажи, платья дам — ужасно много портят крови. И все эти хлыщи здесь как дома, я один как-то особняком. Не умею я сближаться, хотя многие здесь меня спрашивают, просят «показать». Конечно, это тем и кончится, что «посмотрят», но вряд ли кому охота со мной знакомиться. Даже хозяйка говорит: какой вы угрюмый! Пусть так и будет. В мае непременно в Россию приеду. Лучше в Витеневе. Ежели умирать, так там.

Прощайте, будьте здоровы. Пишите, пожалуйста. Да Унковскому скажите, что он совсем меня забыл. Я к нему несколько писем написал, а от него ничего. Поклонитесь

А. Н. Еракову. Скажите, что в мае я так его обыграю, что он своих не узнает. Приехал сюда на 22 недели, две прожил, 20 остается.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Боборыкина повесть — черт знает что такое! [7] Нынче литераторы словно здравого смысла лишились.

Здешний книгопродавец Висконти сказывал мне, что он адресовал в контору «Голоса», чтоб ему выслали последние №№ «Отеч<ественные> зап<иски>» за этот год и подписались бы на будущий год. Будто бы и деньги послал, но ничего не получил. Справьтесь, пожалуйста. «Вестник Европы» везде есть, а нашего журнала нет как нет.

Одна знакомая пишет из Парижа, что Курочкин переехал на новую квартиру rue de l'Echiquier, 51. Для Вас не бесполезно знать.

В газете «Rappel» [8] печатается новый роман Шатриана «История одного консерватора». Покамест только 3 фельетона вышло, страниц около 6 «Отеч<ественных> записок». Хорош ли — до сих пор судить еще не могу, но фигура консерватора мне понравилась. Длинен ли будет — тоже не знаю. Не хотите ли, чтоб я вырезàл фельетоны и посылал Вам, коль скоро накопится листа на 2 или на 3. Ответьте. Я хотел было Плещееву послать — он все работы жаждет; впрочем, как знаете. Во всяком случае, ответьте [9].

Луи Блан пишет Историю салонов XVIII века [10]. Как выйдет, пришлю Вам: можно будет воспользоваться.

Виктор Гюго написал: «20 лет изгнания» [11]. Я читал вступление (очень обширное): рядом с прелестными вещами пропасть пустяков. Да и в цензурном смысле неудобно.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 81—82.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 103—106.

---

[1] «Благонамеренные речи. XVI. Непочтительный Коронат» (*ОЗ,* 1875, № 11).

[2] О четвертой главе «Экскурсий...» см. письмо 421, прим. 2.

[3] Рассказ «Наследство» напечатан в цикле «Благонамеренные речи» под заглавием «По-родственному» (*ОЗ,* 1875, № 12). Вошел в роман «Господа Головлевы».

[4] О неоднократных намерениях Салтыкова закончить «Благонамеренные речи» см. письмо 432, прим. 2.

[5] С 1876 г. Салтыков предполагал начать цикл «Культурные люди» (см. письмо 414, прим. 2).

6 Упоминаемое письмо Анненкова неизвестно.

7 П. Д. Боборыкин. Долго ли?.. Повесть (*ОЗ*, 1875, № 10).

8 «Rappel» («Призыв») — газета радикально-республиканского направления, выходившая в Париже с 1869 г.

9 В *Отеч. записках* роман Э. Эркмана и А. Шатриана «История одного консерватора» не печатался.

10 Этот труд Луи Блана не был ни переведен, ни рецензирован в *Отеч. записках*.

11 V. Hugo. Actes et paroles. 2. Pendant l'exil. 1852—1870. Paris, 1875.

442. П. В. АННЕНКОВУ

30 октября/11 ноября 1875. Ницца

Ницца. 11 ноября.

Четыре дня тому назад получил Ваше письмо[1], многоуважаемый Павел Васильевич, и ежели не ответил сейчас, то потому только, что доканчивал писание, которое сегодня и отослал по принадлежности[2]. Кто что, а я все пишу, быть может, и не всегда удачно, но руководствуюсь правилом делать что можно. Да и материальный вопрос очень важен, и за границей не хочется сесть, как рак на мели.

Вы очень хорошо уразумели современное положение России — именно это *недоумение,* но с некоторой примесью озорства. Озорство — последнее слово этих господ, которые видят, что земля уходит из-под их ног. Не будучи в силах поворотить дело по-своему, они пакостят, и в этом заключается вся государственная деятельность нашего времени. Валуева, например, нельзя считать вполне жертвой недоумения; нет, это пакостник, и притом очень злостный[3]. И как горько думать, что судьба многих миллионов людей в руках этих паскудных людей, из которых многие даже мысли установить не могут, а многие ежели и устанавливают ее, то не иначе как с целью озорства. Нынешняя Франция может служить примером подобного настроения умов[4]. Люди ясно видят, что они делают зло не только стране, но даже себе, и все-таки продолжают делать зло. В особенности короткоумными в этом случае являют себя Орлеаны, которые очень хорошо знают, что им не дождаться призыва, и все-таки пакостят в руку Бонапарту.

Я написал Некрасову насчет высылки Вам «Отеч<ественных> зап<исок>» настолько убедительно, что, вероятно, на днях Вы уже получите их. Удивительно, что в Бадене никто не получает их, хоть бы Вы Маркса подвигнули выписать. Да и в Ницце, кажется, никто не получает, кроме меня. Впрочем, с будущего года Висконти выписывает.

Я в Ницце уже две недели нахожусь и буквально ни с кем не знакомлюсь, сижу запершись и выхожу только по утрам погулять. Впрочем, покуда еще не очень много публики съехалось. Я не нахожу в Ницце ничего особенного; город нечистоплотный, гулять негде, и пресловутая Promenade des Anglais показалась мне жалкою. Окрестности действительно очаровательны, судя по тому, что я видел вчера, съездивши в Villefranche. Так как я намерен здесь пробыть 5 месяцев, то, вероятно, объезжу все. На днях съезжу и в Montecarlo посмотреть на культурных русских людей.

Не думаю, однако ж, чтоб Ницца была особенно для меня благоприятна. Здешний воздух слишком силен и опьяняет меня. Ко мне ездит Реберг[5], но больше для препровождения времени. Ревматизмы утихают, но слабость очень велика, и сердце опять начинает беспокоить. Вот и не знаю, не придется ли удирать отсюда. Реберг, впрочем, говорит, что, может быть, и привыкну.

Поселился я здесь довольно удобно, хотя и в захолустье. Нашел здесь Тамбовскую губернию в первобытном виде. Хозяйка у нас русская, г-жа Данилова, которая, по преданию, называет служанок «девками». Это очень мне понравилось. Я не знаю истории этой женщины, она не рассказывает, но что-то, должно быть, скрывается в ее прошлом. Мне рекомендовал эту барыню доктор Гагарин<ов>, потому что в этой самой квартире жил прошлого года Пеликан[6]. За пансион я плачу 50 фр<анков>в сутки и имею очень порядочный домашний обед. По временам хозяйка украдкой ездит в Монтекарло и проигрывается там. Очень может быть, что в какой-нибудь прекрасный день она и совсем пропадет. Не слыхали ли Вы чего-нибудь об этой женщине, живя в Ницце?

Я, как школьник, считаю недели пребывания в Ницце. Приехал на 22 недели, теперь осталось 20 недель. В апреле непременно поеду в Париж (увы! может быть, в последний раз в жизни!), а затем, пробираясь в Россию, заеду дней на 20 в Баден.

Скажите, пожалуйста, Хейлигенталю, что я об нем помню и ежели не писал к нему, то по недостаточному обладанию иностранными языками. Жена ему тоже кланяется.

Дети мои здоровы; постоянное лето (здесь жарко еще) помогает им. Хорошо, кабы и мне помогло.

Передайте от меня и от жены поклон многоуважаемой Глафире Александровне и поцелуйте Ваших детей.

Весь Ваш

М. Салтыков.

На конверте: Allemagne. Baden-Baden. Sophienstrasse. 4. M-r Paul Annenkoff.

Почтовые штемпеля: Nice. 12 ment. 1875, Paris. 13 ment. 75 *и др.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 61—62.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 106—108.

---

[1] Упоминаемое письмо Анненкова к Салтыкову неизвестно.

[2] Салтыков писал в это время «Благонамеренные речи. XVI. Непочтительный Коронат» (*Отеч. записки,* 1875, № 11).

[3] П. А. Валуев занимал в это время пост министра государственных имуществ.

[4] Буржуазную Францию III Республики, Францию периода «реакционного поветрия», последовавшего вслед за поражением Парижской коммуны, Салтыков, по определению Ленина, классически высмеял в очерках «За рубежом» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 237).

[5] Врач Герард Альфредович Реберг, русский немец по происхождению, постоянно жил в Ницце. Здесь в 1868—1869 гг. он лечил семью Герцена.

[6] Вместе с Е. В. Пеликаном, в то время вице-директором медицинского департамента, Салтыков участвовал в 1860 г. в работе Комиссии о губернских и уездных учреждениях («губернаторская комиссия»).

443. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

31 октября/12 ноября 1875. Ницца

Ницца. 12 ноября.

Очень я виноват перед Вами, многоуважаемый Николай Андреевич, что до сих пор не поблагодарил Вас за ту доброту, которую Вы выказали относительно меня прошлым летом. Я на Вас убедился, что на свете не перевелись еще добрые люди и что это хорошо. Я сам в этом отношении несколько попорчен: очень подла уж была среда, в которой я провел большую часть своей жизни, и порядочно-таки она меня раздражила, но, во всяком случае, человеческая доброта в моих глазах есть предмет, достойный величайшего уважения.

Я более двух недель уж как в Ницце. Пробыл в Париже дольше, нежели предполагал, и не раскаиваюсь, потому что чувствовал себя почти хорошо. Почти все время проводил в обществе Лихачева, который был очень внимателен. В Ниццу приехал 20-го числа и, по-видимому, довольно рано, потому что она и до сих пор еще очень пуста. Погода здесь стоит до сих пор удивительная; днем жарит, и даже ночью тепло, хотя я по вечерам до сих пор ни разу никуда не выходил. Только ветры одолевают, и хотя я избегаю выходить в это время, но

даже если в небольшой садик при доме выйдешь, то чувствуешь опьяняющее действие. Вообще, говоря откровенно, я чувствую себя здесь несколько хуже, нежели в Париже. Сердце не совсем спокойно, и слабость во всем теле. Но аппетит и все прочие отправления обыкновенные. Руки все еще не сгибаются, но болей особенных нет. Главное — слабость, сухость во рту и сухость кожи. Как будто изнываешь. Однако тоже сильная и усталость. Может быть, впрочем, что я еще не привык к здешнему воздуху, и со временем слишком гнетущее его действие на меня прекратится. Говорят, на всех новоприезжих Ницца так действует, но что потом все остаются ею довольны. Ко мне ездит Реберг, но особенного ничего не делает. Я дал ему Вашу историю моей болезни и показал рецепт arg. nitr. Он прописал мне нечто подобное и сверх того принимать granula digitalis и советовал втирать вератринную мазь в грудь со стороны сердца и вдыхать сосновую эссенцию. Это так много, что я, признаться, не все исполняю и, например, вдыхание и втирание частенько-таки позабываю. Реберг — человек, по-видимому, добросовестный, и очень мне нравится.

Ницца — город неопрятный и далеко не так привлекательный, как Баден. Садов совсем нет, а есть огороды, в которых растут жалкие апельсинные деревья. Знаменитая Promenade des Anglais есть довольно жалкая пародия на бульвар. Тени никакой нет, ибо жалкие пальмы, которыми он обсажен, имеют вид веников. Горы голые, белесоватые; море, правда, но на меня оно производит неприятно-ослепляющее действие. Вообще, даже воздух здесь до такой степени блестящ, что я серьезно побаиваюсь за свои глаза. Говорят, что окрестности здесь хороши; я был до сих пор только в Villefranche,— действительно, вид с дороги (берегом моря) очень хорош, но както холодно великолепен, не так, как в Бадене, где за каждой елью словно еда чуется. Здесь на этот счет очень подло, и в гостиницах кормят скверно. Исключение составляет пансион, в котором я поселился и имею очень здоровый домашний стол.

Я поселился очень оригинально, у российской барыни, которая 10 лет живет в Ницце и точно сейчас из-под Тамбова приехала. Улица, в которой наш дом, узенькая и пахнет поносом. Но в доме не дурно, и садик есть. Я занимаю ту самую квартиру, которую в прошлом году занимал Пеликан: ее указал мне в Париже Гагаринов, который на днях приехал в Ниццу, но я его еще не видал и не знаю даже, где он живет, потому что и у Реберга он еще не был. Я слышал, что Пеликан сюда приедет в феврале, и это было бы очень кстати. Дело вот в чем: занимая квартиру, я сказал хозяйке, что пробуду по 1-е апреля: она и надеется. Но очень может статься,

что в феврале захочется в Рим или в другое место, а оставить квартиру совестно. Поэтому было бы хорошо, если б Пеликан меня сменил. Ежели Вы его увидите, то спросите, *расположен* ли он сделать это, *в случае, ежели я решусь уехать в Рим.* Хозяйка будет рада такому жильцу, ибо она и теперь бредит Пеликаном. В феврале, говорят, здесь ветры начинаются, и мне было бы не бесполезно удрать.

Прошу Вас передать мой и жены моей нижайший поклон многоуважаемой Софье Петровне, которая столь же добра, как и Вы,— лучшей похвалы у меня нет.

До свидания в Петербурге; будьте здоровы на благо и радость пациентам.

Ваш
М. Салтыков.

Адрес: Nice, poste restante. На сколько времени Пеликан в Ниццу приедет?

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 2.

Впервые опубликовано: «Голос минувшего», 1913, № 1, с. 175—177; вторично: В. Розенберг. Журналисты безвременья. М., 1917, с. 39—42.

444. А. Ф. КАБЛУКОВУ

1/13 ноября 1875. Ницца

Ницца. 13 ноября.

Я переехал в Ниццу, многоуважаемый Алексей Федорович, что Вам, впрочем, уже известно из письма жены[1]. Адрес мой: France, Alpes maritimes, Nice, poste restante. У нас здесь солнце жарит, деревья все в зелени, розаны цветут, апельсины зреют, а у Вас, кажется, дороги замело снегом. Я более или менее здоров, но слаб. Кажется, что здешний воздух очень силен: не привык к нему. Пожалуйста, напишите, что в Витеневе происходит. Я все об земле хочу Вам напомнить, да уж совестно.

Сверх того, у меня есть до Вас просьба. В декабре Николай Алексеевич доверен уплатить мне по векселю 600 р. Но будет ли он согласен так сделать: купить для меня облигаций Моск<овского> гор<одского> кред<итного> общества на сумму по номинальной цене 600 р. с купоном 1-го марта, а разницу пусть отдаст Вам, а равно и облигации. По получении облигаций, Вы пришлете мне сохранную записку, во взятии на хранение облигаций под такими-то номерами, а я

вам пришлю вексель обратно, для вручения Николаю Алексеевичу. Разницу же, какая будет, Вы запишите на приход, а равно и получите проценты по мартовским купонам[2].

Будьте так добры, пересмотрите экипаж: не нужно ли исправить? Лихачев сказывал, что беговая дрожка совсем сломалась. Надо их починить, ибо детям больше не на чем ездить. Также и дрожки не худо хорошенько осмотреть. О прочем я в свое время Вас уведомлю.

Ежели Николай Алексеич не захочет произвести уплату как выше сказано, то не пожелает ли он выслать деньги г. Унковскому (Петербург, Захарьевская № 6); только, пожалуйста, напишите об этом поскорее, дабы я мог списаться с Алексей Михайлычем.

До свидания в мае, ежели буду жив. Передайте наше почтение уважаемой Марье Ивановне и всем Вашим.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 85—86. Публикуется впервые.

---

[1] Письмо Е. А. Салтыковой от 20 октября / 1 ноября 1875 г. (*ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125).

[2] Все эти просьбы были в точности выполнены Н. А. Каблуковым. Известны два его письма к отцу, относящиеся к исполнению изложенных просьб и составленный им образец «сохранной расписки» на облигации, посланной А. Ф. Каблуковым в Ниццу (*ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125).

445. Н. А. НЕКРАСОВУ

14/26 ноября 1875. Ницца

Ницца. 26 ноября.

Вот в чем дело, многоуважаемый Николай Алексеевич. Когда я был в Париже, то очень хотел познакомиться с Золя, чтобы пригласить его для «Отеч<ественных> зап<исок>», но не мог этого достигнуть, потому что его не было в Париже. В разговоре с Тургеневым я узнал, что Золя получил от Стасюлевича за свой последний роман (листов 20 с лишком) 2000 фр<анков>, и сказал, что «От<ечественные> зап<иски>» дали бы по 200 фр<анков> за лист (роман перевести с оригинала прежде появления на франц<узском> языке): так мы платим Шассену.

Теперь Тургенев пишет мне, не желают ли «Отечественные записки» купить у Гонкура роман, который он оканчивает, с тем чтобы перевести его прежде выхода в свет на французском языке[1]. Гонкур пишет отлично, и, по словам Тургенева, рукопись можно приобрести за 2 т<ысячи> фр<анков>. Об Гонкуре есть очень хорошая статья Золя в «Вестнике Европы», где он восхваляется до небес[2]. И Стасюлевич теперь переводит один из его романов, который я читал и очень мне понравился.

Затем Тургенев прибавляет еще, что он говорил с Золя, что он может и больше за свои романы в России приобрести (не называя будто бы «Отеч<ественных> зап<исок>») и что у Золя «зубы загорелись». Поэтому, видно, что и Золя можно приобрести. Если Вы не прочли в августовской книжке «В<естника> Е<вропы>» его корреспонденцию об наводнениях, то прочтите: это такая вещь, что волосы дыбом встанут[3]. Целая ужасающая драма. Он теперь оканчивает новый роман: «Его превосходительство Ругон», в котором будет изображен Руэр[4].

Мое мнение таково: ежели Золя можно будет склонить на фельетон, какой он пишет в «Вестн<ике> Евр<опы>» (там уж он не должен писать), то за фельетон ему дать 300 фр<анков> за лист. Он не будет Шассеновскому фельетону мешать, потому что Золя пишет общественный фельетон, совсем в другом роде. Ежели он согласится только романы отдавать нам, то полагал бы возможным предложить ему от 3-х до 4-х тысяч за часть (листов 20 нашего журнала).

Затем, ежели бы дело с Золя не состоялось, то я полагал бы полезным пригласить Гонкура, не для фельетона, на который он не способен, а пусть даст роман, и заплатить ему 2 т<ысячи> рублей.

Во всяком случае, ответьте как можно скорее. Тургенев меня просит об этом. Но, пожалуйста, не говорите никому насчет Золя. Пожалуй, еще узнает Стасюлевич, и выйдет тут целая история. Пожалуйста, ответьте; я Вам вот об романе Эркмана-Шатриана писал, а Вы ничего не ответили. Я его читаю: до сих пор суховат, но недурен[5].

Я в понедельник (29-го) Вам вышлю новый рассказ для декабрьской книжки[6]. Вы получите его около 23-го ноября ст. ст.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Поцелуйте А. Н. Еракова. Я буду на днях ему писать.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 83—84.
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 108—110.

---

[1] В письме к Салтыкову от 12 (24) ноября 1875 г. Тургенев писал: «Гонкур оканчивает роман, который мог бы также явиться сперва в русском переводе, как «Проступок аббата Муре». Рукопись могла бы быть сообщена автором. Если хотите, то дайте мне знать — а цена могла бы быть такая же, как для Зола — от 1500 до 2000 франков» (*Тургенев. Письма*, т. XI, с. 154). Напоминая об этом же 25 ноября (7 декабря), Тургенев прибавлял: «Содержание гонкуровского романа довольно смелое: это, по его словам, серьезное и строгое изучение жизни публичных женщин» (там же, с. 164). Речь идет о романе Э. Гонкура «La fille Elisa» («Девка «Элиза»), опубликованном в *Отеч. записках* (*ОЗ*, 1877, №№ 4—5) под названием «Жертва филантропии» в переводе А. Н. Плещеева.

[2] Творчеству Гонкуров посвящено шестое «Парижское письмо» Золя («Вестник Европы», 1875, № 9).

[3] В пятом «Парижском письме» Золя («Вестник Европы», 1875, № 8) приводится рассказ старого крестьянина о том, как бассейн реки Гаронны, «превращенный страшным наводнением в озеро, в течение недели кишел трупами и всевозможными обломками».

[4] Роман Золя «Его превосходительство Эжен Ругон» печатался на страницах «Вестника Европы» (1876, №№ 1—4) в переводе А. Н. Энгельгардт. Прототипом главного героя романа послужил Эжен Руэр, министр-президент при Наполеоне III (1863—1870), позднее — вождь бонапартистов.

[5] О романе Э. Эркмана и А. Шатриана (см. письмо 441, прим. 9).

[6] Очередной рассказ из цикла «Благонамеренные речи» (см. письмо 441, прим. 3).

446. П. В. АННЕНКОВУ

20 ноября/2 декабря 1875. Ницца

Ницца. 2 декабря.

Ежели я не отвечал тотчас на Ваше добрейшее письмо, почтеннейший Павел Васильевич, то единственно ради того, что был завален иным писанием. На днях два рассказа в Питер послал; кто что, а я все стараюсь. Пишу да пописываю — благо, другого и делать нечего. С «Благонамеренными речами» покончил. Знаю, что много бы нужно еще сказать, да ведь и кончить когда-нибудь надо. Вот насчет государственности и национальности надо бы что-нибудь еще сказать[1], благо Франция — прекраснейший пример под глазами. Как ее распинают эти сукины дети в Национальном собраньи![2] Так по-

едом и едят. Вот и чужая сторона, а сердце по ней надрывается. Где такое собрание истинных извергов найдешь! И все-таки не отчаяваешься: отсюда, а не от инуду правда будет. Может быть, я об этой государственности и напишу что-нибудь, да только не теперь. Теперь я задумал «Книгу о праздношатающихся» писать и вчера первую, вступительную главу кончил[3]. А так как руки у меня нужда подгоняет, то, конечно, в 1-м № «Отеч<ественных> зап<исок> 1876 года глав семь или восемь появится. Тут вы увидите многое множество лиц: и фальшивого Бисмарка, которого за сто марок в Берлине русским (и то потому, что русские) показывают, и мятежного хана Хивинского, и чиновника, который едет за границу от восцы, и генерала, который душу черту продал, и проч. Все это будет проходить постепенно. Шпион явится, литератор, который в подражание «Анне Карениной» пишет повесть «Возлюбленный бык»[4]. Смеху довольно будет, а связующая нить — культурная тоска. Хотелось бы и трагического попробовать — после болезни меня все в эту сторону тянет. В виде эпизода хочу написать рассказ «Паршивый». Чернышевский или Петрашевский, все равно. Сидит в мурье, среди снегов, а мимо него примиренные декабристы и петрашевцы проезжают на родину и насвистывают «Боже царя храни» вроде того, как Бабурин пел. И все ему говорят: стыдно, сударь! у нас царь такой добрый — а вы что! Вопрос: проклял ли жизнь этот человек, или остался он равнодушен ко всем надругательствам и все в нем старая работа, еще давно, давно до ссылки начатая, продолжается. Я склоняюсь к последнему мнению. Ужасно только то, что вся эта работа в заколдованной клетке заперта. И этот человек, недоступный никакому трагизму (до всех трагизмов он умом дошел), делается бессилен против *этого* трагизма. Но в чем выражается это бессилие? Я думаю, что не в самоубийстве, но в простом окаменении. Нет ничего, кроме той прежней работы — и только. С нею он может жить, каждый день он эту работу думает, каждый день ее пишет, и каждый день становой пристав, по приказанию начальства, отнимает эту работу. Но он и этим не считает себя вправе обижаться: он знает, что так должно быть[5].

Но довольно об этом; надоел я Вам. В России ловчее было бы писать: некоторые пособия нужны, а здесь их нет.

Прочитал я на днях «Manette Salomon» Гонкуров, и словно глаза у меня открылись. Возненавидел и Золя и Гонкуров — всех этих <———>, которые ни до чего <———> не могут[6]. Извините, что я так выражаюсь. Диккенс, Рабле и проч. нас прямо ставят лицом к лицу с живыми образами, а эти жалкие <———> нас психологией потчуют. Трудолюбивы,

должно быть, анафемски. Не едят, не пьют — все пишут, и зачеркивают, и нанизывают без конца. Это не романисты, а пакостники. И представьте себе, я позволял себе увлекаться «Аббатом Муре»! Мало этого: недели две тому назад читал в «Вестнике Европы» письмо о наводнениях Золя — и тоже восхищался. Но явилась «Manette Salomon» — и переполнила чашу. Теперь, в моих глазах, из всех произведений Золя только «Ventre de Paris» существует. Психология — вещь произвольная; тут, как ни нанизывай — или не донижешь, или перенижешь. И выйдет рыло косое, подрезанное, не человек, а компрачикос.

Живу я — так себе, то есть просто-напросто ничего не вижу. Не знаю даже, есть ли кто-нибудь из русских порядочный человек, ибо и liste des étrangers[7] не получаю. Часто даже совсем из дома не выхожу, потому что и в пресловутой Ницце в декабре холодно, а сегодня, например, целый день дождь как из ведра льет. Впрочем, здоровье мое так себе, такое же, как и до болезни было. Кашляю очень. Ездит ко мне Реберг, но, кажется, он больше насчет липового цвета прохаживается. Теперь я бромистый хинин принимаю да гранюльки из аконита — скажите это Хейлигенталю, которого Вы, верно, видите. И скажите ему, что я непременно в мае с ним увижусь в Бадене, проездом из Парижа на родину.

Передайте от меня и от жены сердечный поклон Глафире Александровне. Детей поцелуйте.

Неужели вы «Отеч<ественные> зап<иски>» не получаете? Я Некрасову писал-писал — ни ответа, ни привета, словно в воду канул. Сегодня получил «Голос» от 15-го. Даже «Дело» вышло, а «Отеч<ественных> зап<исок>» нет как нет. Просто возмутительно.

Впрочем, я поеду в Баден лишь в том случае, если Вы там будете в мае. Напишите же, будете ли?

От завтрашнего дня мне остается в Ницце 17 недель пробыть. 5 уже отбыл.

Прощайте, будьте здоровы; жму Вашу руку.

М. Салтыков

На конверте: Allemagne. Baden-Baden. Sophienstrasse, 4. M-r Paul Annenkoff.

Почтовые штемпеля: Nice. 3 dec. 1875, Marseille. 4 dec. 75, Ausg. 8.12 *и др.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 64—65.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 110—113.

[1] На тему о «государственности» Салтыков вскоре опубликовал небольшую публицистическую статью «В погоне за идеалами», вошедшую затем в цикл «Благонамеренные речи» (см. в наст. изд. т. 11).

[2] В Национальном собрании, собравшемся после осенних каникул, при обсуждении законопроекта о выборах депутатов, возникли ожесточенные дебаты. В защиту системы выборов по округам выступил монархист Дюфор. Эту точку зрения резко критиковал Гамбетта, доказывая, что выборы по округам будут на руку бонапартистам. При голосовании большинство Национального собрания высказалось за выборы по округам.

[3] Начатый в Ницце и оставшийся незаконченным цикл «Культурные люди» первоначально имел названия — «Дни за днями за границей» и «Книга о праздношатающихся». Первые пять глав цикла появились в *Отеч. записках,* 1876, № 1.

[4] Имеется в виду «Благонамеренная повесть», для которой Салтыков успел написать только «Вступление» и две главки «Мои любовные радости и любовные страдания (Из записок солощего быка)». См. в наст. изд. т. 11.

[5] В цикле «Культурные люди» Салтыков впервые хотел воспроизвести «изумительный тип глубоко верующего человека», который в его сознании связывался с образами Чернышевского и Петрашевского. См. в наст. изд. т. 12. Бабурин — персонаж из рассказа Тургенева «Пунин и Бабурин».

[6] Критике французского натурализма Салтыков посвятил ряд страниц в книге «За рубежом» (см. в наст. изд. т. 14, с. 151—161, 586—590, и А. С. Бушмин. Из истории взаимоотношений М. Е. Салтыкова-Щедрина и Эмиля Золя.— «Русско-европейские литературные связи». М.— Л., 1966, с. 360—371).

[7] Справочный листок с фамилиями приезжих иностранцев.

447. Н. А. НЕКРАСОВУ

25 ноября/7 декабря 1875. Ницца

Ницца. 7 декабря.

Здесь случилось необычайное происшествие: между Лионом и Марселью снегу столько выпало, что сообщение прекратилось и мы 4 дня были отрезаны от цивилизованного мира. Наконец вчера получена была почта и принесла № «Голоса» с объявлением «Отеч<ественных> записок» [1], а сегодня пришло и Ваше письмо [2]. Из него увидал, что с «Экскурсиями» случилась опять остановка [3]. Неприятно, но делать нечего. Этот Лебедев, должно быть, глубокий мерзавец. Но что он нашел выпустить в «Непочтительном Коронате» — просто не понимаю [4]. Иногда это бывает очень досадно. Я еще 29 (17) ноября послал Вам новый рассказ «По-родственному» — получили ли

Вы?[5] Напечатайте его в декабре. Пожалуйста, если «Экскурсиям» не суждено появиться — сохраните для меня корректуру в первоначальном виде. Досадно, очень досадно, но напрасно Вы думаете, что я Вас виню. Я Вас виню совсем в другом: что Вы меня забыли и не отвечаете мне на вопросы, а имянно:

1) О высылке Анненкову «Отеч<ественных> зап<исок>» с августа.

2) О новом романе Эркмана-Шатриана, печатающемся в газете «Rappel»[6]. Вышло до сих пор 20 фельетонов; роман изрядный, но не очень бойкий.

3) О предложении Гонкура и о возможности приобрести сотрудничество Золя[7]. Гонкур здесь в славе, хотя, признаюсь Вам откровенно, что, прочитав на днях его роман «Manette Salomon», я нашел, что это не больше как психологическое <———>.

Известие об успехе подписки на будущий год меня радует. Я начал большую вещь под названием «Книга о праздношатающихся», две главы уж написал, а надо написать 7 или восемь. чтоб что-нибудь составилось[8]. Эти 7 или 8 глав вышлю к Вам около 18 Вашего декабря, то есть к Рождеству Вы получите *непременно*. Затем и следующие части буду в те же сроки высылать.

«Отеч<ественных> зап<исок>» 11-го № еще не получал. Нельзя ли сделать так, чтоб ко мне высылалось под бандеролью *в день выхода*. Право, для меня это очень интересно.

Здесь 1-го декабря умер врач Гагаринов, который в последнее время жил у графини Паниной и у ней в доме умер. Я узнал об этом только третьего дня, когда уж его схоронили. Передайте об этом Унковскому.

Прощайте, будьте здоровы и не забывайте

преданного Вам
М. Салтыкова.

Я же писал Тургеневу, что Гонкур — <———>[9]. Переводить его ужасно трудно.

Курочкин так переводит, что, право, Вы попадетесь когда-нибудь с ним[10]. Совестно читать. Я писал Елисееву[11].

Я здесь скучаю *до сумасшествия*.

На письме помета Н. А. Некрасова: Цензура.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 113—115.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 85—86.

---

[1] Ноябрьский номер *Отеч. записок* вышел в свет 19 ноября.

[2] Упоминаемое письмо Некрасова к Салтыкову неизвестно.

[3] О четвертой главе «Экскурсий...» см. письмо 421, прим. 2.

[4] О «Непочтительном Коронате» см. письмо 440, прим. 6.

[5] См. письмо 441, прим. 3.

[6] О романе Э. Эркмана и А. Шатриана см. письмо 441, прим. 9.

[7] Об отношении Салтыкова к творчеству Гонкуров и Золя см. письмо 446, прим. 6.

[8] Речь идет о цикле «Культурные люди» (см. письмо 414, прим. 2).

[9] Хотя это письмо Салтыкова к Тургеневу неизвестно, но о содержании его можно судить по ответному письму Тургенева от 25 ноября/7 декабря 1875 г., в котором он, в частности, писал: «Петр Великий, говорят, когда встречал умного человека, целовал его в голову; я хоть и не Петр и не Великий — а, прочитав Ваше письмо от 30-го ноября, охотно бы облобызал Вас, любезнейший Михаил Евграфович — до того все, что Вы говорите о романах Гонкура и Зола метко и верно. Мне самому все это смутно мерещилось — словно под ложечкой сосало; но только теперь я произнес: а! — и ясно прозрел. И не то, чтобы у них не было таланта, особенно у Зола; но идут они не по настоящей дороге — и уж очень сильно сочиняют. Литературой воняет от их литературы: вот что худо» (*Тургенев. Письма,* т. XI, с. 164).

[10] В это время Н. С. Курочкину был поручен перевод регулярно печатавшейся в *Отеч. записках* «Хроники парижской жизни» Шассена.

[11] Это письмо Салтыкова к Елисееву неизвестно.

448. Н. А. НЕКРАСОВУ

30 ноября/12 декабря 1875. Ницца

Ницца. 12 декабря.

Поздравляю Вас с имянинами, многоуважаемый Николай Алексеевич; ежели у Вас будет в этот день пирог, то вспомните и обо мне, ибо я в сей день еще больше буду ощущать свою изолированность.

Я получил «Отеч<ественные> зап<иски>» за ноябрь, но покуда успел только прочесть свою вещь да комедию Островского[1]. «Коронат» меня довольно-таки обидел[2]. Я не говорю уже об выпусках, сделанных по требованию сукина сына Лебедева, но меня очень тронуло то, что редакция не потрудилась согласовать эти пропуски с последующим изложением. Ссылка, сделанная в заключении рассказа на слова Машеньки, выпущенные вверху, просто обожгла меня. Это, впрочем, одна из приятностей моего пребывания за границей. Что касается до комедии Островского, то, по-моему, это самая неудачная вещь из всего, что он написал. Первый акт очень хорош, но потом какая-то совсем непонятная белиберда идет.

Октябрьский № я прочитал совсем и был очень недоволен статьей Григория Захарыча. Сентиментально и несправедливо — относительно русской литературы. Странно читать в «Отеч<ественных> зап<исках>» упрек, что литература даже не пользуется цензурными пределами и что у ней никакой *боли* нет [3]. Неужели «Отеч<ественные> зап<иски>» не доказывают противного? У нас даже Курочкин — и тот сахарную боль имеет.

Я продолжаю писать, и три главы уже кончил. Надо еще три или четыре приготовить — и к январю будет достаточно [4]. Но в моем положении все предположения могут оказаться писанными на воде. Вчера вечером посетила меня лихорадка, самая опасная вещь при моей болезни. Целую ночь я лежал в огне и заснул лишь около 5 часов. Сегодня голова болит и сухость во рту. Вот ежели эта штука привяжется, то, пожалуй, и в постель сложит.

Прощайте, написал бы и больше, но серьезно чувствую слабость.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 38, л. 87.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 115—116.

---

[1] А. Н. Островский. Волки и овцы. Комедия в пяти действиях (*ОЗ,* 1875, № 11).

[2] О рассказе «Непочтительный Коронат» см. письмо 440, прим. 6.

[3] Салтыков имеет в виду следующие строки из «Внутреннего обозрения» (*ОЗ,* 1875, № 10, отд. II, с. 252—288) Елисеева: «Пословица есть: у кого что болит, тот про то и говорит, или... когда есть боль... говорить о ней будешь. Вот такой-то боли и не чувствует в себе современная журналистика».

[4] О цикле «Культурные люди» см. письмо 414, прим. 2.

449. А. Н. ЕРАКОВУ

9/21 декабря 1875. Ницца

Ницца. 21 декабря.

Замечательнее всего, что переписка с Поль де-Коком велась в форме рескриптов, в которых знаменитый автор «Gustave le mauvais sujet» [1] везде титулуется: господин Статский Советник Поль де-Кок! Но что еще замечательнее: мысль о возбуждении вопроса по поводу ключей от храма Гроба господня впервые возникла в голове Поль де-Кока, который прямо советовал воспользоваться господствовавшими тогда во Франции неуря-

дицами (это было в 1848 году) и взять Константинополь. Что это действительно так, в том свидетельствует следующий рескрипт:

Господин Статский Советник Поль де-Кок.

Мысли Ваши насчет взятия Константинополя и отобрания известных Вам ключей вполне одобряю и усердие Ваше к престолу нахожу похвальным. Но теперь я имею другое занятие: учу войска ходить по морю, яко по суху, в чем мне верный пособник генерал Витовтов. Когда они сего достигнут, то без труда до Константинополя добегут и оный возьмут. А впрочем, пребываю вам доброжелательный

Статуй.

Но в 1849 году, в виду агитации в пользу избрания Бонапарта президентом республики, Поль де-Кок опять настаивал и предупреждал, что с Бонапартом будет потруднее ладить, нежели с Ламартином. На это Статуй отвечал:

Господин любезно верный полковник Поль де-Кок!

В воздаяния отличного усердия Вашего переименовываю Вас в полковники с зачислением в Изюмский гусарский полк, коего историю, по моему приказанию, пишет в настоящее время лихой ротмистр Гербель. Но рекомендуемый Вами план кампании Витовтов принять не советует, а равно и комендант Башуцкий, которому я тоже приказывал сказать правду об этом деле. Во-первых, войска мои еще не научились ходить по морю, яко по суху, но скоро научатся. А во-вторых, и Нессельрод не надежен: того гляди, продаст. А впрочем, видя в Вас таковое усердие к составлению планов, остаюсь доброжелательный

Статуй.

В 1853 году наконец войска были выучены и решено было идти по морю, яко по суху. Вот в каких выражениях получил об этом известие Поль де-Кок.

Господин полковник Поль де-Кок!

Мысль, Вами в 1848 году заявленная, приводится ныне в осуществление. На сих днях Константинополь будет взят, и по совершении в нем молебствия с водосвятием, открыто будет Константинопольское губернское правление, а в Адрианополе — земский суд. В ознаменование чего, купив в гостином

дворе орден Меджидие 1-й степени, повелеваю Вам возложить оный на себя и носить по установлению.

Статуй.

Любопытно, что Поль де-Кок действительно начал носить орден, но был уличен и отдан под суд за неправильное ношение орденов.

Скажите Семевскому, что если он хочет купить эту коллекцию, то пускай поспешит. Ее уж торгует один англичанин.

Ницца есть бардак, расположенный на берегу Средиземного моря. Все отребье, какое есть на свете, собралось сюда, все люди, которым неловко жить у себя, ищут здесь приюта. Те же нравы, те же дела и то же самодовольство, как и в Рязани в крепостное время. Скука непроходимая, такая, что ничего делать не хочется. Я начал одну вещь, и вот с неделю как встал в тупик[2]. Не идет да и полно. Отвращение, бессилие, болезненная мечтательность. А жить еще три месяца предстоит. Но 1-го апреля, суди меня бог и государь, уеду в Париж. Уехал бы и раньше, да боюсь: пишут, что везде холода. А здесь тепло, хотя дожди идут чаще, нежели желательно. А главное, надоело 8 месяцев толкаться в 3-х комнатах и иметь в преспективе еще 5 месяцев такого же толканья. И сам на ноги наступаешь, и тебе наступают — какая тут может быть работа?

Поздравляю Вас и Вашу семью с Новым годом.

На днях я здесь слышал на улице: ах, кляп те в рот, хоть караул кричи! Это один из соотечественников, не знающий ни слова по-французски, ругался. Извозчик с час его кружил, а он ничего ему, кроме: иси! — сказать не может. И с таким-то суконным языком ездит по городу, квартиры ищет.

Прощайте, будьте здоровы. Остаюсь доброжелательный Вам

Статуй.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 16, лл. 1—2. Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 54—57.

Это единственный дошедший до нас в авторской редакции фрагмент «Переписки Николая Павловича с Поль де Коком», создававшейся в письмах Салтыкова к И. С. Тургеневу, А. М. Унковскому, А. Н. Еракову (быть может, и к др.) в форме «рескриптов» императора Николая I к французскому романисту. Фрагмент из этой «Переписки» Салтыков рассказал Л. Ф. Пантелееву, который впоследствии привел его по памяти в статье «Как трудно управлять Россией! (Из переписки императора Николая Павловича с Поль де Коком)»:

«Любезный статский советник Поль де Кок! (при всем уважении к Поль де Коку,— пояснял Мих<аил> Ев<графович>,— Николай Павлович все же не находил возможным произвести его в генералы). Получив Ваше письмо, что мне, как неограниченному повелителю десятков миллионов, полезно по временам выслушивать обличения, я сейчас же послал за протопресвитером Бажановым и, когда тот явился, приказал ему обличать меня. Но послушайте, что он сказал: армия твоя наводит страх на всех твоих врагов, флоты твои по самым дальним морям разносят славу твоего имени, а чиновники с кротостью и любовью пасут вверенное им стадо.

Судите сами по этим словам, как трудно управлять таким государством, как Россия» («Современные вести», 1917, № 22, 24 декабря). См. также публикацию и комментарий Н. В. Яковлева в *ЛН*, т. 1, с. 165—194.

---

[1] Точное название романа Поля де Кока «Gustave, ou Le mauvais sujet» («Густав-Негодник»).

[2] Цикл «Культурные люди» (см. письмо 452).

450. А. Ф. КАБЛУКОВУ

21 декабря 1875/2 января 1876. Ницца

Ницца. 2 января.

Очень Вам благодарен, многоуважаемый Алексей Федорович, за сохранную расписку, взамен которой посылаю Вам вексель с сделанною на нем надписью, который и прошу передать Николаю Алексеевичу[1].

Поздравляю Вас, Ваше семейство и Марью Ивановну с Новым годом. Я же уж свой Новый год встретил и очень скучно. В последнее время здоровье мое сделалось значительно хуже, опять показывается ревматизм и значительное истощение сил. В Ницце, в одном со мной доме живет Фишер, наш сосед, а также графиня Панина[2] — только в великолепной вилле. Прощайте, будьте здюровы, дай бог свидеться. Пришлите поскорее отчет.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, л. 87.

Публикуется впервые.

---

[1] Возвращенный Н. А. Каблукову вексель на 600 руб. (см. письмо 404, прим. 2). На обороте векселя автографическая надпись: «По сему векселю уплату сполна и своевременно получила. Жена действительного статского советника Елизавета Салтыкова» (*ЦГАЛИ*, ф. 155).

[2] Соседи Салтыкова по имениям — Степаньково (Фишер) и Марфино (гр. Панина).

451. Н. А. НЕКРАСОВУ

21 декабря 1875/2 января 1876. Ницца

Ницца. 2 января.

Вследствие письма Вашего от 12 декабря могу только повторить: отдайте Унков<скому> 1500 р.[1]. Я не понимаю, из-за чего тут вопрос. Ведь эти 1500 тыс., о которых я прошу, составляют жалованье, то самое, которое было условлено оставить за мной. Его следовало мне выдать еще тогда, когда я ехал за границу, но, чтоб не смешивать счетов, дело было отложено до 1876 года, т. е. до подписки, как я полагал. В чем же теперь затруднение? Стоит ли из-за каких-нибудь нескольких дней вливать отраву в те немногие дни, которые мне остается жить. А Вы меня истинно отравили. Я три ночи не сплю, все думаю, что семья моя будет вынуждена по благотворительной подписке из Ниццы выезжать. Пожалуйста, отдайте деньги. Ведь это мои. Кстати, и январь уж наступил. Прошу Вас

М. Салтыков.

Впрочем, не могу дать подписку, что непременно умру.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 33, л. 23.
Впервые опубликовано: «Новый мир», 1929, № 5, с. 181.

[1] Упоминаемое письмо Некрасова Салтыкову неизвестно. Через несколько дней, сознавая несправедливость высказанных обвинений, Салтыков принес свои извинения Некрасову (см. письмо 453).

452. П. В. АННЕНКОВУ

24 декабря 1875/5 января 1876. Ницца

Ницца. 5 января.

Ежели я не ответил до сих пор на Ваше письмо, многоуважаемый Павел Васильевич, то единственно потому, что очень уж болен. И ревматизм опять показался, и лихорадка проклятая, а кашель — так это даже вообразить себе трудно, что это такое. Два дня левой рукой не владел, теперь тут получше, в ногах что-то началось. Точно я тридцать верст верхом проехал, не отдыхая. Не могу ходить да и полно. Из комнаты уж больше недели не выхожу — вот и польза ниццского воздуха. Впрочем, здесь и погода стоит неприятная. Холодная,

с ветром, предательская. Не знаю, кажется, я не переживу. Апатия, бессилие, скука. И при всем этом необходимо работать — это ли не каторжная жизнь. Сегодня посылаю начало целого ряда статей под названием «Культурные люди» — то самое, об чем Вам писал[1]. Не знаю и сам, что я там написал среди припадков лихорадки. Надо бы все бросить и подыскать подходящее время, да вот подите же. В довершение всего переписываюсь с Унковским, прошу денег выслать — и ни денег, ни ответа целый месяц не получаю[2]. А у меня теперь налицо всего 4 т. фр<анков>. Каково мне при усиливающихся припадках думать о том, в каком положении будет мое семейство, ежели я издохну? Ведь тут за одно мертвое тело, чтоб убрать порядком, 6 т. фр<анков> возьмут, я уж справлялся. Нет слова, что деньги не пропадут, да ведь почта-то шесть дней сюда идет, и все это время надо думать и беспокоиться.

Поздравляю Вас, Глафиру Александровну и все семейство с Новым годом. То же делает и жена.

Прощайте, нет сил больше.

Ваш
М. Салтыков.

На конверте: Allemagne. Baden-Baden. Sophienstrasse, 4. M-r Paul Annenkoff.

Почтовый штемпель: Nice. 5 janv. 1875, Ausg. 8.1.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. № 3, л. 1.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 116—117.

---

[1] См. письмо 446, прим. 3.

О судьбе переписки Салтыкова с Унковским см. Приложения, IX (сожженные письма к Унковскому).

453. Н. А. НЕКРАСОВУ

29 декабря 1875/10 января 1876. Ницца

Ницца. 10 января.

Написал к Вам глупое письмо — пожалуйста, извините. Болезнь писала[1]. Я и теперь чуть жив, левая рука совсем почти не действует, особенно скверно утром вставать: такая боль, что хоть плачь.

Я послал начало «Культурных людей»[2]. Кажется, вышло скверно. Извините. Писал (вторую половину) почти насильно, в чаду лихорадки и ревматических припадков. В настоящее

время совсем ничего не могу делать. У Вас морозы, да и здесь погода отвратительная, по три дня солнца нет. А без солнца здесь точно в погребе. К февральской книжке ничего не ждите от меня, не начинал и не могу еще начать: дай бог, около 20-го, да и то ежели погода исправится. Так мне тяжело, так тяжело жить, что и сказать не могу. Когда наберут первые 5 глав, прочтите и скажите откровенно, стоит ли продолжать. Можно ведь и бросить, другое начать. Я задался мыслью изобразить жизнь русских культурных людей за границей. Но вот беда: идеи в этой жизни нет никакой, одно бесцельное шатание с клеймом культурности на челе или скорее на заднице. Что другие, то и мы. Боюсь, как бы скучно не вышло. Первые главы не образец: я действительно писал их совсем больной, но ведь болезнь, пожалуй, так привяжется, что окончательно уничтожит юмор, который в этом случае преимущественно требуется. Дайте же мне совет. Я к марту еще глав 5—6 напишу, а в февральской книжке можно примечанье сделать, что по болезни автора и т. д.[3]. Вы знаете, как я исполнителен в своих обещаниях — следовательно, к марту пришлю непременно, разве совсем слягу. А за февраль, извините — ей-богу, нельзя. По почерку моему видите, каково мне.

Объявление об 12 № три дня тому назад видел, а книжки не получил[4]. Это очень досадно, потому что я провожу время решительно как скотина: читаю старые романы Дюма. Боюсь, что с 1-го января будет остановка с газетами. Я писал, впрочем, Елисееву, что, отдавая какое-нибудь приказание конторщику, нужно наперед удостовериться, не спит ли он.

Прочитал также объявление о предположенном чтении «Часов» Тургенева[5]. Тургенев сам писал мне, что это штука не важная, но доход для фонда все-таки будет, и будет присутствовать на чтении г-жа Философова, которая прольет по этому случаю несколько регул. Вижу отсюда Стасюлевича в белом галстуке и в восторге, что *его читают*[6]. Тургенев тоже, вероятно, доволен и, замечая, что Философова не пропускает ни одного чтения, думает, что он популярен. Я с ним нахожусь в деятельной переписке. Спрашивал, зачем он *вводит в заблуждение* статьями вроде той, которую написал об Толстом. Отвечает, что его просили, что он, сверх того, много обязан покойному, и что, в-третьих, хотя Толстой и не был первоклассным поэтом, но *третьеклассным* был[7]. И такую нежность ко мне возымел, что спрашивает, не приехать ли в Ниццу, чтоб взять меня в Париж[8]. Я на днях ему напишу и изображу, что такое за популярность, в которую он верит. И еще напишу, как он мог бы хорошо себя устроить в русской литературе, и как он себя <— — —>[9]. Он и сам внутренно знает это, но

все-таки думает: а может быть, и не <———>. Так надо, чтоб он наверное знал.

Прощайте, будьте здоровы.

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 34.

Впервые опубликовано: «Новый мир», 1929, № 5, с. 181—182.

---

[1] См. письмо 451.

[2] О цикле «Культурные люди» см. письмо 414, прим. 2.

[3] Во втором номере *Отеч. записок* за 1876 г. Салтыков ничего не напечатал. Согласно его просьбе, повторенной в двух следующих письмах к Некрасову (455, 462), в конце оглавления этого номера сказано: «NBПечатание «Культурных людей» прервано за болезнью автора».

[4] Объявление о выходе в свет двенадцатого номера Салтыков прочел в газете «Голос».

[5] Вверху первой страницы газеты «Голос» (1875, № 353, 22 декабря) жирным шрифтом набрано объявление. В нем сообщалось, что 23 декабря в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым в петербургском собрании художников «назначено чтение новой повести И. С. Тургенева «Часы». Будет читать А. А. Потехин».

[6] «Часы» Тургенева были впервые напечатаны в «Вестнике Европы» (1876, № 1), редактор М. М. Стасюлевич.

[7] 25 декабря/7 января 1876 г., отвечая на не дошедшее до нас письмо Салтыкова с замечаниями на помещенное в «Вестнике Европы» (1875, № 11) «Письмо к редактору по поводу смерти гр. А. К. Толстого», Тургенев сообщал: «Во-первых, у меня попросили этой статейки — а отказаться я не мог, потому что был *лично* обязан Толстому; во-вторых, я продолжаю думать, что Толстой хотя второстепенный (пожалуй, третьестепенный) — но все-таки поэт; в-третьих, он был человек хотя не больно умный — но хороший, и добрый, и гуманный» (*Тургенев. Письма,* т. XI, с. 182).

[8] В цитированном выше письме И. С. Тургенев писал: «Скажите мне, что Вы возвращаетесь сюда, и не думайте, чтобы я только для красоты слога сделал Вам предложение заехать за Вами: я это исполню, если без этого Вы не вернетесь» (т а м ж е, с. 182).

[9] Такое письмо Салтыкова к Тургеневу неизвестно. Вряд ли оно было написано.

1876

454. А. М. УНКОВСКОМУ

Конец декабря 1875 — начало января 1876. Ницца

Ницца.

Очень-очень благодарен, многоуважаемый Алексей Михайлович, и за письмо, и за вчерашнюю телеграмму [1]. Я именно потому просил выслать деньги на имя жены, что со мною бог знает что может случиться.

Я еще не умираю, но вот какое мое положение. Целый месяц, как я вожусь с припадками острого ревматизма, то правое плечо болит, то (в особенности часто) левое. Я до того измучен бессонными ночами, что чувствую во всем теле такое чувство, как будто меня избили. Кашель стал меньше, благодаря пульверизации из морфина. Сначала прицепилась было лихорадка, но теперь, слава богу, не появляется. Слабость такая, что сижу на стуле и задыхаюсь. Это-то всего больше меня и пугает. Даже письмо это насилу пишу. Погода здесь стоит скверная и холодная, как у нас в начале октября. Тем не менее я до последней крайности работал, хотя, по-видимому, довольно скверно; но теперь решительно ничего делать не в состоянии и решился недели три отдохнуть. Впрочем, если б я и не решился на это, то моя слабость заставила бы это сделать. По почерку Вы, конечно, видите, что я с трудом нажимаю пером на бумагу.

А теперь вот Вам мой день. После беспокойной ночи встаю и жду чаю. После чаю сижу и жду завтрака, после завтрака сижу, задыхаюсь и жду обеда, после обеда — чаю. Потом опять в постель, где употребляю неимоверные усилия, чтобы перевернуться с боку на бок. Можно ли так жить? А я именно так живу. В течение последних трех недель всего два раза выходил прогуляться и оба раза возвратился с новым усилением ревматических припадков.

Вторично поздравляю Вас, добрейшую Настасью Михайловну и всю семью с Новым годом.

Писать больше не могу.

М. Салтыков.

Реберг думает, что все пройдет, как только погода изменится.

Пью молоко, два стакана в сутки.

Кланяйтесь Некрасову, скажите, что письмо мое болезнь диктовала.

И болен, и бесполезен — для чего я живу?

Есть у меня один рескрипт на имя статского советника Поль де-Кока, но когда-нибудь после [2].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 62, лл. 3—4.

Опубликовано впервые (с пропусками): «Красная панорама», 1929, № 25, с. 11—12; полностью: *Неизданные письма,* с. 58—59, с датой «6—13 января н. ст. 1876 г.». Датируется предположительно после 24 декабря 1875/5 января 1876 г. (жалоба на отсутствие писем от Унковского в письме к Анненкову 24 декабря 1875/5 января 1876-го).

---

[1] И письмо и телеграмма Унковского — они неизвестны — как видно из контекста, относились к высылке жалованья Салтыкову по журналу, почему-то задержавшейся, что вызвало раздраженное письмо к Некрасову (см. письмо 451).

[2] См. письмо 449 и прим. к нему.

455. Н. А. НЕКРАСОВУ

7/19 января 1876. Ницца

Ницца. 19 января.

С неделю здесь стоит погода превосходная, и я начинаю оживать. Но покуда дело идет еще туго, руки дрожат и слабы, ревматизм в левой стороне еще держится, и утром, когда встаю с постели, боли так сильны, что хоть кричать. Сейчас получил Ваше письмо и обрадовался ему чрезвычайно, хоть, признаться сказать, Вы всегда так мало пишете, точно кость кидаете. Теперь поговорю об деле. Вы, конечно, уж прочли начало «Культурных людей», и, вероятно, оно Вам не понравилось [1]. Мне тоже сильно не нравится, но делать нечего, если найдете возможным и не будет цензурных препятствий, печатайте. Я писал (особливо начиная с половины) среди болей и лихорадочных припадков. У меня не было веселости, кото-

рая тут особенно нужна, да и теперь нет. Без веселости не может быть свободы в письме, а в произведении такого рода свобода — первое дело. Теперь я больше двух недель не брался за перо и к февралю, как я уже предупреждал Вас, не ждите от меня ничего. Ей-богу, не могу. Вы видите, как я пишу — это оттого, что рука слаба и дрожит. Поэтому нельзя ли на обертке февральской книжки, в конце оглавления напечатать: «Продолжение «Культурных людей», по случаю болезни автора, откладывается» [2]. Затем, я должен сказать еще, что вряд ли я скоро буду в состоянии продолжать «Культурных людей», имянно вследствие недостатка спокойствия духа. К марту я постараюсь прислать Вам особый рассказ, в котором изображу конец головлевского семейства [3]. К апрелю еще другой рассказ [4]. Затем осенью возобновлю «Культурных людей» и, буде нужно, переделаю начало. Рассказ пришлю Вам при письме, в котором объясню причину перерыва в «Культурных людях» и которое попрошу Вас напечатать. Я бы попросил Вас ответить на это письмо скорее, ибо если непременно нужно продолжать «Культурных людей», то постараюсь и это сделать. Ведь мне здесь даже посоветоваться не с кем: я совсем один. Поймите, как мне трудно и как легко впасть в ошибку. Потрудитесь также распорядиться, чтоб 1-ю книжку журнала мне выслали *в день ее выхода,* потому что черновая у меня осталась очень неполная, и, в случае продолжения «Культурных людей», мне будет необходимо иметь первые пять глав.

По поводу рассказа «По-родственному» я отовсюду получаю похвалы. Анненков в умилении, даже Тургенев, который вообще предпочитает умалчивать, поздравляет меня [5]. Я его порядком-таки раззудил, так что он пишет, что еще не отчаявается «зажечь сердца» [6]. Мне здесь показывали письма из Питера, в которых велят узнать, не будет ли продолжения. Хотя вопрос этот глупый, но он дал мне мысль написать еще рассказ. Что такое «Молва»? Какой Жемчужников ее издает? [7] Еще вопрос: не купили ли Вы что-нибудь у Авдеева? [8] Почему Ядринцев не участвует у нас? Я в «Вестнике Европы» читал его статью — очень хорошая [9]. Право, ничего не стоит заручиться: все-таки материал живой.

Мне единственное утешение — письма из Петербурга. К сожалению, даже Унковский перестал писать, а последнее письмо написал пять строк и карандашом: у вас научился [10]. Лихачев пишет о новой Вашей поэме; жду с нетерпением и напишу Вам мнение — *вполне* искренне [11].

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 336, оп. 3, № 32, лл. 88—89. Впервые опубликовано: *Письма*, с. 117—119.

---

[1] О цикле «Культурные люди» см. письмо 414, прим. 2.

[2] Просьба Салтыкова была удовлетворена (см. письмо 453, прим. 3).

[3] Рассказ «Семейные итоги» (*ОЗ*, 1876, № 3) первоначально опубликованный как гл. XVIII цикла «Благонамеренные речи», а затем включенный в роман «Господа Головлевы».

[4] «Благонамеренные речи». Гл. XV («В погоню за идеалами») (*ОЗ*, 1876, № 4).

[5] Отзыв Анненкова неизвестен. В письме к Салтыкову от 3/15 января 1876 г. Тургенев писал: «Прочел я также «По-родственному» и очень остался доволен: старуха, которая плачет при восхождении солнца,— это, что называют французы, une trouvaille, да и вообще вся ее фигура превосходна. Уметь возбудить сочувствие к ней читателя, не смягчив ни одной ее черты,— это только большим талантам на руку» (*Тургенев. Письма*, т. XI, с. 190).

[6] Цитата из приведенного выше письма Тургенева: «Кто знает, мне, быть может, еще суждено зажечь сердца людей».

[7] Издателем еженедельной «политической, общественной и литературной» газеты «Молва», выходившей в Петербурге в 1876 г. (вышел 41 номер), был А. А. Жемчужников. Программа газеты отражала либерально-народнические воззрения.

[8] Участие М. В. Авдеева в *Отеч. записках* ограничилось публикацией «Переписки двух барышень» (1875, № 2).

[9] Н. М. Ядринцев. Положение ссыльных в Сибири («Вестник Европы», 1875, № 11). Вскоре после этого письма Салтыкова к Некрасову в *Отеч. записках* появился ряд статей Ядринцева: «Современная мания к путешествиям» (1876, № 8), «Нужды и условия жизни рабочего населения Сибири» (1876, № 12).

[10] Письмо Унковского неизвестно.

[11] Упоминаемое письмо Лихачева с отзывом о второй части поэмы Некрасова «Современники» — «Герои времени» (*ОЗ*, 1876, № 1) неизвестно. Свое мнение об этой части поэмы Салтыков высказал в письме к Некрасову от 31 января/12 февраля 1876 г. (461).

456. Е. И. ЯКУШКИНУ

19/31 января 1876. Ницца

Милостивый государь Евгений Иванович.

30 декабря прошлого года Угличское у<ездное> присутствие представило в Ярославское губернское мою выкупную сделку с крестьянами 2-го Заозерского общества[1]. Я не знаю, член ли Вы, по новым правилам, губернского присутствия, но,

во всяком случае, думаю, что Вы не откажетесь оказать мне содействие к скорейшему рассмотрению этого дела и отсылке в Петербург[2].

Извините, что пишу Вам такими каракулями — это моя болезнь так пишет. Целый год я борюсь со смертью и три раза почти в гробе был, но победил смерти жало, хотя канона мне за это никто не сочинит. В Баден-Бадене даже совсем умер, но, должно быть, вышли какие-нибудь неприятности, потому что я очнулся. Вот и теперь опять возобновляются с половины декабря припадки ревматизма и правая рука пухнет. Оттого так и пишу. А тоскую я здесь — ужасно. В Бадене чистота одолевала. Одна русская нянька говорила мне: все господа здесь, черняди нет — оттого и скучно. Плюнуть не на что, а Руси есть веселие плевати. А в Ницце еще хуже. Пресловутые апельсинные сады не что иное, как огороды, которы<е> поливают разжиженным человечьим калом, отчего по всему городу воняет поносом. Французская цивилизация борется с итальянскою: днем дерьмо чистят, а за ночь опять все тротуары усеяны кренделями.

Вычитал я, что Вы книжку об Обычном русском праве издали — вот бы обязали, ежели бы экземпляр выслали:[3] я бы Вам в мае все сочинения свои прислал за это, ибо я хоть умирать, но в мае в Россию поеду. Адрес мой по 1-е апреля нового стиля след<ующий>: Nice, Alpes maritimes, France, poste restante. Кстати бы уведомили и о положении моего выкупного дела. Извините, что беспокою Вас: целый год я с этим выкупным делом вожусь — все Скрипицын его в Угличе тормозил[4].

Искренно жму Вашу руку и остаюсь навсегда уважающий Вас

М. Салтыков.

Ницца. 31 янв.

Помета Е. И. Якушкина: 21 янв. 1876. № 551. Мих. Евгр. ответил 25 февр.

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 279, оп. I, № 638, лл. 16—17.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, с. 300—302.

---

[1] При проведении реформы 1861 г. в ярославском имении М. Е. и С. Е. Салтыковых Заозерье все временнообязанные крестьяне были разделены на две сельские общины (см. письмо 146, прим. 1); о дальнейшей судьбе выкупного дела Салтыкова (см. письма 491 и 498).

[2] О том, что Е. И. Якушкин оказал просимое содействие, свидетельствует, в частности, его помета на письме.

[3] В конце 1875 г. вышел в свет первый том многолетнего труда

Е. И. Якушкина — «Обычное право». Книга была выслана Салтыкову (см. письмо 472).

[4] По-видимому, Н. П. Скрипицын, ярославский губернский предводитель дворянства, муж племянницы Салтыкова Е. П. Епифановой (дочери Надежды Евграфовны).

457. А. С. СУВОРИНУ

23 января/4 февраля 1876. Ницца

Ницца. 4 февраля.

Любезный Алексей Сергеевич.

Если будете продолжать характеристики писателей[1], то имейте в виду следующее:

Краевский Андрей. В 1841 году, когда заблудившийся Чичиков ночевал у Коробочки, последняя в ту же ночь понесла, а через девять месяцев родила сына, которого назвали Андреем и который впоследствии соединил лукавство Чичикова с экономической бестолковостью Коробочки.

Стасюлевич Михаил. По прошествии нескольких месяцев по рождении Андрея, Коробочка снова была в охоте, и к ней, заблудившись в хрестоматии, попал Алексей Галахов. После чего родился сын Михаил, который соединил тупоумие отца с бестолковостью матери.

Пыпин Александр. После того, через некоторое время, Коробочка вновь была в охоте и, гуляя в саду, почувствовала, что в нее заполз живчик. Живчик этот был принесен ветром из Общества любителей истории и древностей в общем собрании с Обществом любителей российской словесности. И хотя Коробочка могла сказать: «како могло быть сие? греха бо не знаю» — тем не менее достоверно, что через 9 месяцев родился сын Пыпин, который уже ровно ничего в себе не соединил.

Все это нужно развить, для чего я не имею возможности, ибо руки болят.

М. Салтыков.

Скажите В. И. Лихачеву, что я салицилку принимал, но без пользы. Еще хочу опыт сделать. Дело в том, что у меня аппетит солдатский, а желудок гражданский, а нужно наоборот. Или попросту, сделались <———> и изжога, вследствие чего я и бросил. Видите, как пишу, начинаю складно, а к концу насилу перо в руках держится.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 459, оп. 1, № 3771, лл. 1—2.

Впервые опубликовано в кн.: «Письма русских писателей к А. С. Суворину». Л., 1927, с. 168—169.

[1] В статье Суворина «Недельные очерки и картинки» («Биржевые ведомости», 1876, № 3, 4 января) даны характеристики ряда современников — В. П. Авенариуса, В. Г. Авсеенко, И. К. Айвазовского, И. С. Аксакова и др. Продолжение этой серии печаталось в «Новом времени» (1876, № 29, 28 марта) под названием «Наброски о современниках».

458. П. В. АННЕНКОВУ

25 января/6 февраля 1876. Ницца

Ницца. 6 февраля.

Извините, что давно не писал к Вам, многоуважаемый Павел Васильевич. Все был болен и вследствие этого хандрил, так что перо в руках не держалось. Не только к Вам не писал, но и вообще ничего. Погода стояла здесь скверная весь январь, теперь же хотя и наступили ясные дни, но с таким холодом, какого здесь давно не знают. Я несколько меньше страдаю, но все-таки ревматизм упорно держится. По совету Боткина, прибегнул к acide sallicilique[1]. Но так как настоящего руководителя нет, то выходит ни то ни се. Тем не меньше, я столько получил по этому предмету настояний, что сегодня решился опять прибегнуть к этому средству. Вот уже принял в течение 6 часов 6 грамм, остается еще 2 или 3 грамма принять. В ушах звенит, в голове стучит — вот покуда весь результат. А из Петербурга пишут насчет этого чудеса. Боткин свидетельствует, что у него в клинике один пациент-ревматик через 4 часа встал на ноги, взял одр свой и пошел в дом свой. У меня же после 6 часов на правой руке все та же опухоль (оттого так красиво и пишу).

Благодарю Вас за добрый отзыв об моих последних рассказах[2]. В январской книжке Вы прочтете начало новой вещи, которое, впрочем, Вам не понравится[3]. Мудреного и нет ничего. Я задумал это давно, а приводил в исполнение среди ревматизмов и лихорадок, тогда как эта вещь требует совершенно покойного и даже веселого расположения духа. А так как я полтора месяца не беру в руки пера, то в февральской книжке продолжения не будет, да и в мартовскую едва ли пошлю продолжение. Всего скорее, напишу другой рассказ, более подходящий к расположению духа[4].

Однако прощайте, рука совсем отказывается служить.

Поклон от нас Глафире Александровне.

Куда Вы после 15 мая едете?

Ваш

М. Салтыков.

На конверте: Allemagne. Baden-Baden. Sophienstrasse, 4. M-r Paul Annenkoff.

Почтовый штемпель: «Nice 7 fev. 1876.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 3, лл. 4—5.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 119—120.

---

[1] Салициловой кислоте.

[2] Это письмо Анненкова неизвестно. «Последние рассказы» Салтыкова (*ОЗ*, 1875, №№ 10—12 — «Семейный суд» и «По-родственному», вошедшие впоследствии в роман «Господа Головлевы») и «Непочтительный Коронат» («Благонамеренные речи»).

[3] Цикл «Культурные люди» (*ОЗ*, 1876, № 1), единственная публикация первых пяти глав которых сопровождалась ремаркой: «Продолжение следует».

[4] По-видимому, имеется в виду рассказ «Семейные итоги». См. прим. 3 к письму 455.

459. А. Ф. КАБЛУКОВУ

26 января/7 февраля 1876. Ницца

Ницца. 7 февраля.

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Корову и даже две купить необходимо, потому что и я, и дети пьем молоко. При недостатке корма, в марте коровы бывают дешевле, да притом нам нужны хорошие, которые, кажется, всегда в одной цене. Паньковский молодую корову хотел продать. Будьте так добры уведомить меня, были ли Вами произведены подсадки деревьев осенью. Необходимо также пересадить клубнику весной хорошенько и кусты крыжовника и смородины окопать. Будет очень грустно, ежели даже ягод не будет и по-прежнему будет голо сзади дома, а парк и Похоронные березки будут уничтожаться.

Будьте так добры, попросите кого-нибудь из сыновей Ваших выслать мне последнюю тиражную таблицу облигаций Московского городского кредитного общества. Кажется, в декабре последний тираж был.

Прошу передать наше почтение Марье Ивановне и семейству Вашему.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Весной пересмотрите, пожалуйста, рамы и, буде нужно, поправьте или новые сделайте, где нужно. Я заплачу. Напишите. Сено в марте в начале продайте.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 88. Публикуется впервые.

460. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

27 января/8 февраля 1876. Ницца

Ницца. 8 февраля.

Считаю нелишним сообщить Вам, многоуважаемый Николай Андреевич, о своих похождениях с салициликовой кислотой. Еще прежде, нежели я получил телеграмму Унковского, возвещавшую о конце ревматизмов [1], Реберг уже, с свойственною таланту скромностью, предлагал мне испытать на себе это средство, о котором он вычитал из того же источника, как и Боткин. На предложение это я согласился, хотя вообще в благоустроенных обществах принято новые средства испытывать на солдатах, а не на благородных людях. Но скромность истинного таланта имеет то свойство, что в области неизвестного он теряется и путается. Так было и с нами относительно количества и веса приемов. Первый раз я принял 4 приема по $1/2$ грамма каждый — и никакого действия не получилось. Потом Реберг усилил дозу, прописал 10 порошков по $1/2$ грамма каждый и приказал принять в течение двух суток. После 10-го приема получился следующий результат: ревматизм тот же и большой понос. Наконец, получив из Петербурга несколько настоятельных писем, с описанием чудес, я просил Реберга, чтоб он взаправду испробовал на мне действие салициликовой кислоты. Вследствие этого, третьего дня я принял в течение 7 часов 7 приемов по грамму каждый. После 5-го приема у меня появился в ушах звон и довольно обильный пот, в особенности в голове под волосами; после 7-го приема я оглох совсем и прекратил дальнейшие приемы. Целые сутки я был глух, но вчера к вечеру слух уже начал восстанавливаться, а теперь и совсем восстановился. Что касается до ревматизма, то хотя он и не оставил меня вполне, но мне значительно легче. Думаю и еще раз попробовать, когда погода будет лучше. А то, представьте себе, здесь с 4-го числа такая стужа, что по ночам вода в бассейнах мерзнет. Забыл сказать: вчера целый день понос.

Впрочем, по почерку моему Вы можете судить, что руки мои еще в очень плохом положении. Это-то мне и досадно. Вот уже пять месяцев, как я ничего не пишу, кроме коротких писем, а между тем теперь подписка идет и самое настоящее время писать. Ну, да невозможного и требовать нельзя. Все

в концах пальцев припухлости, да и в сочлении пальцев с рукою видимая на глаз опухоль. Рука устает очень скоро.

Пью, по совету Вашему, молоко. Теперь уже в ходу 1 литр или 4 стакана в день. Наружный мой вид хорош, так что, по лицу судя, меня находят совсем здоровым.

Реберг говорит, что, принимая кислоту салицил<иковую>, можно не стеснять себя в пище. Так ли это?

Прощайте, будьте здоровы и передайте наш искренне-дружеский поклон многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно преданный Вам
М. Салтыков.

От главного протоиерея «Отеч<ественных> записок» Елисеева никаких известий не имею.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 3.

Впервые опубликовано: «Голос минувшего», 1913, № 1, с. 177—178; повторная публикация: В. Розенберг. Журналисты безвременья. М., 1917, с. 42—44. Год устанавливается временем пребывания в Ницце и по сопоставлению с письмом 458.

---

[1] Эта телеграмма неизвестна. О «конце ревматизмов» см. в письме 458.

461. Н. А. НЕКРАСОВУ

31 января/12 февраля 1876. Ницца

Ницца. 12 февраля.

Вчера получил «Отеч<ественные> зап<иски>», прочел первым долгом Вашу поэму[1] и желал дать Вам подробный отчет о впечатлении, произведенном ею на меня (я думаю, что только взаимною доброжелательною критикой поддерживается бодрость таланта). Но для этого нужно перечитать эту вещь два или три раза, а я не успел отвернуться, как книжку уже отдали на прочтение, так что она вряд ли раньше 10 дней воротится ко мне. Тем не менее, я могу, по первому впечатлению, сказать, что поэма поразила меня своею силою и правдою; например, картина Кокоревых, тянущих бечеву и с искренним трагизмом поющих бурлацкую песню (превосходную), производит поразительное действие. Описание оргии, спичи и лежащая на всем фоне угрюмость — все это отлично задумано и отлично выполнено. Но позволяю себе сделать следующие замечания: 1) Вы слишком часто меняете размеры стиха; 2) не-

которые рифмы производят неприятное впечатление, одна в особенности: хоть целковыми вымости; 3) некоторые стихи имеют вид куплетов (тост), что положительно вредит; представьте себе, что посреди коллизии самого трагического свойства вдруг врывается Монахов или Горбунов; конечно, и это возможно и даже законно в среде наших плутократов (тут самое трагическое — то, что даже трагедии настоящей нет), но в таком случае нужно, чтоб личность поэта вполне стушевывалась и выходило бы только объективно; 4) мне кажется, Вы бы не худо сделали, если б Зацепу заставили застрелиться.

Затем, помимо Вашей поэмы, 1-я книжка «От<ечественных> зап<исок>» не удовлетворяет и имеет вид «Складчины»[2]. Я прочел, правда, немногое, но это немногое — не хорошо. Рассказ Хвощинской плох и снотворен, и идея его мизерная[3]. Она все еще находится под впечатлением безвременной погибели мировых посредников начала 60-х годов. «Вперемежку» — плохо необыкновенно. Кому это принадлежит? Судя по манере бесплодного ковыряния — Слепцову, а может быть, и Михайловскому[4]. Хотел бы, чтоб правильно было 1-е предположение, и было бы печально, ежели б Михайловский пустился по следам Слепцова.

О себе скажу Вам, мне все хуже и хуже. Рука правая пухнет, плечо левое ломит, а со вчерашнего дня боль в правом колене. Боюсь, что со мной сделается то же, что с Анненковым в прошлом году, который шесть недель просидел недвижим в кресле по милости колена. Просто, в тягость мне жизнь. Ничего делать не могу и живу в ущерб семье своей. Ясно, что я уже не работник — стало быть, всякий прожитой мною день есть явный ущерб для семьи. Начал было писать для «Отеч<ественных> зап<исок>», но, ей-богу, пяти минут сряду пера в руках держать не в силах. На письмах моих это видите: начинаю по-человечески, а кончаю черт знает как. И погода стоит холодная — все меня преследует. Зачем меня сюда выслали? — я не перестаю это спрашивать.

Пожалуйста, напишите, как идет подписка. Более писать не в состоянии. Не знаю, вышлю ли что-нибудь для мартовской книжки[5]. Я нахожусь в таком состоянии, об котором говорят: перемотается. Боюсь, чтоб не кончилось кризисом, особенно коленка беспокоит.

Весь Ваш *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 35, лл. 1—2.

Впервые опубликовано: «Красная газета» (веч. выпуск, Ленинград), 1927, № 184, 11 июля.

[1] Н. А. Некрасов. Герои времени. Трагикомедия (*ОЗ,* 1876 № 1). Это вторая часть поэмы «Современники».

[2] То есть напоминает сборник не связанных друг с другом материалов («Складчина». Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. СПб., 1874).

[3] Н. Д. Хвощинская. На вечере (Из записной книжки).

[4] Статья «Вперемежку» написана Н. К. Михайловским. Сомнения Салтыкова в определении ее автора объясняются тем, что она подписана не употреблявшимся ранее Михайловским псевдонимом — «Г. Тёмкин».

[5] В № 3 Салтыков поместил рассказ «Семейные итоги» (см. письма 455, прим. 3 и 458, прим. 4), а также написанную несколько позже по просьбе Некрасова статью «Отрезанный ломоть» (см. письмо 462, прим. 2).

462. Н. А. НЕКРАСОВУ

9/21 февраля 1876. Ницца

Ницца. 21 февраля.

Письмо Ваше получил 5 дней тому назад не от Панаева, а по почте[1] и, вследствие выраженного в нем желания иметь статью по Кронеберговскому делу, сел за оную и написал[2]. Первую половину посылаю, вторую вышлю завтра. Совсем руку испортил. Боюсь, что опоздал, а потому на всякий случай телеграфировал. Боюсь, что и статья не понравится. Я хотел бы сохранить тайну ее происхождения от меня. Поэтому вновь прошу Вас сделать оговорку на обертке, что «Культ<урные> люди» не продолжаются «по болезни автора»[3].

М. Салтыков.

Пожалуйста, не входите в сделки с книгопродавцами. Объявление надо написать[4].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, л. 90.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 120.

[1] Письмо Некрасова неизвестно.

[2] В январе 1876 г. в Петербургском окружном суде слушалось дело С. Кронеберга, обвинявшегося в истязании малолетней дочери. Этому процессу по просьбе Некрасова Салтыков посвятил статью «Отрезанный ломоть» (*ОЗ,* 1876, № 3). Желая скрыть свое авторство, он подписал ее новым псевдонимом — «Молодой человек». Из-за цензурных осложнений и

внутриредакционных возражений статья не попала в февральский номер (см. в наст. изд. т. 15(11), с. 212—228, 350—355). Позднее, опустив заглавие, автор включил ее в качестве пятой главы в книгу «Недоконченные беседы (Между делом)».

[3] Просьба Салтыкова была удовлетворена (см. письмо 453, прим. 3).

[4] Об объявлении см. письмо 466, прим. 3.

463. Н. А. НЕКРАСОВУ

10/22 февраля 1876. Ницца

Ницца. 22 февраля.

Посылаю конец статьи «Отрезанный ломоть» [1]. Руки до того разболелись, что должен был прибегнуть к пособию жены. Черт знает, что со мной делается. Ежели слог покажется неисправным, то исправьте. Боюсь, что статья не понравится Г<ригорию> Зах<аровичу> и Унковскому. Во всяком случае, я желал бы, что<бы>, кроме Елисеева, никто не знал, что статья принадлежит мне.

Мне кажется, Краевский прав, не советуя входить в сделки с книгопродавцами. Следовало бы просто в февральской книжке объявить, что такие-то книгопродавцы не сдали подписчиков, а такой-то бежал, предварив, впрочем, Черкесова и Надеина [2], которые, может быть, и внесут деньги под этой угрозой. Поверьте, что $^{3}/_{4}$ подписавшихся снова вышлют деньги. Даже векселей от Черкесова и Надеина, по моему мнению, не следует принимать, если их положение сомнительное.

Я забрал в счет дивиденда 5 т. р., но в этом числе премия 600 рублей, так что собственно дивиденду 4400 р. Уведомьте меня в свое время о положении счетов.

Вы видите, как я пишу, но как только будет легче немножко, что-нибудь пришлю. Прощайте, совсем несносно.

М. Салтыков.

Не забудьте объявить, что печатание «Культурных людей» прервано за болезнью автора [3].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, № 32, лл. 92—93.
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 121.

[1] О статье «Отрезанный ломоть» см. письмо 462, прим. 2.

[2] Объявление об этом появилось в газете «Голос» (см. письмо 466, прим. 3).

[3] Некрасов выполнил просьбу Салтыкова (см. письмо 453, прим. 3).

464. А. М. УНКОВСКОМУ

11/23 февраля 1876. Ницца

Ницца. 23 февраля.

Давно не имел я от Вас известий, многоуважаемый Алексей Михайлович, да и сам таки недели две не писал Вам: все руки болели, да и теперь еще правая рука до смерти болит. Вообще, здоровье мое вперед не подвигается, даже кашель в прежнем положении. А скуки здесь вдоволь: такое здесь место, что даже по поводу депутатских выборов никакой агитации не было; во всех 4-х округах было по одному кандидату без конкурентов, так что и не поймешь, какие такие люди выбраны. Сказывают себя республиканцами, но доподлинно республиканец только один, а прочие сейчас же налево кругом повернутся. Темперамент этого департамента совершенно блядский; сюда стекаются все разбогатевшие жулики и хвастают бриллиантами. Теперь начинается карнавал и сущее сумасшествие. Я, конечно, буду сидеть дома, как сиживал во времена оны и в Петербурге. Начинаю чувствовать отвращение к удовольствиям, что, по моему мнению, есть верный признак, что пора умирать. Ей-богу, пора, потому что и жить, собственно говоря, незачем.

Вы меня обрадовали Вашим отзывом об «Сне в летнюю ночь» [1], а с тех пор и замолкли, ни слова не пишете, нравятся ли Вам мои последние рассказы. Мне это очень недостает, т. е. мнение Ваше. Полтора месяца я перо в руки не брал, и только на днях, по просьбе Некрасова, написал небольшую статейку, которую и послал в Петербург вчера, окончательно испортив себе руку [2]. Отвык и от писанья, не хочется. Намеревался еще рассказ об Иудушке написать для мартовской книжки — того гляди, не успею [3].

Я не получаю никаких известий от Максима Андреева об деньгах, но думаю, что он восчувствует и что-нибудь пришлет Вам. Во всяком случае, будьте так добры, берите в «Отеч<ественных> зап<исках>» деньги за мои статьи в январе и феврале, да я Болтиным написал, чтоб выслали Вам сколько есть жениных денег (ежели есть). Теперь покуда мне денег не высылайте. Я подожду, покуда побольше накопится, и тогда на-

пишу Вам. Дай бог как-нибудь выбраться отсюда и до России добраться. Там я буду писать, коли здоров буду, ибо это верно, что только живучи в России можно об России писать, не истощаясь. Здесь мне поговорить не с кем, ни материала достать негде — мудрено ли промах сделать? И то еще удивительно, что что-нибудь пишу. Вот «Культурных людей» начал, и материал есть, но нет веселого расположения духа — поневоле бросил. Поистине, не понимаю, как я эти 10 месяцев выжил, да еще три месяца остается.

Салициликовая кислота мне помощи не оказала. Вероятно, не умели как взяться, т. е. не уложили меня в постель. Ежели повторится припадок ревматизма, то я уж в постель дня на 3 лягу и опять буду принимать. Но после меня было 2—3 опыта успешных. И не один Реберг, а и другие доктора начинают к этому средству прибегать и хвалят. Я же сегодняшнего дня начал морские ванны брать: хочу дойти до 20 ванн.

Я проживу здесь до русского Благовещения, а потом буду à petites journés[4] подвигаться на север, то есть по дороге в Париж кой-где остановлюсь, а может быть, и на Турин махну. Вот Вы все на Пасху в Париж собирались — помните? — то-то бы штука была, кабы Вы удрали. Впрочем, не смею и думать об этом, тем больше что через месяц с небольшим по<сле> Пасхи увижу Вас в Петербурге. Эх, кабы увидеться, а то, право, боюсь за себя.

Прошу Вас передать мой искренний поклон многоуважаемой Настасье Михайловне и поцеловать детей. Жена просит о том же.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Курс, слава богу, поправляется. Я еще ничего не брал из 9 т., но на днях отслужу молебен и приступлю. Перед отъездом из Ниццы съезжу в Монтекарло и рискну франков 200. Хотите $^1/_4$ долю? т. е. 15 целковых.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 62.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 59—62.

---

[1] Это письмо Унковского неизвестно (см. также письмо 452, прим. 2).

[2] Статья «Отрезанный ломоть» (см. письмо 462, прим. 2).

[3] «Рассказ об Иудушке» — очередная глава цикла «Благонамеренные речи» (*ОЗ*, 1876, № 3), позднее вошедшая в роман «Господа Головлевы» под названием «Семейные итоги».

[4] Понемногу *(франц.)*.

465. П. В. АННЕНКОВУ

15/27 февраля 1876. Ницца

Ницца. 27 февраля.

Как Ваше здоровье, многоуважаемый Павел Васильевич? что-то давно нет от Вас вестей. Надеюсь, что наступление весны приведет в Баден-Баден хорошую погоду, которая Вас оживит. В Ницце уже недели две, как погода исправилась, и даже мне дышится лучше, хотя ревматизм в кисти правой руки, той самой, которою писать надлежит, все еще не оставляет и выражается в опухолях. Вот уж два месяца почти как я ничего не пишу, и это производит для меня значительный денежный ущерб, хотя жить все-таки можно и надеюсь за долги в тюрьму не попасть. Теперь вот в Ницце карнавал, и все беснуются. Я один сижу дома и даже не интересуюсь ничем; просто никуда и ничего не хочется. Жена моя, которая молодеет не по дням, а по часам, сгорает от досады, что не может участвовать на балах в Cercle de la Méditerranée [1], у префекта, у графини Сабатьé и в прочих местах, где сбираются кокотки, признанные законом честными женщинами и матерями семейств. А так как я в той же мере старею̀сь и хирею, то можете себе легко представить, какое удовольствие мне доставляют эти стремления второй молодости.

Умер Авдеев. На могилу его я сочинил след<ующую> эпитафию. *Авдеев, Михаил Васильев.* Духом вольноотпущенный. Будучи крепостным, пел на манер Рубини, играл на скрипке на манер Контского и готовил котлетки на манер пожарских. Впоследствии приобрел привычку собак у каждого столбика <———>; <———> Лермонтова, <———> Тургенева, задумал <———> Льва Толстого, но смерть застигла его в этом намерении. Мир праху твоему, добрый человек!

Я думаю, что это и справедливо, и прилично. Скабичевский на эту тему написал бы три статьи по 4 листа каждая, и все-таки нельзя было бы понять, кто кого <———>. А я люблю писать кратко, справедливо, ясно и прилично. Оттого и нравлюсь... иногда.

Вот об «Часах» Тургенева, которые только сейчас прочитал, могу тоже сказать кратко и справедливо, что это подражание Гришке Данилевскому. Я думаю даже, что последний не написал ничего столь детски бессвязного. Тургенев впадает в детство и, даже в форме примечания, совсем некстати делает рекламу в пользу «Вестника Европы» [2]. Никакого большого романа у него нет, да и не может быть. И хотя он в одном письме и

писал мне, что еще не отчаявается зажечь сердца[3], но это неправда. При моей впечатлительности и нервности, я весь трясусь от негодования по поводу «Часов». Какое-то желание есть подвильнуть хвостом перед молодежью изображением Давида, но исполнение таково, что всякий поймет, что тут ничего нет искреннего. Вероятно, он и в романе будет ту же тему разрабатывать, но уже одно то, что он так давно над ним коптит, доказывает, что ничего из этого не выйдет. Тургенев — писатель субъективный, и то, что не выливается прямо, выходит у него плохо. Нет около него никого — оттого он и уснул. Нет никого, кто бы вызывал его на споры и будил его мысль. В этом отношении разрыв с «Современником» и убил его[4]. Последнее, что он написал, «Отцы и дети», было плодом общения с «Современником». Там были озорники неприятные, но которые заставляли мыслить, негодовать, возвращаться и перерабатывать себя самого[5]. Теперь впереди скопец Стасюлевич, о котором совестно говорить, что с ним имеешь дело.

Другой скопец, Гамбетта, одержал блистательную победу[6]. В желании удостоверить в своем хорошем обвинении <?> он дошел до того, что устранил совсем Наке́ и интриговал против Гюго и Луи Блана на сенатских выборах. Представьте себе такое положение: жеребцы уволены от жизни, а мерины управляют миром. Что может из этого выйти? Выйдет республика без страстной мысли, без влияния, республика, составляющая собрание менял. Вот эту картину меняльных рядов и представляет теперь Франция.

Рекомендую Вам во 2-й книжке «Отеч<ественных> зап<исок>» (Некрасов писал мне, что он высылает Вам) мою статью «Отрезанный ломоть», ежели таковая будет напечатана[7]. Написано кратко, справедливо и прилично.

Прошу Вас передать от нас почтение многоуважаемой Глафире Александровне и поцеловать детей.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

В Петерб<урге> книгопродавцы бегут — с деньгами за журналы. У «Отеч<ественных> зап<исок>» до 700 подписчиков украли, более 10 т. рублей.

На конверте: Allemagne. Baden-Baden. Sophienstrasse, 4. M-r Paul Annenkoff. *Почтовый штемпель:* Nice. 28 fevr. 1876, Ausg. 1.3. *и др.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 3, лл. 7—8.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 121—124.

---

[1] Средиземноморском клубе — наиболее фешенебельном клубе в Ницце того времени.

[2] В авторском предисловии к рассказу «Часы» в публикации «Вестника Европы» (1876, № 1), сообщая о незавершенной работе над «Новью», Тургенев, в частности, писал: «Задуманный мною роман все еще не кончен; надеюсь, что он появится в «Вестнике Европы» в течение нынешнего года <...> (*Тургенев. Соч.,* т. XI, с. 418).

[3] Неполная цитата из письма Тургенева к Салтыкову от 3/15 января 1876 г.: «Кто знает, мне, быть может, еще суждено зажечь сердца людей» (*Тургенев. Письма,* т. XI, с. 191).

[4] Непосредственным поводом разрыва послужила статья Добролюбова о тургеневской повести «Накануне» — «Когда же придет настоящий день?» (*С*, 1860, № 3). См.: Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 6. М.—Л., 1963, с. 490 и сл.

[5] Важнейшее прямое признание Салтыковым выдающегося воздействия, оказанного на его идейное развитие «Современником», революционно-демократической идеологией.

[6] На происходившем 20 февраля 1876 г. первом туре выбора в Палату депутатов республиканцы провели 300 депутатов, а все правые партии — 135. Результатом этой победы явилось лидерство Гамбетты в республиканском союзе.

[7] Письмо Некрасова к Салтыкову неизвестно. О рассказе «Отрезанный ломоть» см. письмо 462, прим. 2.

466. Н. А. НЕКРАСОВУ

20 февраля/3 марта 1876. Ницца

Ницца. 3 марта.

Получили ли Вы мою статью, многоуважаемый Николай Алексеевич, и будет ли она напечатана?[1] Я написал ее несколько поспешно, вследствие Вашего письма, посланного через Панаева, которое я получил по почте, а самого Панаева и до сих пор не видал. К мартовской книге я готовлю рассказ, но пришлю ли — это неизвестно[2]. 16-го нов. стиля я пошлю к Вам телеграмму об этом, с уведомлением, когда Вы можете получить статью. Боюсь задержать книжку. Работа идет туго, ибо я все очень болен. На днях брал, по предписанию доктора, ванны морские, и после 3-х ванн так простудился, что отроду

так не кашлял, как теперь. Вот третий день как привязался проклятый кашель, всего изнурил, так что шатаюсь. Сверх того, насморк, голова трещит — самые неудобные обстоятельства для писания. Вообще, мне не жить, и я только для очистки совести отбываю время в Ницце. Я похож на тех собак, каких можно видеть в солнечный день в Петербурге на припеке у подъездов. Лежит под лучами солнца, мухи ее облепили, а она и мух не гонит, а только вздрагивает. И я тоже вздрагиваю, а больше ничем о своей жизненности заявить не могу. Худо мне, совсем худо. Боюсь, как бы так не заболеть, что и в Россию не попадешь. Требуют, чтоб я здесь пробыл до половины апреля: так, дескать, все солидные люди поступают. Что ж! Пусть и я хоть в Ницце буду раз в жизни солидным человеком. А в России меня таковым не признавали.

Прочитал я в «Голосе» от 15 февр<аля> объявление об «Отечественных записках». Удивляюсь, что Вы не хотите сказать прямо, что такие-то и такие-то книгопродавцы не сдали подписки [3]. Во-первых, под этой угрозой некоторые сдали бы, а во-вторых, и подписчики возобновили бы подписку. А то многие и во сне не видят и будут ждать до скончания века, а потом, когда разъяснится дело, будет уже поздно. Между прочим, Тургенев писал мне, что он тоже не получает журналов, ибо подписался у Базунова [4]. Я ответил, что он может подписаться вновь.

Прощайте, весь Ваш

М. Салтыков.

Кланяйтесь Еракову; скажите, что я не пишу ему, потому что он переписки Поль де-Кока не желает, а без этого и письмо не в письмо [5].

Унковский давно не пишет мне, очень давно. Не сердится ли? Так мне здесь скучно.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 94—95.
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 124—125.

---

[1] О статье «Отрезанный ломоть» см. письмо 462, прим. 2.

[2] О рассказе «Семейные итоги» см. письмо 455, прим. 3.

[3] В это время участились случаи, когда книгопродавцы стали присваивать себе деньги за принимаемую ими подписку на журналы (см. письма 463 и 465). Чтобы предупредить подписчиков и снять с себя ответственность за действия книгопродавцев, редакция журнала поместила в газете «Голос» (1876 № 46, 15 февраля) объявление «Подписка на «Отечественные записки» продолжается». В нем, в частности, сказано: «Перед подписчиками же, подписавшимися на «Отечественные записки» не в конторах «Отечест-

венных записок», редакция принимать на себя ответственности не может, так как высылка по таким требованиям может быть произведена только в таком случае, если лицо, принявшее подписку, сдаст адрес подписчика и деньги в одну из наших контор; в противном случае редакция даже не имеет возможности и знать о существовании такого подписчика».

[4] По поводу разорения известного книгопродавца и издателя А. Ф. Базунова 14/26 февраля 1876 г. Тургенев писал Салтыкову: «По милости базуновского шельмовства я не получил ни «Отечественных записок», ни «Русского вестника» — и потому не мог до сих пор прочесть ни Вашей вещи, ни продолжения толстовского романа.

Удивительный народ — наши книгопродавцы! Никто меньше их не рискует, никому барыши так легко не плывут в руки — а лопаются они как мыльные пузыри» (*Тургенев. Письма,* т. XI, с. 217).

[5] О «Переписке Николая Павловича с Поль де Коком» см. письмо 449 и прим. к нему.

467. Н. А. НЕКРАСОВУ

25 февраля/8 марта 1876. Ницца

Ницца. 8 марта.

Всуе труждаются зиждущие. Сейчас получил Ваше письмо насчет «Отрезанного ломтя» [1] и могу сказать только одно: лучше не печатать совсем, чем в марте подавать разогретую телятину. Я прихожу к убеждению, что мне совсем нужно *обождать* писать. Тогда будет *совсем* без затруднений. Я никак не воображал, что обругание Гамбетты может встретить цензурные препятствия. Если нужно было исправлять и переделывать, то можно было это сделать и для февральской книжки — без разговоров. Это потребовало бы час времени, не больше. Но этого часа достать негде. В марте эта статья будет смешна и глупа, и даже *погана.* Бросьте ее и растопчите. Мне нравится рассуждение о том, что адвокаты еще не совсем безнадежны — пусть будет так. Тоже и о Гамбетте: ежели Шассен правильнее пишет и есть несогласимое противоречие, то тоже пусть будет так. Я писал, помня предания «Современника» [2]. Вообще, бросьте. Впрочем, ежели есть корректура, то пришлите мне: у меня осталось что-то безобразное, а сохранить *свое* все-таки хочется. Вот в чем дело: у меня в ходу рассказ, который, думаю, Вы получите тоже 13-го или 14-го марта *для мартовской* книжки [3]. Тоже, может быть, отложите до апрельской книжки, то, пожалуйста, телеграфируйте — я, пожалуй, и совсем брошу. Только чем я буду жить? Хорошо, впрочем, что жить, кажется, не много остается: так кашляю, как никогда не бывало. И это при великолепном солнце.

Суворин и Лихачев обращались ко мне по поводу «Нового времени»[4] и писали, что Вы будете об этом тоже писать. Просят «Экскурсии» да еще сожженные «Благонам<еренные> речи». Я — не прочь. Только что из этого выйдет?

Я больше месяца не имею ни одной строки от А. М. Унковского. Это меня совершенно расстроило. Нет ли тут какой-нибудь сплетни? Скажите ему, что я просто начинаю *задумываться.*

Прощайте, будьте здоровы.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Любопытный образчик писательской деятельности! Вторую статью в течение 8 месяцев не печатают, а в прочих делают выпуски[5]. Можно ли так жить! Я готов на весь мир сослаться, что нельзя. <*Далее несколько слов густо зачеркнуты.*>

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 96—97. Конец письма густо зачеркнут и не поддается прочтению.

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 126—127.

---

[1] Это письмо Некрасова к Салтыкову неизвестно. О статье «Отрезанный ломоть» см. письмо 462, прим. 2.

[2] В статье «Отрезанный ломоть» Салтыков подверг резкой критике Гамбетту — кумира и героя всей либеральной Европы того времени, и его республиканский режим. Салтыков утверждал, что если этот режим и был более демократичен, чем предшествующий ему режим 2 декабря Наполеона III, то вместе с тем он был еще беспримерно более буржуазен и оппортунистичен. Некрасов воздержался от немедленного опубликования статьи (Салтыков рассчитывал на февральскую книжку). В не дошедшем до нас письме к автору Некрасов, судя по ответу Салтыкова, мотивировал необходимость отсрочки, во-первых — цензурными соображениями, а во-вторых, тем, что статья противоречит характеристике Гамбетты, данной на страницах *Отеч. записок* Шассеном. Вряд ли это было мнение самого Некрасова, редко вмешивавшегося в дела публицистического отдела. Скорее всего это было суждение редакторов публицистического отдела — Елисеева и Михайловского, относившихся с политической симпатией к Гамбетте и Луи Блану (см. *ЛН,* т. 67, с. 483).

[3] О рассказе «Семейные итоги» см. письмо 455, прим. 3.

[4] О работах Салтыкова в газете «Новое время» см. письмо 468, прим. 3.

[5] Салтыков имеет в виду четвертую главу «Экскурсий в область умеренности и аккуратности» (см. письмо 421, прим. 2) и упоминаемую выше статью «Отрезанный ломоть».

468. А. С. СУВОРИНУ

26 февраля/9 марта 1876. Ницца

Ницца. 9 марта.

В ответ на письмо Ваше, милейший Алексей Сергеевич [1], хотел послать Вам предику на текст «Печешися, Марфо, о мноземъ» [2], но не до того. Здоровье мое вот в каком положении: с утра сижу на одном месте и кашляю. Так кашляю, что дом трехэтажный дрожит, соседи прибегают узнать, что случилось (подлинно верно). Сижу, рот открыт, внутри пусто, сердце черт знает что проделывает, виски щелкают. Вот уж 6 дней так. Ослаб до того, что выходить не могу. Бедра от кашля болят, вся полость живота точно обручем сжата. А на дворе июньский жар. Все шло изрядно, только вздумалось сукину сыну Ребергу ваннами морскими меня попотчевать — через три ванны вот как отделал. Всем на диво, как я жив. Да я и умру — это верно. Боюсь одного — до России не доеду и семейства не пристрою. Не ищите климата, а ищите доктора. Эти Боткинские приживальцы — самая опасная вещь. Да и вообще здесь, в Ницце, все эмпирика. Зачем меня сюда послали — бог весть. Клянусь, никогда ничего подобного со мной не было.

Насчет участия в «Новом времени» я писал уже Лихачеву. Очень рад, только определить степень этого участия могу не иначе, как по соглашению с редакцией «Отечественных записок». Я нравственно обязан отдавать туда *все* свои силы, каких уже не много [3]. Вы пишете об юморе, а юмора теперь у меня до того мало, что я должен на время отказаться от «Культурных людей». И то, что напечатано, вышло из рук вон плохо. Настоящей веселости нет. Начало лучше, а с третьей главы меня настигла болезнь, и я уже не знаю, как кончил. Да и не кончил, а просто бросил. Что-то пришлет Вам Тургенев, эта официальная посаженая мать литературно-меняльных превращений [4]. Увы! Он, кажется, уж под себя <———>, и хотя грозится новым романом, но больше для того, чтобы сделать рекламу сыну Коробочки и Галахова [5]. Издайте-ка хрестоматию: отрывки из Краевского, Стасюлевича, Николая Тютчева, Григория Репинского, Баймакова, Виктора Гаевского — расхватают разом. И шельмование будет полное. Можно стихов Розенгейма и Полонского подпустить, да «из Дранмора». Можно даже «Часы» целиком перепечатать и написать: подражание Гришке Данилевскому.

Как начнет выходить «Новое время» под Вашей редакцией — присылайте. Сочтемся после. Я это число запишу

в «Русском календаре»[6] так: «Обрезание <———> у Алексея менялы». Жаль, что Буяльский умер: он бы Вам обрезал так, что Вы только языком бы щелкнули.

Прощайте, будьте здоровы. Непременно «Новое время» пришлите.

Ваш
М. Салтыков.

Вот ведь никто не оценит прелести таких вещей, как письмо Тредьяковского — Толстого к Губернатису и «объяснение» Стасюлевича по этому поводу[7].

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 459, оп. 1, № 3771, лл. 4—5.

Впервые опубликовано: «Письма русских писателей к А. С. Суворину». Л., 1927, с. 169—170.

---

[1] Письмо Суворина неизвестно.

[2] Евангелие от Луки, гл. 10, стих 41.

[3] Сотрудничество Салтыкова в «Новом времени» ограничилось одной-единственной публикацией — цензурно смягченной редакцией очерка «Тяжелый год» из запрещенной и уничтоженной книжки (*ОЗ,* 1874, № 5). Появление «Тяжелого года» на страницах «Нового времени» (1876, №№ 112—114, 22—24 июня) обратило внимание III Отделения. В «Агентурных записках по наблюдению за литератором-фельетонистом Сувориным» сказано: «Так, недавно была *сожжена* книжка «Отечественных записок» за статью Щедрина, которую не пропустила цензура. В «Новом времени» эта статья, заключающая карикатуру на двух известных губернаторов, пропущена целиком. Натурально, что номера газеты, где печаталась запрещенная вещь, читались нарасхват» (*ЦГАОР,* ф. 109, оп. 1, № 2049, л. 12).

[4] В «Новом времени» напечатаны следующие произведения Тургенева: «Несколько слов о Жорж Санд» (1876, № 105, 15/27 июня), «Сон» (1877, №№ 303, 304, 1/13, 2/14 января) и «Рассказ отца Алексея» (1877, №№ 395, 396, 6/18, 7/19 апреля). После конфликта с Сувориным, возникшего в связи с публикацией двух последних рассказов, Тургенев порвал с «Новым временем» (см.: *Тургенев. Соч.,* т. XV, с. 168—176, 379—383).

[5] То есть Стасюлевичу и его журналу «Вестник Европы» (см. письмо 457).

[6] «Русский календарь» — одно из изданий Суворина, выходившее с 1872 г.

[7] Речь идет о «Литературной исповеди графа А. К. Толстого. Письмо к проф. Андж. Де-Губернатису, во Флоренции» («Вестник Европы», 1875, № 12) и заметке «От редакции. Объяснение по поводу письма гр. А. К. Толстого к г. Де-Губернатису» (там же, 1876, № 1), в которой редакция разъясняла, «каким образом помещенный у нас перевод этого письма оказался обширнее французского подлинника, вышедшего в «Rivista Europea». Произошло это потому, что в итальянском журнале письмо напечатано в сокращенном виде.

469. Н. А. НЕКРАСОВУ

4/16 марта 1876. Ницца

Ницца. 16 марта.

Вместе с сим, многоуважаемый Николай Алексеевич, посылаю конец рассказа. Обещал выслать 18-го, посылаю 16-го — кажется, аккуратно. Надеюсь, что Вы 10-го марта ст. ст. получите, а так как конец заключает не больше печатного листа, то, вероятно, из-за меня задержки не будет. Не знаю только, понравится ли рассказ. Я хотел было снабдить его примечанием, объясняющим приостановку «Культурных людей», но думаю, что и так дело обойдется [1].

Благодарю за сообщение прошлогоднего расчета. Сделайте одолжение, распорядитесь, чтобы оставшиеся за мной деньги (1508 р.) поставили мне на счет: можно будет уплатить их из дивиденда за этот год. Вот что наделала моя болезнь: не могу выйти из долга. Никаких подробных счетов, сделайте милость, не присылайте: это даже обидно.

Я очень верю Вам, что Вам и скучно, и надоело, и противно. Горько, вообще, теперь жить. Я вот так зажился за границей, что многого даже совсем не понимаю. А между тем меня так и влечет туда. Хорошо бы успокоиться да приняться за что-нибудь вплотную. Но в том-то и дело, что не будь гнетущей необходимости, вряд ли что-нибудь делать стану. Устал я, и только нужда поддерживает. Хорошо бы по одной строчке в неделю писать — зато уж и строчка выйдет! А надобно их сотню написать — вот и выходит скверно.

Здоровье мое ни взад, ни вперед, хотя, по наружному виду судя, все как нельзя лучше. Я целую неделю без спины был, да и теперь еще плохо хожу. Все сидел дома, только со вчерашнего дня начал бродить с усилием. Я переменил доктора. Этот Боткин все шваль протежирует. Реберг, к которому он всех посылает, совсем было уморил меня. Теперь меня лечит Чернышев, заставляет вдыхать кислород, и мне лучше. Впрочем, всего только два раза он был у меня. Кашляю меньше, но все-таки кашляю. Он говорит, что ручается, что кашель пройдет. Не позволяет заниматься, так что я вряд ли что-нибудь к апрелю пришлю [2]. Совестно мне очень перед журналом: совсем как трутень живу.

Я думал 1-го апреля н. ст. ехать в Париж, но Чернышев говорит, что это рано и раньше 17 или 18-го ехать нельзя. Так я и поступлю. Но ежели Унковский соберется на Пасху в Па-

риж, то и я поеду. Это будет 8-го или 9-го апреля. Он пишет мне, что у него рука тряслась[3]. А я совсем не знал и просто приходил в отчаяние от его молчанья.

Ежели хотите снабдить «Семейные итоги» примечанием, то напишите так: «М. Е. Салтыков уведомляет редакцию, что возобновившиеся болезненные припадки лишают его того расположения духа, при котором он мог бы продолжать «Культурных людей». Поэтому он присылает другой рассказ». Впрочем, может быть это и лишнее. Я даже сам думаю, что лишнее.

А Островский что пишет,— ах, какой срам![4] Во всех четырех действиях только одна сцена и есть (когда герой спрашивает у девицы, почему она родственницей себя зовет?), все прочее — Дьяченко.

О Суворинском предложении я ему и Вам писал[5]. Он просит «Экскурсии», да еще «Благон<амеренные> речи», которые в «Отеч<ественных> зап<исках>» были сожжены. Попробую. К сожалению, из письма Вашего не вижу, какое Ваше мнение об этом, хотя Суворин мне пишет, что Вы сами указали ему на «Благонам<еренные> речи»[6].

Что за «Молва» такая? какой Жемчужников?[7] — пожалуйста, напишите. Вот им бы «Отрезанный ломоть» дать — право!

Весь Ваш

М. Салтыков.

Хорошо бы «Молву» посмотреть.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, лл. 98—99.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 127—129.

---

[1] К рассказу «Семейные итоги» (см. письмо 455, прим. 3) примечания нет. Цикл «Культурные люди» остался незаконченным (см. письмо 414, прим. 2).

[2] В № 4 за 1876 г. напечатан очерк «В погоню за идеалами» из цикла «Благонамеренные речи».

[3] Это письмо Унковского неизвестно.

[4] А. Н. Островский. Богатые невесты. Комедия в четырех действиях (*ОЗ,* 1876, № 2).

[5] О возможности своего участия в «Новом времени» Салтыков ранее писал Некрасову (467) и Суворину (468).

[6] Упоминаемые письма Суворина и Некрасова к Салтыкову неизвестны.

[7] О газете «Молва» и ее редакторе А. А. Жемчужникове см. письмо 455, прим. 7.

470. А. С. СУВОРИНУ

6/18 марта 1876. Ницца

Ницца. 18 марта.

Сейчас получил «Новое время» от 29 февраля[1] («Голос» и «Биржевые вед<омости>» в тот же день пришли от 1 марта). Имею сделать след<ующие> замечания. 1) Вы очень хитро поступили, что начали с 29 февраля, ибо не надо допускать, чтоб день Обрезания честных <———> праздновался ежегодно; 2) Фельетон — изрядный, хороши заключительные стихи;[2] 3) Передовую статью я бы назвал: «Вдовьи слезы»;[3] 4) Хорошо Вы сделали, что объявили, что верите в русское общество: все столоначальники откликнутся на это Ваше заявление; еще лучше сделали, сказав, что верите «не в одно из старых или новых учреждений», т. е. не только в Д<епартамен>т полиции исполнительной, но и в Д<епартамен>т неокладных сборов[4]. Столоначальники отдадут полную справедливость Вашему нелицеприятию. 5) Хорошо, что Вы похвалили Трепова, Эссена и Фриша, и живых и мертвых[5]. Это даст повод столоначальникам сказать: без лести предан[6]. Но для полноты панегирика советую Вам достать кассационное решение по делу Зубова[7], написанное Фришем (есть, впрочем, много и других, всякий адвокат укажет), и перепечатать его при небольшой статейке под названием: «Мы хвалим, но не льстим».

Извините за смелость.

Вы объявляете роман «Новое время» с участием Комп<ании>[8]. Вот, ежели хотите, я тоже буду участвовать. Предлагаю Вам от времени до времени «Разговоры двух пятиалтынных». Пятиалтынного 1-го — Краевского и пятиалтынного 2-го — Стасюлевича. Можно их будет вклеивать в роман[9]. Напишите, как это сделать, а главное, нужно иметь мне начало романа, чтоб приспособиться. Но не сделайтесь сами пятиалтынным 3-м. Ах, это очень легко!

Прощайте, будьте здоровы. Сегодня я себя начинаю лучше чувствовать, хотя на дворе ветер. Кланяйтесь Влад<имир>у Ив<ановичу> и Елене Осиповне[10].

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 459, оп. 1, № 3771, лл. 6—7.

Впервые опубликовано: «Письма русских писателей к А. С. Суворину». Л., 1927, с. 170—171.

[1] Имеется в виду выход первого номера газеты «Новое время» после приобретения ее Сувориным у Трубникова.

[2] Фельетон «Незнакомца» (псевд. Суворина) «Недельные очерки и картинки», в конце которого приведены стихи «А. Ферта» (псевд. А. Л. Боровиковского) «Где чахотка — вздор...».

[3] Передовая статья называлась «Вместо нашей программы».

[4] Приводимые в тексте письма цитаты взяты из статьи «Вместо нашей программы».

[5] В статье «Административные новости» дана положительная характеристика недавно умершего товарища министра юстиции О. А. Эссена, его преемника Э. В. Фриша и петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова в связи с предстоящим его юбилеем — 50-летием службы в офицерских чинах.

[6] Гербовой девиз Аракчеева, присвоенный ему Павлом I.

[7] Граф Г. Н. Зубов неоднократно вызывался в 1874—1875 гг. через газеты в Петербургский окружной суд по делу о неоплаченных векселях.

[8] Салтыков имеет в виду объявление, напечатанное на первой странице газеты: «На днях мы начинаем печатание романа-фельетона из современной жизни под названием «Новое время Незнакомца и К^0».

[9] «Вчера утром (19 марта),— сообщал Елисеев Салтыкову,— Краевский впопыхах прибегает к Некрасову и рассказывает ему, что, по слухам, в «Новом времени» имеет явиться Ваша статья, в которой будто бы выводятся на сцену он, Краевский, и Стасюлевич и сравниваются со стертыми пятиалтынными, и что если, дескать, это действительно так, то ему, Краевскому, не остается ничего больше делать, как отказаться от редакторства в «О<течественных> з<аписках>». Я сказал Некрасову, что никакой подобной статьи, конечно, нет, а была в этом роде шутка в Вашем письме к Лихачеву или Суворину, которое мне как-то читали. Услужливые кумушки преобразили эту шутку в целую статью и напугали нашу литературную альму матерь» (*Письма Елисеева,* с. 35).

[10] В. И. и Е. О. Лихачевым.

471. Н. А. НЕКРАСОВУ

7/19 марта 1876. Ницца

Ницца. 19 марта.

Пишу к Вам наскоро несколько слов, многоуважаемый Николай Алексеевич. Не забудьте, пожалуйста, возобновить мой абонемент на итальянскую оперу на будущий год, т. е. уплатить 4-ю часть, и деньги вычесть из гонорара за март. Иначе билет пропадет, и Лазаревский меня съест. Я послал

Суворину переделанную статью, ту, которую сожгли в «Отеч<ественных> зап<исках>»[1]. Узнайте, сделайте милость, как с нею поступлено будет.

Мне ни худо, ни хорошо. Вероятно, Вы уже получили рассказ сполна. Сегодня здесь такая стужа, что печки топим.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, л. 100. Впервые опубликовано: *Письма,* с. 129.

---

[1] Об участии Салтыкова в газете «Новое время» см. письмо 468, прим. 3.

472. Е. И. ЯКУШКИНУ

7/19 марта 1876. Ницца

Ницца. 19/7 марта.

Благодарю Вас, многоуважаемый Евгений Иванович, за письмо[1] и за книгу. Но с книгой случилось происшествие. Я с величайшим интересом начал читать Вашу статью и прочитал до XXXII стр., но тут случилось препятствие. Переплетчик повторил двукратно XXV — XXXII стр. в присланном мне экземпляре, а в другом каком-нибудь, вероятно, вшил два раза XXXIII — XXXX стр., которых у меня <нет>; так я и не мог ничего узнать о народных взглядах на преступление[2].

Я крайне Вам обязан за Ваше доброе предложение ссудить меня деньгами. Так как у меня нервная система теперь до того расстроена, что я, подобно Мих. Сем. Щепкину, все плачу, то и тут взгрустнул. Но, к счастию, я в настоящее время материально обеспечен, и мне остается только благодарить Вас за доброе расположение ко мне. Ежели я хлопочу о выкупе, то потому, что по случаю смерти брата Сергея, с которым я был в общем владении, я вынужден был выдать братьям обязательств на 15 т. р. и деньги эти могу заплатить только из выкупной ссуды. Притом, право, мне как-то сомнительно, что я буду жив, и так как у меня двое детей, из которых старшему сыну 4 года, то не хотелось бы умереть, не устроивши дел настолько, насколько они могут быть устроены. По расчету моему, у меня должно остаться с небольшим 40 тыс.— вот и все. Да «Отеч<ественные> зап<иски>», если будут живы, обязаны давать до 1884 года по 1800 р. в год. Будьте так добры, когда мое дело отошлется в Петербург, дать знать об этом Алек-

сею Михайловичу Унковскому (Шпалерная, дом № 6); он похлопочет в Главном выкупном учреждении. Впрочем, я думаю, что Смагин, по лености своей, еще не скоро к Вам его пришлет.

Политические интересы везде очень низменны, не в одном Неаполе. Везде реакционное поветрие. Во Франции Гамбетта играет громадную роль — этого одного достаточно для оценки положения. У Гамбетты одна только мысль: чтоб Франция называлась республикой, а что из этого выйдет — едва ли он сам хорошо понимает. Он буржуа по всем своим принципам, и теперь только о том и думает, как бы посрамиться Мак-Магону. Противно читать здешние газеты (я получаю «Républ. française» и «Rappel»), все они наполнены криком: тише! не вдруг! Даже Луи Блан заразился этим. Республика без идеалов, без страстной идеи — на кой черт, спрашивается, она нужна. Мы и в России умеем кричать: тише! не вдруг! [3]

Здоровье мое все еще плохо. Две недели без спины был, теперь получше, а в руках все еще ревматизм — насилу пишу. Сверх того, кашель неусыпающий и порок сердца. Лечусь кислородом, пью Виши и зельтерскую воду с молоком. В половине апреля н. ст. поеду в Париж и с половины мая буду сбираться в Россию. Пусть будет, что будет, но больше за границей не хочу жить. По болезни моей, я даже видеть ничего не могу — что же интересного!

Прощайте, будьте здоровы. Еще раз благодарю Вас за участие и крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Летом непременно приеду в Ярославль и вручу Вам свои книги.

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР,* ф. 279, оп. 1, № 638, лл. 18—19. Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, с. 302—303.

---

[1] Письмо Е. И. Якушкина к Салтыкову неизвестно.

[2] Имеется в виду вступительная статья Якушкина к его книге «Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Вып. первый» (Ярославль. 1875. XXXVI, 249 с.).

[3] Позднее, в 1880 г. Салтыков посвятил Франции «Третьей республики» ряд замечательных страниц в гл. IV «За рубежом» (см. т. 14 наст. изд.). В. И. Ленин писал о них, что Щедрин «классически высмеял» буржуазную Францию (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 237).

473. П. В. АННЕНКОВУ

9/21 марта 1876. Ницца

Ницца. 21 марта.

Вы совершенно правы, многоуважаемый Павел Васильевич, что последний год, в литературном отношении, является годом вздоров[1]. Хуже «Богатых невест» я, право, мало что знаю[2], Тургенев тоже, как Вам известно, не отличился, и хотя «сей старец дорог нам»[3], но, право, не верится, чтоб он когда-нибудь воспрянул. Сравнение с генералом Моро очень удачно[4], но ведь участь сего последнего была очень печальная. Есть в Тургеневе и малодушие и скрытность. Вся дрянь, все отребье человечества, вроде Соллогуба, так к нему и льнет. И он как будто бы в своей тарелке тут и, что всего хуже, хочет показать, что они ему в тягость, что они навязываются и он не знает, как отделаться от них. Такое нравственное двоегласие не свойственно истинно передовым людям. Может быть, это есть признак благовоспитанности, но, признаюсь откровенно, для меня ничего нет противнее благовоспитанности. Конечно, я мужик, не имеющий понятия о хорошем обществе, но, в существе, мне кажется, я прав. Я однажды ему в письме предлагал вопрос: отчего он не воспитатель наследника цесаревича? По-моему, это вопрос обидный, и я мужик. Но на душе не покойно, и иногда даже совсем гнусно.

Вы ничего не пишете насчет «Культурных людей», и я понимаю это. Вы не хотите меня огорчить. Но я сам отлично знаю, что это неудачно, хотя могло бы быть и даже, может быть, будет недурно. Дело в том, что я писал, так сказать, не в здравом уме и не в совершенной памяти. Оттого и вышло тускло. Тут нужно целое море веселости, а где мне ее взять, когда весь-весь я болен. Оттого я и прекратил, и буду продолжать только тогда, когда в самом деле придет стих. Думаю, что это придет будущим летом, когда я приеду в Россию и поселюсь в Витеневе.

На журнальном горизонте взошел новый пятиалтынный. Суворин купил «Новое время». Я обещал сотрудничество и послал уже старую статью, которая была сожжена в «Отеч<ественных> зап<исках>»[5]. Может быть, и пройдет. А между тем в этой обновленной газете такие порядки: 1-й № новой редакции я получил в двух экземплярах, 2-го и 3-го совсем не получил, а 4-й опять в двух экземплярах. Ей-богу, не шучу. Можете себе представить, как приятно будет подписчикам, если такие порядки укоренятся. И притом все днем позже против «Голоса». Я теперь 3 газеты получаю, и

только «Голос» приходит каждый день. «Биржевые вед<омости>» иногда приходят, иногда нет, и потом вдруг 3 №№ подадут. 4-й № «Нового времени» совсем без передовой статьи вышел. Прелесть. Краевский хоть аккуратен, а эти и того не имеют. 30 тысяч заплатил Трубникову и обязался удовлетворить даром всех подписчиков до будущего года. У самого гроша нет, а сумел-таки денег добыть. А вот я не могу найти издателя для собрания своих сочинений. Есть и тут фатум.

Ницца мне так надоела, что я готов бы был без шапки отсюда бежать. Но здоровье мое туго восстанавливается, и даже бог знает, восстановится ли. На днях целую неделю без спины был, да и теперь плохо хожу. Погода самая неприятная. Представьте, теперь, в конце марта — стужа, и вот два дня сряду как порошит снежок. Никто ничего подобного не запомнит. И таким образом весь год меня погода преследует. Хороша моя будущность в Петербурге. Я переменил доктора: вместо Реберга пригласил Чернышева. Как будто легче.

Я хотел ехать из Ниццы 1-го апреля, но теперь вижу, что рано. Думаю, что 16 числа все-таки уеду в Париж. Очень хотелось бы свидеться с Вами, но не знаю, как это устроить. Может быть, между 10—12 мая побываю в Бадене по дороге в отечество. Проживу там до 20-го и потянусь восвояси.

Прошу Вас засвидетельствовать от меня и от жены почтение добрейшей Глафире Александровне и поцеловать детей.

Прощайте, будьте здоровы и не забывайте

М. Салтыкова.

На конверте: Allemagne. Baden-Baden, Sophienstrasse, 4. M-r Paul Annenkoff.

Почтовый штемпель: Nice. 22 mars. 1876, Ausg. 25.3 *и др.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 3, лл. 10—11. Впервые опубликовано: *Письма,* с. 130—132.

---

[1] Письмо Анненкова неизвестно.

[2] А. Н. Островский. Богатые невесты. Комедия в четырех действиях (*ОЗ*, 1876, № 2).

[3] Цитата из «Второго послания цензору» Пушкина.

[4] Речь идет о французском генерале Ж.-В. Моро, потерпевшем поражение в Италии в 1799 г. от войск Суворова и высланном из Франции в 1804 г. По приглашению Александра I он принял участие в военных действиях против Наполеона и был смертельно ранен в сражении под Дрезденом в 1813 г.

[5] См. письмо 468, прим. 3.

474. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

10/22 марта 1876. Ницца

Ницца. 22 марта.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Начну с погоды, ибо в природе делается что-то необыкновенное. С неделю тому назад началась здесь стужа, вчера и третьего дня шла крупа, а сегодня идет снег с дождем, совершенно так, как в Петербурге в тот день, как я выезжал оттуда. Я покончил с Ребергом, впрочем, больше по недоразумению. Слыша беспрерывно об Чернышеве и об чудесах, им творимых, и не видя никакого облегчения своей болезни, которая в последнее время до того усилилась, что кашель мой собирал соседей, и сверх того, до такой степени страдала поясница, что я не мог ходить иначе, как с превеликим мучением, я решился пригласить Чернышева, тем больше что он бывает в нашем пансионе у одной больной. В тот же день Реберг узнал от жены, что был у меня Чернышев, выразился так, что нога его не будет в доме, где был Чернышев. Таковы здешние жестокие медицинские нравы. Поэтому я теперь в опеке у Чернышева. Чернышев лечит с божьею помощью и больше надеется на бога, чем на помощь медицины. Я тоже начал уповать на бога. Сверх того, он имеет такой вид, что хотя ходит в обыкновенном штатском платье, но мне все кажется, что он в вицмундире и занимает должность акушера в Ниццской врачебной управе. Это меня веселит и переносит в Россию, где я видал-таки на своем веку членов врачебных управ, верующих в бога и в милотный пластырь, который, как известно, тоже с божьею помощью выдуман. Чернышев предписал мне следующее: вдыхать каждый день по два фута кислороду, один фут утром и другой вечером, пить зельтерскую воду с молоком по четыре стакана в день, не употреблять за обедом и завтраком здешней воды, а пить Виши, в качестве мочегонного (можно и с вином). Для спины прописал мне втирание из вератрина, хлороформа и оливкового масла. Кислород я вдыхаю уже 13-й день и прочее все исполняю. Кашель у меня уменьшился настолько, что я страдаю от него лишь утром и отчасти вечером, ложась спать (прежде я круглый день неистово кашлял). Спина все еще болит, хотя лучше. Опухоли в сочленениях руки делаются меньше. Но сердце как будто пошаливает. Во всяком случае, я не могу пожаловаться и буду держаться Чернышева, покуда сижу в Ницце. Я хотел было ехать в Париж 1-го апреля, но теперь вижу, что это суетная мечта. Назначил срок 16-го числа, в день Пасхи, но удастся

ли — не знаю. Говорят, в Париже такое отвратительное время стоит, какого никто не запомнит. И Чернышев говорит, что ежели богу угодно, так и в мае такая же погода будет. Что тогда делать? Мне тошно в этом доме терпимости, и все мои мечты теперь уже обращены к России, хоть и там не бог знает что ждет. Но момент возвращения для меня дорог. Через пять минут, знаю, все пойдет по-прежнему. Но вечное празднование, царствующее в так называемых stations de santé [1], положительно раздражает нервы. Вы не испытывали этого, а я целый год живу так, что перед глазами моими происходит вечный храмовый праздник, глупый, напоминающий нелепую оргию. Вот это-то самое я и хотел изобразить в «Культурных людях» и изображу, ежели богу угодно будет. А теперь не в силах: мысли все мрачные, точно меня обижают до крови. Подумайте: круглый год не иметь своего угла и жить на юру — кто это перенесет?

Пожалуйста, засвидетельствуйте от меня и от жены почтение многоуважаемой Софье Петровне и поклонитесь Елисеевым. Впрочем, я Григорию Захаровичу недавно писал [2].

Весь ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 4.

Впервые опубликовано в книге: «Дело. Сборник литературно-научный». М., 1899, с. 115—116; вторично: «Голос минувшего», 1913, № 1, с. 178—179.

---

[1] Санаториях.

[2] Это письмо Салтыкова неизвестно.

475. Н. А. НЕКРАСОВУ

12/24 марта 1876. Ницца

Ницца. 24 марта.

Сегодня послал к Вам телеграмму, многоуважаемый Николай Алексеевич, прося печатать статью с теми изменениями, какие Вы сделали в присланной корректуре [1]. Очень неприятно, что я долго засиделся за границей: отсутствующему очень трудно писать статьи по текущим вопросам. Я и теперь думаю, что статья моя уже опоздала и будет трактовать об деле, которое все уже позабыли. Во всяком случае, положение мое не весьма лестное. Работаю с трудом и бог знает, удачно

ли, не срамлю ли я себя этою работой и не пора ли на покой. Всем я в тягость, и ближним и дальним; я думаю, Унковскому надоел, как горькая редька, своими делами. В другой раз этого не будет; никогда не уеду за границу; лучше умру, но умру *сам*.

Здоровье мое как будто получше, но все-таки несравненно хуже против того, как я был в Париже. Лечит меня богобоязненный доктор Чернышев, лечит не лекарствами, а божьею помощью да кислородом. Говорит, что я настолько болен, что так больным и останусь на всю жизнь. Какой могу я быть работник? Думаю, что когда осенью устроюсь в Петербурге, то невдолге и умру. К тому же, преследует меня всюду истинно адская погода. В Бадене был — целое лето дождь лил, сюда приехал — стужа, какой никогда не запомнят. Третьего дня здесь три часа валил мокрый снег хлопьями с дождем. И при всем этом дома отвратительные, всякое слово во всех этажах слышно и целый содом гулящих людей, ходящих по лестнице, как раз подле стены, у которой стоит моя кровать. Я не знаю, как очень богатые люди живут за границей, но даже с средними средствами жить здесь просто невыносимо. Разумеется, иностранцу, обязанному шататься по въезжим домам. Вообще, этот год, проведенный за границей, мне сделал больше вреда, чем пользы, и поселил во мне одно страстное желание: уединения.

Я сегодня послал Унковскому историю о том, как А. Н. Ераков лишил целомудрия дочь нашей хозяйки [2]. Но боюсь, что он прочтет А<лександру> Н<иколаевичу>, а тот, пожалуй, обидится. Прочтите это письмо Вы — наверное, улыбнетесь. Там же два письма из Поль де-Коковой переписки [3]. Думаю, что Ераков тоже будет смеяться.

Хотел ехать в Париж 1-го апреля, но приходится ждать, потому что, судя по газетам, там такая погода, что просто нельзя жить. Вероятнее всего, что поеду накануне Пасхи, списавшись предварительно о погоде и об квартире. Где живут Курочкин и Шассен? — напишите, пожалуйста. Я все перезабыл. Такая гнусная память сделалась, что через час все забываю.

Поклонитесь от меня Зинаиде Николаевне.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Не знаю, пришлю ли что-нибудь к апрельской книжке, но думаю, что пришлю листа на $1^1/_2$ или меньше [4].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, лл. 102—103. Впервые опубликовано: *Письма,* с. 132—133.

---

[1] Текст телеграммы неизвестен, в ней шла речь о рассказе «Отрезанный ломоть» (см. письмо 462, прим. 2).

[2] Письмо Салтыкова к Унковскому неизвестно.

[3] О судьбе «Переписки Николая Павловича с Поль де Коком» см. прим. к письму 449.

[4] Благонамеренные речи. В погоню за идеалами (*ОЗ*, 1876, № 4).

476. А. Ф. КАБЛУКОВУ

19/31 марта 1876. Ницца

Ницца. 31 марта.

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Совсем Вы меня забыли; не знаю, что с Вами и делается. Я уже веду переписку насчет переезда в Париж, поэтому Вы мне больше сюда в Ниццу не пишите, а перед отъездом я напишу, как мне адресовать письма. В Витенево я, вероятно, попаду не ранее самого конца мая, но, признаюсь, хорошо было бы, кабы продать его. Мне кажется, я очень испортил дело, продав землю Николаю Алексеевичу[1]. Я рассчитывал, что, по крайней мере, лес позади витеневского надела продастся, и вы меня обнадежили, а вот и нет ничего. Я несколько опасаюсь жить в Витеневе: народа мало, все ветхо. Поэтому, пожалуйста, устройте, чтобы летом там было два работника, кроме мельника, и чтобы окна были исправны. На балконе (который тоже надо исправить, чтобы дети ног не поломали) недурно бы внутри комнат ставни сделать, а также и на крыльце. Лучше 100 рублей истратить, нежели жить под страхом быть убитым. Там есть два пистолета, прикажите их осмотреть. Ежели денег у Вас не будет, то можно условиться с плотниками так, что я, по приезде, заплачу. Жена просит еще заняться огородом и кур побольше пустить. Нельзя ли гряды с клубникой рассадить как следует, у нас совсем ягод нет. Пожалуйста, рассадите клубники побольше. Да меня, признаюсь, ужасно огорчило, что два года сряду никаких посадок деревьев не сделано, ни в саду сзади дома, ни в Похоронной роще. Нельзя ли что-нибудь к приезду сделать. Скоро и парк весь уничтожится. Хоть что-нибудь для нас сделайте.

Поздравляю Вас, Марью Ивановну и Ваше семейство с будущим праздником[2], и остаюсь преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 89—90.
Публикуется впервые:

---

[1] Н. А. Каблукову была уступлена лучшая часть витеневской земли, что снизило ценность имения и затруднило его продажу.

[2] С праздником Пасхи.

477. Н. А. НЕКРАСОВУ

1/13 апреля 1876. Ницца

Ницца. 13 апреля.

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, небольшую статью[1]. Два пакета на имя конторы. Не знаю, напечатаете ли Вы ее: во-первых, она не вполне цензурна по сюжету и, во-вторых, довольно скучна. Вы удивитесь, конечно, что сам автор так отзывается о своей статье, но я написал ее, потому что так было нужно по ходу моих идей. Во всяком случае, не откажите приказать набрать ее, а там сами увидите, но корректуру все-таки оставьте до моего возвращения. Может быть, Вы, зная современные обстоятельства, найдете, что можно напечатать. Что касается до меня, то я совсем на этот счет спутался, хотя всем организмом чувствую, что близко время, когда я и опять встану на стезю. «Отеч<ественные> зап<иски>» 3 № я получил. «Горе старого Наума» — одна из прелестнейших Ваших вещей.

Со мною чудеса делаются: я то болен и в одну ночь так похудею, что щеки ввалятся, то опять здоров и так же быстро полнею. Это и прежде со мной бывало, а теперь — беспрестанно. Нервы окончательно расшатаны.

17-го я еду в Париж, так что Вы получите мое письмо, когда я уже буду там. Остановлюсь я в той же гостинице, в какой стоял и прежде, т. е. rue Lafitte, 38, Hôtel Meklembourg. Я писал Унковскому и Елисееву, что не знаю, где буду жить, но теперь все разъяснилось[2]. Передайте им, буде можно, мой адрес. В Париже проживу недели с три и отправлюсь в Баден-Баден — надо же где-нибудь существовать.

Надоело мне за границей страшно, а между тем, по мере сближения времени возвращения на родину, чувствую какую-то тупую тревогу. Очень уж много там беготни и сплетен.

И все-таки деваться больше некуда, а потому между 20—25 мая буду в Петербурге.

Прощайте, будьте здоровы; ежели не лень, то дайте знать об себе.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Передайте мой поклон Зинаиде Николаевне.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 33, л. 25.
Впервые опубликовано: «Новый мир», 1929, № 5, с. 182—183.

---

[1] Салтыков послал очерк «В погоню за идеалами» из цикла «Благонамеренные речи» (*ОЗ*, 1876, № 4).

[2] Упоминаемые письма Салтыкова к Унковскому и Елисееву неизвестны.

478. П. В. АННЕНКОВУ

3/15 апреля 1876. Ницца

15 апреля. Ницца.

Пишу Вам, многоуважаемый Павел Васильевич, в такой день, когда во всей России пахнет ветчиной и творогом, с тем чтобы завтра пахло поносом. Послезавтра уезжаю из Ниццы в Париж, где остановлюсь rue Lafitte, 38, Hôtel Meklembourg, с хозяином которого я уже списался. Это очень маленький отель, в котором мы осенью 6 недель прожили без неприятностей. Пугает меня то, что со вчерашнего дня началась здесь анафемская погода: и ветер, и холодно. Может быть, и остались бы еще переждать, но хозяйка наша уже сдала квартиру, и волей-неволей приходится уезжать. Впрочем, лишь бы доехать до Парижа, а дома можно сидеть и там, как сижу в Ницце. В Париже думаю пробыть до 10 мая, а там заеду на некоторое время в Баден, повидаюсь с Вами.

Я ничего не работаю, да и работать не могу: кажется, конец пришел. Не знаю, что будет летом. Надо будет в деревню ехать, но тут вопрос: что́, ежели я там захвораю? Здоровье мое хотя и лучше, но остатки упорно остаются налицо. До сих пор пальцы сгибаются с трудом и в сочленениях опухоль. Если даже все останется в нынешнем виде, то представьте себе, какое тусклое существование ждет впереди. Никаких развлечений, ни общества, только заботы о сохранении паскудной жизни.

Вот и Самарин умер. В России — плач, словно совершилось

народное бедствие. А в сущности, право, только одним ограниченным человеком меньше. Чего желал этот человек — от того бы нам, конечно, не поздоровилось. Для меня всегда казалось загадочным, как это человек пишет антиправительственные брошюры, печатает их, и его оставляют фрондировать на покое. Не оттого ли это, что он на той же почве стоял, как и само правительство, и даже, пожалуй, похуже? А как личность, он казался мне неприятным и напыщенным, как попович в случае. Таков должен был быть певчий Разумовский на другой день после того, как уконтентовал[1] кроткую Елисавет. Впрочем, я его только один раз видел, и то давно[2]. С тех пор, может быть, он и переменился. Представьте себе кн<язя> Черкасского министром вн<утренних> дел — какого бы он нам перцу задал! — а умри он теперь, в печати поднялся бы вой.

Живя за границей целый год, я все рвался душой в Россию, а теперь, как приходит время возвращаться туда, чувствуется какая-то тревога. По-видимому, не сладко там; опять придется окунуться в водоворот журналистики, а это все равно что быть на содержании у старухи. Хлопоты с цензурой унизительные, и, право, я удивляюсь Некрасову, как он выдерживает это. Как хотите, а это заслуга, ибо, собственно говоря, он материально обеспечен. Стало быть, тут что-нибудь, кроме денежного расчета, действует. Боюсь, что он устал: что-то начинает поговаривать об отставке. А без него мы все — мат.

Прошу Вас передать от меня и от жены почтение уважаемой Глафире Александровне и поцеловать детей.

До свидания через три-четыре недели.

Весь Ваш

М. Салтыков.

На конверте: Allemagne. Baden-Baden. Sophienstrasse. M-r Paul Annenkoff.

Почтовые штемпеля: Nice. 15 avr. 1876, Ausg. 18.4 *и др.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 3, лл. 13—14.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 133—135.

---

[1] От *франц.* contenter — удовлетворять.

[2] Личное знакомство Салтыкова с Ю. Ф. Самариным и кн. В. А. Черкасским относится к концу 1850-х гг. (*Макашин II,* гл. «Встреча со славянофилами»). Отзывы о них в комментируемом письме показывают, что Салтыков никогда не обольщался характером политической оппозиционности этих лидеров славянофильства.

479. Н. А. НЕКРАСОВУ

6/18 апреля 1876. Париж

Париж. 18 апреля.

Сегодня приехал в Париж; погода поганая, холодная, в квартире порядочно сыро. Но есть надежда, что дня через два-три все поправится. Вообще никто не запомнит здесь таких пакостных зимы и весны. Что-то русское лето скажет?

За минуту до моего отъезда из Ниццы, когда уж я садился в экипаж, чтоб ехать на железную дорогу, получил Ваше письмо, многоуважаемый Николай Алексеевич. Хотя коротенькое, но все-таки большое Вам спасибо, что вспомнили. Очень уж редко я получаю вести из Петербурга, и в особенности меня беспокоит молчание Унковского, у которого что-то делается с правой рукой. Впрочем, думаю, что во время праздника и он удосужится что-нибудь написать.

Поощренный Вашим отзывом об «Семейных итогах», я сегодня начал писать конец Иудушки[1]. Не знаю, что еще выйдет, но ежели выйдет, то к 10—12 мая ст. ст. получите. Я думаю, для майской книжки это не поздно будет, потому что, по-видимому, сроки выхода книжек сами собой отдалились до 20-го. Впрочем, я 5-го числа ст. ст. телеграфирую Вам, нужно ли ожидать или нет. Я еще хорошенько и сам не наметил моментов развития, а тема в том состоит, что все кругом Иудушки померли, и никто не хочет с ним жить, потому что *страшно праха, который его наполняет*. Таким образом он делается *выморочным человеком*.

Сегодня, как приехал, первым делом на почту отправился и получил разом 4 № «Голоса» и столько же №№ «Биржевых ведомостей». А «Нового времени» не получил, хотя писал Лихачеву, но, вероятно, его до конца года будут высылать в Ниццу[2]. Я думал, что неприличная выходка Суворина, сделавшая из меня предмет негнушательства кн<язя> Горчакова, есть геркулесовы столпы фельетонного легкомыслия, но выходит, я ошибался[3]. В одном из полученных сегодня №№ «Биржевых ведомостей» я получил удар обухом по голове в виде панегирика Заурядного читателя (кто это такой? неужто Скабичевский?), который сделает меня притчею во языцех[4]. Читая эту бесстыдную глупость, я очутился в положении той <— — —>, которая говорила: хорошо бы пожить, как *другие* живут. Да, и у меня теперь одно страстное желание: пожить, как *другие* живут. Может быть, оно и всегда у меня было, да не удается, и, верно, не удастся.

Из почтамта заехал я к Курочкину — вот, батюшка, живет!

в грязной собачьей конуре, в которой повернуться негде и где 9° тепла! Он важен и скучен по-прежнему и считает свой приезд в Россию делом весьма щекотливым.

Ехал из Ниццы 24 часа сряду, нигде не останавливаясь — хорошо, кабы это мне прошло. Теперь — ужасно хочется спать, потому что не спал целую ночь. Напишите, пожалуйста, получили ли Вы статью мою и что об ней думаете. Ежели есть затруднения, то отложите до моего приезда.

Прощайте, будьте здоровы. Не сердится ли на меня Ераков? [5]

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 33, лл. 27—28. Впервые опубликовано: «Новый мир», 1929, № 5, с. 183—184.

---

[1] Письмо Некрасова с отзывом о рассказе «Семейные итоги» неизвестно. В пятом номере *Отеч. записок* Салтыков поместил рассказ «Перед выморочностью» из цикла «Благонамеренные речи», позднее включенный в роман «Господа Головлевы» под заглавием «Племяннушка». Но это еще не было «Концом Иудушки».

[2] Это письмо Салтыкова к Лихачеву неизвестно.

[3] В очередном фельетоне «Наброски о современниках» («Новое время», 1876, № 29, 28 марта) Суворин писал: «В прошлом году князь Александр Михайлович <Горчаков> был в Баден-Бадене, куда в то время привезли совершенно больного М. Е. Салтыкова (Щедрина). Когда больной начал поправляться и его стали вывозить на гулянье в тележке, к нему подошел раз наш канцлер, с которым он не был знаком, и, протянув ему руку, сказал: «Позвольте мне, как русскому, порадоваться выздоровлению знаменитого писателя и от души пожать Вашу руку».

[4] В «Биржевых ведомостях» (1876, № 91, 2 апреля) под псевдонимом «Заурядный читатель» Скабичевский напечатал статью «Мысли по поводу текущей литературы <...> Г. Щедрин как современный гениальный писатель. В чем он уступает Гоголю и в чем превышает его. Прогрессивность таланта г. Щедрина», в которой, в частности, утверждал: «Да, господа плакальщики над печальным положением современной литературы, если бы вопли ваши были справедливы и вся наша современная литература никуда не годилась, то не забудьте, в ваше время существует г. Щедрин и одного г. Щедрина достаточно, чтобы считать ваши вопли жалкою и постыдною слепотою. Знаете ли вы, приходило ли вам в голову подумать, что такое г. Щедрин? Ведь это один из тех народных и вместе с тем общечеловеческих сатириков, в роде Рабле, Мольера, Свифта, Грибоедова и Гоголя, смех которых раздается громовыми раскатами под сводами веков».

[5] Салтыков имеет в виду шутливый рассказ о Еракове в не дошедшем до нас его письме к Унковскому (см. письмо 475).

480. Н. А. НЕКРАСОВУ

26 апреля/8 мая 1876. Париж

Париж. 8 мая.

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, довольно значительную часть обещанного для майской книжки рассказа[1]. Еще столько уже написано, а затем остается еще немного, страниц с семь печатных, и на днях *напишу*. Вероятно, и конец получите не позже 10-го русского[2] мая. Пусть пока набирают начало, и если бы даже я к майской книжке оказался несостоятельным (чего не предполагаю), то все-таки набор не пропадет. Полагаю, что конец допишу в Париже, а перепишу уже в Баден-Бадене.

Как видите, я в Париже не очень суматошничаю, а больше дома сижу. Прошло между тем уж три недели, как я здесь. Сделал несколько новых знакомств, но больше между русскими. Познакомился, однако, с Золя и с Флобером, и на днях Тургенев устраивает обед, где мы опять встретимся[3].

Я думаю, читатели ругательски меня ругают за непродолжение «Культурных людей». Ей-богу, не могу; право, у меня расположение духа какое-то совсем трагическое. Болен, болен я сильно. Только ревматизм потише, а прочее все, т. е. биение сердца — по-прежнему. Придется дома сидеть, жить как в деревне. И в «Культурных людях» трагический элемент будет, но потом. Теперь надо, чтоб было весело. Нынешним рассказом я решительно заканчиваю «Благон<амеренные> речи», хотя сюжеты есть очень заманчивые по части, например, брака. Представьте себе, например, Хорькова (из «Бедной невесты»), пленившегося «святой простотой» Липочки (из «Свои люди сочтемся»),— что за ужасная коллизия! Все это как живое мечется, и можно кровью написать. Ужас! ужас! Вероятно, я и этот рассказ напишу когда-нибудь, а вернее всего, волью в «Культурных людей». Тут у меня будет еще рассказ «Паршивый», человек, от которого даже все передовики отвернулись, который словно окаменел в своих мечтаниях, ни прошедшего, ни настоящего, ни будущего — только свет! свет! свет![4] Вообще о «Культурных людях» не судите по началу: право, будет хорошо. Так мне кажется. Я лето им посвящу. Может быть, и трудно сначала будет, пока надобна веселость, но я всегда думал так, что надо принуждать себя. Начало я среди болей писал — оттого вышло несколько рутинно. Летом больше простору для отделки будет. Хочу, чтоб с августа продолжалось. Я, впрочем, думаю, что читатели привыкли, что я пишу неровно, отрывками.

Тургенев заходит ко мне почти каждый день, а сегодня еще вместе обедали в café Riche, одном из лучших в Париже. Еще обедали: Арапетов, Ханыков и сын поэта Жуковского. Был на выставке картин — 4 тыс<ячи> номеров, совсем теряешься; хорошо, что Тургенев с Жуковским водили и обращали внимание на хорошие вещи. А есть именно хорошие. Одна есть женщина из народа, собирающая камни на берегу моря,— забыть нельзя. Хорошо, кабы Вы уведомили меня о получении настоящего письма. Еду в Баден 16-го или 17-го, т. е. 4-го или 5-го мая ст. ст. Мне делать там нечего, но существовать где-нибудь надо, а в Париже кашель одолел. Так и соображайтесь, ежели будете писать. Впрочем, я дня за три до отъезда отсюда телеграфирую Елисееву, ради отправки газет.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 104—105. Впервые опубликовано: *Письма,* с. 135—137.

---

1 О рассказе «Перед выморочностью» см. письмо 479, прим. 1.

2 То есть по старому стилю.

3 В письме к Золя от 27 апреля/9 мая 1876 г. Тургенев писал: «Я хотел бы пригласить вас пообедать (вас и Флобера) вместе с Салтыковым. Буйабесс, которую нам подавали в прошлый раз, произвела на меня столь глубокое впечатление, что я был бы не прочь повторить все это в пятницу в том же самом месте. Устраивает ли это вас? Напишите мне записочку. Я сегодня поговорю об этом с Флобером» (*Тургенев. Письма,* т. XI, с. 406).

4 Цикл «Культурные люди» остался незаконченным (см. письмо 414, прим. 2), а вместе с ним оказался нереализованным и замысел Салтыкова (см. письмо 446, прим. 5).

481. Н. А. НЕКРАСОВУ

3/15 мая 1876. Париж

Париж. 15 мая.

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, конец рассказа: слава богу, что ко времени кончил и даже прежде, чем обещал. Прошу Вас заглавие переменить: вместо «Выморочный» поставить: «Перед выморочностью»[1]. Во время писанья получилось некоторое развитие подробностей, которое помешало *кончить* совсем эту материю. Так что будет еще новый рассказ в августе, окончательный[2]. Жаль, что я эти рассказы в «Благонам<еренные> речи» вклеил, нужно было бы

печатать их под особой рубрикой: «Эпизоды из истории одного семейства». Я под этой рубрикой и думаю издать их в декабре особой книгой — листов 16—17 будет обыкновенного формата моих изданий. А «Благонамеренные речи» издам особо — тоже будет 2 тома листов 35—38. В нынешнем рассказе *ничего* антицензурного нет.

Я в среду вечером уезжаю отсюда и в четверг утром буду в Бадене. Напишите туда, ежели нужно: я пробуду до 31 мая там. Спишусь с Белоголовым насчет свидания в Берлине: Елисеев писал, что он (т. е. Белоголов<ый>) там 20 мая ст. ст. будет[3]. Я очень недомогаю и, признаюсь, устремляюсь в Баден с нетерпением: очень уж здесь беспокойно. Погода мерзейшая, и я простудился. Опять ревматизм в руках показался, спазмы в груди, неслыханный кашель и удушье. У Тургенева я случайно встретился с одним доктором-немцем, который полюбопытствовал меня оскультировать, и объявил, что у меня четыре *главных* болезни: страдание правой почки, страдание левой стороны печени, болезнь сердца и общая анемия организма. Можете себе представить, как мне было весело это слушать? Во всяком случае, мне положительно сделалось в Париже хуже. Надо спешить умирать домой. Здесь на днях умер от болезни сердца Рикар: задохся[4]. С тех пор всем кажется, что задохнутся, в том числе и мне. Положительно, каждое утро я почти умираю. Унковский говорит, что я это преувеличиваю. Где уж преувеличивать!

Я спрашивал у Тургенева, стороной, насчет сюжета его романа, но ничего определенного не выяснил себе[5]. Знаю, что действие происходит пять лет тому назад, что героинями являются две женщины из высшего круга — либеральничающие вроде Философовой, героями — тоже два лица из молодого поколения. Одно, как говорил Тургенев, удалось, а с другим неудача, не выходит. Вообще, что <по> словам самого Тургенева, будет заметно, что он давно в России не живет. Написано 13 глав, всего будет листов 17, которые все и будут напечатаны в 1-й книге «Вестника Евр<опы> на 1877 год.

Вчера я был утром у Флобера, с которым еще прежде познакомился: вместе обедали в одном ресторане. Познакомился с Золя и с Гонкуром. Золя порядочный — только уж очень беден и забит. Прочие — хлыщи. Стасюлевич платит Золя за письма по 240 фр<анков> с листа, за право переводить с корректуры романа — по 1200 фр<анков> с романа, т. е. целковых по 12 с листа. Да, вдобавок еще поучения ему пишет. Золя не совсем-то доволен и, узнав, что я участвую в редакции, глядел на меня, как собака, ожидающая, что ее поласкают. Просил позаботиться об нем и настаивал, чтоб я взял

у Тургенева его адрес. Я ответил, что перебивать его нам не приходится, но что адрес я возьму.

Прощайте, будьте здоровы. Очень это нехорошо, что и Вы хвораете. Ежели не умру по дороге в Россию, то увидимся скоро.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 33, лл. 29—30.
Впервые опубликовано: «Новый мир», 1929, № 5, с. 184—185.

---

[1] О рассказе «Перед выморочностью» см. письмо 479, прим. 1.

[2] В *ОЗ,* 1876, № 8 был напечатан рассказ «Выморочный», но и он оказался не «окончательным» для истории Иудушки.

[3] Об этом Елисеев писал Салтыкову 19 апреля 1876 г. (*Письма Елисеева,* с. 40).

[4] О смерти Рикара см. письмо 482, прим. 3.

[5] В это время Тургенев работал над романом «Новь».

482. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

4/16 мая 1876. Париж

Париж. 16/4 мая.

Судя по письму Вашему, многоуважаемый Николай Андреевич[1], я не предполагал с Вами до осени встретиться, так как Вы писали, что поедете в Лугано, следовательно на Вену. Но Гр<игорий> Зах<арович> пишет, что Вы поедете на Берлин и будете там между 18 и 20 ст. ст.[2]. Я с своей стороны еду завтра в Баден-Баден и был бы крайне Вам обязан, если бы Вы туда меня коротенько уведомили, какого числа Вы будете в Берлине (теперь уж Вы, полагаю, можете определить) и где я могу Вас там найти. Я непременно там буду в день Вашего приезда.

Париж меня достаточно-таки изнурил. Погода до сих пор стояла гадкая и только теперь начинает поправляться. Я простудился и очень кашляю, страдая во время припадков кашля ужаснейшею одышкой. Думаю, что несколько дней отдыха в Бадене поправят меня.

Я встретил здесь у Тургенева одного доктора из Кобленца, Ритерсгаузера, который слегка оскультировал меня и нашел во мне четыре смертельных болезни: болезнь правой почки, болезнь левой стороны печени, страдание сердца и общую анемию тела. Вот увидимся в Берлине, посмотрите, сколько в

этом есть правды. Одно скажу: астма страшно меня мучит, и теперь, когда умер министр Рикар[3] и когда всякому приходит на ум эта смерть, то и мне мнится как-то, не издохну ли я таким же образом, то есть задушенный.

До свидания. Поклонитесь от нас многоуважаемой Софье Петровне. Я же остаюсь навсегда Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 5.

Впервые частично опубликовано: Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, с. 263; полностью: «Голос минувшего», 1913, № 1, с. 179—180; вторично: В. Розенберг. Журналисты безвременья. М., 1917, с. 46—47.

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] Об этом Елисеев сообщал Салтыкову из Петербурга в письме от 19 апреля (*Письма Елисеева,* с. 40).

[3] Луи Рикар умер 12 мая 1876 г. Для ликвидации различных слухов о причине его внезапной смерти (вплоть до убийства иезуитами) и успокоения общественного мнения «Официальный журнал» «счел необходимым напечатать объяснение врачей, что покойный умер хотя и быстро, но совершенно естественно, от припадка грудной жабы» (Л. Шассен. Хроника парижской жизни.— *ОЗ,* 1876, № 6).

483. А. Ф. КАБЛУКОВУ

9/21 мая 1876. Баден-Баден

Баден-Баден, 21/9 мая.

Я уже в Баден-Бадене, многоуважаемый Алексей Федорович, следовательно, на пути в Россию. Надеюсь, что все найду благополучно в Витеневе, куда, по всей вероятности, приеду не позднее 1-го июня. Впрочем, точный срок приезда назначу из Петербурга, где все-таки дней пять пробудем.

Я ждал от Вас письма и отчета, но прожил в Париже 4 недели и ничего не получил. Иногда молчание недурная вещь, но иногда за ним мерещутся всякие неприятности. А я человек в этом отношении неизбалованный и потому хорошего жду мало. Не знаю даже, получили ли Вы мое письмо, в котором я излагал некоторые просьбы мои[1]. Во всяком случае, больше мне за границу не пишите, а напишите, буде нужно, в Петербург (по прежнему адресу), где я буду между 22—25 мая. Прошу Вас передать мое почтение всем Вашим и Марье Ивановне.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, л. 91. Публикуется впервые.

---

[1] По-видимому, это письмо 476.

484. Н. А. НЕКРАСОВУ

11/23 мая 1876. Баден-Баден

Баден-Баден. 23 мая.

Получил я Ваше письмо, многоуважаемый Николай Алексеевич [1], и весьма смутился духом. Известие о Вашей болезни очень меня тревожит, и это, конечно, еще более усиливает во мне желание возвратиться в Россию. Я еще до письма Вашего решил ехать отсюда 30-го числа, с тем чтобы через пять дней или около того, т. е. 23—25, быть в Петербурге [2]. В этом смысле я писал сегодня утром к Елисееву, прося его прекратить высылку газет. Пора. Я живу здесь среди невыразимой скуки, неизъятой, впрочем, сплетен. Ибо где есть Тургенев (теперь его нет, но дух его веет), там, конечно, всякого рода недоразумения. Заграничная жизнь тем и скверна, что ставит в интимность с такими лицами, с которыми у себя встретился бы два-три раза в год. Пора, пора домой. Очень рад, что рассказ получен [3], думаю, что к моему приезду и № выйдет.

Что касается до «Нового времени», то никакого фельетона под названием «Благонамеренные речи» я туда не посылал, а послал — о чем и Вам писал — ту статью, которая когда-то была сожжена в «Отеч<ественных> зап<исках>», под названием «Страшный год» [4]. Но Суворин, как и водится, бросился с нею к цензорам, которые и сказали ему, что лучше обождать. Но дело в том, что я *обещал* дать что-нибудь, во-первых, потому, что об этом меня Лихачев очень просил, а во-вторых, и потому, что меня уверили, что газета имеет сочувствие Ваше и Елисеева [5]. Сидя за границей, в этом отношении можно легко заблудиться — это тоже одно из неудобств, неприятное даже больше, чем другие. Я же, собственно, думаю, что «Новое время» — газета ёрническая. Замечательно, что, разбирая «Отеч<ественные> зап<иски>», оно никогда, ни одним словом не упоминает обо мне. Это означает, что есть за пазухой камень. Но ведь и у меня есть таковой. Я сегодня еще писал к Лихачеву, что девиз «Нового времени» — неуклонно идти вперед, но через задний проход [6]. Содомитяне первые подали пример такого поступания. Впрочем, черт с ними. Благодарю Вас за известие о намерениях Белоголового: иначе я

прождал бы его без конца, а теперь мои руки развязаны. Что-то предполагает делать Елисеев?

Я, вероятно, выеду отсюда с Тургеневым, который сам вызвался вместе ехать в Петербург. Но очень может быть, что он, по обыкновению, обманет. Вообще, это какой-то необыкновенный человек: лгун и лицемер, и в то же время нахал. Он сам себе в Париже овации устраивает. При свидании порасскажу Вам. В романе его героем является консерватор, который силою вещей делается демократом [7]. Не помню, рассказывал ли Вам я сюжет тоже романа, который с давнего времени тревожит меня. Тоже Дон-Кихот консерватизма, который идет со своею проповедью, сначала обращается к той среде, которая, по природе, должна быть консервативною,— там его признают за ренегата уже по тому одному, что он выходит из какого-то принципа и логически идет по этому пути; потом обращается к народу — там просто не понимают его; наконец, обращается к молодому поколению — там смотрят на него как на выходца из архива. В конце концов, происходит работа, из которой вырождается радикал. Я не помню, но, кажется, я рассказывал этот сюжет Тургеневу, но все-таки должен сознаться, что не помню. Странно только, что, судя по рассказам Анненкова, те же самые три положения развиваются и Тургеневым. Дурак я — больше ничего. Впрочем, я немедленно, в одном из ближайших продолжений «Культурных людей», этот план разовью [8].

Прощайте, больше ко мне не пишите: скоро увидимся, да и письмо не застанет в Бадене.

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 35, лл. 3—4. Впервые опубликовано: «Новый мир», 1929, № 5, с. 185—186.

---

[1] Это письмо Некрасова неизвестно.

[2] Даты предполагаемых отъезда из Баден-Бадена и приезда в Петербург указаны: первая (30 мая) — по новому стилю; вторая (23—25 мая) — по старому.

[3] «Перед выморочностью» (см. письмо 479, прим. 1).

[4] Об участии Салтыкова в «Новом времени» см. письмо 468, прим. 3.

[5] Для такого заключения у Салтыкова, видимо, имелись какие-то основания. Так, например, в письме от 18 февраля <1876?> А. Л. Боровиковский писал Суворину: «Был у Елисеева и застал там Некрасова. Оба они весьма убедительно доказывают, что газету следует остановить до сентября. Некрасов говорит, что таково же и мнение Краевского — человека несомненно компетентного. Поэтому завтра на сходке у Лихачевых следует

тщательно обсудить этот вопрос. А до тех пор — не приостановить ли печатание объявлений? Пишу это по поручению Елисеева и Некрасова, доводами коих убедился и я, хотя это и не мое дело» (*ЦГАЛИ*, ф. 459, оп. 1, № 452, л. 36).

[6] Письмо Салтыкова к Лихачеву неизвестно.

[7] Речь идет о романе Тургенева «Новь».

[8] Замысел произведения о «Дон-Кихоте консерватизма» не был осуществлен. Видимых параллелей с тургеневской «Новью» этот замысел не имеет.

485. А. Ф. КАБЛУКОВУ

17/29 мая 1876. Баден-Баден

Баден-Баден. 29 мая.

Многоуважаемый Алексей Федорович. Я буду в Петербурге 30 мая ст. стиля, т. е. в воскресенье. Вы так давно не писали к нам, что мне уже мерещутся всякие ужасы. Поэтому будьте так добры написать мне в Петербург (Пески, 2-я улица, дом князя Курцевича [1]), благополучно ли в Витеневе. Вместе с тем я попрошу Вас 1-го или 2-го июня справиться у А. А. Кардановской, нет ли писем от меня, ибо я, по приезде в Петербург, напишу Вам, когда мы будем в Витеневе и что необходимо закупить для нашего приезда.

Прошу Вас поклониться от нас Марье Ивановне и Вашему семейству. До скорого свидания.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, л. 92.
Публикуется впервые.

---

[1] На эту квартиру Салтыковы переехали (с Фурштатской, д. 33) в мае 1874 г. Дом сохранился. Теперь это № 5 по 2-й Советской ул.

486. Н. А. НЕКРАСОВУ

17/29 мая 1876. Баден-Баден

Баден-Баден. 29 мая.

По милости девицы Мелехиной, я заарестован и могу быть в Петербурге только 30 мая ст. ст., многоуважаемый Николай Алексеевич, ибо квартира моя занята и жилец не хочет

съехать, по причине дурной погоды. Я пишу вместе с сим к Алексею Михайловичу[1], прося его съездить на квартиру и узнать *наверное,* что там творится, и не должен ли я еще ожидать отвратительных телеграмм этой глупой бабы, которая церемонится с жильцом, хотя я категорически писал, что отдать квартиру можно только до нашего приезда, и она сама в Ниццу уведомляла, что 12 мая квартира будет свободна. Скверно будет, если придется остановиться в гостинице.

Не знаю, в Петербурге ли Унковский, но ежели его нет, то не примете ли Вы на себя этот труд разъяснить, что хотя я невольно решаюсь не приезжать до 30-го мая, но желал бы, однако, чтоб больше откладываний не было. Мне и перед Вами совестно, что задерживаю Вас, хотя, признаюсь, очень было бы больно Вас не видеть.

Во всяком случае, я выеду отсюда 25-го мая ст. ст., т. е. в среду на будущей неделе, а четверг пробуду в Берлине, откуда в пятницу вечером выеду в Петербург. Когда приходит туда поезд, не знаю, но в понедельник, 31-го числа, буду в редакции. Ежели «Отеч<ественные> зап<иски>» выйдут не позднее 21-го мая, то Вы бы весьма меня обязали, выслав их мне в Баден-Баден в тот же день, ибо иначе мне нечего будет читать в дороге. Если же № выйдет позднее, то, разумеется, делать нечего, прочту в Петербурге. Очень хотелось бы знать Ваше мнение насчет «Выморочного» — кажется, послабее прежнего[2]. Прощайте, поклонитесь от меня всем, кто обо мне помнит. Погода здесь скверная, сегодня первый теплый день. Ждут Тургенева, проездом в Петербург. Анненков послезавтра уезжает, и я целую неделю буду совсем один. Слышал я, что Ераков за границу удрал — ужасный человек! Хоть бы заглянул в Баден-Баден! Уж не обиделся ли на меня?

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 32, лл. 106—107. Впервые опубликовано: *Письма,* с. 137—138.

---

[1] А. М. Унковскому.

[2] О рассказе «Перед выморочностью» см. письмо 479, прим. 1.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К РОДНЫМ

1841—1868[1]

Приводятся выдержки из писем семейного архива Салтыковых (ИРЛИ, ф. 366), в которых содержатся сведения о существовавших, но неизвестных ныне письмах Салтыкова к родителям и родным; номера описей, ед. хр. и листов указываются в конце публикуемых текстов.

Впервые опубликовано: *Макашин I* и *II* (в соответствующих местах книги); часть текстов публикуется впервые.

Авторы и адресаты цитируемых писем: Е. В. Салтыков — отец Михаила Салтыкова, Евграф Васильевич; О. М. Салтыкова — мать, Ольга Михайловна; Д. Е. Салтыков — старший брат, Дмитрий Евграфович; Н. Е. Салтыков — второй из старших братьев, Николай Евграфович; С. Е. и И. Е. Салтыковы — младшие братья, Сергей и Илья. А. Я. Салтыкова (урожд. Брюн де Сент-Катрин), жена Д. Е. Салтыкова; Л. Е. Зилова — сестра, Любовь Евграфовна.

Е. В. САЛТЫКОВ — Н. Е. САЛТЫКОВУ

11 февраля 1841

«Пишет ко мне Мишенька, будто бы, в Петербурге мошенника, притворившегося мертвым, принесли мошенники же в гробе с вечера в церковь, в коей во время ночи на происходящий шум сторожа и причетники взошли в церковь и застали мнимого мертвеца обдирающим оклады и похитившего деньги, объявили о сем начальству, по резолюции коего, будто бы, виновного, положа живого в гроб, зарыли в землю, из коей, будто бы, 3 дни слышен был стон его. Сие случилось на клад-

[1] Раздел Приложения подготовили: В. Э. Боград — VII; Н. С. Никитина — I и VIII; С. А. Макашин — II, III, IV, V, IX.

бище у Смоленской богоматери в Петербурге, но я сему варварскому наказанию не верю, тем паче, что и Митенька не пишет мне об оном ничего, и это должны быть пустые слухи» *(оп. 11, № 60, л. 9 об.)*.

12 января 1842

«При случившейся сей оказии посылаем <...> письмо от братьев из Петербурга к тебе <...> я надеюсь, что ты сумеешь отвечать и Дмитрию и Михайлу, на его вычурное письмо» *(там же, л. 20)*.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. САЛТЫКОВУ

10 сентября 1842

«...благодарю тебя, дружок, Мишу и Сергея за писание» *(оп. 9, № 111, л. 16)*.

20 ноября 1842

«<...> Мишу <...> отпусти к нам, я его хочу видеть и побранить, что глупы пишет письма о скуке школьничей его жизни, о чем ему рано думать и глупо, надо ему учиться, а не скучать» *(там же, л. 22)*.

Е. В. САЛТЫКОВ — Д. Е. и М. Е. САЛТЫКОВЫМ

15 июня 1843

«Любезные друзья мои Дмитрий и Мишель, благодарю вас за ваши письма от 1 и 2-го сего июня <...> ожидаем вашего приезда, обоих вас вместе или как вы распорядитесь» *(оп. 9, № 107)*.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. САЛТЫКОВУ

22 февраля 1844

«От Миши же я получила письмо прежде твоего и поручала ему передать тебе о твоем молчании» *(оп. 12, № 354, л. 1)*.

Е. В. САЛТЫКОВ — Д. Е. САЛТЫКОВУ

<12 ноября 1845>

«Мы получили также и от сына нашего Мишеньки письмо, в коем он уведомляет нас об отдаче взаймы Сергею Юрьеву 25 <руб.> серебром, который, обещав ему возвратить их к 1-му числу октября, и до сих пор не отдает ему оных и даже ничего не пишет, что нас крайне огорчает...» *(оп. 9, № 126, л. 1)*.

О. М. САЛТЫКОВА — М. Е. САЛТЫКОВУ

15 ноября 1845

«Милый Михайла! Благодарю тебя за писание, радуюсь, что ты здоров. Ты пишешь, что желаешь место переменить, но я слыхала, что законом сказано, кто два года или три, вступя из заведения, проведет себя отлично, о тех велено доносить и им за это дается чин. В таком случае я даю тебе совет взять терпенье и пробыть тут этот срок. <...> Насчет же Юрьева, он здесь пробудет святки, следовательно, полагаю, что ты до его приезду не получишь от него денег <...>.

<P.S.>. Насчет же желания твоего жить с товарищем я не препятствую, только дай бог тебе оного доброго и кроткого, благонравного иметь» *(оп. 9, № 52, л. 1)*.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

20 июня 1846

«...я получила от Миши письмо, который мне сообщает о вашей потере [1], в которой он принимал родное участие; со скорбию сообщает мне, что ты, моя родная милая дочь Аделичка, ужасно убиваешься и грустишь» *(оп. 9, № 132, л. 9)*.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. САЛТЫКОВУ

6 июня 1848

«...От Миши мы получили два письма [2], он очень грустит и просит, чтобы мы ходатайствовали у милосердного монарха о нем прощение...» *(оп. 12, № 352, л. 29)*.

---

[1] О смерти в младенчестве дочери Д. Е. и А. Я. Салтыковых Оли.

[2] Из Вятки.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. САЛТЫКОВУ

<29 июня 1848>

«Насчет же Михайлы, мы от него получили от 7-го и 14-го два вдруг письма 25-го чис<ла>. Он, слава богу, чувствует себя лучше, определился в Губер<нское> прав<ление> на службу. Квартира, стол, лошадь ему <...> * сереб<ром>. <...> Насчет же подачи Прошения он писал <...> * если <?> бы мы подали оное 31-е августа или <...> * письме пишет, чтобы обождали пока. Он спишется <?> * с тобой и знакомыми о сем и нас тогда уведомит. Между тем <...> * будет <ждать> * от тебя с нетерпением о сем совету и известия <...> * <что?> * делать. <...> И пишет, чтобы подать оное через тебя. Он пишет, что надеется заслужить мнение начальства своим поведением, но опасается, чтобы не забыли о нем и долго бы не продлилось его там пребывание. Впрочем, еще пишет, что если уже не позволят ему служить в Петер<бурге>, то хоть бы в Ярос<лавле> или Твери. Только бы поближе к нам. <...> Уповает на бога и милосердие монарха» *(оп. 9, № 113, л. 1)*.

15 июля 1848

«Михайло пишет нам, он, слава богу, здоров...» *(там же)*.

Л. Е. ЗИЛОВА — Д. Е. САЛТЫКОВУ

23 июля 1848

«Я несколько раз писала к Мише, но вот 3 мои письма остались без всякого ответа; он дал мне слово в письме [1] побывать нынешним летом у нас, однако вот уже почти и лето прошло, но не только его самого не видим, даже и вести об нем никакой не имеем» *(оп. 9, № 129, л. 1 об.— 2)*.

---

* Звездочками обозначаются поврежденные места текста.

[1] Очевидно, в письме, написанном еще до ареста и ссылки, то есть до 24 апреля 1848 г.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. САЛТЫКОВУ

26 июля 1848

«Михайла пишет и ужасно убивается, что не получает ни от тебя и ни от кого знакомых писем, отчаивается, о своем возвращении не надеется, одним словом, меня пугает его отчаяние» *(оп. 9, № 113, л. 7 об.)*.

3 сентября 1848

«...Миша пишет, что из Вятки едет один чиновн<ик>, то есть управл<яющий> Пал<атой> госуд<арственных> имущ<еств>, в Петерб<ург> на короткое время, который будто коротко знаком с кн. Голицыным, статс-секретарем у Комиссии прошений, и он пишет, если наше прошение будет около 20-го сентя<бря>, то он уверен, что г. Игнатьев возьмет на себя труд сказать за него несколько слов кн. Голицыну» *(оп. 12, № 352, л. 34)*.

Л. Е. ЗИЛОВА — Д. Е. САЛТЫКОВУ

20 сентября 1848

«...о Мише ты ни слова мне не писал, и я не знала бы о его переводе в Вятку, если бы в августе не имела от него известия такого, которое меня чрезвычайно удивило и опечалило. Видевши из письма его, что он слишком грустит, от души его мы сожалеем и молим бога, чтобы господь подкрепил его» *(оп. 11, № 278, л. 4)*.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

<Начало 1850>

«От Михайлы я получила два письма. Меня удивляет, что он <?> все <в> Вятке, еще, видно, не приступил к своему порученному делу [1]. <...> Мне грустно, что он своим унынием наводит на меня ужасную печаль» *(оп. 9, № 133, л. 3 об.)*.

---

[1] Салтыкову было поручено инвентарное описание уездных городов Вятской губернии. Его поездки по губернии начались в марте 1850 г.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

30 апреля 1850

«Иля и Сергей не пишут, забыли нас, а Михайла пишет. Он здоров, грустит, хочется, пишет, хоть бы на недельку у нас побывать» *(оп. 12, № 354, л. 52 об.)*.

<После 1 мая 1850>

«Миша пишет часто к нам, но ничего не пишет насчет <того>, что к губер<натору> послан запрос о нем»[1] *(там же, л. 239 об.)*.

28 мая 1850

«А я получила письмо от Михайлы. Он, как малый ребенок, мечтает о своем счастии и пишет, что мечтает <об освобождении> в июне. И пишет, что писал к вам похлопотать о нем, чтобы вместе с вами быть у нас, и потом опять мрачно говорит: господи, если эта счастливая мечта исчезнет, как будет убийственно для него» *(там же, л. 69 об.)*.

Е. В. и О. М. САЛТЫКОВЫ — Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

10 августа 1850

«Михайла прислал нам еще письмо, сокрушается ужасно, что у них слухи идут, якобы губерн<атор> их хочет выдти вон из Вятки, даже будто сам о сем поговаривает, и этим Михайла ужасно убивается, ибо одну отраду имел в их семействе и, как родной, ими был принят всегда» *(оп. 9, № 133, л. 13 об.)*.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

14 августа 1850

«...от Миши последнее письмо получили подпечатанное <...>[2] Я знаю, что Сергей нисколько во мне не усумнится и во всем положится на меня, как и Илья, который, хотя ребе-

[1] Запрос вятскому губернатору от кн. А. Ф. Голицына (см. выше) в связи с предстоящим докладом Николаю I прошения О. М. Салтыковой о прощении сына.

[2] Свидетельство, что письма Салтыкова из Вятки перлюстрировались.

нок, но я знаю, что он добрый сын. О Михайле и говорить нечего. Я получила от него письмо, который своими благородными поступками меня так тронул, что я, читая его письмо, рыдала. Он любит меня, как может только любить добрый сын. Он без всякого возмездия готов уступить тебе после отца часть, полагаясь совершенно на меня, отдаваясь в полную мою волю. Я это письмо повезу отцу, с коим прочитав, пришлю тебе копию, и отец обо всем сам тебе напишет. Я знаю, что его глубоко тронет письмо Михайлы, какие у него христианские чувства к братьям. И знаю, что тебя оное тронет. Тогда мы напишем Сергею. Знаю, что и тот отдастся в мою волю <...>. Да надо же Николаю прибавить, хоть деньгами, если у меня не будет, так братья дадут, что велю. Михайла же о сем просит меня, убеждая меня считать его сыном и простить его дерзости. Впрочем, я знаю вашу всех между собой любовь, вы друг друга никогда не покинете...» *(оп. 9, № 133, лл. 16—17)* [1].

Е. В. САЛТЫКОВ — Д. Е. САЛТЫКОВУ

24 сентября 1850

«Михайла пишет, что ему хочется побывать в Петер<бурге> и похлопотать о своем прошении, о чем он тебе писал. Надо остановить его в этом» *(оп. 9, № 133, л. 20)*.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

8 декабря 1850

«...бывало, Михайла редко писал, а как укусил сырой земли, так милее не стало родителей. Неделю не пропустит и пишет, неделю не получил от нас и скучает. Видно, горе умягчает русские сердца» *(там же, л. 43)*.

<Январь 1851>

«Михайла пишет, тоже грустит, что давно ничего не получает от вас...» *(оп. 9, № 140, л. 14)*.

---

[1] Комментарий к этому письму см. выше, в основном разделе (кн. 1 наст. тома), при письме Салтыкова к матери от 7 августа 1850 г. (25).

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е., А. Я., С. Е. и И. Е. САЛТЫКОВЫМ

15 февраля 1851

«От Миши получила акта копию им совершенно во всем беспрекословно подписанное»[1] *(оп. 9, № 134, л. 18 об.)*.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

20—21 мая 1851

«Сейчас получила письмо от Михайлы, который ужасно меня расстраивает своим нетерпением, наделав так много порчи, сам будучи виновен, а теперь терпения не имеет, с ума сходит, что губ<ернатора> перевели и он останется без него; и потом сокрушается, что Нат<алья> Ник<олаевна>[2] ему писала, что доклад о нем оставлен без внимания, и теперь хочет просить губер<натора>, чтобы он похлопотал о переводе и его в Оренб<ург>, попросил бы тамошнего генер<ала> Перовс<кого>, о чем пишет, что он тебе все писал[3] и просил помочь ему и уведомить его. И притом дополнил, что, может, если его переведут в Оренбу<рг>, так ему придется послужить без жалованья несколько времени, что он надеется, что я ему не буду препятствовать, ибо он надеется через это получить себе ходатайство Перовс<кого>. Не пишет, на какое место хлопочет о переводе его, только я сужу, что он или в отчаянии, или упрямство, и так меня этим расстроил» *(оп. 9, № 139, л. 15 об.)*.

14 июня 1851

«Миша пишет мне и Нат<алья> Ник<олаевна> пишет и умоляют меня, чтобы я позволила перейти ему проситься в Оренб<ург>, то я писала ему сей же почтою, что я препятствовать не могу, но только лучше бы повременить, а <*1 нрзб.*> как хочет» *(оп. 9, № 137, л. 80 об.)*.

25 августа 1851

«...все меня дети забыли и оставили, бог с вами. Пишу, пишу, ни ответу, ни привету нет от вас, только спасибо Михайла

---

[1] Копию акта о первом разделе родовых имений отца.

[2] Н. Н. Середа, жена вятского губернатора, переводимого на другую должность в Оренбург.

[3] См. в основном разделе (кн. 1 наст. тома) письмо к Д. Е. Салтыкову от 1 мая 1851 г. (45).

пописывает. Слава богу, он и с новым губернат<ором>[1] очень счастлив, весьма его обласкал. Дай бог ему хоть в этом отраду» (*там же, № 134, л. 68 об.*).

27 января <1852>

«Михайла пишет, что он здоров и ждет акта, который, подписав, вышлет ко мне немедля...» (*оп. 9, № 139, л. 22 об.*).

9 октября 1852

«Миша пишет, он здоров, но все грустит, особенно о перемене минис<тра>[2]. И грустит, что от тебя писем не получает» (*оп. 12, № 354, л. 108*).

8 января 1853

«Миша здоров. Он недавно и нередко пишет ко мне. Он подал прошение в отпуск на 4 мес<яца> ко мне, о чем он хотел писать и, думаю, уже писал к тебе»[3] (*там же, л. 126*).

28 января 1853

«Я сейчас получила письмо от Миши, он сокрушается ужасно, что не получает от тебя известия и ждет между страхом, приведет ли бог повидаться нам с ним» (*оп. 9, № 139, л. 26 об.*).

29 июня 1854

«Михайла все своей невестой меня тревожит, а мне, право, ни до чего, я жду себе конца...» (*оп. 9, № 135, л. 61 об.*).

21 декабря 1854

«Миша же пишет, что здоров» (*там же, л. 103*).

---

[1] Н. Н. Семеновым.

[2] Осенью 1852 г. министром внутренних дел стал Д. Г. Бибиков, сменивший на этом посту гр. Л. А. Перовского.

[3] См. в основном разделе (кн. 1 наст. тома) письмо к Д. Е. Салтыкову от 22 декабря 1852 г. (68).

И. Е. САЛТЫКОВ — Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

11 января 1855

«Благодарю вас <...> за ласковые письма: еще более я был обрадован, получивши с одной почтой три: ваше, маменьки и брата Миши» *(оп. 11, № 273, л. 17)*.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. САЛТЫКОВУ

26 января 1855

«Миша тоже пишет, что здоров, но он где-то теперь далеко по делам странствует. Он подал прошение об отпуске его ко мне и писал, что губерн<атор> писал министру о нем, как об отличном чиновнике, просил его ходатайства монаршей милости. Он еще не знает, что уже благодаря бога он осчастливлен наградою» *(оп. 9, № 136, лл. 10 об.—11)*.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. В. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

9 февраля 1855

«Миша пишет, что он в Перми и очень озабочен делами и пишет, что губер<натор> пермской весьма принял его хорошо, что он совершенно у него как свой человек и пользуется там удовольствиями. Был маскерад, который давали в пользу раненых, и собрали 2500 р. сереб<ром>, открывали клуб, <был> у архирея на именинах и губернат<ора> на балу. Все это во время святок; он просится в отпуск» *(там же, л. 14 об.)*.

23 марта 1855

«Я получила от Миши письмо от 4-го марта. Он пишет, что 9-е число опять едет в Казань и потом в Нижний Новгород, где надеется встретить и провести праздник. И из Нижнего Новгорода располагается побывать во Владимире, повидаться с Болтиными, ибо он получил письмо от Болтина, который подает ему надежду на руку его дочери, и Миша просит мое согласие. Разумеется, что я оное послала ему. <...> Потом пишет, что он поедет в Ярославль и будет в Пересл<авле>, откуда хоть на 3 дня побывает у меня. <...> Потом пишет, что губернатор его прошение об отпуске ко мне оставил, не пред-

ставил, а представил к совершенному увольнению его из Вятки...[1]» *(оп. 12, № 354, л. 137)*.

15 июня 1855

«Я получила от Миши и Или от 21 мая письма; первый совершенно отдается в полное мое распоряжение о устройстве его судьбы...» *(оп. 9, № 137, л. 39)*.

3 сентября 1855

«Миша пишет, что его формуляр выстребовали в Петер<бург>, и он надеется, что его переведут. Кто-то ему сказывал, что скоро о сем будет уведомление» *(оп. 9, № 137, л. 58 об.)*.

3 сентября 1855 <?>

«Отправя к тебе последнее письмо, я получила Инвалид, из коего увидела, что назначено ополчение <в> Вятке с прочими губер<ниями>. Пришла мне мысль, что Миша о сем мне писал, а потом и при свидании говорил, что он жалеет, что не пошел в Яросл<авское> ополчение» *(там же, л. 55)*.

26 октября 1855

«Миша пишет, что у него 150 р. сер<ебром> на ярмарке[2] вынули. Вот какая Балда, а еще жениться хочет! Он пишет, что у них взялись купцы поставить вещи для ополчения и он уже не поедет. Признаюсь, я очень рада, что это не удалось: пожалуй, тут еще бы *обалдел*. Он пишет, что к ним приехал минис<тра> Ланск<ого> сын[3] для осмотру ополчения и они все ему представлялись и ему хотелось обратить его внимание в пользу свою» *(там же, л. 76)*.

---

[1] Ходатайство губернатора Семенова об освобождении Салтыкова было предпринято впервые в январе 1854 г. и повторено в феврале 1855 г. См. в основном разделе (кн. 1 наст. тома) письмо к Д. Е. Салтыкову от 8 января 1854 г. (78).

[2] На Макарьевской ярмарке.

[3] Не сын, а двоюродный брат министра внутренних дел С. С. Ланского, ген.-адъютант П. П. Ланской.

2 ноября 1855

«Миша мне пишет, что министра Ланскова двоюрод<ный> брат был флигель-адъютант по ополчению <в> Вятке и принял в нем сильное участие и сей час же писал о нем к министру и Дупелю [1],— просил их ходатайствовать у государя ему прощение и в случае если не угодно будет государю дозволить ему в Петер<бурге> служить, то перевести в другую губерн<ию>, <с> зачислением его в министерство чиновником особых поручений» *(там же, л. 78 об.)*.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

13 декабря 1855

«Миша мне пишет, что господь наградил его царской милостью, государь его простил совершенно и дозволено ему служить, где пожелает. Можете себе представить его радость, он пишет, что вполне счастлив. Как меня это обрадовало и утешило. <...> Он пишет, что от тебя еще известия не имеет, но полагает, что я уже от тебя знаю. Но, верно, еще ты не успел узнать, а то, верно, давно бы мне сообщил. Он 15-е декабря выезжает ко мне и потом от меня хочет побывать у Лизы, которая, бедняжка, что-то нездорова, а потом собирается в Петер<бург>, вероятно, к Рождеству приедет...» *(там же, л. 104)*.

21 декабря 1855

«Миши еще нет. Он писал сперва, выедет с 15-го дек<абря>, а потом уже писал с 20-го дек<абря>. Поэтому я его жду 27 или 28 и исполню передать ваши поцелуи ему» *(там же, л. 106)*.

И. Е. САЛТЫКОВ — Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

16 <апреля> [2] 1856 <?>

«...получил письмо от брата Миши, где мы совершенно помирились» *(оп. 11, № 273, л. 31)*.

---

[1] Л. В. Дубельту, управляющему III Отделением.

[2] В подлиннике ошибочно; судя по содержанию письма, оно написано в марте.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. САЛТЫКОВУ

27 мая 1856

«Сечас я воротилась[1] 27-е и нашла письмо Мишино, которое меня просто еще более поставило в трудное положение переменой свадьбы в Москве. Я из Твери отправила к тебе для передачи ему образа, а теперь едет венчаться в Москву, назначая 4-е или 6-е число»[2] *(оп. 9, № 137, л. 72)*.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

18 августа 1856

«О Мих. Ев. я более ничего не скажу, что я отвечала на его письмо длинным и высказала истину так, что, конечно, его потрясло, ибо он не ожидал. Он отвечал, что поедет и решительно извинится пред тобою и надеется, что все будет по-старому»[3] *(там же, лл. 112 об.— 113)*.

11 мая 1857

«Сегодня я получила почту, и Михайла сообщил мне о потери вашей Мариянушки[4], и пишет, что вы все в ужасном горе...» *(оп. 9, № 138, л. 10 об.)*.

1 февраля 1858

«Миша пишет, что последовало высоч<айшее> повеление[5], дозволяющее помещ<икам> заключать с крестьянами всякого рода условия» *(оп. 12, № 352, л. 47)*.

---

[1] Из Твери в Ермолино.

[2] Первоначально свадьба предполагалась в Петербурге.

[3] Письмо О. М. к М. Е. неизвестно. Обещание Салтыкова поехать к Дмитрию Евграфовичу и извиниться перед ним было выполнено.

[4] Дочь Д. Е. и А. Я. Салтыковых, умершая в двухлетнем возрасте.

[5] Речь идет не о «повелении» (законе), а об одном из пунктов обсуждавшейся тогда в правительстве крестьянской реформы: предоставлении помещикам возможности заключать с крестьянами, по взаимному желанию, соглашения о выкупе последними земельных наделов.

С. Е. САЛТЫКОВ — Д. Е. САЛТЫКОВУ

19 марта 1858

«Сейчас только что маменька получила письмо от брата Миши, где он уведомляет, что получил место вице-губернатора в Рязани, а так <как> это было его постоянное желание, то я его поздравляю и от души за него радуюсь» *(оп. 12, № 354, л. 194 об.)*.

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

25 мая 1858

«Здесь я получила от Миши бумаги, кои я ему поручила составить[1]. Хотя они поправлены недурно, но для меня не полны, и поэтому я их везу домой и с Берс<еневым>[2] займусь серьезно оными, и тогда опять Берс<енева> пошлю с ними к нему <...>. Михайла <...> очень занят, <...> Он мне писал, что он не успевает даже, столько дел у него. Губернат<ор> поехал ревизовать губер<нию>, и теперь он правит и его делами. Лизав<ета> Апол<лоновна> приехала уже к нему. В Тверь он не будет, пишет, никакой возможности отлучиться не имеет» *(там же, л. 297)*.

С. Е. САЛТЫКОВ — Д. Е. САЛТЫКОВУ

<1866—1868>

«...прошу вас уведомить матушку, что я получил уже от брата Михайлы полную доверенность, как на совершение выкупной сделки, так и на согласие по уплате ей долга по согласию моему с ней» *(оп. 11, № 275, л. 28)*.

---

[1] Описания имений Салтыковых, понадобившиеся в связи с предстоящей крестьянской реформой.

[2] Доверенное лицо О. М. Салтыковой по ее хозяйственным и тяжбенным делам. После 19 февраля 1861 г. занимал должность члена уездного по крестьянским делам присутствия в Угличе.

II

ИЗ СЛУЖЕБНЫХ БУМАГ САЛТЫКОВА ВЯТСКОГО ПЕРИОДА

В *ИРЛИ* и в *ГА Киров. обл.* хранится немало бумаг, относящихся к вятской службе Салтыкова, написанных его рукой. Содержание некоторых из них представляет интерес не только для характеристики собственно служебных дел и обязанностей будущего автора «Губернских очерков». Таковы, в частности, приводимые здесь, во фрагментах, статья Салтыкова о Вятской сельскохозяйственной выставке 1851 г., в устройстве которой он участвовал в качестве «распорядителя и члена комитета», и его рапорт губернатору о результатах командировки по делу о волнении крестьян.

К письму 24

1

ВЯТСКАЯ ВЫСТАВКА

...Отличительная, характеристическая черта Вятской губернии заключается в составе ее народонаселения, которое <...> состоит преимущественно из государственных крестьян: этот факт напечатлевает совершенно отличный от других губерний характер, не только на все существующие общественные отношения, но и на самую сельскую промышленность. В других губерниях поземельная собственность и все вообще капиталы сосредоточены в немногих руках, тогда как в Вятской губернии владение землею раздроблено на бесчисленное множество участков; очевидно, что человек, обладающий значительною собственностью, может иметь более средств к улучшению ее, нежели другой, который обладает собственностью ограниченною. Во-первых, он, получая постоянно несравненно больший доход, может отделять от него значительную часть для поддержания и необходимых улучшений по имению; тогда как небольшой землевладелец часто бывает в необходимости весь свой доход употребить без остатка на содержание себя и своего семейства. Во-вторых, свойство самых улучшений в сфере сельского хозяйства часто таково, что они возможны и приносят действительную пользу только в тех случаях, когда они делаются в больших размерах и на значительных пространствах, не говоря уже о том, что всякая хозяйственная операция, чем она обширнее, тем менее сравнительно требует издержек. В-третьих, избыток материальных средств, сопря-

женный с большими хозяйствами, дозволяет хозяину производить в хозяйстве своем опыты, неудача которых не может принести слишком чувствительный ущерб большому капиталисту, тогда как маленький землевладелец совершенно лишен этого преимущества. Конечно, с другой стороны, раздробленность поземельной собственности соединяет с собою другое неоцененное свойство, а именно возможность лучшего ухода за хозяйством, но и это удобство только тогда может иметь действительное осуществление, когда землевладелец имеет к тому средства, которые столько же заключаются в личных трудах и достоинствах хозяина, сколько и в материальных способах, ему предоставленных. Поэтому весьма немудрено, что в Вятской губернии, где, как сказано выше, поземельное владение раздроблено до чрезвычайности, сельская промышленность находится в более младенческом состоянии, нежели в других губерниях России. Если прибавить к этой причине и то обстоятельство, что класс крестьян, как менее других образованный, с недоверчивостью смотрит на все нововведения, предпочитая испытанное уже веками и опытом нововведению, может быть полезному, но, во всяком случае, неверному, то и получится истинная причина недостаточного состояния сельской промышленности в Вятской губернии.

«Журнал Министерства государственных имуществ», часть XXXVIII, отд. 2, СПб., 1851, с. 203—238. Первоначально под заглавием «Вятская очередная выставка сельских произведений» напечатано в газете «Вятские губ. ведомости», 1851, № 4—7 (ч. неоф.). Писарская копия статьи, правленная Салтыковым: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 5, № 7.

К письму 66

2

О ВОЛНЕНИЯХ КРЕСТЬЯН ТРУШНИКОВСКОЙ ВОЛОСТИ СЛОБОДСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБ. ИЗ-ЗА СПОРНОЙ СЕНОКОСНОЙ ЗЕМЛИ («КАМСКОЙ ОБРОЧНОЙ СТАТЬИ»)

Из рапорта Салтыкова вятскому губернатору от 24 ноября 1852 г. о результатах командировки в район волнений.

...Независимо от всего вышеизложенного, я чрез расспросы самих крестьян и местных чиновников, входил в рассмотрение самого положения крестьян относительно предоставленных им местными обстоятельствами средств к содержанию себя с семействами и к уплате государственных податей. Результаты сих изысканий оказались следующими.

1-е. Крестьяне <данной местности>, все вообще, находятся в самом бедном положении, и хотя и есть между ними некоторые довольно зажиточные, но и они кажутся таковыми только сравнительно с другими, которые не имеют почти никаких средств к существованию.

2-е. Землею на число душ по 8-й ревизии[1] крестьяне до сих пор не наделены; нынешний надел произведен еще по генеральному межеванию[2], и тогда, конечно, был достаточен, но в настоящее время в некоторых селениях едва-едва приходится на душу от двух до трех десятин удобной земли; это самое, вероятно, и понудило крестьян делать в свободных казенных землях расчистки, которые впоследствии были введены в состав Камской оброчной статьи.

3-е. Земля, находящаяся во владении крестьян, самого посредственного качества; хлеба родятся едва-едва сам-третей, а большею частью сам-друг и сам-друг с половиной; сенокосов хороших нет вовсе, ибо все почти крестьянские сенокосы лежат по болотистым местам, а лучшие луга, понимаемые весенним разливом реки Камы, введены в состав оброчной статьи и из пользования крестьян изъяты; само собою разумеется, что при недостатке лугов скотоводство крестьян находится в самом жалком положении, а от этого необходимо должно страдать и самое хлебопашество.

4-е. Промыслы, которыми занимаются крестьяне для заработки денег, потребных на уплату податей, заключаются в выработке и поставке угля для соседних железоделательных заводов купца Малинова, в поставке дров для солеваренных заводов Пермской губернии и в занятии бурлачеством по реке Каме.

5-е. Выгоды, приобретаемые этими промыслами, так незначительны, что вырабатываемых денег едва достаточно на уплату государственных податей за семейства, состоящие нередко из трех и четырех душ при одном работнике, на прокормление самих работников во время отсутствия из дома и на покупку самых необходимых домашних потребностей, как-то соли и пр.

Соображая все объясненное выше, я, с своей стороны, нахожу, что причины, побудившие крестьян к возмущению, заключаются в следующем:

а) В самом положении крестьян, которое, действительно, представляется столь бедственным, что с первого взгляда обращает на себя особенное внимание.

и б) В том недоразумении, которое возникло между кре-

---

[1] Манифест о ней был опубликован еще в 1833 г.

[2] Оно проводилось с 1765 по 1830 г.

стьянами от неограничения и неприведения в известность Камской статьи. Крестьяне, видя, что при одном содержателе статьи сей в состав ее входит более, при другом — менее пространства, легко могли заподозрить в этом деле произвол как со стороны содержателя, так и со стороны лица, вводившего его во владение статьею.

Хотя в настоящее время беспорядки прекращены и бунтовщики приведены в надлежащее повиновение, я не могу, однако же, не сказать, что, по моему мнению, единственный способ водворить между крестьянами прочный порядок и тишину заключается в скорейшем наделении их землею, по числу душ 8-й ревизии, причем, так как почти все свободные казенные земли этого края таковы, что нарезка их крестьянам нисколько не послужит к улучшению их быта, а, напротив того, потребует от них же значительного труда и издержек, которые могут вознаградиться разве через весьма долгое время, то я полагал бы в число земель, предполагаемых к наделу крестьянам по 8-й ревизии, включить и Камскую статью, в полном ее составе. Тем более, по мнению моему, предположение это заслуживает уважения, что статья сия составилась из лесных полян, на расчистку которых этими же крестьянами употреблен не один десяток лет.

ГА Киров. обл., ф. 582, оп. 139, ед. хр. 358, лл. 47 об.— 51.

III

ТЕКСТЫ САЛТЫКОВА В «МАТЕРИАЛАХ...» ДЛЯ ЕГО БИОГРАФИИ АРСЕНЬЕВА

В известных «Материалах для биографии М. Е. Салтыкова» К. К. Арсеньева приведен ряд текстов писателя 1850-х годов. Тексты были извлечены автором «Материалов...» из бумаг Салтыкова вскоре после его смерти. Через год после обнародования «Материалов...» (первая публикация — «Вестник Европы», 1890, №№ 1—2) все бумаги, взятые у вдовы Е. А. Салтыковой, сгорели при пожаре дачи К. К. Арсеньева.

В настоящей публикации *курсивным* шрифтом печатаются тексты Салтыкова, приводимые Арсеньевым в кавычках. *Прямым* шрифтом набраны комментирующие и связующие тексты самого Арсеньева, а также тексты Салтыкова, приводимые им в изложении и в сокращении.

К письму 26

1

ЗАМЕТКИ, СДЕЛАННЫЕ ПРИ ЧТЕНИИ КНИГ В ВЯТКЕ

...Недостаток <в Вятке> живой беседы с единомышленниками-друзьями Салтыков старался пополнить чтением. В его бумагах сохранились заметки, озаглавленные: *«Об идее права»;* сохранился также приступ к биографии Беккарии; и то и другое написано на бланках «советника вятского губернского правления». В бланк, на котором начата биография Беккарии, вложен лист бумаги с несколькими выписками из этого писателя; к одной из них присоединено возражение Салтыкова. *«Люди,— говорит Беккариа,— согласились, молчаливым контрактом, пожертвовать частью своей свободы, чтобы пользоваться остальным спокойно и чтобы воздерживать постоянные усилия отдельных лиц к восстановлению полной свободы». «Нельзя себе представить,—* замечает по этому поводу Салтыков,— *чтобы человек мог добровольно отказаться от части свободы, да и нет в том никакой необходимости».* Заметки *«Об идее права»* также, по-видимому, внушены чтением Беккарии; но, судя по некоторым выражениям, они принадлежат, всецело или большею частью, самому Салтыкову. Мы приведем из них все более существенное. Начинаются они указанием на важность сравнительного изучения уголовных законов, в которых *«отражается, со всеми ее безобразными или симпатическими сторонами, внутренняя и внешняя жизнь народов. Если нравы народа мягки, если в сознании народном живет идея правды, то законодатель является не исключительным запретителем или равнодушным карателем известной категории действий, называемых преступлениями. Спускаясь в глубочайшие тайники природы человеческой, он приходит если не к полному признанию ее слабостей и заблуждений, то, по крайней мере, к тому полному любви и снисхождения взгляду, при котором известное действие является не столько преступлением, сколько результатом ненормального, болезненного состояния человека. Напротив того, если дикость и необузданность составляют главную черту народного характера, уголовный кодекс его является полным жесткости и исключительности, принимает формы отрицательные, не хочет иметь дела ни с побудительными причинами действий, ни с их последствиями. Редко случается так, что уголовный кодекс является*

не продуктом народной жизни, а чем-то случайным, внешним, примененным к народу без всякой живой с ним связи. Такие факты никогда не проходят даром; рано или поздно народ разобьет это Прокрустово ложе, которое лишь бесполезно мучило его. Как бы ни был младенчески неразвит народ (а где же он развит?), он все-таки никогда не хочет улечься в тесные рамки искусственно задуманной административной формы».

За этим общим вступлением,— не лишенным, думается нам, внутренней связи с служебным опытом Салтыкова,— идут отдельные замечания, из которых, по-видимому, должно было, впоследствии времени, сложиться нечто целое. *«Что такое преступление? Не есть ли это действие воли человека, направленное к увеличению суммы личного благосостояния, действие вполне законное, если оно направлено так, что не приносит ущерба другим, и преступное, если оно влечет этот ущерб»... «Причины, имеющие влияние на меру наказания — образованность, чувствительность, предрассудки касты и т. п.,— так неуловимы, что не могут быть принимаемы в расчет. Притом в самой грубой касте могут быть исключения; почему же это исключение понесет на себе инфамию*[1]*, сопряженную с идеей всей касты? Поэтому самое лучшее тут — обследовать всю жизнь преступника».* Чтобы понять мысль Салтыкова об *«инфамии, сопряженной с идеей касты»,* нужно припомнить, что для лиц непривилегированных сословий наказание плетьми и наложение клейм служило *прибавкой* к главному наказанию (ссылке в каторгу или на поселение), которому они подвергались наравне с лицами привилегированными... *«Есть преступления прямо против естественного права, против личности; есть преступления против гражданского (искусственного) права, но которое так срослось с нами, что принадлежит к первой категории (преступления против собственности, против чести и т. д.); наконец, есть преступления, принадлежащие исключительно духу времени (политические). Первые для всех запрещены, вторые — только для тех, которые достаточно развиты... Развить это*[2]*. Первые не требуют подробного указания в законе; вторые и особенно третьи должны быть указаны до мельчайшей подробности».* Несмотря на всю отрывочность всех этих вышеприведенных нами замечаний, они показывают

---

[1] Бесчестие, низость (от *франц.*— infamie).

[2] Этой оговоркой объясняется кажущаяся парадоксальность некоторых из числа вышеприведенных заметок. Мы имеем здесь дело, очевидно, только с беглыми набросками мыслей, занимавших и волновавших Салтыкова. *(Прим. К. К. Арсеньева.)*

с достаточною ясностью, в каком направлении работала мысль Салтыкова. На другом листе, относящемся, судя по почерку и бумаге, приблизительно к тому же времени, начато, по-видимому, рассуждение о том, имеет ли всякий член общества право требовать от него насущного хлеба. На этот вопрос дается отрицательный ответ, но в таких выражениях, которые едва ли заключают в себе настоящую мысль автора: *«Пусть всякий в этом мире отвечает за себя и для себя! Тем хуже для тех, которые считаются лишними на земле! Слишком много было бы хлопот, если бы нужно было давать хлеба всем вопиющим о голоде!.. Так как население беспрестанно стремится превзойти средства к существованию, то милосердие есть безумие, есть поощрение к нищенству»*. Мы едва ли ошибемся, если скажем, что Салтыков хотел выставить в самом ярком свете крайности мальтузианства — и затем перейти к его опровержению...

Между бумагами Салтыкова оказалось еще несколько страниц выписок, в русском переводе, из Токвиля («De la démocratie en Amérique»), Вивьена («Etudes administratives») и Шерюеля («Historie de l' administration monarchique en France»), также, кажется, сделанных в Вятке или вскоре после выезда оттуда. И здесь можно найти некоторые указания не только на то, чтó занимало Салтыкова, но и на то, чтó ему нравилось. Вот, например, чтó он выписывает из Токвиля и Вивьена: *«Центральная власть, как бы ни была просвещенна, не может обнять все подробности жизни великого народа; когда она хочет своими средствами управлять многоразличными пружинами народной жизни, она истощается в бесплодных усилиях»... «Предупредительный элемент ослабляет правительство. Оно делается ответственным за все, делается причиною всех зол и порождает к себе ненависть. С другой стороны, граждане теряют всякую самодеятельность»...*

Арсеньев. Материалы..., с. 33—35.

2

«КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ», НАПИСАННАЯ ДЛЯ СЕСТЕР А. и Е. БОЛТИНЫХ

...К вятскому периоду жизни Салтыкова относится <...> составление для сестер Е. А. и А. А. Болтиных, из которых одной суждено было сделаться его женою[1], «Краткой истории

России». Написанная, как сказано в заглавии, по разным источникам и доведенная до Петра Великого, она заключает в себе сорок довольно мелко исписанных листов, и стоила Салтыкову, очевидно, не малого труда. Характеристичного в ней немного, сходного с будущей «Историей одного города» — ровно ничего. Это объясняется, конечно, самым назначением рукописи — служить как бы учебником для молодых девушек, почти девочек. В самом способе изложения ничто не напоминает позднейшую манеру автора. Приведем несколько выписок только для того, чтобы показать, как мало Салтыковского в этом юношеском произведении Салтыкова. *«Личность сына Василия Темного — одна из самых замечательных в русской истории. Иоанн Третий является довершителем намерений и политики своих предков, и довершителем не только счастливым, но в высшей степени благоразумным»... «До Федора Иоанновича крестьяне обыкновенно переходили от одного помещика к другому. Обыкновением этим более всего пользовались богатые помещики, имевшие обширные земли. Они имели все средства принимать крестьян на более выгодных условиях, нежели помещики бедные, и потому земли последних почти всегда оставались необработанными. Для пресечения этого зла постановлено было, чтобы крестьяне отныне навсегда оставались на тех землях, на которых застало их царское повеление»* (больше о закрепощении крестьян не сказано ни слова)... *«Уложение царя Алексея Михайловича — свод законоположений по различным частям государственного управления, рассмотренный и одобренный выборными чинами из всех сословий. Главнейшею мыслью его было равенство суда для всех лиц и званий; смягчены были также многие наказания»* (этим исчерпывается оценка Уложения)... *«Язвою русского государства были староверы. Секта эта возникла по случаю исправления церковных книг. Некоторые из исправителей издали имевшиеся у них в руках списки не только без исправлений, но даже с ложными толкованиями. Патриарх Никон жестоко преследовал таких ересиархов и высылал их из Москвы. Возникла ересь, распространившаяся с необычайной быстротой. Дерзость староверов дошла до того, что они не усомнились окружить Успенский собор во время патриаршего служения и*

---

[1] Отец Е. А. и А. А. Болтиных был вятским вице-губернатором; в его доме Салтыков скоро стал своим человеком. «Краткая история России» написана Салтыковым в тверской его деревне, куда он получил позволение съездить в 1853 или 1854 г. Он присылал ее оттуда листами, чтобы напомнить о себе своим добрым знакомым. *(Прим. К. К. Арсеньева.)*

настойчиво требовали публичного прения». Заслуживает внимания, сам по себе, только взгляд Салтыкова на Иоанна Грозного, почти всецело совпадающий с мнением Кавелина[1]. *«Ничто не укрывалось от взора Иоанна,*— говорит Салтыков, характеризуя лучшую эпоху его царствования (1548—60),— *везде, во всех принятых мерах, видно непосредственное участие его, все они отмечены его гением»*. Грозному царю ставится в заслугу борьба с боярством, в особенности на почве местного управления; упоминается об учреждении судных старост и целовальников, призванных к тому, *«чтобы лишить областных правителей возможности грабить народ»*. С этой же точки зрения одобряется значение, данное дьякам, а также введение в думу *«начала личных заслуг»*, установлением звания думных дворян. Перемена, происшедшая в Иоанне, объясняется *«теми неудачами, тем постоянным противодействием, которое Иоанн встречал со стороны всех окружавших его для приведения в исполнение своих реформ»*. Упрек в корыстолюбии, в *«непонимании государственных интересов»* распространяется и на тех *«незнатных людей»*, которыми Иоанн думал заменить бояр. Россия — таково заключение автора — *«была еще недовольно развита»* для реформ, задуманных Иоанном. Даже учреждение опричнины оправдывается тем, что оно, *«по-видимому, имело целью осуществление давней мысли Иоанна: создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество»*. Неудачу опричнины Салтыков приписывает опять-таки *«недостаточной развитости»* России; *«люди, которых Иоанн удостоивал своею доверенностью, отнюдь не оправдывали ее, а, напротив того, употребляли ее во зло, возмущая душу царя разными наветами и клеветами»*. О злодействах Иоанна Салтыков не говорит почти вовсе, щадя, может быть, чувствительность своих учениц, а может быть — и репутацию своего любимца. Чем вызывалось снисходительное отношение Салтыкова к Иоанну Грозному — это, ввиду приведенных нами выписок, не требует дальнейших объяснений. Салтыкову, как и Кавелину, было симпатично общее направление внутренних реформ грозного царя.

Арсеньев. Материалы..., с. 36—38.

---

[1] Мнение Кавелина об Иоанне Грозном было выражено в статье «Взгляд на юридический быт древней России». Эта статья, впоследствии вошедшая в состав «Сочинений» Кавелина (изд. 1859 г., т. 1; смотри в особенности с. 355—363), была напечатана в «Современнике» 1847 г. и, следовательно, была известна Салтыкову, который, несомненно, руководствовался ею. *(Прим. К. К. Арсеньева.)*

3

«ЗАПИСКА» 1856—1858 гг. «ОБ УСТРОЙСТВЕ ГРАДСКИХ И ЗЕМСКИХ ПОЛИЦИЙ» И НАБРОСОК НЕЗАКОНЧЕННОЙ СТАТЬИ 1858 г. «О РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАЧАЛ» [1]

...Гораздо более обширна и более замечательна другая служебная записка, также сохранившаяся в бумагах Салтыкова: [2] об устройстве градских и земских полиций. С содержанием ее необходимо познакомиться подробно.

«В России,— так начинает Салтыков,— *благотворное действие полиции почти незаметно; что касается до ее злоупотреблений и сопряженных с всеобщим ущербом вмешательств в частные интересы, то они не только заметны, но оставляют по себе несомненно весьма вредное впечатление. Всякий, кто не праздно жил в провинции и всматривался в окружающие явления, без труда поймет справедливость этого замечания. В провинции существует не действие, а произвол полицейской власти, совершенно убежденной, что не она существует для народа, а народ для нее».* После этого характеристичного вступления, иллюстрацией которому может служить любая страница «Губернских очерков», Салтыков подчеркивает различие между полицией в обширном смысле, обнимающей собою всю сумму действия центральной власти на народ, и полицией в тесном смысле, составляющей особую отрасль государственной администрации. Понимаемая в обширном смысле, полиция не поддается точному определению; она стремится подчинять себе всякое проявление жизни и не признает законности ни в чем, развивающемся самобытно. Понимаемая в тесном смысле, полиция имеет задачей преследование правонару-

---

[1] В «Заметке о взаимных отношениях помещиков и крестьян» (начала 1858 г.) Салтыков писал: «Здесь мы должны сказать несколько слов о том, с какой точки зрения мы смотрим вообще на различные системы применения административных начал. Но предупреждаем читателя, что и по объему и по характеру настоящей заметки мы можем коснуться этого предмета только слегка, предоставляя себе в непродолжительном времени, в особой статье и во всей подробности, развить взгляд наш на этот предмет» (т. 5 наст. изд., с. 77). Имеются веские основания предполагать, что, изучая после смерти бумаги Салтыкова, Арсеньев соединил в своих «Материалах...» текст служебной «записки» с текстом неопознанной им статьи, то есть допустил контаминацию (*Макашин II*, с. 51).

[2] «Более замечательна», чем другая служебная «записка» Салтыкова — «Об устройстве православных церквей в западных губерниях».

шений, в сфере государственной, общественной и частной; ее характер — чисто репрессивный: она не заслоняет собою самобытной деятельности граждан, а, напротив, является к ней на помощь, в особенности если осуществление действия полиции возложено на самих граждан. Область полицейской власти расширяется там, где господствует централизация, суживается там, где преобладает противоположное начало. В пояснение этой мысли Салтыков ссылается на пример Франции и Англии. Во Франции правительство постоянно стремилось подчинить своему влиянию как частные, так и общинные интересы народа. *«Это не помешало ей, однако же, в течение 60 лет, волноваться революциями. Мало того: можно без преувеличения сказать, что централизация власти весьма сильно способствовала тому волнению умов, которое и доныне во Франции не прекращается. В Англии, где правительство ограничивается наблюдением народной жизни, государственный организм развивается без всяких потрясений».* Могут возразить, что это объясняется развитием в английском народе чувства законности и консерватизма. Но чем же воспиталось это чувство? Не тем ли, что народ всегда сознавал свою личность, свое право, что он никогда не был тем бездушным и бессмысленным субъектом, который правительство могло гнуть в ту или другую сторону по усмотрению? *«Азбука всякой системы администрации,* — продолжает Салтыков, — *гласит, что предметом ее должно быть благо народное. Но понятие об этом благе, особливо в государствах обширных, весьма относительно и изменяется сообразно с условиями местности, обычаев и т. д. Претензия подчинить все местности одним и тем же началам не значила ли бы то же, что уложить все личности на Прокрустово ложе?»* В особенности сильно значение местного элемента проявляется в обсуждении интересов *«земства»,* составляющих плоть и кровь местности, касающихся каждого ее обитателя. Правительство, по мнению Салтыкова, не имеет надобности навязывать земству такие-то и такие-то интересы, а не те, которые стоят на первом плане у самого земства. Задача правительства ограничивается согласованием местных интересов с общегосударственными. Разительный пример преобладания центральной власти в делах чисто домашнего свойства представляет наше законодательство по вопросу о переложении натуральных повинностей в денежные. Это переложение допускается не иначе, как с разрешения высшей центральной власти. Почему? Потому, что правительству известна наклонность бюрократии выискивать во всяком предписании закона такую сторону, которая давала бы пищу для злоупотреблений, а злоупотреблениям денежная повинность поддается еще лег-

че, чем натуральная. В бытность Салтыкова, в 1854 г., в Пермской губернии (по делам службы), он имел случай удостовериться, что сбор с казенных крестьян денег на отправление ямской гоньбы, взамен натуральной повинности, простирался, в некоторых волостях, до *ужасной* цифры 90 коп. сер. с души [1] — и за всем тем лошади все-таки выставлялись натурой, потому что подрядчик, пользуясь покровительством начальства, содержал количество лошадей недостаточное. Где же, однако, источник подобных явлений? Не в том ли, что чиновники совершенно чужды интересам земства, на которое они смотрят как на pays conquis [2], как на средство покормиться? Совсем иной оборот приняло бы дело, если бы забота о лучшем устройстве интересов земства лежала на нем самом. Оно было бы заинтересовано в бережливом отношении к собственным силам, а излишняя бережливость или скупость могла бы быть предупреждена вмешательством центральной власти. *«Какая, например, надобность требовать в Вятской губернии, чтобы земские лошади имели не менее 2 арш. 2 верш. роста, если местная порода лошадей, славящаяся во всей империи своею крепостью и выносливостью, представляет такой рост лишь как исключение? И отчего сотский или рассыльный земского суда или окружного начальника, и даже сами эти вельможи, не могут ехать в легком плетеном тарантасике, имеющемся у каждого крестьянина, а должны трястись в обширной телеге, окрашенной зеленою краскою?.. Какая существенная надобность государству знать, как я хозяйствую у себя дома, если я в точности исполняю все обязанности, лежащие на мне как на гражданине? То же замечание в такой же степени верно и по отношению к земству, с тою только разницей, что хозяйство последнего происходит, так сказать, при открытых дверях, и следовательно, не только правительству, но и всякому частному человеку представляется полная возможность контроля...»*. Дальше Салтыков перечисляет главные неудобства административной централизации. Первое из них — солидарность между высшим правительством и его агентами, тогда как на самом деле между министром внутренних дел и каким-нибудь становым приставом нет ничего общего. Отсюда беспрестанные жалобы на правительство, которое будто бы не имеет надзора за своими агентами, будто бы не преследует злоупот-

---

[1] Чтобы понять значение этой действительно «ужасной» цифры, необходимо припомнить, что большею частью ее не превышает теперешний земский сбор, удовлетворяющий столь многочисленным и разнообразным потребностям крестьянского населения. (*Прим. К. К. Арсеньева.*)

[2] завоеванные страны (*франц.*).

реблений и не печется об искоренении их. Второе неудобство централизации заключается в том, что она как бы стирает все личности, составляющие государство. Вмешиваясь во все мелочные отправления народной жизни, принимая на себя регламентацию частных интересов, правительство тем самым как бы освобождает граждан от всякой самобытной деятельности. Третьим неудобством централизации Салтыков признает обусловливаемое ею *«существование массы чиновников, чуждых населению и по духу, и по стремлениям, не связанных с ними никакими общими интересами, бессильных на добро, но в области зла являющихся страшной, разъедающей силой. Гарантией против злоупотреблений не может служить даже материальная обеспеченность чиновников. Многие ли из губернаторов, например, не пользуются так называемыми безгрешными доходами? Положительно можно сказать, что такие губернаторы известны по имени не только правительству, но и всей России. Важно не содержание — важен произвол, который следует, но нельзя обуздать, пока в государстве существует особый вид пролетариата, носящий официальное имя чиновничеств»*. Четвертое зло, производимое централизацией, есть то неведение народных нужд, в которое она погружает правительство. *«Рапорты о благополучии»* — необходимая принадлежность чиновничества, чуждого населению и равнодушного к его потребностям. Исключение делается только для тех предметов, которые, как известно чиновникам, обращают на себя особое внимание правительства. Пример: раскольники. В отношении к этим предметам все *«неблагополучно»*. *«Пишутся донесения, от чтения которых становится страшно: подумаешь, что пробил последний час для государства. А ларчик открывается весьма просто: чиновнику нужно отличиться — он описывает все как ему хочется»*.

Покончив с централизацией, *«составляющей в настоящем деле главный вопрос»*, Салтыков переходит к следующим вопросам *«второстепенной важности»:* 1) должно ли устройство полиции быть коллегиальным; 2) следует ли подвергать агентов полиции каким-либо требованиям и испытаниям в отношении к способностям их и знанию дела; 3) возможно ли допустить в самом духе полицейских учреждений элемент предупредительный, или же следует дать их действиям исключительно репрессивный характер, и 4) какие должны быть самые формы, в которых имеет проявляться действие полиции? По первому вопросу Салтыков находит, что и коллегия, и единоличная власть имеют свои выгоды и свои невыгоды. Самая лучшая система — та, которая соединяет хорошие стороны обоих порядков; но такое соединение возможно только при де-

централизации, когда коллегия является принадлежностью земства, а принцип единого агента — принадлежностью центральной власти. По второму вопросу Салтыков признает необходимым и теоретическое, и практическое испытание полицейских чиновников. Заменою теоретического испытания служит диплом учебного заведения; степени образования, удостоверяемой дипломом, должно соответствовать и право на получение той или другой должности в административной иерархии. Обойтись без теоретической подготовки могут только низшие полицейские чиновники. Практическим испытанием должна быть безвозмездная служба, ограниченная определенным сроком. Чем шире роль, предоставленная земству, тем меньше чиновников — тем легче, следовательно, для правительства убеждаться в их способности и благонадежности. По третьему вопросу Салтыков высказывается за необходимость предупредительного элемента в полицейской деятельности, но лишь под условием децентрализации. Чиновник, живущий в постоянном отдалении от народа, не имеет ни средств, ни даже охоты заботиться о предупреждении правонарушений. Местность, которою он заведует, известна ему лишь поверхностно, в общих чертах; сегодня он здесь, завтра — там, и чем он способнее, тем быстрее переходит с одного места на другое. Расширение полицейской деятельности, при господстве централизации, представляется не только непрактичным, но и нежелательным, потому что всякому агенту централизованной власти, даже при полной добросовестности его, свойственно стремление к произволу. Здесь Салтыков затрагивает попутно вопрос о суде и является защитником *суда общинного*, разумея под этим именем нечто весьма похожее на суд присяжных. Общественным началом в суде он дорожит до такой степени, что высказывается даже против предполагавшегося в то время слияния уездных судов с городовыми магистратами[1]. По четвертому вопросу, наконец, Салтыков требует возможно большего ограничения письменной полицейской процедуры, возможно большего развития *материальной* деятельности, т. е. реальной, а не бумажной охраны интересов, вверенных заботливости полицейских учреждений. В конце этого отдела записки автор еще раз предпринимает une charge à fond[2] против централизации, сравнивая ее идею с идеей учреждения

[1] Уездным судам, составленным из представителей дворянства и крестьянства, было подсудно уездное население; городовым магистратам, члены которых выбирались горожанами,— городское население. *(Прим. К. К. Арсеньева.)*

[2] глубинную атаку *(франц.)*.

иезуитского ордена. «*И там, и тут,*— восклицает он,— *царствует общее недоверие и пастырей к пастве, и пастырей между собою. И там, и тут все до такой степени искусственно, что не знаешь, чему более удивляться: терпению ли людей, которые придумали призрачную машину, не имеющую никаких корней в природе человеческой, или долговечности этой машины, которая, несмотря на всю свою противоестественность, продолжает и доднесь существовать и пользоваться правами гражданственности*».

В России торжество централизации при Петре Великом очень скоро принесло горькие плоды и вызвало реакцию, признаки которой Салтыков видит уже в преобразованиях Екатерины. Чтобы смягчить крайности централизации, императрица предоставила известные права купечеству и дворянству, но это не привело к желанной цели. «*Дворянство, в сословном его значении, уже не существовало: оно слилось с чиновничеством и приняло все его формы*». О серьезном значении купечества тем более не могло быть и речи. Развитию административных мер Екатерины много препятствовало и то обстоятельство, что они были слишком исключительно сословные. Преемники Екатерины не продолжали начатого ею дела, и оно заглохло в тине постепенно расширяющейся централизации. «*Настоящее положение полицейского управления в России представляет поучительную, но крайне грустную картину. Это какое-то странное смешение произвола и дисциплины, хаоса и регламентации*». Истинной централизации в России нет, потому что она предполагает ясно сознанную государственную идею, а у нас интересы государства непонятны не только для становых приставов, но даже и для многих губернаторов. В России существуют лишь попытки к централизации, выражающиеся в преобладании произвола и в невозможности самобытного развития народных сил. Круг действий полиции несоразмерно велик и вместе с тем не определен с достаточною ясностью; общая полиция беспрестанно сталкивается с специальными <?> (в пример этому Салтыков приводит дорожное дело: общая полиция настаивает на немедленном исправлении дороги, не принимая в расчет никаких побочных обстоятельств; окружной начальник, облеченный полицейскою властью по отношению к государственным крестьянам, противопоставляет этому требованию хозяйственные нужды крестьян, в данную минуту не оставляющие им досуга для починки дороги). Наши коллегиальные присутственные места (губернские правления, земские суды) представляют собою пародии на коллегию в истинном смысле этого слова; все зависит здесь от усмотрения одного лица, «*наставления*» которого равносильны предписаниям. Отдельные

агенты правительства сплошь и рядом могут быть названы его врагами, потому что ежечасно подрывают доверие к нему народа. В виде иллюстрации Салтыков ссылается на положение следственной части, отличительная черта которой — необузданный произвол следователя. «*Бюрократия,*— восклицает он,— *до того уже охватила все формы русской жизни, что благонамеренному чиновнику ничего не остается более делать, как заняться перепискою бумаг*». Другое зло нашей административной жизни — это крайнее размножение переписки. Салтыков объясняет его двумя главными причинами: раздроблением властей, из которых каждая, считая себя чем-то независимым, стремится защищать свой взгляд и отстаивать свои мнимые права, и несоразмерностью штатов с числом и значением предметов, входящих в круг действий известного места или лица. Если штат слишком велик, чиновники стараются доказать свою необходимость и напрасно плодят переписку; если штат слишком мал, они плодят ее для того, чтобы сбросить с себя часть непосильного бремени, зачислив как можно больше дел за посторонним ведомством. Основываясь на собственном опыте, Салтыков осмеивает практику ревизионных столов губернских правлений, рассылающих ежегодно десятки тысяч никому не нужных и ни к чему не ведущих подтверждений. «*Что делают советники губернского правления? А если советники дельные, то чем занимаются секретари их отделений? По большей части или те, или другие, а часто и оба вместе — люди древние, доживающие свой век под сенью коллегии, дающей им возможность, ничего не делая, состоять на службе. Надобно прочитать любой журнал губернского правления, чтобы убедиться в том, что весь он — результат работы писца, его перебелявшего. Работа столоначальника заключается в том только, что он на подлинных бумагах обозначает, с которых пор до которых следует переписать. Из этого проистекает галиматья неописанная. Встречаются места, которых никакими силами понять нельзя, а п р и к а з а л и, т. е. то место, в котором должна выразиться самобытная деятельность коллегии, бывает, по выражению народному, короче утиного носа и обыкновенно выражается в словах о с о д е р ж а н и и с п р а в к и д а т ь з н а т ь т а к о м у-т о; и л и: п р е д п и с а т ь т а к о м у-т о, ч т о б ы п о с т у п и л н а з а к о н н о м о с н о в а н и и*».

Из всех приведенных выше фактов и соображений Салтыков выводит заключение о необходимости общего переустройства и губернской, и уездной администрации, но, оставаясь в пределах возложенной на него задачи, он говорит более подробно только о преобразовании полиции. Прежде всего, ему кажется излишним обособление полиции земской (т. е. уезд-

ной) от полиции городской; отдельная городская полиция должна быть оставлена только в больших городах. Дальше он предлагает совершенно отделить полицию исполнительную от судной и следственной и передать первую в ведение земства. Организацию земства Салтыков представляет себе так. Образуется уездный земский совет, из девяти членов: трех — по выбору дворянства, трех — по выбору городского сословия, трех — по выбору казенных крестьян (припомним, что записка Салтыкова относится ко времени, предшествующему отмене крепостного права). Этот сословный состав совета рекомендуется Салтыковым не как наилучший (наоборот, сословная организация кажется ему противоречащей интересам массы), а как наиболее соответствующий тогдашней действительности; на этом же основании председательство в совете возлагается им на уездного предводителя дворянства. Характер занятий совета не должен быть исключительно полицейский, а, вместе с тем, и даже преимущественно, административный; совет должен заменить собою все ныне существующие уездные административные учреждения. Ему должно принадлежать обсуждение всех мер по общему управлению уездом и городом, по устройству повинностей, развитию торговли и промышленности, наблюдению за правильным их производством, *учреждению* школ, охранению тишины и спокойствия и т. п. Разъездов члены совета не должны предпринимать, и общее присутствие совета должно быть созываемо только известное число раз в году, когда это не может быть для членов совета обременительным. В прочее время года совет может действовать в уменьшенном составе. Содержание, низшая цифра которого должна быть определена законом, члены совета получают от своих сословий. В селениях государственных крестьян постановления совета исполняются волостными и сельскими управлениями; что касается до помещичьих имений, то они разделяются на группы, и для каждой группы избирается дворянами особый полицейский начальник, исполняющий постановления совета и производящий судно-полицейское разбирательство. Город разделяется на участки, и в каждый участок определяется полицейский начальник, по выбору городского общества. Правительство, с своей стороны, назначает в каждый уезд стряпчего и нескольких его помощников; первый присутствует в заседаниях совета, последние производят следствия, при участии депутата от сословия, к которому принадлежит обвиняемый. По делам, касающимся интересов государства, голос стряпчего обязателен для совета; во всех остальных случаях его мнения имеют только *«руководительное»* значение. Права и обязанности земского совета, а также подчиненных ему

мест и лиц должны быть со всею точностью определены законом. Протоколы и резолюции земского совета (протоколы — по общим вопросам, резолюции — по частным делам) должны быть излагаемы просто и ясно. *«Справки должны быть в голове у присутствующих, и потому нет надобности наполнять ими целые десятки листов».* Сношения стряпчего с советом происходят на словах. У полицейских начальников переписка должна быть самая ничтожная. Заканчивается записка так: *«Предположения, высказанные здесь лишь в общих чертах, необходимо должны уясниться при более подробном развитии их. Поручение, возложенное на меня, сопряжено с большим трудом и требует много самых разнообразных работ и разысканий. По мнению моему, оно должно обнять следующие главные части: 1) Обозрение всех предположений, собранных по настоящее время в министерстве внутренних дел по этому предмету. Эти предположения составят четырнадцать огромных томов. 2) Обозрение, по источникам отечественного законодательства, как по самому устройству полиций, так и по определению их обязанностей. Обозрение сие должно быть сделано во всей подробности и снабжено критическим взглядом. Для достижения сей последней цели представляется необходимым из ревизии некоторых земских судов и градских полиций убедиться практически, каким образом приводятся в исполнение на местах предписания закона. 3) Критический обзор законодательств главнейших государств Европы по этому делу. Эта часть труда необходима не для того, чтобы рабски следовать в новом уставе примеру иностранных государств, но для того, чтобы при сообщении сему делу дальнейшего хода, оно могло отвечать на все вопросы. 4) Наконец, самый проект полицейского устава, который должен быть, без сомнения, не что иное, как логический результат предшествующих трех частей труда».*

Арсеньев. Материалы..., с. 45—53.

IV

ПРОГРАММА («ОБЪЯВЛЕНИЕ») НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ЖУРНАЛА САЛТЫКОВА

К письмам 157—160

ОБ ИЗДАНИИ В 1863 ГОДУ В МОСКВЕ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ ПРАВДА»

Предположив издавать в Москве новый журнал и объявляя о приеме подписки на него, мы считаем себя обязанными разъяснить перед публикою те начала, которыми мы будем руководиться при издании.

Главную цель, которой будет неизменно служить новый журнал, составляет: утверждение в народе деятельной веры в его нравственное достоинство и деятельного же сознания естественно проистекающих отсюда прав. Будем откровенны: цель эта, не только главная, но, по нашему мнению, и единственно жизненная, единственно возможная для предприятия, имеющего общественный характер. Народ русский еще вчера только почувствовал на себе первые благодеяния свободы, представшей ему под видом отмены крепостного права, только вчера он ощутил в себе возможность выйти из пассивного положения, навязанного ему тяжелым двухвековым игом, и сделаться деятельным членом общечеловеческой семьи. Следовательно, в настоящее время самый существенный для него интерес заключается не в отыскании более или менее отдаленных идеалов общественного устройства, но в том, чтобы твердо стать на ногах, сосчитать свои силы и устранить те неблагоприятные условия, которые могут препятствовать дальнейшему свободному развитию русской жизни. Принять такое положение и сообразоваться с ним обязательно для всякого современного деятеля, который хочет, чтобы слово его не было гласом, вопиющим в пустыне.

Имея постоянно в виду своем народ и его потребности, желая всеми силами своими служить делу его самостоятельности, мы находим, что заявленная выше руководящая мысль нашего журнала вполне соответствует современной обстановке народной жизни. Во-первых, она не навязывает этой последней никаких иных форм, кроме тех, которые для нее самой в данную минуту желательны; во-вторых, она предполагает подробное и добросовестное изучение народных нужд и, вводя их в народное сознание, помогает ему возвести их на степень требования, влекущего за собою немедленное и действительное признание его законности. Принять какое-либо другое основание для общественной деятельности значило бы, по нашему крайнему разумению, принять основание призрачное, значило бы преднамеренно вводить народ в заблуждение относительно его интересов.

Мы имеем полный повод думать, что время, в которое мы живем, как нельзя более благоприятно для осуществления тех скромных целей, которые мы себе предположили.

Не подлежит сомнению, что для России наступила эпоха пробуждения и что никакие тормозы и запоры, никакие злоухищрения не могут остановить однажды показавшихся зачатков его. Мы столь твердо убеждены в этом, что даже не придаем особенного значения еще проявляющимся по временам

попыткам возвратиться к отжившим формам жизни: по мнению нашему, попытки эти не что иное, как естественные, хотя и уродливые, проявления чувства самосохранения, общего всему живущему, и в настоящем случае тем менее опасные, что источник, из которого они исходят, сам ощущает несомненное и конечное свое иссякание. Самый простой здравый смысл подсказывает, что все живейшие заботы современного человека, как бы ни были враждебны прогрессу его коренные, задушевные убеждения, все-таки направлены, если не к тому, чтобы стать вровень с возникающими запросами жизни, но, по крайней мере, хотя к тому, чтобы избежать необходимости идти вразрез роковому течению ее. Практика на каждом шагу доказывает это. Она доказывает, что произвол, насилие и самосудство с каждым днем теряют самых рьяных своих поборников, самых ревностных адептов, что и между слугами произвола завелась своего рода стыдливость, положительно мешающая им приносить жертвы Ваалу с прежнею отчетливостью и чистотою отделки.

Следовательно, с этой стороны мы безопасны и можем считать будущее обеспеченным, ибо если и встретим на пути своем преткновения, направленные из лагеря старичков, то преткновения эти будут временные и отнюдь не серьезные.

Гораздо более опасности предстоит с другой стороны, а именно со стороны недостатка единодушия и полного отсутствия дисциплины в различных оттенках партий прогресса, образовавшихся в последнее время в русской литературе и русском обществе.

Не входя в разбор и определение этих оттенков, мы считаем долгом заявить, что прежде всего обращаем внимание на практические результаты, к которым стремится каждый из них, взятый в отдельности, а не на общие, более или менее отдаленные принципы, которые питают их. С этой точки зрения сближение между ними кажется нам не только возможным, но и вполне обязательным. «Не сули журавля в небе, дай синицу в руки»,— гласит полная практического смысла русская пословица, и эта пословица, как нельзя более может быть применена к настоящему нашему положению. Как бы ни были различны и даже взаимно противоположны наши руководящие принципы, но дело, нам предстоящее,— для всех одно. Поэтому и имея в виду, что в ближайшем применении руководящих принципов к насущным потребностям жизни, все оттенки партий прогресса все-таки сходятся к одному, мы, нижеподписавшиеся, в нашей журнальной деятельности, будем преследовать не столько единство принципов, сколько единство

действия. Когда мы достигнем хотя одного сколько-нибудь практического результата, когда мы достаточно обеспечим себя хотя насчет некоторой беспрепятственности действий и мысли, тогда мы будем иметь еще достаточно времени, чтобы счесться между собой относительно основных принципов; но теперь это время еще не наступило, теперь мы должны как можно теснее сдвинуть ряды свои и относиться друг к другу с всевозможною осторожностью.

Поясним нашу мысль примерами. Положим, что А. материалист, но разве это может мешать ему уважать идеалиста Б., в смысле полезного политического деятеля, разве он <?> дает ему право не признавать в идеализме силы, которая с несомненным успехом может бороться против общего врага. Другой пример. А. социалист, а Б. экономист — расстояние между ними, конечно, огромное, но разве это мешает им подать друг другу руку в бесчисленных пунктах ближайшей практической деятельности. Нет, и тысячу раз нет. Не забудем никогда, что деятельность, которая нам предстоит, есть деятельность маленькая, относительно которой между людьми честными, к какому бы оттенку великой партии прогресса они ни принадлежали, не может быть разногласия, и что в деле политического и общественного развития имеется своего рода азбука, над которой остановиться и спорить могут только умы или слишком незрелые, или чересчур самолюбивые. Повторяем: впоследствии времени мы сочтемся относительно основных принципов, но в настоящее время направим все усилия к тому, чтобы разработать почву и подготовить среду таким образом, чтоб в ней можно было свободно и без отговорок заявлять о дорогих нам принципах.

Мы не желали бы, однако ж, чтобы читатель, на основании сказанного выше, обвинил нас в индифферентизме к высшим жизненным интересам. Посвятив себя служению целям ближайшим, мы отнюдь, однако ж, не теряем из виду тех отдаленных идеалов, к которым неудержимо стремится жизнь человечества. Мы первые признаем, что никакой общественный деятель не может жить и действовать иначе, как в силу какого-нибудь идеала общественного устройства, но здесь весь вопрос заключается в пути, который предстоит пройти для достижения искомой цели. Этот-то путь, это-то неминуемое пространство, которое отделяет нас от идеалов, пускай и будет предметом наших непосредственных и неутомимых исследований, и пусть в этом случае идеалы помогут нам, освещая и оплодотворяя наши розыскания. Но остережемся пренебречь этим путем, ибо в таком случае мы рискуем, что идеалы, вместо

того чтобы освещать нашу жизнь, опутают ее непроницаемым мраком.

К какой же партии мы принадлежим? В силу каких идеалов мы предполагаем действовать? Обстоятельный ответ на эти вопросы читатель найдет в самом журнале нашем; теперь же мы можем только сказать утвердительно: да, и мы действуем не одиноко, и мы принадлежим к партии, и в доказательство ныне же объявляем ближайший девиз ее: утверждение в народе деятельной веры в собственное достоинство и деятельного же сознания прав, которые отсюда происходят.

Затем скажем несколько слов и о внешнем виде журнала.

«Русская правда» будет выходить 2 раза в месяц, книжками от 10—12 печатн<ых> листов. Каждая книжка будет, по мере возможности, состоять из следующих отделов:

I. Словесность. Романы, повести, рассказы, драматические произведения, очерки, путешествия и проч.

II. Науки. В этом отделе будет обращено преимущественное внимание на то, чтобы излагать перед читателями в возможно полном и общедоступном виде современное положение главнейших вопросов по всем отраслям человеческих знаний.

III. Критическое обозрение. Разбор замечательных русских и иностранных сочинений и журнальных статей.

IV. Современное обозрение. Отдел этот разделится на 2 части: а) внутреннее обозрение, в котором будет представляться периодический общий и систематический обзор всех замечательных явлений нашей жизни, как-то: движение русского законодательства, правительственных распоряжений и всех событий, имеющих какое-нибудь значение в нашей государственной и общественной жизни. В этой части также будут помещаться корреспонденции из разных мест России, небольшие статьи, относящиеся до местных провинциальных интересов или имеющие временное значение, полемика по этим предметам и т. п. и б) политическое обозрение.

V. Смесь. Фельетон, статьи юмористического содержания и т. п.

ИРЛИ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 22. Рукою переписчика. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 372—376.

V

ПРОШЕНИЕ САЛТЫКОВА МИРОВОМУ СУДЬЕ ПО ИСКУ К КУПЦУ ГОРНОСТАЕВУ

Черновик

К письмам 206, 215—216

Г<осподину> Мир<овому> С<удье> <Болышевского> участ<к>а Моск<овской> г<убернии> и уезда

Действующего по доверенности жены своей, Елиз. Аполл. Салтыковой, Действительного статского советника Мих. Евгр. Салтыкова

Прошение

19 сентября 1864 года доверительница моя заключила с Московским 2-й гильдии купцом Горностаевым контракт, по коему продала ему на сруб принадлежащий ей и состоящий при селе Витенево с деревнями лес, причем 8-м п. контракта между прочим постановлено, что он, Горностаев, не может пользоваться в лесной даче покосом, кроме вырубленного участка. Несмотря на столь ясные слова контракта, я, прибыв 22 сего июля в Витенево, усмотрел, что г. Горностаев скосил траву не только в тех местах, где он производит рубку леса, но и в других, которых он еще не касался, а именно по всей лесной даче, находящейся сзади земельного надела крестьян села Витенева, в урочищах: Дубки, Подгорный Клин и т. д. и даже в таких местах, где никогда леса не произрастало, в чем можно удостовериться как через осмотр на месте, так и через спрос крестьян села Витенева. Сверх того, мною дознано, что приказчик г. Горностаева, узнав, что мною обращено на этот предмет внимание, уже после снятия травы, т. е. на сих днях, уговорил крестьян дер. Манюхиной делать в некоторых местах порубку леса, дабы можно было отговориться тем, что покос произведен в местах рубки, но и эта хитрость только изобличает г. Горностаева в том, что он сам сознает неправильное свое действие и ищет, как бы скрыть его, ибо не представляется никакой надобности производить рубку леса в настоящую пору, когда полевые работы в самом разгаре, и плата рабочим выше чем во всякое другое время.

А так как я с своей стороны принадлежащую моей доверительнице землю, за исключением мест, в коих производится рубка, отдал крестьянам села Витенева с деревнями, и должен буду перед ними ответствовать за произведенный г. Горностаевым ущерб, то имею честь покорнейше просить г. Мирового судью <Болышевского> участка принять это дело к своему

рассмотрению и за самовольное снятие г. Горностаевым травы в таких местах, где ему контрактом сего предоставлено не было, взыскать с него в пользу моей доверительницы сто рублей.

При сем долгом считаю присовокупить, что о действительности факта скошения травы г. Горностаевым можно спросить крестьян села Витенева, а о том, что г. Горностаевым произведена в разных местах лесной дачи рубка уже после снятия травы можно удостовериться через спрос крестьян дер. Манюхиной.

<Витенево. Конец июля — после 22-го — 1867 г.> [1]

ЦГАЛИ, ф. 445, оп. 1, № 125. Автограф Салтыкова (черновик).

VI

СВЕДЕНИЯ О САЛТЫКОВЕ В НЕИЗДАННЫХ ПИСЬМАХ ЕГО ЖЕНЫ К А. Ф. КАБЛУКОВУ 1867—1876

В бумагах А. Ф. Каблукова, управляющего подмосковным имением Салтыкова Витенево, сохранились, помимо писем самого писателя, публикуемых впервые в тт. 18 и 19 настоящего издания, также письма его жены, Елизаветы Аполлоновны [2]. Почти всецело деловые, погруженные в мелочи быта, они лишь деталями дополняют общую картину хозяйствования и жизни в Витеневе, рисуемую письмами Салтыкова. Полная публикация их нецелесообразна. Вместе с тем в письмах Елизаветы Аполлоновны — она подписывала их «Елиза Салтыкова» — содержатся некоторые материалы, не лишенные интереса для биографии писателя и заслуживающие быть извлеченными из архивного источника и обнародованными.

Письма хранятся в *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125. Приводимые выдержки публикуются впервые.

17 сентября 1867. Тула

«Мишель поручил мне поблагодарить Вас, Алексей Федорович, за присылку 200-ти рублей, которые мы получили. Он очень рад,что Вы покончили дело с Горностаевым <...>

---

[1] В бумагах А. Ф. Каблукова сохранился черновик другой, более поздней, редакции Прошения Салтыкова мировому судье по тому же «делу» с купцом Горностаевым. Эта редакция содержит указание на тульский адрес писателя: «Истец жительство имеет в губернском городе Туле, по Киевской улице, в доме г-жи Игнатьевой» (*ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125). Приводимые выдержки публикуются впервые.

[2] Выдержки из позднейших писем Е. А. Салтыковой см. в Приложениях к т. 19.

В конце октября мы, проездом в Петербург, навестим Марью Ивановну и всех Ваших».

О судебном «деле» с московским купцом Горностаевым см. письмо 208 и Приложения, V. Мария Ивановна Крымова — владелица соседнего с Витеневом имения в сельце Пруссы.

10 января 1868. Рязань

«... я проведу два месяца этого лета в Витеневе. Приеду в конце июня <...> У нас в Рязани лучше, чем в Туле, тем уже, что отличный каменный дом».

Во время своей второй службы в Рязани (ноябрь 1867 — июнь 1868) Салтыков с женой занимали каменный особняк на углу Владимирской и Абрамовской ул. Дом сохранился.

<29> января <1868>. Рязань

«Многоуважаемый Алексей Федорович. Мишель едет завтра, 30 янв<аря> в Петербург и просит Вас приехать в Москву, к нему, в середу на Маслянице; Вы его найдете или в гостинице «Франция» или в гостинице «Россия». В середу же в три часа он уже будет на Рязанской железной дороге».

Салтыков выезжал в Петербург для заключения с Некрасовым заемного обязательства на 2500 р. (см. письмо 230). В Петербурге он, по-видимому, присутствовал на обеде, устроенном Некрасовым по случаю выхода первой книги *Отеч. записок* при новой редакции. Назначенная встреча с Каблуковым в Москве приходилась на масленичную среду 7 февраля. На обратном пути из Петербурга, где Салтыков намеревался провести всего три дня, он заезжал в Тверь, для отдачи долга в 2500 р. Н. С. Ржевской, и в Ермолино.

25 апреля 1868. Рязань

«... князь Урусов в Москве обещал заняться нашими тяжбами. У нас новый мировой посредник Владимир Илларионович Бибиков. Он был на днях в Рязани и был у нас, так как это наш давнишний знакомый тверской, холостой, очень свежий молодой человек <...> Мне так жаль, что князь <Трубецкой> передал свою должность Бибикову. Но Трубецкому мать

купила имение в Подольской губернии, за которое, кажется, заплатила более 100 тысяч, и он едет туда хозяйничать. Он <Трубецкой> нам писал в Рязань».

Известный впоследствии адвокат и литератор кн. А. И. Урусов помог Салтыкову в тяжбенных делах с арендаторами витеневского хозяйства. В. И. Бибиков принадлежал в годы тверской службы Салтыкова к группе местных либералов. Это был брат А. И. и М. И. Бибиковых. С первым из них Салтыков учился на одном курсе в Лицее, а со вторым служил в Канцелярии Военного министерства.

<Первые числа июня 1868>. Рязань

«... я приеду в Витенево гораздо раньше и на целое лето. 11 июня во вторник, по часовой машине я буду в Пушкине <...> со мною пока будут только прачка, повар и девушка <...>. Рязань мы совсем оставляем, по разным неприятностям, и Мишель очень спешит в Петербург, поэтому я ему позволила не заезжать в Витенево».

Непосредственным поводом к отставке Салтыкова с поста управляющего Казенной палатой в Рязани послужили жалобы и доносы на него в Петербург губернатора Болдарева. В результате их шеф жандармов и начальник III Отделения гр. П. А. Шувалов представил Александру II доклад не только об удалении Салтыкова из Рязани, но и о запрещении ему впредь занимать какие-либо должности на государственной службе. Подробнее см.: С. Макашин. Новое о Щедрине.— «Литературная газета», 1946, № 8, от 16 февраля.

20 августа <1868>. Петербург

«Спешу Вам послать наш адрес в Петербурге <...>: на Фурштатской, дом Страхова № 33, квартира № 4.

Мы доехали все благополучно, и теперь уже вся квартира омеблирована. Квартира у нас очень удобная и красивая, везде освещено газом, и лестница из белого мрамора.

Мишель очень удивился, узнавши, что Корочкин зять Вам, предлагал переменить условия на наем флигеля. Если Вы найдете <кому> продать его за 300 руб., то пожалуйста продайте».

26 августа <1868>. Петербург

«У нас в Петербурге был тот купец, который купил у Личевских дачу. Предлагал взять в аренду землю и мельницу ви-

теневскую. Хотел быть у Вас. Мишель ему последнюю цену сказал вот какую: если в аренду, без усадьбы конечно, но с мельницею, 900 рублей в год, а если купить все имение, то 23 тысячи <...>

Мы весело живем, ездим на острова, на этой неделе начнется французский театр».

18 сентября <1868>. Петербург

«Мишель просит Вас приказать Семену протапливать комнату, в которой стоит рояль...».

Салтыков обучался игре на фортепиано в детские годы дома и затем в Дворянском институте и Лицее. По воспоминаниям О. И. Зубовой (племянницы), Салтыков «любил играть в четыре руки с Елиз. Аполл.» и «особенно разбирать переложения симфоний Бетховена».

27 апреля 1869. Петербург

«...мы приедем в Витенево после 6 июня. Нам нужна будет прачка хорошая, которая умела бы особенно хорошо мыть и гладить воротнички и мужские рубашки».

3 мая 1869. Петербург

«Если будет у Марьи Ивановны настройщик фортепиан, то, пожалуйста, препроводите его и в Витенево».

М. И. Крымова, как сказано выше, хозяйка соседней с Витеневом помещичьей усадьбы в сельце Пруссы. Каблуков совмещал обязанности управляющего в обоих имениях.

17 мая 1869. Петербург

«...мы приедем в Витенево 8 июня (воскресенье). В этот день вышлите на Пушкинскую станцию за нами карету и две подводы <...> Пока я приеду с сестрой одна и с людьми. Михаил Евграфович останется еще несколько времени в Петербурге <...>

Мишель просит Вас отдать внаймы Кривцово болото. Все знакомые адвокаты здешние, с которыми мой муж говорил об этом, сказали, что мы имеем право это делать. И если Молчанов вздумает затеять дело об этом, то он проиграет».

10 октября 1869. Петербург

«Мишель просит Вас предложить наши торфяные болота снять тому, который снял в Пестове болота. Он за те болота дал 800 руб. за десятину. Может быть, наши возьмет за 250 или 300 <...> Как Вы распорядились насчет дьячка?»

14 ноября 1869. Петербург

«... Акулина Яковлевна, витеневская, нам пишет, что на 20 октября у нее и всего ее семейства украли всю одежду, и просит дать ей взаймы сколько-нибудь денег, что она их заработает будущим летом, а то она должна будет продать свою корову. Мне не хочется, чтобы она продала корову, и потому мы с мужем моим просим Вас, когда вы будете в Витеневе, зайти к ней и если все это правда, то дать ей не более 10 руб. взаймы. Они уже не в такой крайности, чтобы дать ей больше».

27 марта 1870. Петербург

«Я этот год тоже выеду из Петербурга 7-го июня <...> Это лето приедет со мной в Витенево самая добрая милая и веселая барышня уже пожилых лет, Мелехина <...>

Мишель просит Вас купить пару лошадей, наша уже стара, и мы на ней только в лес будем ездить».

Елизавета Борисовна Мелехина прожила в семье Салтыковых несколько лет. Она сыграла неблаговидную роль сводни в романе Елизаветы Аполлоновны с П. И. Танеевым, гувернанткой которого раньше была.

26 мая 1870. Петербург

«...вышлите мне карету и две телеги на Пушкинскую станцию 8 июня <...>

Мишель только в конце июня будет в Витеневе».

Салтыков намеревался выехать из Петербурга в Витенево 25 июня. См. письмо 285.

9 декабря 1870. Петербург

«Здесь так скоро идет время, что не видишь его. Сестра моя у нас, лицо ее сделалось гораздо красивее, чем прежде; знаков никаких, кажется, не останется. Все братья моего

мужа живут здесь, мы очень часто с ними видимся, и дети обещают навестить нас летом в Витеневе, так что придется поставить купальню на реку <...>

Акулину, если увидите, то скажите ей, что мы прощаем ей те деньги, которые она нам еще остается должна за корову».

Свояченица Салтыкова Анна Аполлоновна Болтина в 1869 г. болела оспой.

7 апреля 1871. Петербург

«Получили ли Вы письмо мужа, с предложением места для Вашего сына? Мишель очень беспокоится, что Вы не отвечаете, и думает, что письмо затерялось».

Письмо сохранилось. См. письмо 308.

28 апреля <1871>. Петербург

«...я выеду из Москвы в Витенево в середу 12-го мая <...> Со мной приедет Лизавета Борисовна, повар, девушка и прачка <...>

Мы очень долго не получали Вашего последнего письма и очень рады, что Вы согласны насчет Вашего сына, теперь мой муж очень интересуется узнать, был ли Ваш сын у г. Мечникова в Москве, застал ли он его, и что Мечников сказал Вашему сыну».

Об Иване Ильиче Мечникове и определении к нему на службу в Пензу старшего сына А. Ф. Каблукова, Николая, см. в письмах 308 и 324 (от 31 марта и 21 октября 1871 г.).

19 апреля 1872. Петербург

«Я, сверх всякого ожидания, совершенно поправилась, и мы намерены этим же летом познакомить нашего Костю с Витеневым <...> У нас уже третья кормилица, такая возня с ними <...> Мишель Вам кланяется и будет писать».

10 мая 1872. Петербург

«...мы решили ехать отсюда 27 мая, это будет в субботу, и приедем в Пушкино в воскресенье 28 мая, в 5 часов пополудни, потому что пообедать надо будет в Москве. Мишель приедет потом. Нас будет 4 женщины (со мною), а если Вы найдете нам прачку — то 5».

21 сентября 1872. Петербург

«Мишель все мечтает переселиться в Москву на будущий год, купить там доходный дом. И обещает мне тогда садовника в Витенево».

21 октября 1872. Петербург

«У нас, кроме повара, все люди новые, с Григорием тоже расстались, и на место его у нас татарин, которым мой муж очень доволен <...>. У меня теперь немка, молоденькая и хорошенькая чрезвычайно, точно фарфоровая куколка <...>
Мишель упал с дрожек и расшиб себе лоб и все еще не может совсем поправиться».

30 ноября 1872. Петербург

«...получили ли Вы мое письмо с просьбой спросить у Марьи нашей, согласна ли она прислать мне дочь свою Анну в няни Кости <...> Мне надо отнимать Костю от кормилицы поскорее, так как нам надо ждать в скором времени другого ребенка».

4 декабря 1872. Петербург

«Детский доктор положительно не позволил нам отнимать Костю от кормилицы еще два месяца. Потрудитесь <...> передать Марье, что я раньше как в начале февраля не пошлю за Анной, так как у нас квартира так мала, что нет места для лишнего человека <...>
Мишель просил меня передать Вам об кабаке, чтобы вы поступили как знаете, но только чтобы крестьяне на нас не роптали».

Салтыков высказывался за закрытие трактирного заведения, устроенного крестьянином-арендатором Василием Егоровым Кузнецом в Витеневе. См. письмо 357.

14 марта <1873>. Петербург

«Пожалуйста <...> пришлите мне Анну дочь Марьи Бодровой, на тех же условиях, какие прежде были у нас с нею. Костю отнимаем от груди <...>
Мы приедем в мае месяце в Витенево».

8 мая <1873>. Петербург

«...выезжаем мы из Петербурга 28 мая и приедем в Витенево 29-го во вторник по 12-ти часовой машине. Вышлите нам в Пушкино четыре телеги, карету, и если будет возможно, то попросите добрую Марью Ивановну позволить послать за нами и ее крытую пролетку, но если нельзя, то прикажите помазать колеса в нашем тарантасе, обтереть пыль и выслать за нами тройкой. Ничего, что тяжел <...>.

Михаил Евграфович теперь у матери. Я его жду на днях, в Витенево он не заедет, так как проехал через Тверь».

Салтыков побывал в Ермолине у матери во время поездки в Заозерье и Углич «около 10-го мая». См. письма 374 и 378.

12 декабря <1873>. Петербург

«Многоуважаемый Алексей Федорович, нам и самим хотелось бы иметь Вас соседом, но я еще не введена во владение и поэтому продать ничего не могу. Мишель поедет по делам в Заозерье, заедет, конечно, в Витенево и обо всем с Вами переговорит <...>.

Лизу я отняла от кормилицы 9 месяцев, она отлично перенесла, и теперь у нее очень хорошая няня из Николаевского института при Воспитательном доме. Костя начинает говорить».

Усадьба Витенево была куплена Салтыковым на имя жены Елизаветы Аполлоновны в 1862 г. Однако акт ввода ее во владение был оформлен лишь в 1874 г. Он понадобился в связи с просьбой старшего сына А. Ф. Каблукова, Николая Алексеевича, уступить ему участок витеневской земли, на котором он мог бы построить дом и поселить своих родителей. Они жили в соседнем с Витеневом сельце Пруссы, имении М. И. Крымовой. Когда же она продала свое владение, семья Каблуковых осталась без пристанища. Салтыков охотно согласился удовлетворить обращенную к нему просьбу и сам выбрал для продажи лучший участок витеневской земли (сообщено в 1940 г. автору этих строк сыном А. Ф. Каблукова академиком И. А. Каблуковым).

24 апреля 1874. Петербург

«Передайте старосте, что тот Иван, которому через нас посылался пачпорт, умер на 6-й неделе в пятницу, от чахотки в больнице <...>.

Мы выедем, вероятно, 23-го мая из Петербурга, так как мы меняем квартиру, то много забот теперь».

В мае 1874 г. Салтыковы переехали с Фурштатской, 33 на «Пески, 2-я улица, дом князя Курцевича». Дом сохранился. Теперь это № 4 по 2-й Советской ул.

<Начало — середина мая 1874>. Петербург

«...мы выезжаем из Петербурга 23 мая, а в Витенево приедем 24-го <...> Мишель приедет после нас через 10 дней».

Салтыков выехал из Петербурга 26 мая. См. письмо 399.

21 августа 1874. Петербург

«...мы отсылаем назад сокровище Прохора; в четыре часа уходит в кабак через парадную дверь, которую и оставляет незапертой, и целый день потом спит, и Михаила Евграфовича не только не раздевает, но и звонка не слышит, так крепко спит. Мне очень досадно, что мы его взяли сюда <...>

У нас много хлопот с квартирой, все не можем убрать, такая огромная».

Прохор — камердинер Салтыкова, из крестьян села Марфино.

19 декабря 1874. Петербург

«...я очень рада, что мы теперь соседи. Мишель очень беспокоится и просит Вас, ради бога, устроить дело об аренде мельницы и продажу болота торфяного и уговорить юрьевских и витеневских крестьян на покупку у нас земли».

См. выше прим. к письму Е. А. Салтыковой от 12 декабря 1873 г.

30 января 1875. Петербург

«Мишель очень болен, и мы поедем за границу, кажется. Если г-жа Панина даст 26 тысяч, то продавайте Витенево, а за 20 положительно обидно. Объяснили ли Вы ей об части проданной Вашему сыну?»

Графиня Панина — владелица известной усадьбы Марфино, соседней с Витеневом. Продажа не состоялась.

10 февраля <1875>. Петербург

«Вы, пожалуйста, нам как-нибудь продайте Витенево, спустите цену, если нужно. Если же не решится купить Панина, то вы таки приищите сдать Витенево на лето, так как мы положительно едем за границу на полтора года, иначе Мишель не поправится <...>.

Ему, кажется, легче <...>.

Нам очень нужны деньги, поэтому постарайтесь продать. Книги и тряпки и посуду мы возьмем».

5 марта <1875>. Петербург

«Через два дня положительно ответ даст нам некто наш знакомый хороший, Лихачев, берет ли он у нас Витенево на лето, тоже за 200 руб. <...> Подождите еще моего письма, следующего, чтобы переговорить с Паниной. Миша очень болен. Последний припадок ревматизма так ухудшил ему болезнь сердца, что если он не поедет за границу, то едва ли останется жив».

<Около 7—8 марта 1875>. Петербург

«Ваше письмо получили, Мишель Вам будет отвечать сам. Сегодня был у нас Владимир Иванович Лихачев, он берет на лето Витенево, Вам отдаст деньги (200 руб.). Весь дом, как есть, с книгами, с кухонной и столовой посудой, с самоваром, с ведрами, с гамаком, с драпировками, с экипажами, с фруктами, с лошадьми, если они не заняты — все им предоставлено <...>

С Лихачевыми будут жить дети того Суворина, у которого жену застрелили два года назад. И к 12-му мая Суворин привезет в Витенево няню с меньшим ребенком, а потом и все приедут».

Летом 1875 г. в Витеневе жили, помимо семейства В. И. Лихачева, не только дети А. С. Суворина, но и он сам. Впоследствии А. С. Суворин вспоминал в письме к Ю. Д. Беляеву от 21 декабря 1899 г.: «Мне иностранные книги дали очень много, именно тем, что будили мысль <...> Я помню молодого человека, который назывался Салтыков, он был старше меня, конечно. У него любимым писателем был Бальзак. Я жил у него в усадьбе с детьми в 1875 г. и из его библиотеки познакомился с Бальзаком» (Ленинградский Театральный музей. Архив Ю. Д. Беляева).

3 апреля <1875>. Петербург

«Мы все еще в Петербурге. Мишель еще очень-очень болен <...>. Вероятно, на Страстной мы уедем. Я вам напишу».

Салтыковы выехали из Петербурга за границу, в Германию, 12 апреля, то есть в субботу, на Страстной неделе («Голос», 1875, № 103).

<Около 28 апреля / 10 июня 1875>. Баден-Баден *

Баден-Баден.

«Многоуважаемый Алексей Федорович, вот уже две недели, как мы приехали в Баден-Баден. Мишель заболел опять ревматизмом в Берлине, насилу доехали сюда, в лихорадке 41 град. Хорошо еще, что наш знакомый Анненков приготовил нам номер и привез отличного доктора, который приезжал к нам по 5 раз в сутки, сам переносил Мишеля с одной кровати на другую и спас, так как был один день ужасно опасный, ревматизм весь перешел в воспаление легких, и он лежал в забытии, меня уже предупредили, что очень мало надежды. Теперь лучше.

Здесь так жарко, все в цвету. Так в России бывает только в июле, да и то несколько дней. Пишите нам Allemagne. Baden-Baden. Hôtel de St.-Petersbourg и наклейте две десятикопеечные марки.

Дети всё гуляют. Мне здесь очень не нравится.

Марье Ивановне сердечный поклон. Катерине Степановне тоже. Вероятно, они пожалеют меня, такое тяжелое время я переживаю.

Елиза Салтыкова».

П. В. Анненков привез к Салтыкову врача Хейлигенталя. См. о нем в письмах 416, 431, 442, 446.

* Письмо публикуется полностью.

19/31 мая <1875>. Баден-Баден

«Вы обещали продать за витеневским наделом землю. Пожалуйста, постарайтесь. Как досадно, что это Витенево не приносит нам никакого дохода. Постарайтесь теперь, выдумайте что-нибудь.

Елена Осиповна Лихачева вчера приезжала к нам в Баден из Гейдельберга и сказала, что Суворин уже отослал в Витенево двух детей с няней, а сами они тоже скоро будут».

20 октября / 1 ноября <1875>. Ницца

«Мы уже устроились в Ницце на зиму, адрес наш France, Alpes maritime, Nice, poste restante. <...>

Здесь стоит дождливая погода. Ницца нам вообще не нравится, но обещают, что через неделю начнется отличная погода, и солнце и тепло. Дети наши не могут выходить по случаю дождя, так досадно. Мишель очень кашляет. Мы устроились довольно хорошо, хотя очень дорого».

31 декабря 1875 / 12 января <1876>. Ницца

«Поздравляю Вас с Новым годом. Получили ли Вы назад вексель? Я сама его отвезла на почту, так как Мишель не выезжает это время,— все нездоров.

В нашей вилле поселился Фишер, из Степанькова, он только что овдовел <...> Здесь не было еще морозов, но часты ветры и дождь. И все горы покрыты снегом. Мишель здесь ужасно скучает. Решился не писать целый месяц, отдохнуть. Нам очень хочется побывать еще в Париже, там Мишель совсем делается другой человек, совсем оживает».

25 мая / 6 июня <1876>. Баден-Баден

«Мы возвращаемся домой, в Россию, в эту середу, т. е. завтра и будем 30 мая в Петербурге, а к 6 июня в Витеневе. Из Петербурга мы Вам напишем <...> когда высылать за нами в Пушкино <...>

Мишель совсем здоров, даже пополнел, но я боюсь нашего пребывания в деревне, я уверена, что все там будет его волновать и сердить».

В подлиннике письмо ошибочно обозначено 26 мая.

VII

ПИСЬМО ОБ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА»

Настоящее письмо, еще не бывшее в печати, является связующим звеном между письмами Салтыкова к А. Н. Пыпину от 2 и 6 апреля 1871 г.— важными творческими документами, содержащими автокомментарий к «Истории одного города».

Публикуется впервые.

К письмам 310 и 311.

А. Н. ПЫПИН — М. Е. САЛТЫКОВУ

2 апреля 1871. Петербург

2 апреля.

Спешу отвечать на Ваше письмо, многоуважаемый Михаил Евграфович. Прежде всего, не лишнее сделать замечание о моем «близком участии» в редактировании «Вестника Европы». На самом деле участие не так близко, как Вы его, повидимому, считаете; если хотите верить, даже просто сказать, что *его нет,* потому что в составлении книжек я вовсе не участвую, статей не рассматриваю и не заказываю, и если сам почему-либо не заинтересуюсь, то узнаю содержание книжек тогда, когда узнают его все городские подписчики «Вестника», то есть по получении книги. Это — факт, в котором Вы можете удостовериться, узнав ближе подробности редактирования. Журнал, конечно, мне несколько близок, потому что я только в нем печатаюсь; но редактированием его занимается редактор, которому я только иногда сообщаю свои мнения, когда он ими интересуется. Слух о близком участии основывается только на том, что мне за последнее время случалось в два-три летние месяца по просьбе Стасюлевича присмотреть за печатанием приготовляемых или заказанных им статей. Я не могу приписать себе ни *хорошего,* ни *дурного,* что делается в «Вестнике» (исключая, конечно, то, что пишется хорошего или дурного мной самим).

Впрочем, это — только общее замечание. В настоящем случае, статья, о которой идет речь в Вашем письме, была действительно известна мне раньше выхода книги в свет: когда я о ней услышал, она меня заинтересовала, и мне ее предложили прочесть. Я ее прочел. При указанном мной выше характере участия моего в редактировании журнала мое существенное отношение к статье заключалось — в моем любопытстве: если б она мне нравилась, я бы похвалил ее, если б не

нравилась, я сказал бы, что она мне не нравится, но никак бы не мог, а главное, не хотел бы, препятствовать ее помещению. Просто потому, что не хочу вмешиваться в дело, мне не принадлежащее, больше, чем это соответствует моим настоящим отношениям, то есть хорошему и давнишнему знакомству с редактором.

Что таково действительно мое отношение к «Вестнику», это Вы можете узнать от людей, которым это положение вещей известно.

Что сказать Вам дальше? Мое мнение о Вашей книге? Мне случилось самому передать Вам это мнение, когда мы говорили с Вами у Демута за ужином,— если вспомните: я сказал Вам, что она мне понравилась; повторяю это и теперь, и очень охотно. Но при этом общем мнении есть частности, где я стал бы Вам возражать. Тогда же у Демута случилось нам сказать несколько слов о предмете, имеющем сюда отношение, который затронут и в статье «Вестника». Вы высказывали об этом предмете свое радикально скептическое мнение, мне оно казалось не вполне верным — речь, собственно, шла о *приеме* в выражении известных понятий, которые у Вас и у меня, вероятно, очень сходны. Вы предпочли прием, так сказать, общеотрицательный; я думал и думаю, что нужен также и прием положительный,— напр<имер>, нужно припомнить в истории и указывать — сколько можно — в настоящем то, что в них было и есть положительного и хорошего; что я таковым считаю, Вы, конечно, понимаете,— напр<имер>, протесты, случавшиеся в обществе и народе против тех безобразий, какие изображаются в «Истории одного города».

Если Вам интересно узнать мое мнение о статье, я скажу Вам его откровенно. Я никогда не думал о Вас, как Писарев, и никогда не полагал, чтобы в Ваших сочинениях был только «смех для смеха»; такое заключение, конечно, дешевое. Многие из Ваших вещей я — без комплиментов — ставлю очень высоко, и мнение, какое у меня составилось, не изменили ни «Дело», ни «Эпоха», ни Писарев, ни статья «Вестника». Но — возвращаюсь к предмету разговора у Демута — я думаю, что Ваша сатира не всегда бывала достаточно ясна, то есть ясна в том смысле, чтоб не производить недоразумения об истинности ее предмета, которое может быть невыгодно для хороших людей и хороших принципов. Читающая публика, к сожалению, недостаточно умна, и мне казалось, что опасность недоразумения бывала иногда возможна, а это, конечно, не входит в Ваши расчеты. Примеры недоразумений уже бывали; случалось, что сомнение бывало и у людей, с умом, не похожим на ум читающей публики (об этом последнем я говорю

по одному старому слуху[1]). Что до читающей публики, она всего чаще судит по наличному содержанию, которое у нее перед глазами, и, не думая о том, что подразумевается, приходит к заключению, иногда вовсе не желательному. В таком положении и был автор статьи «Вестника». Я не разделяю всего его мнения о Вашем взгляде на народ, но думаю, что повод к недоразумению в книге действительно есть. Некоторые частные замечания его, касающиеся изложения, также казались мне довольно верны (напр<имер>, о характеристике Бурчеева и т. п.). В своих «исторических» требованиях он, может быть, не прав, действительно, но исторический характер в книге очень силен, и он мог ссылаться на хронологию, потому что находил ее у Вас; впрочем, назначение Парамоши он понял так, как Вы говорите.

Итак, статья для меня разделилась; с иным я соглашался, с другим не соглашался. По вышеписаным причинам, я не хотел бы брать на себя роли редактора или цензора; принимать на себя ответственность за статью никогда не думал: автор, конечно, сам отвечает за все свои слова, и мне не было резона его воздерживать. Слов его я не разделяю (хотя и он в конце достаточно ясно говорит о том, как высоко ценит Вашу деятельность), но думал, что статья, вызвавши ответ, помогла бы устранить то недоразумение, которое и мне представлялось возможным.

Мое близкое участие здесь выразилось тем (если хотите знать до подробности), что по этим моим мыслям о Вашей книге я высказал те же мысли, какие сейчас изложены, и в статье сделаны две-три поправки и исключения, в пользу моего мнения и — в Вашу пользу. Говорю это к тому, что мне вообще очень не нравится система взаимной и плохо мотивируемой нетерпимости, которая поедает в нашей несчастной литературе и то, что в ней есть хорошего и что могло бы существовать мирно. При первом замечании, что означенные места могут произвесть такое впечатление, со мной согласились. Из Вашего письма я вижу, что следовало бы сделать больше таких поправок; слушая статью, я мало вникал в частности, а на общую мысль автора, в которой находил известное основание по указанному выше обстоятельству, не хотел делать никаких посягательств, как на его право и собственность.

В Вашем письме есть большие мотивы в защиту Вашей

---

[1] Имеется в виду очерк «Каплуны», вызвавший в свое время замечания Чернышевского. См. письмо 233, т. 4 наст. изд., с. 564 и *Макашин II*, с. 450—460.

книги. Для меня лично было бы удовольствием, если б эта тема перешла — тем или другим образом — в печать. Это было бы полезно и для рассеяния недоразумений о Вашем взгляде на народ, и для устранения раздоров, которые совершенно бесплодны и, право, очень скучны. Я слышал (продолжаю входить в подробности) от читавших статью предположение, что Вы сильно рассердитесь на нее; по моему мнению, она вовсе не так враждебна к Вам (она могла быть послана под впечатлением <2 сл. нрзб.>) и сущность ее намерений хорошая и искренняя, а не зловредная, и с нею для Вас представился бы случай устранить перетолкование и заявить смысл Вашей книги — у Вас есть повод, и хотя это нелегко, но в известных оборотах фразы, по моему мнению, это можно, однако, сделать. Если точка зрения Б[1] несправедлива, как Вы находите, я лично всего меньше имею желание ее поддерживать; но для многих эту несправедливость надо объяснить — так или иначе нужно было бы высказаться.

Так я думаю об этом предмете. Я не защищаю статьи во всех ее подробностях и не могу принимать на себя солидарности с нею; что нашел возможным и нужным, я смягчил своими замечаниями, которые были охотно приняты; но не восставал против ее напечатания отчасти потому, что вообще не имею притязания и основания вмешиваться в журнал, отчасти потому, что видел в статье искреннее мнение, порожденное неясностями самой книги. Но при всем том «История одного города» (не лишенная некоторых легких нападений и на мои собственные писания) остается для меня замечательной книгой с большими достоинствами и с недостатками больше в исполнении, чем в замысле, и понятие о целой Вашей деятельности остается таково же, какое составилось давно.

Вам искренне преданный *А. Пыпин.*

P. S. Это письмо также частное, и также тиснению не подлежит.

ИРЛИ, ф. 250, оп. 2, № 72.

---

[1] А. С. Суворина, подписавшего свою статью «Историческая сатира» об «Истории одного города» «А. Б—ов» («Вестник Европы», 1871, № 4).

VIII

И. Е. САЛТЫКОВ — Д. Е. САЛТЫКОВУ

К письмам 370 и 372

21 апреля 1873 г.

«Копии с просьбой Лидии Михайловны в Окруж<ной> суд я от Ломакиной не получал, да, вероятно, никогда и не получу, так как она хлопочет о себе и рассчитывает, что мне до того никакого нет дела. Сожалею, что ты не видаешься с братом Михаилом; понимаю, что тебе не должно быть приятно, после бывших сцен, но, надо сказать, таковые отношения не подвинут вперед дела. С матушкой переговорю, как устроить ваше свидание, на себя же не надеюсь, чтобы мог быть полезен: если ты припомнишь, я рассказывал тебе, что брат Михайло, пробыв в Москве несколько дней, не хотел навестить меня, общим же знакомым говорил, что со мною не знаком; теперь же в письме к матушке высказывает претензию, что я не был у него в Петербурге и если не нахожу удовольствие проводить с ним время, то, по крайности, для того, чтобы переговорить о нашем общем деле. Странный человек! Не знаю, чего хочет! во всяком случае, вот-с какого многоголового орла мы из себя изобразить имеем! Брат Михайло говорил, что на долю каждого из нас должно пасть от 12 до 14 тысяч, а следовательно, на нас двоих от 24 т. до 28 т. На коих данных это основано, мне неизвестно! Теперь же, чтобы прикончить все без дальнейших дрязгов, пусть он изъявит согласие выдать нам двоим то, что приходилось бы по его расчету на каждого из нас. Значит тебе и мне получить от 12 т. до 14 т. или на каждого от 6 т. до 7 т. Таким образом, я бы думал прикончить миролюбно,— вот мое мнение, которое ты желаешь знать, которое тебе сообщаю и которое ни в коем случае не навязываю» (*ИРЛИ*, ф. 366, оп. 9, № 127, лл. 29—30).

IX

СОЖЖЕННЫЕ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К А. М. УНКОВСКОМУ

Май 1875 — апрель 1876 [1]

В бумагах В. П. Кранихфельда (*ИРЛИ*, ф. 528, № 45в) сохранились записи, содержащие даты и краткие аннотации сорока писем Салтыкова к его другу А. М. Унковскому. Записи были сделаны при ознакомлении

[1] Записи, относящиеся к более поздним письмам, см. в Приложениях к тт. 19 и 20.

с письмами незадолго до их уничтожения. Вдова Салтыкова Елизавета Аполлоновна и вдова Унковского Анастасия Михайловна обменялись письмами своих мужей и взаимно предали сожжению их переписку.

Впервые записи опубликованы в «Лит. наследстве», т. 67. М., 1959, с. 530—536; там же, на с. 518, дана более подробная справка об истории уничтожения писем.

23 мая / 4 июня 1875. Баден-Баден

Июнь 4. Болезнь.

12 апреля 1875 г. больной Салтыков выехал для длительного лечения за границу, сначала в Германию, в Баден-Баден. Здесь он жил в отеле «St. Petersbourg».

8/20 июля 1875. Баден-Баден

Июль 20. Жалоба на скуку. О записке гр. Палена.

В мае 1875 г. министр юстиции граф К. И. Пален распространил в правящих кругах свою «Записку» об успехах революционной пропаганды в России. «Записка» была тотчас же перепечатана в Женеве и издана затем несколько раз. В письме Салтыкова речь, несомненно, шла об этой «Записке». Салтыков мог откликнуться на нее без оглядки на перлюстрацию, так как Унковский в это время также находился за границей, в Швейцарии.

25 июля / 6 августа 1875. Баден-Баден

Август 6. Болезнь.

19/31 августа 1875

Август 31. Комический эпизод с Елисеевым. Боязнь за «Отечественные записки». Об имении жены Витенево.

Комический эпизод был, вероятно, связан с тем, что публициста *Отеч. записок* Г. З. Елисеева, путешествовавшего в это время по германским курортным городам, всюду принимали за известного виноторговца или за брата его (см. письмо к П. В. Анненкову от 15/22 августа 1875 г.).

Подмосковное имение Витенево было куплено Салтыковым (в начале 1862 г.) на имя жены.

6/18 сентября 1875. Париж

Сентябрь 18. Литературные дела. О французском театре.

Салтыков ожидал получения обещанных ему Некрасовым корректур очерка «Между делом», печатавшегося в сентябрьском номере *Отеч. записок* (письмо к Некрасову от 4/16 сентября 1875 г.).

В письме к Некрасову от 28 августа / 9 сентября 1875 г. Салтыков сообщал: «Был один раз в театре Vaudeville и вышел в восхищении от актеров». Это «восхищение» отразилось впоследствии в очерках «За рубежом».

2/14 октября 1875. Париж

Октябрь 14. Болезнь. Эпизод с гр. Соллогубом.

Об эпизоде с писателем В. А. Соллогубом — чтении им у И. С. Тургенева антинигилистической комедии — Салтыков в тот же день 2/14 октября написал еще два письма — Н. А. Некрасову и А. Н. Плещееву, а 6/18 октября писал о том же П. В. Анненкову.

18/30 октября 1875. Париж

Октябрь 30. О Ницце, Марселе.

На пути из Парижа в Ниццу Салтыков пять дней — с 9/21 по 14/26 октября — пробыл в Марселе. В Ниццу он приехал 15/27 октября.

1/13 ноября 1875. Ницца

Ноябрь 13. Называет Дмитрия Евграфовича «негодяем» и пишет: «Это я его в конце Иудушки изобразил». Денежные дела.

Дмитрий Евграфович Салтыков — старший брат писателя. «Иудушкой,— вспоминает А. Я. Панаева,— он звал одного своего родственника и через несколько лет воспроизвел его в «Головлевых» (А. Я. Панаева-Головачева. Воспоминания. М., 1972, с. 361).

16/28 ноября 1875. Ницца

Ноябрь 28. Денежные дела. Дело Башкирцевых (темно слишком). Конец письма все же взять.

Ноябрь 1875. Ницца

Дело Башкирцевых и др. О герцеговинском сборнике.

Что за «дело Башкирцевых», о котором идет речь в этом и двух следующих письмах,— выяснить не удалось. Возможно, что оно связано с семейством известной впоследствии художницы Марии Башкирцевой, в ту пору пятнадцатилетней девушки. Как и Салтыков, Башкирцевы жили тогда в Ницце.

По-видимому, Салтыкову, как и Некрасову, было сделано предложение принять участие в сборнике «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины» (СПб., 1876). Издание было задумано группой литераторов, преимущественно деятелей позднего славянофильства, в пользу жертв герцеговинского восстания 1875 г. Салтыков в сборник не дал ничего. Некрасов же напечатал стихотворение «Страшный год».

21 ноября / 3 декабря 1875. Ницца

Декабрь 3. Опять о деле Башкирцевых. «Скучаю, как «Вестник Европы».

Ср. в письме к Некрасову от 25 ноября / 7 декабря из той же Ниццы: «Я здесь скучаю до сумасшествия».

27 ноября / 9 декабря 1875. Ницца

Декабрь 9. Жалобы на урезки и грубость <?> редакции (Некрасова). Денежные дела.

«Урезки» — по требованию цензора Лебедева — были сделаны в рассказе Салтыкова «Непочтительный Коронат» (*ОЗ*, 1875, № 11). По совету того же Лебедева редакция воздержалась от опубликования очередного очерка из салтыковского цикла «Экскурсии в область умеренности и аккуратности», начатого печатанием еще в 1874 г. Обо всем этом Некрасов извещал Салтыкова в письме (оно не сохранилось), полученном им в Ницце 25 ноября / 7 декабря. В ответном письме, написанном в тот же день, Салтыков, поделившись своими огорчениями, уверял Некрасова: «Досадно, очень досадно, но напрасно вы думаете, что я вас виню». В действительности, однако, Салтыков кое в чем винил Некрасова (см. след. аннотацию).

Не раньше 30 ноября / 12 декабря 1875. Ницца

Декабрь. Жалуется на неудачные выкидки в «Отечественных записках»: «Если бы не нужда, давно бы ушел от этих неряшливых и грубых людей».

Жалобы и упреки Салтыкова уясняются в свете его письма к Некрасову из Ниццы от 30 ноября / 12 декабря 1875 г. (см. письмо 448).

5/17 декабря 1875. Ницца

Декабрь 17. Жалобы на Некрасова.

См. предыдущие аннотации.

12/24 декабря 1875. Ницца

Декабрь 24. Об Овсяниковском деле.

С 25 ноября по 5 декабря 1875 г. в Петербургском окружном суде рассматривалось дело об умышленном поджоге петербургским 1-й гильдии купцом, миллионером С. Т. Овсянниковым арендованной им мельницы, застрахованной на сумму 700 000 рублей. «Овсянниковское дело» и адвокатский ажиотаж вокруг него неоднократно привлекались в щедринской сатире для разоблачения капиталистического хищничества. Впервые Салтыков откликнулся на этот «скандал российской современности» в очерке «Поехали» («Культурные люди»), появившемся в январском номере *Отеч. записок* за 1876 г. См. в наст. изд. т. 12, с. 318 и сл.

19/31 декабря 1875. Ницца

Декабрь 31. О двуличности Некрасова. Болезнь.

В декабре 1875 г. Салтыков написал несколько резких писем Некрасову, в которых упрекал его в задержке с выдачей следуемых ему денег (Некрасов должен был выдавать их Унковскому). Упреки Салтыкова были вызваны его мнительностью и раздражительностью, доведенными до крайности обострившейся в это время болезнью. Он сам вскоре признал это и просил извинения у Некрасова (см. письмо 453).

4/16 января 1876. Ницца

Январь 16. Денежные дела. Болезнь.

С середины декабря 1875 г. у Салтыкова возобновились сильные припадки ревматизма. См., например, письмо 455.

16/28 января 1875. Ницца

Январь 28. Болезнь.

19/31 января 1876. Ницца

Январь 31. Денежные дела. Болезнь.

4/16 марта 1876. Ницца

Март 16. Намеки на Еракова. Жалобы на Некрасова.

В день написания настоящего письма Салтыков получил от Некрасова «сообщение прошлогоднего расчета» по *Отеч. запискам,* из которого следовало, что он остался должен редакции более тысячи рублей. Возможно, что «жалобы на Некрасова» следует поставить в связь с этим известием.

11/23 марта 1876. Ницца

Март 23. Нецензурное письмо об Еракове. Другой эпизод, где упомянут К. К. Арсеньев. А дальше денежные дела. Болезнь. Монте-Карло. Нецензурный отрывок из письма к Поль де Коку.

Приятель Некрасова, инженер А. Н. Ераков, был излюбленным героем, а также адресатом не предназначавшихся для печати сатирических миниатюр Салтыкова бытового и политического характера (в том числе известной серии «писем» из «переписки Николая I с Поль де Коком»). Содержание настоящей аннотации уясняется строками письма Салтыкова к Некрасову из Ниццы от 12/24 марта 1876 г. (см. письмо 475).

30 марта / 11 апреля 1876. Ницца

Апрель 11. Рассказывает о своих запутанных денежных делах. «Даже умереть нельзя. Без ужаса не могу думать о детях. Вот плоды литературных занятий».

В это время Салтыков получал «жалованье» от редакции 3000 руб., но его гонорары, естественно, сильно снизились во время болезни.

12/24 апреля 1876. Париж

Апрель 24. О «повадливости» Тургенева, которую объясняет заграничной жизнью: «Заграничное житье тем именно и подло, что оно сводит вас с неизвестными личностями». О своей противоположной черте.

Салтыков высоко ценил Тургенева и был близок с ним более, чем с кем-либо из других писателей. Он даже завещал похоронить себя рядом с автором «Записок охотника». Когда Тургенев умер, Салтыков дал замечательную характеристику значения его творчества для русского общества и народа (см. в наст. изд. т. 9, с. 457 и сл.). Но некоторые черты характера и поведения Тургенева, чуждые характеру самого Салтыкова, подвергались с его стороны по-щедрински суровой критике.

Содержание не дошедшего до нас письма к Унковскому о «повадливости» Тургенева уясняется в свете письма Салтыкова к П. В. Анненкову из Ниццы от 9/21 марта 1876 г. (см. письмо 473).

17/29 апреля 1876. Париж

Апрель 29. Имущественные и денежные дела.

Салтыков хлопотал в это время о скорейшем представлении в Главное выкупное учреждение своего выкупного дела с крестьянами села Заозерья Ярославской губернии и о получении ссуды. В августе 1876 г. выходил срок платежа по векселям братьям Дмитрию Евграфовичу и Илье Евграфовичу около 16 000 рублей — и ссуда была единственным источником для погашения долга.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

А. Для архивных источников

ГА Киров. обл. — Государственный архив Кировской области.

ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Москва.

ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.

ГПБ — Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.

ГЦТМ — Отдел рукописей Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва.

ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, Ленинград.

ИРЛИ, ф. 155. Журналы Литфонда за... — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 155. Журналы заседаний Комитета Литературного фонда за...

ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за... — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 155. Приложения к журналам Комитета Литературного фонда за...

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства, Москва.

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР, Москва.

ЦГИА — Центральный Государственный исторический архив СССР, Ленинград.

Б. Для печатных источников

Арсеньев. Материалы... — К. К. Арсеньев. Материалы для биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина. Страницы указываются по изданию: Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина), изд. 5-е. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1905—1906, т. I, 1905.

Архив Карабихи — «Архив села Карабихи». Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову». Примечания сост. Н. Аушкин. М., 1916.

Боград. Указатель — В. Э. Боград. Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. Л., 1971.

Из архива Островского — Неизданные письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова и др. Из архива А. Н. Островского. По материалам Госуд. театрального музея им. А. А. Бахрушина. М.—Л., «Academia», 1932 (Памятники лит. и общественного быта. Неизданные письма к А. Н. Островскому).

Изд. 1933—1941 — Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений в двадцати томах. М., ГИХЛ, 1933—1941.

ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—86, изд-во «Наука» (ранее журнально-газетное объединение). М., 1931—1974 (издание продолжается).

Макашин II — С. Макашин. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860 годов. Биография. М., «Художественная литература», 1972.

Неизданные письма — М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизданные письма (1844—1889). Редакция Н. В. Яковлева. Подготовили к печати Е. Н. Дубов и Е. М. Макарова. М.—Л., «Academia», 1932.

Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, тт. 1—12. М., Гослитиздат, 1948—1952.

Отеч. записки или *ОЗ* — «Отечественные записки».

Пантелеев — Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, с. 451—452.

Письма — М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. 1845—1889. Под редакцией Н. В. Яковлева. Л., ГИЗ, 1924.

Письма Елисеева — Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину. М., 1935.

Салтыков в воспоминаниях — М. Е. Салтыков в воспоминаниях современников. Предисловие, подготовка текста и комментарии С. А. Макашина. Гослитиздат, 1957.

Совр. или *С* — «Современник».

Тургенев. Соч. — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения в пятнадцати томах. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960—1968.

Тургенев. Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма в тринадцати томах. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960—1968.

СОДЕРЖАНИЕ

1868

1869

Конец 1860-х—начало 1870-х гг.

1870

1871

1873

1874

1875

1876

ПРИЛОЖЕНИЯ

Михаил Евграфович
САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Собрание сочинений, т. 18, кн. 2

Редактор *В. Фридлянд*
Художественный редактор
С. Данилов
Технический редактор
Л. Титова
Корректоры *Т. Кузина*
и *В. Широкова*

Сдано в набор 5/V 1975 г. Подписано в печать 7/I 1976 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60 X 90$^1/_{16}$. 23,0 печ. л. 23,0 усл. печ. л. 20,651 уч.-изд. л. Тираж 30 500 экз. Заказ 4511. Цена 1 р. 35 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16